

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 48

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956 — ЛЕНИНГРАД

М. П. ГРЯЗНОВ

ИСТОРИЯ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН
ВЕРХНЕЙ ОБИ ПО РАСКОПКАМ
БЛИЗ с. БОЛЬШАЯ РЕЧКА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. П. ОКЛАДНИКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологические памятники Сибири впервые стали изучаться более двух веков тому назад, и с тех пор они неизменно привлекали к себе внимание археологов. Несмотря на это, многие районы огромной территории Сибири до сих пор остаются малоисследованными или совсем неисследованными. К числу таких мест до недавнего времени относился и район верхнего течения р. Оби. За время с конца прошлого века до 1925 г. здесь были произведены небольшие раскопки только в двух пунктах, но результаты этих раскопок нигде не обобщены. В 1925 г. мною были обследованы берега р. Оби от Бийска до Барнаула. Открытые при этом памятники вместе с известными тогда памятниками Горного Алтая позволили создать первое представление о последовательной смене древних культур Алтайского края (Грязнов, 1930). Позже, в 1930—1940 гг., ряд раскопок произвел сотрудник Бийского музея С. М. Сергеев. Добытые им материалы позволили уже довольно подробно осветить некоторые периоды древней истории Верхней Оби (Киселев, 1951). Но и тогда еще не было накоплено достаточного материала, чтобы представить себе историю древних племен Верхней Оби с необходимой полнотой. Неравномерная исследованность памятников разных периодов, а по некоторым периодам и отсутствие таких памятников не давали возможности проследить непрерывный ход исторического развития древнего населения Верхней Оби.

Большой археологический материал, позволивший изучить различные периоды древней истории верхнеобских племен, был собран только в 1946—1949 гг. Северо-Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа

и Института истории материальной культуры АН СССР. Экспедиция сосредоточила всю свою деятельность на одном небольшом участке — в урочище Ближние Елбаны, где ею были открыты и исследованы памятники ряда последовательных этапов развития культуры древних племен Верхней Оби.

Ближние Елбаны — это гряда дюн, расположенная в широкой пойме р. Оби. Полоса лугов, 7—10 км шириной, каждый год весной затопляется водой. Только гряды дюн остаются островками среди широкого весеннего разлива. Древние племена Верхней Оби устраивали свои поселения на этих дюнах.¹

Находясь вблизи от вытекающей из огромного лесного массива р. Большой Речки, Ближние Елбаны в течение очень долгого времени были одним из наиболее удобных мест для поселения. Удачно расположенные среди необходимых населению угодий (пашни и луговые пастбища для земледелия и скотоводства, лес для охоты, река для рыболовства), дюны превращались весной во время половодья в островок площадью около $\frac{1}{6}$ кв. км. На таком островке мог находиться только один поселок. Он располагался на одной из дюн, на другой дюне находилось кладбище, третья могла служить местом для литейной мастерской или использоваться для иных производственных и хозяйственных надобностей. Остальные дюны служили весной пастбищем для скота.

Так как площадь Ближних Елбанов расчленена на небольшие участки — дюны, то каждый памятник — поселение, могильник — занимает отдельную небольшую площадку с четкими естественными границами. Жилища и могильник каждого нового

этапа в истории древнего поселка располагались на новом месте. Поэтому здесь не было случаев смешения культурных слоев двух смежных этапов и весь добытый раскопками вещевой материал относительно легко может быть распределен по отдельным хронологическим группам. Вместе с тем неоднократные случаи расположения могильника на дюне, служившей в более раннее время местом поселения, или, наоборот, поселения на дюне, служившей раньше местом погребения, а также случаи нахождения на одной дюне могильников разных эпох, создали возможность контролировать стратиграфическими наблюдениями последовательность хронологических групп памятников, устанавливаемую путем типологического анализа.

Ближние Елбаны — исключительный в своем роде археологический пункт. Произведенные здесь раскопки помогли установить детальную периодизацию памятников древних племен Верхней Оби от эпохи бронзы до середины II тысячелетия н. э., проследить на примере истории одного древнего поселка историю этих племен за период около 3000 лет. До раскопок на Ближних Елбанах такой возможности не было из-за отрывочности имевшихся материалов по археологии Верхней Оби, крайней скудости их по некоторым периодам и полного отсутствия по другим.

Хорошо изученными в археологическом отношении районами Сибири, такими, в которых исследованы памятники ряда последовательных этапов развития культуры, до сих пор были лишь четыре — степи Минусинской котловины, Горный Алтай, Ангарское Прибайкалье и степи Забайкалья. Теперь, после трехлетних работ археологической экспедиции на Ближних Елбанах, пятым районом становится лесостепная Верхняя Обь. По количеству и значимости обнаруженных здесь памятников культуры древних племен этот район уступает лишь степям Минусинской котловины.

Сообщения об археологических памятниках на Ближних Елбанах появлялись в литературе уже давно, но должного внимания археологов они к себе не привлекали. Памятники эти были открыты местным любителем-исследователем, чиновником лесного ведомства в г. Барнауле, Н. С. Гуляевым. С конца прошлого столетия по 1913 г. он производил здесь сборы подъемного материала

и раскопки погребений и курганов.¹ Собранные им коллекции хранятся в Барнаульском и Горноалтайском музеях, в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде и в Государственном Историческом музее в Москве. К сожалению, коллекции эти очень плохо документированы, а отчетов о раскопках не имеется. Грядущим Ближним Елбанам Н. С. Гуляев принял за огромный вал городища и место находки переданных им в музей предметов обозначал как большереченское городище.

В 1915 г. здесь же производил сборы подъемного материала и раскопки обнаженных ветром погребений студент Томского университета В. П. Михайлов. В своем отчете он сообщил некоторые данные о расположении выдувов на дюнах, которые он именовал курганами. Сборы его хранятся в археологическом музее Томского университета (Михайлов, 1917).

Производя в 1925 г. археологическое обследование долины р. Оби между гг. Бийском и Барнаулом, я занялся и Ближними Елбанами, уделяя им наибольшее внимание, как самому интересному месту на всем пройденном по р. Оби пути. Тогда удалось обнаружить памятники только на пяти дюнах и на двух из них произвести небольшие раскопки. Вместе с тем стало ясно, что детальное исследование памятников на Ближних Елбанах обещает обильный и разнообразный археологический материал, который поможет, как ни в одном другом из известных пунктов, изучить далекое прошлое древнего населения Верхней Оби. Однако провести здесь систематические археологические исследования в то время не удалось. Только через 20 лет, в 1946 г., они были, наконец, организованы.

Северо-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры в течение трех лет (1946, 1947 и 1949 гг.) производила раскопки на Ближних Елбанах. В работах, кроме автора, приняли участие в разные годы научные сотрудники Н. С. Белова, М. Н. Комарова, В. Н. Полторацкая и С. С. Черников, лаборанты А. А. Гаврилова, Е. И. Ояева и С. С. Сорокин, студенты-археологи М. Г. Властелица, А. В. Котелов, В. П. Лучинина, М. П. Нечаева и Т. Д. Равдоникас, а также

¹ ОАК, 1898, стр. 83—84; Отчет Алтайского подотдела ЗСОРГО за 1903 г., 1904, стр. 27—28; ИАК, прибавл. к вып. 46, 1912, стр. 182—183.

преподаватель Барнаульского педагогического института А. П. Уманский с группой студентов того же института.

Задача экспедиции заключалась в выявлении и исследовании на Ближних Елбанах памятников всех периодов существования здесь поселка, чтобы получить материал из одного географического пункта, по возможности отражающий все этапы культурного развития древнего населения Верхней Оби. Такой материал представлял надежную опору для хронологической классификации памятников и тем самым для изучения истории развития культуры древних племен Верхней Оби.

С этой целью нами предпринимались раскопки всех обнаруженных здесь памятников, не считаясь с тем, что некоторые из них были недостаточно выразительны и богаты вещевым материалом, хотя в других местах, неподалеку от Ближних Елбанов, иногда имелись более выразительные и инте-

ресные памятники того же исторического периода и типа. Были предприняты, например, раскопки кургана, ранее исследованного уже Н. С. Гуляевым, в надежде найти какую-нибудь датирующую вещь, чтобы определить, к какому из периодов жизни поселка на Ближних Елбанах относится памятник, казавшийся нам уже утраченным для науки. Мы произвели также раскопки на трех дюнах, не имевших решительно никаких признаков наличия в них памятников древности. И в двух из них были обнаружены очень ценные «многослойные» памятники.

Задача настоящей книги заключается в публикации исследованных экспедицией памятников, в восстановлении по ним истории одного древнего населенного пункта и в попытке дать на примере истории этого населенного пункта, с привлечением других доступных памятников, общее представление об истории культуры древних племен Верхней Оби.

Глава 1

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ИССЛЕДОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ

Урочище Ближние Елбаны находится на правом берегу р. Оби, в 60 км к югу от г. Барнаула, около с. Большая Речка (табл. I, 1). Елбан или елбань — это местное сибирское название дюны или холмообразного возвышения. Ближние Елбаны расположены к западу от села (табл. I, 3) и тянутся по направлению господствующих ветров с ЮЗ на СВ узкой полосой длиной 1.5 км и шириной 150—250 м (табл. I, 2).

Уже в течение многих десятков лет дюны развеваются ветрами, перенесшими более половины всей массы песка с них на новое место, главным образом рядом с грядой, с северо-западной ее стороны. Таким образом, более половины всех имевшихся здесь памятников древности оказались уничтоженными. Кроме отдельных небольших выдувов, вдоль всей гряды дюн проходит один большой «магистральный» выдув в виде широкого рва или канала.

Большая часть поселений, могильников и других памятников древности обнаружена по находящимся на поверхности выдувов или по торчащим в обрыве по краям выдувов культурным остаткам. В трех случаях на поверхности дюн были видны небольшие плоские курганы, при раскопках которых обнаружены памятники древности. В двух случаях памятники были открыты только при прорытии траншеи на дюне. Памятникам присваивались порядковые номера. В дальнейшем изложении памятники или пункты находок сокращенно обозначаются буквами БЕ и соответствующим номером (например, БЕ II — Ближние Елбаны, пункт II).

Пункт БЕ I

Две большие, параллельно расположенные дюны, разделенные болотистым ложком в их юго-западном конце и слившиеся воедино в северо-восточном. Значительная часть дюн разрушена двумя выдувами: одним уничтожена на всем своем протяжении юго-восточная сторона юго-восточной дюны, другим — более чем на половину своей длины северо-западная дюна в ее северо-восточной половине. Кроме того, на последней дюне имеется еще один выдув в виде отдельной котловины площадью около 750 кв. м (в 1925 г. площадь этой котловины составляла около 200 кв. м). Между выдувами сохранилась нетронутой ветрами узкая полоса шириной 25—50 м. Северо-восточный конец этой полосы занят современным скотским кладбищем, огражденным вокруг канавой.

Здесь открыты памятники двух периодов.

1. Поселение большебереченского этапа с сохранившимися остатками землянок.

2. Поселение березовского этапа с культурным слоем, наиболее обильным остатками в углублениях над землянками большебереченского этапа.

Кроме того, обнаружены отдельные предметы неолитического времени и фоминского этапа.

Памятник этот разрушается ветрами уже более полувека. Керамика отсюда имеется в сборах Н. С. Гуляева еще 1898 г. и в сборах В. П. Михайлова 1915 г. По сообщению последнего, здесь ветрами была выдута котловина размерами до 40 сажен длиной и

25 сажен шириной, в некоторых ее местах найдено до 150 черепков на 1 кв. сажен (Михайлов, 1917, стр. 7—8). Повидимому, отсюда же происходит серия костяных и роговых вещей, переданных Н. С. Гуляевым в 1903 г. в Барнаульский музей.

В 1925 г. здесь мною был вскрыт культурный слой в трех местах по краю выдува с северо-западной стороны общей площадью 16 кв. м. Как теперь выяснилось, раскопки эти производились на месте землянок большереченского этапа. В 1946 г. экспедицией раскопана землянка 1, вскрытая лишь частично. В 1947 г. частично раскопана землянка 2 и начаты раскопки землянки 3. В 1949 г. была закончена раскопка землянки 3, произведена зачистка обнажения дюны вдоль края выдува с юго-восточной стороны протяжением 154 м, давшая представление о разрезе землянок 4—8, частично раскопана землянка 5. Сделана также зачистка обнажения в канаве, ограждающей с юго-западной стороны скотское кладбище, выявившая разрез еще одной землянки. В 1949 г. в связи с засушливым летом растительный покров на дюне был слабо развит, поэтому рельеф поверхности дюны с мало заметными углублениями на месте древних землянок хорошо обрисовывался, что позволило составить план поселения с указанием расположения на нем землянок.

Пункт БЕ II

Небольшая дюна, самая крайняя с ЮЗ, высотой около 4 м, размером 120×80 м. Значительная часть ее уничтожена ветрами, образовавшими глубокую котловину, крутые края которой усеяны множеством костей животных и сравнительно небольшим количеством черепков глиняной посуды. Здесь же обнаружены и кости двух или трех скелетов человека, очевидно из разветленных ветром погребений. Выдув находится в северо-западной половине дюны. Юго-восточный край его, наиболее высокий и крутой, разрезает дюну почти по середине и обнажает культурный слой. В 1925 г. мною производилась здесь небольшая раскопка; культурный слой был вскрыт на площади в 22 кв. м. Экспедицией 1946 г. здесь же вскрыта еще меньшая площадь культурного слоя, также вдоль обнажения.

Все находки в культурном слое относятся к первой половине II тысячелетия н. э. На поверхности дюны, кроме керамики этого

времени, найдено несколько черепков большереченского и бийского этапов.

Пункт БЕ III

Крайняя северо-восточная дюна, высотой около 4.5 м, размером 200×80 м. Посередине дюны глубокий выдув, уничтоживший ее почти наполовину. В 1925 г. я собрал здесь небольшое количество черепков, культурную принадлежность которых тогда определить не удалось. В 1946 г. нами обнаружены на поверхности выдува остатки костей одного или двух скелетов человека и черепки, из которых собран сосуд березовского этапа. Три черепка были от каких-то других сосудов.

На южном склоне дюны раскопано три могилы (№№ 1—3).

В 1947 г. там же заложен более обширный раскоп, в котором обнаружено и исследовано еще 14 могил (№№ 4—17). Из 17 исследованных могил 5 принадлежат березовскому этапу (№№ 2, 3, 5, 13, 14), остальные 12 — переходному этапу верхнеобской культуры.

В почвенном слое на вскрытой площади встречены черепки глиняной посуды и некоторое количество разных железных, медных и костяных вещей, связанных, повидимому, с надмогильными тризнами переходного этапа.

Пункт БЕ IV

Расположен в 150—250 м к ЮЗ от предыдущего пункта. Здесь, так же как и в соседнем пункте БЕ V, дюны почти полностью уничтожены ветрами. Первоначальную их форму и размеры установить теперь невозможно. Только по бокам выдува уцелели остатки краев дюн. В этих двух пунктах (БЕ IV и БЕ V), по словам В. П. Михайлова, производил свои раскопки Н. С. Гуляев (Михайлов, 1917, стр. 8). Михайлов в 1915 г. раскопал частью здесь, частью в пункте БЕ V пять полуразрушенных ветром погребений. В одном из них при скелете найден горшок, повидимому, карасукской эпохи, в другом — две бронзовых серьги и четыре «бронзовых украшения»; в остальных погребениях вещей не было (там же, стр. 8). В 1925 г. мною здесь открыто четыре поврежденных ветрами погребения карасукской эпохи (№№ 1—4), собраны черепки глиняной посуды и несколько мелких каменных орудий. В 1946 г. на поверхности выдува обнаружены остатки костей человека, повидимому, от одного скелета,

со следами медной окиси на черепе, сравнительно немного обломков глиняной посуды, пронизка-трубочка, свернутая из листка меди, обломок какого-то медного предмета, покрытого по всей поверхности оловом, миниатюрный каменный наконечник стрелы. Обломки посуды в основном двух типов — карасукской эпохи и фоминского этапа.

Предпринятыми здесь в 1947 г. раскопками вскрыта площадь около 256 кв. м. Культурный слой содержал в себе керамику и некоторые вещи фоминского этапа. Ниже культурного слоя обнаружено 20 темных пятен (ям) разной формы и размеров. Пять из них содержали в себе погребения карасукской эпохи (№№ 5—9).

В 1949 г. была дополнительно вскрыта небольшая площадь, прилегающая к южному углу раскопа 1947 г., чтобы найти здесь продолжение ряда могил, однако новых погребений не обнаружено. Этими раскопками лишь расширена площадь исследованного культурного слоя.

Пункт БЕ V

Дюна в значительной своей части уничтожена ветрами. Сохранились лишь небольшие участки по ее краям. Форма и размеры дюны неопределимы. Разведки и раскопки П. С. Гуляева и В. П. Михайлова частично связаны именно с этой дюной. В 1925 г. мною здесь собрано небольшое количество черепков и вскрыто одно погребение сrostкинской культуры. В 1947 и 1949 гг. вскрыта площадь в 260 кв. м: раскопано 2 могилы сrostкинской культуры, в почвенном слое найдено небольшое количество керамики бийского этапа, на поверхности выдувов собраны вещи из развеянных ветрами погребений сrostкинской культуры.

Пункт БЕ VI

Три смежные, параллельно расположенные, слившиеся в единое возвышение дюны, отделенные одна от другой лишь слабыми понижениями поверхности. В 1946 и 1947 гг. здесь были раскопаны 3 могилы, частично разрушенные ветрами, открытые в обнажениях дюны по краям небольшого выдува в северо-западной части. В 1949 г. раскопаны еще 3 могилы. Только в конце работ 1949 г. благодаря низкому травостоя на поверхности дюн стали ясно различимы не замечаемые до этого 6 небольших плоских кур-

ганов. Раскопанные погребения находились под насыпями двух из этих курганов. Все погребения относятся к сrostкинской культуре.

Пункт БЕ VII

Соседняя с предыдущей дюна, высотой около 4 м, размером около 250×70 м. В южной ее части ветрами выдута котловина размером около 130×30 м, глубиной до 3 м. Выдув образовался сравнительно недавно. Местные жители говорят, что начиная с 1930—1931 гг. они стали находить здесь после каждого сильного ветра кости человека и разные древние вещи. В 1946 г. нами найдены на поверхности выдува кости человека, несколько мелких предметов из могил, небольшое количество черепков и обнаружено три частично развеянных ветрами погребения.

За 3 года работ здесь раскопана площадь в 1180 кв. м, на которой открыто 108 могил разного времени, из них 63 могилы березовского этапа, 34 могилы фоминского этапа, 2 могилы сrostкинской культуры, 1 могила XII—XIII вв. н. э., 7 могил неопределенного времени.

В почвенном слое обнаружены остатки тризн, относящиеся к могилам фоминского этапа, а также каменный топор неолитического времени и серия черепков бийского этапа.

Пункт БЕ VIII

На этой дюне, совершенно неповрежденной ветрами, находится группа курганов, состоящая из четырех небольших, расплывшихся, едва заметных насыпей, расположенных цепочкой по направлению с ЮЗ на СВ. Два кургана имеют ясные следы старых раскопок. Возможно, это раскопки М. Д. Копытова в 1924 г., материал из которых, к сожалению, без какой-либо документации (указано только с. Большая Речка), хранится в Бийском музее. Нами раскопаны здесь два кургана, один в 1946 г., другой в 1947 г. (курганы 1 и 2), оба — сrostкинской культуры.

Пункт БЕ IX

Дюна размером 140×50 м, высотой около 2.5 м, тесно смыкающаяся с соседней дюной БЕ IV, где находился сначала карасукский могильник, а затем поселение фоминского

этапа. На поверхности дюны ясно различимы 8 плоских курганных насыпей диаметром 7—12 м, высотой 30—40 см. На всех курганах имеются следы прежних раскопок.

По рассказам местных жителей, эти курганы раскопаны Н. С. Гуляевым перед империалистической войной 1914 г. Нам сообщили также, что Н. С. Гуляев из раскопанных могил брал только металлические вещи, целые черепа и целые горшки, а все остальное, т. е. кости человека и разбитые горшки, оставлял в могильной яме. В надежде найти черепки разбитого горшка и получить, таким образом, возможность датировать курганный могильник мы предприняли раскопку одного кургана (курган 1), который оказался относящимся к XII—XIII вв. н. э.

Пункт БЕ X

Дюна размером около 120×50 м, высотой около 3 м, почти наполовину уничтоженная ветрами вдоль ее северо-западной стороны. В обнажении дюны и по дну выдува обнаружено небольшое количество костей животных, а также мелкие черепки глиняных горшков.

Раскопками вскрыта площадь около 45 кв. м, в виде узкой полосы вдоль выдува, длиной 22 м и шириной, в зависимости от контуров обрыва, 1,5—2,3 м. Площадь была разбита на участки по 2 м, с тем чтобы в дальнейшем можно было перейти к планомерной раскопке всей площади дюны по квадратам.

Довольно мощный почвенный слой толщиной 45—60 см содержал мало культурных остатков. Только на первых двух участках, крайних с ЮЗ, было обнаружено несколько десятков мелких черепков и обломков костей животных. На всей остальной раскопанной площади найдено всего лишь 7 черепков и около 30 обломков костей. Кроме того, в слое встречены кости рыб, два кусочка шлака (железного), астрагал барана с тонко нацарапанными поперечными линиями и заготовка небольшого костяного острия.

Из 8 найденных в слое черепков от венчиков сосудов 4 относились к керамике березовского этапа, 2 — к керамике XII—XIII вв. н. э., тип остальных неясен.

Крайне слабая насыщенность слоя культурными остатками и отсутствие следов каких-либо сооружений говорят о том, что эта дюна не служила местом сколько-нибудь длительного жилья. Наличие в культур-

ном слое керамики XII—XIII вв. можно объяснить близостью поселения этого времени, расположенного рядом, на небольшой дюне, в пункте БЕ II. Небольшое же количество керамики березовского этапа указывает на то, что в это время дюна БЕ X использовалась для каких-то надобностей жителями поселка, находившегося неподалеку, в пункте БЕ I.

Пункт БЕ XI

Сильно развеянная дюна трудно определяемых размеров, вероятно 150×150 м. Дно глубокого выдува, уничтожившего всю центральную часть дюны, заболочено. Только вдоль юго-восточного выдува на поверхности песка было собрано несколько мелких черепков посуды бийского этапа. В 1947 г. здесь произведена раскопка культурного слоя на площади в 38 кв. м с остатками литейного производства, датируемыми бийским этапом. В 1949 г. несколько восточнее раскопано частично разрушенное ветрами погребение первой половины II тысячелетия н. э.

Пункт БЕ XII

Отдельно расположенная небольшая дюна размером около 100×30 м по подошве, с крутыми склонами, высотой 4 м. Полезная площадь ее (верхняя площадка) не более 350 кв. м. По гребню дюны ясно видны следы окопа, вырытого большеереченскими партизанами во время гражданской войны 1918—1919 гг. Как показали раскопки, это был окоп для стрельбы лежа, не повредивший культурного слоя, частично разрушивший лишь три погребения (мог. 14, 16 и 18), находившиеся в почвенном слое.

При наружном осмотре дюны никаких признаков наличия здесь памятников древности заметить не удалось. Но так как на Ближних Елбанах почти на каждой развеваемой ветрами дюне в выдувах обнажаются памятники нередко двух и трех разных эпох, можно было рассчитывать, что и эта дюна, названная пунктом БЕ XII, не является исключением, что и в ее недрах хранятся какие-нибудь памятники далекого прошлого.

В первых же квадратах произведенного здесь раскопа были открыты погребения разного времени, а в нижних горизонтах выявлен культурный слой, насыщенный довольно многочисленными находками. Раскопками исследована вся верхняя площадка дюны. Вскрыта площадь в 370 кв. м. Открыто 34 погребения разных эпох: 2 могилы андро-

новского времени (№№ 9 и 10); 14 могил большереченского этапа (№№ 2, 4, 6—8, 12—16, 20, 25, 27, 31); 7 могил березовского этапа (№№ 3, 5, 21, 24, 26, 28, 29); 7 могил одинцовского этапа (№№ 17—19, 22, 32—34); 4 могилы переходного этапа (№№ 1, 11, 23, 30).

По всей раскопанной площади исследован вместе с тем и культурный слой, содержащий в себе остатки кострищ с многочисленными около них черепками глиняной посуды, костями животных, обломками литейных форм и другими предметами. Основная масса этих находок относится к бийскому этапу, часть же представляет собой, повидимому, остатки тризн у могил одинцовского этапа. Некоторые предметы, возможно, принадлежат и к более позднему времени.

Пункт БЕ XIII

Дюна размером 90×35 м, высотой немного более 3 м, отделенная от двух соседних дюн с запада и севера небольшими понижениями поверхности. Так как естественных обнажений на дюне не имелось, то для установления наличия на ней памятников была заложена посередине траншея размером 16×2 м с разбивкой на квадраты со сторонами 2×2 м с таким расчетом, чтобы в дальнейшем можно было вести планомерный раскоп. На вскрытой площади в 32 кв. м почвенный слой почти не имел следов пребывания здесь человека, если не считать находку 3 неопре-

делимых обломков костей, 12 черепков (в том числе 6 от венчика, из них 2 березовского этапа и 4 — XII—XIII вв. н. э.), а также железного трехперого наконечника стрелы.

Пункт БЕ XIV

Юго-западная оконечность дюны БЕ I, отделенная от нее, повидимому, искусственно вырытым рвом. Признаков наличия здесь памятников не было. Заложенной вдоль дюны траншеей обнаружено несколько погребений, после чего была вскрыта площадь в 396 кв. м. Раскопками выявлено 50 могил разного времени, из них: 15 могил андроновской культуры (№№ 1, 9, 13—16, 18—20, 22, 23, 25, 27, 28, 44); 10 могил большереченского этапа (№№ 3, 4, 10, 11, 21, 32, 35, 36, 39, 41); 19 могил одинцовского этапа (№№ 2, 7, 12, 17, 24, 29, 30, 31, 33, 34, 37, 38, 40, 42, 43, 45, 47—49); 6 могил первой половины II тысячелетия н. э. (№№ 5, 6, 8, 26, 46, 50).

Пункт БЕ XV

Подозва дюны, совершенно уничтоженной ветрами. На дне широкого центрального выдува, прорезавшего всю гряду дюн, был виден горизонтальный срез почвенного слоя с лежащими на его поверхности черепками бийского этапа и обломками литейных форм. Раскопана площадь в 24 кв. м. Найдены керамика и другие вещи бийского этапа.

Глава II

АНДРОНОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Первое появление на Ближних Елбанах более или менее долговременного поселения следует относить к андроновскому времени. Правда, остатков самого поселка не обнаружено. Возможно, они не будут найдены и при дальнейших исследованиях. Однако наличие в юго-западном конце гряды дюн 17 детских погребений может быть объяснено только тем, что поселок андроновцев был расположен где-то здесь же, на Ближних Елбанах, но на другой дюне, теперь, очевидно, полностью уничтоженной ветрами. Трудно допустить, чтобы поселок и детское кладбище располагались на двух разных дюнных всхолмлениях, отстоящих друг от друга на расстоянии более километра и разобщенных в весеннее время широким водным разливом.

Памятники

Погребения андроновского времени открыты в двух пунктах: 2 погребения на дюне БЕ XII и 15 — на дюне БЕ XIV (табл. II). В обоих случаях они находились среди могил более позднего времени нескольких разных эпох.

Внешних признаков могил на поверхности дюны не наблюдалось. Как правило, не удавалось обнаружить могильное пятно при зачистке грунта после снятия почвенного слоя. Пятно более темного грунта открывалось только около остатков погребенного, на 10—20 см выше их.

Погребения в пункте БЕ XII

На этой дюне открыто только 2 погребения, которыми здесь и исчерпываются

памятники андроновского времени, так как вся полезная площадь дюны исследована полностью.

М о г и л а 9. Могильная яма не прослежена. На глубине 85 см раздавленный горшок (табл. III, 1); плохо сохранившиеся части черепа, ребра и бедренные кости младенца¹ грудного возраста (с непрорезавшимися зубами). Судя по положению костей в могиле, погребенный лежал скорченно, на левом боку, головой на ЮЗ. Около головы горшок.

М о г и л а 10. Совсем рядом, к ЮВ от предыдущего, на той же глубине находилось второе погребение младенца того же возраста, в том же положении. Сохранились: целый горшок (табл. III, 2), остатки черепа и бедренные кости. Остатки обоих погребений вместе занимали площадь размером 60×50 см.

Погребения в пункте БЕ XIV

Отрыто 15 погребений (табл. II). Могилы расположены узкой полосой вдоль гребня дюны; за пределами раскопанной площади с юго-восточной стороны, возможно, остались неоткрытыми еще несколько могил, а может быть, там следует дальнейшее продолжение могильника с десятком и более могил.

М о г и л а 1. Яма размером около 70×30 см (границы ямы прослежены только с двух сторон), глубиной 80 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Остатки черепа, ребер и длинных костей младенца, погребен-

¹ Словом «младенец» здесь и дальше называются дети в возрасте до двух лет (до окончательного прорезания всех молочных зубов).

ного головой на ЮЗ. В юго-западном конце, за головой горшок (табл. III, 10).

Могила 9. Границы ямы не прослежены. Глубина 60 см. Скелет младенца на левом боку, в скорченном положении, головой на ЮЗ. У головы горшок (табл. III, 14).

Могила 13 (табл. II). Яма неправильной формы, 50×25 см, глубиной 90 см (от поверхности дюны 110 см),¹ ориентирована по линии ЗЮЗ—ВСВ. Поверх погребения остатки продольно положенной доски (?). Скелет младенца находился на левом боку, в скорченном положении, головой на ЗЮЗ. У головы горшок (табл. III, 7).

Могила 14 (табл. II). Яма неправильной формы, 35×30 см, глубиной 80 см (от поверхности дюны — 115 см), ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Остатки скелета младенца головой на ЮЗ. У головы горшок (табл. III, 18).

Могила 15 (табл. II). Могильная яма размером 90×50 см, глубиной 75 см (от поверхности дюны 135 см), ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Остатки скелета младенца, головой на ЮЗ. У головы горшок (табл. III, 5).

Могила 16 (табл. II). Овальная яма, 120×70 см, глубиной около 80 см (от поверхности дюны 110 см), ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Кости не сохранились. В юго-западной половине горшок (табл. III, 16).

Могила 18 (табл. II). Овальная яма, 50×40 см, глубиной около 50 см (от поверхности дюны 85 см), ориентирована по линии З—В. Следы костей ребенка. В западном конце горшок (табл. III, 9).

Могила 19 (табл. II). Яма неправильной формы, 70×60 см, глубиной около 60 см (от поверхности дюны 105 см), ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Кости не сохранились. Посередине горшок (табл. III, 11).

Могила 20 (табл. II). Яма неправильной формы, 100×70 см, глубиной около 90 см (от поверхности дюны 130 см), ориентирована по линии ЮЗ—СВ. На дне часть ребра младенца. Вдоль северной стенки один целый

горшок (табл. III, 13) и часть другого (табл. III, 12).

Могила 22. Круглая (?) яма диаметром 55 см, глубиной около 65 см (от поверхности дюны 95 см). Кости не сохранились. Посередине, ближе к южному краю, горшок (табл. III, 4).

Могила 23 (табл. II). Яма размером 70×50 см, глубиной около 80 см (от поверхности дюны 120 см), ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Следы разложившихся костей. В юго-западном конце горшок (табл. III, 19).

Могила 25 (табл. II). Прямоугольная яма, 80×60 см, глубиной около 150 см (от поверхности дюны 190 см), ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Вдоль трех стенок древесный тлен. Скелет ребенка 3—4 лет, на левом боку, в скорченном положении, головой на ЮЗ. В западном углу горшок (табл. III, 15).

Могила 27. Неправильно овальная яма, 55×40 см, глубиной около 105 см (от поверхности дюны 150 см), ориентирована по линии З—В. В центре остатки костей младенца и горшок (табл. III, 8).

Могила 28 (табл. II). Прямоугольная яма, 60×35 см, глубиной около 110 см (от поверхности дюны 160 см), ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Вдоль всех стенок древесный тлен. Остатки костей младенца. В юго-западном конце горшок (табл. III, 17).

Могила 44 (табл. II). Прямоугольная яма, 100×60 см, глубиной около 45 см (от поверхности дюны 70 см), ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Вдоль северо-восточной стенки древесный тлен. Кости не сохранились. В юго-западном конце горшок (табл. III, 6).

Все исследованные могилы весьма сходны как по устройству и обряду погребения, так и по составу погребенных вещей.

Могильные ямы большей частью овальные или круглые в плане, только три прямоугольных. Могилы округлой формы обычно копались в тех случаях, когда умершего погребали прямо в земляную яму без гроба и без деревянного или каменного крепления стен. Так и в могильнике БЕ XIV, ни в одной из овальных или круглых могил остатков крепления стен не обнаружено. Только в могиле 13 поверх погребенного было какое-то деревянное покрытие, от которого сохранились остатки продольной доски. В трех же прямоугольных могилах сохранились остатки

¹ Глубина погребений дается от современной им поверхности погребенной почвы. В тех случаях, когда она не могла быть определена непосредственным измерением, перед цифрой поставлено слово «около». В скобках указана глубина от поверхности дюны в момент раскопок. Для могилы 1 уровень поверхности погребенной почвы точно определить не удалось, а могила 9 находилась за пределами насыпи, где поверхность дюны совпадает с древней поверхностью могильника.

деревянных срубов (или другого деревянного крепления стен) в виде древесного тлена: в одной вдоль всех четырех стенок (могила 28), в другой вдоль трех (могила 25) и в третьей вдоль одной (могила 44). Таким образом, большая часть могил вообще не имела деревянных сооружений и лишь в трех были какие-то деревянные стенки, может быть сруб, а в одной — деревянное покрытие.

Во всех 17 могилах погребены дети. Кости очень плохо сохранились. Поэтому только в 11 могилах можно было установить возраст погребенных: в 10 могилах находились остатки младенцев в возрасте до 2 лет и в одной — ребенок 3—4 лет. Хотя в 6 остальных могилах определяемых остатков костей не сохранилось, но, судя по размерам могильных ям, и в них погребены были дети того же возраста, так как длина их в четырех случаях не превышала 70 см. Две могилы (№№ 16 и 44) были длиной 100 и 120 см, следовательно, они могли вместить детей и постарше, но одна такая же по размерам могила содержала погребение младенца (могила 20). Следует полагать, что и в указанных двух могилах были погребены младенцы.

Все могилы небольших размеров: большей частью 50—70 см длиной, в одном случае даже 35 см. Только одна была более метра длиной. Яма не глубока, обычно 60—90 см, в двух случаях несколько меньше (45 и 50 см), в трех больше — до полутора метров (100, 110 и 150 см).

Положение погребенных младенцев оказалось возможным определить только в пяти могилах, в которых они были уложены на левом боку, в скорченном положении, головой на ЮЗ. В головах у них, в юго-западном конце могилы, был поставлен горшок. Так как и в остальных могилах, где кости не сохранились, горшок также находился в юго-западном конце, то следует заключить, что обычное для погребений андроновской культуры положение погребенного головой на ЮЗ и, реже, на З было характерно для всех погребений детского кладбища на Ближних Елбанах.

В каждой могиле находился небольшой горшок, поставленный, очевидно, с какой-то жидкой или полужидкой пищей. В одном случае, кроме одного целого горшка, был положен еще черепок от маленького горшочка, составляющий примерно треть часть со-

суда (могила 20). Других предметов в могилах не обнаружено.

Возможно, что к андроновскому времени следует отнести найденное на территории детского кладбища в пункте БЕ XIV бронзовое зеркало. Оно находилось в нижней части слоя погребенной почвы, современной андроновскому могильнику, рядом с могилой 27. Это маленький плоский диск диаметром 3,5 см, с острыми краями, с петелькой на оборотной стороне (табл. III, 3). Ближайшей аналогией ему являются два совершенно таких же зеркала диаметром 2,8 и 4,2 см, найденные в погребениях андроновского времени в Томском могильнике (Комарова, 1952, рис. 8, 4, 21).

В районе Верхней Оби памятники андроновской культуры исследовались уже неоднократно, но материалы этих памятников совершенно не опубликованы, если не считать кратких замечаний о некоторых из них и воспроизведения двух горшков (Грязнов, 1930, стр. 5, рис. 29 и 30; Киселев, 1951, стр. 88—90). Для правильного понимания места рассматриваемого могильника среди других памятников андроновской культуры на Верхней Оби следует кратко охарактеризовать погребения, обнаруженные в следующих семи пунктах.

1. Мокрый Яр (уроч.). Развеваемый ветрами могильник на краю древней террасы в 1 км от дер. Мал. Угренева. Одно детское погребение раскопано С. М. Сергеевым в 1939 г. Материалы в Бийском музее.

2. Пригородное хозяйство ЦРК. В 12 км к З от г. Бийска на краю высокой береговой террасы. При рытье силосных ям в 1931 г. обнаружено несколько погребений взрослых. Специальных раскопок не производилось. Материалы в Бийском музее.

3. Иконникова (дер.). Могильник на развеваемых ветрами дюнах при слиянии рр. Бии и Катунь. Три погребения взрослых раскопаны случайными лицами в 1929 и 1940 гг. Кроме того, здесь найдены на выдувах 2 целых горшка, черепки 4 других и медные бусы. Материалы в Бийском музее.

4. Змеевка (р.). Могильник близ с. Красный Яр, на р. Змеевке, при впадении ее в р. Каменку (левый приток р. Катунь). При раскопках курганов сrostкинской культуры С. М. Сергеев обнаружил в 1929—1930 гг. под насыпью 4 курганов

9 детских андроновских погребений. Материалы в Гос. Эрмитаже.¹

5. **Волчиха** (уроч.). Могильный в 5 км к В от с. Быстрый Исток, на развесах ветрами дюнах на краю болота Большой Ад. Погребения взрослых раскопаны — одно мною в 1925 г., другое сотрудниками Бийского музея в 1940 г. Материалы в Гос. Эрмитаже и Бийском музее.

6. **Шипунова** (дер.). Развесах ветрами могильный в 3 км к С от деревни. В 1928 г. С. М. Сергеев нашел здесь кости человека, целый горшок и крупные фрагменты нескольких других. Материалы в Бийском музее.

7. **Хомутинка** (уроч.). Развесах ветрами могильный на дюне к ЮЗ от дер. Клешиковой. Три погребения взрослых раскопаны мною в 1925 г. Материалы в Гос. Эрмитаже.

Кроме того, черепки андроновского типа, собранные несомненно на месте разрушаемых могильников, имеются в Бийском музее из дер. Калманки (с песков к В от кожевенного завода) и один целый горшок из дер. Акутихи.

Как и на Ближних Елбанах, все эти могильники — грунтовые, без внешних признаков могил на поверхности. Могильные ямы для взрослых размером около 2×1 м, глубиной 0.9—2.0 м, для детей — меньших размеров и глубины. В двух погребениях на Хомутинке вдоль стенок могилы была положена рама из четырех обрубков бревен. Во всех остальных могилах не было ни крепления стен, ни покрытия.

Все погребенные (11 наблюдений) — в скорченном положении, на левом боку, с кистями рук перед лицом, головой на З, в трех случаях на ЮЗ, в одном на Ю и в одном же на С. В каждой могиле у головы погребенного находился глиняный горшок, в одном случае (Хомутинка) два сосуда — горшок и маленькая, емкостью 210 куб. см, неорнаментированная чашка. Обычно в могилах, кроме горшков, ничего не находилось. Только в одной из 17 исследованных могил (Волчиха) найдены 3 медных

бусинки и пара медных серег в виде кольца с раструбом на одном конце (рис. 1, 1, 3). Кроме того, пара таких же серег, обтянутых листовым золотом, найдена в одном из погребений в пригородном хозяйстве ЦРК

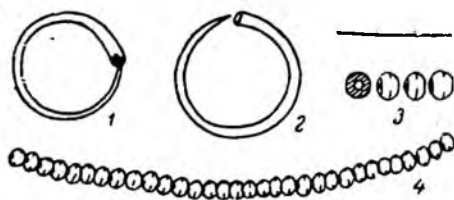

Рис. 1. Вещи из погребений в урочище Волчиха (1, 3), в пригородном хозяйстве ЦРК (2) и близ дер. Иконниковой (4).

(рис. 1, 2) и около трех десятков медных бус в развесах ветрами погребении у дер. Иконниковой (рис. 1, 4).

Ниже по Оби, на р. Ирмень Новосибирской экспедицией ИИМК в 1952—1953 гг. исследованы два поселения андроновской культуры, а около с. Ордынского в 1954 г. — грунтовой могильный. Материалы этих памятников еще не изучены и будут опубликованы особо.

Датировка

Андроновские погребения на Ближних Елбанах единообразны как по обряду погребения, так и по керамике, что указывает на принадлежность их к одному, относительно короткому, периоду времени. Несмотря на особый характер могильника (кладбище младенцев), отразившийся и на способе устройства могил (небольшие овальные или круглые ямы без внутримогильных сооружений), и на отборе для погребения глиняной посуды (маленькие, грубой работы горшки), он довольно точно может быть сопоставлен с определенными хронологическими группами памятников андроновской культуры.

Отсутствие в могилах характерных для андроновских погребений каменных ящиков или сложенных из плитняка и бутового камня стен вызвано исключительно лишь местными условиями — в районе Верхней Оби совершенно нет камня. Округлую форму ям без сруба и покрытия следует объяснять тем, что в них погребалась особая категория умерших — младенцы, могилы которых у многих народов и племен делаются упрощенным способом.

¹ Руководитель раскопок и С. В. Киселев ошибочно считали эти курганы андроновскими, а погребения сроднической культуры — поздними, впускными (Киселев, 1951, стр. 88). В действительности же курганы сроднической культуры сооружены на месте бывшего здесь грунтового могильника андроновской культуры.

Ориентировка погребенных головой на ЮЗ, положение их на левом боку, скорченность костяка обычны для погребений андроновской культуры на всей территории ее распространения, но не для раннего ее времени — окуневского этапа, известного пока только в степях Минусинской котловины. Для окуневского этапа характерен еще афанасьевский обычай погребения умерших на спине, с поднятыми вверх коленями (Комарова, 1947; Липский, 1949).

Более точные указания для датировки могильника дает керамический материал. Все найденные здесь 18 сосудов, несмотря на некоторые различия в их орнаменте, однотипны. Это небольшие горшочки емкостью большей частью около литра (11 сосудов емкостью от 750 до 1100 куб. см). Только 4 сосуда несколько крупнее — от 1300 до 1800 куб. см, и три совсем маленькие — от 250 до 450 куб. см. Все они грубой лепки ленточным способом и большей частью сделаны небрежно, хотя и нарядно орнаментированы. Половина из них имеет форму банки со слабо выпуклыми боками, с толстым широким дном. В некоторых случаях венчик слегка отогнут наружу (табл. III, 8, 9, 15). У трех сосудов из числа наиболее нарядных (табл. III, 13, 14) довольно ясно выражена шейка, характерная для сосудов собственно андроновского или, по К. В. Сальникову, федоровского этапа (Киселев, 1951, табл. VIII, 6—9, 13—16; Сальников, 1940, табл. I; 1948).

Орнамент оттиснут большей частью гладкой пластинкой, короткой и длинной, несколько реже гребенкой — тонкой, мелкозубчатой (табл. III, 11, 13, 14) или широкой, крупнозубчатой (табл. III, 8, 15). В одном случае орнамент линейный нарезной (табл. III, 10). На некоторых горшках оттисками тупого острия заполнены площади треугольников (табл. III, 18) или участки рядом с оттисками пластинки (табл. III, 5, 16). Иногда таким же острием прочерчены горизонтальные линии (табл. III, 7, 9, 11). Один горшок орнаментирован без применения специальных орудий — оттисками ногтя (табл. III, 17). Наконец, три горшка ничем не украшены.

Орнаментом обычно покрыта верхняя часть сосуда, часто более чем на половину его высоты, иногда до самого дна. Орнамент в большинстве случаев несложный. Преобладает вертикальная или горизонтальная

«елочка», иногда в сочетании с горизонтальными линиями или оттисками острия палочки. Такой орнамент обычен как для горшков окуневского этапа, так и для грубых, небольших по размеру горшков более позднего времени андроновской культуры (Комарова, 1947, рис. 6; Киселев, 1951, табл. VIII, 10, 12; Грязнов, 1927, рис. 22, 5; Кривцова-Гракова, 1947, рис. 53, и др.).

Наряду с такими простыми орнаментами имеются и более нарядные геометрические рисунки — косоугольные треугольники (табл. III, 9), ленточные зигзаги (табл. III, 11). Три горшка украшены сложным геометрическим рисунком, составленным из прямоугольных и косоугольных заштрихованных треугольников, Z-образных геометрических фигур, крестов (табл. III, 10, 13, 14). В последнем случае горшки и по всем своим особенностям — по форме сосуда, элементам орнамента и композиции рисунка — являются типичными образцами андроновской керамики федоровского этапа. Именно они и определяют дату могильника временем федоровского этапа андроновской культуры, так как подобные сочетания формы и орнамента сосуда свойственны только данному этапу и не встречаются ни в более ранних памятниках окуневского типа, ни в более поздних — типа Алакуль и Алексеевка.

В андроновских могильниках Казахстана и Минусинских степей основную массу керамики составляют нарядно орнаментированные, лощеные сосуды, обычно крупных размеров. Только в детских могилах, а также в дополнение к нарядным горшкам в могилах с несколькими сосудами встречаются небольшие горшки более грубой выделки и с более простым орнаментом, подобные нашей серии горшков с Ближних Елбанов. Поэтому отмеченные особенности керамики из могильника на Ближних Елбанах следует объяснять исключительно лишь тем, что она происходит из детских погребений. И в других могильниках на Верхней Оби (Змеевка, Мокрый Яр) совершенно подобная керамика встречена в детских погребениях (рис. 2). Известна она также и в могильниках с погребениями взрослых. Так, в Хомутинке в трех погребениях взрослых обнаружено четыре горшка и только один из них принадлежит к числу нарядных сосудов (рис. 3). Из погребений в пригородном хозяйстве ЦРК мне известны два небольших грубой работы сосуда и один большой,

орнаментированный мелкими зигзагами. Происходят ли эти сосуды только из погребений взрослых и были ли здесь детские погребения,

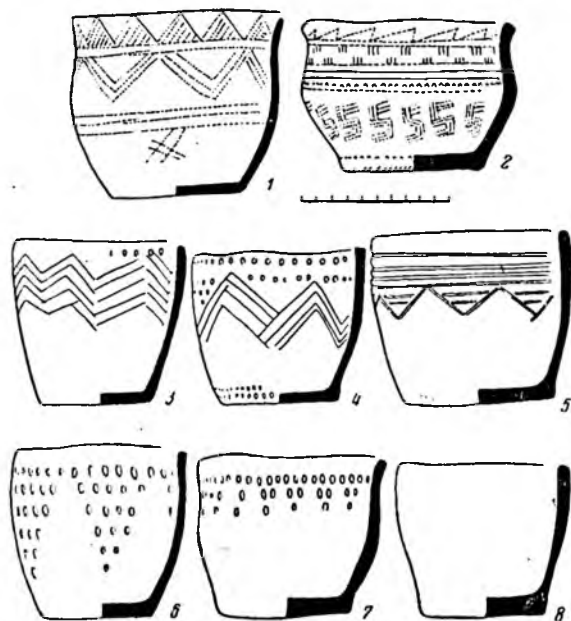

Рис. 2. Глиняная посуда из погребений в урочище Змеевка.

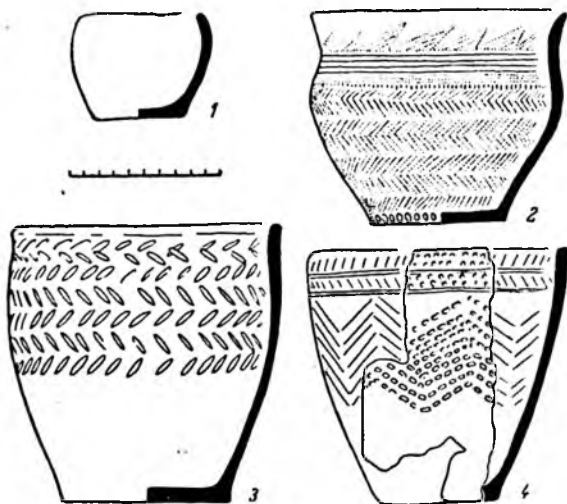

Рис. 3. Глиняная посуда из погребений в урочище Хомутика.

ния, не установлено. Наконец, в разрушенных ветрами погребениях в урочище Волчиха наряду с маленькими грубой работы

горшками найдены также и большие нарядные сосуды.

Могильник на Ближних Елбанах следует считать типично андроновским с той лишь оговоркой, что в нем погребены только дети, в связи с чем могилы устроены проще, а пища умершим положена в маленьких горшочках грубой работы с более простым

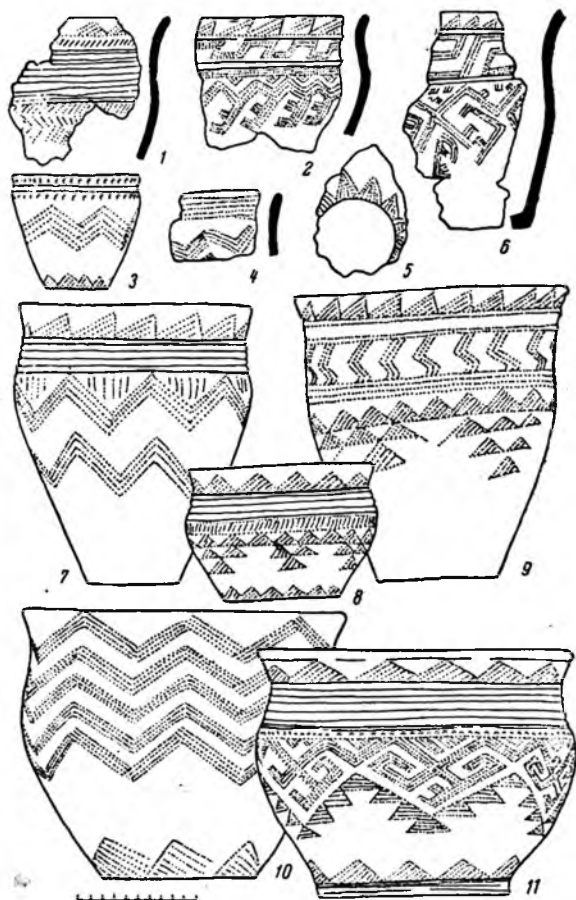

Рис. 4. Глиняная посуда из погребений в дер. Шипуновой (1—6) и Иконниковой (7—11); (1—10 — по рис. С. М. Сергеева).

орнаментом. В других могильниках на Верхней Оби, являющихся кладбищами взрослых (Шипунова, Иконникова), посуда представлена обычными для андроновских погребений большими, нарядно украшенными сложным геометрическим орнаментом сосудами (рис. 4). Возможно, что при накоплении более обширного материала удастся установить местные особенности культуры андроновского населения на Верхней

Оби. Сейчас же можно отметить только отсутствие здесь каменных оград на могилах и каменных ящиков в могильных ямах, что объясняется, как отмечено выше, тем, что в долине р. Оби нет камня.

Население Верхней Оби, насколько об этом можно судить по археологическим памятникам, по своей культуре принадлежит

ножами, стрелами и многим другим, что совершенно несвойственно погребениям андроновской культуры. И глиняная посуда, сходная по некоторым признакам с андроновской, резко отлична от нее как по технике изготовления, так и по характеру орнаментации (Комарова, 1952, стр. 27—30).

Из этого следует, что в андроновское время лесостепные участки Верхней Оби были заселены племенами со степной земледельческо-скотоводческой культурой андроновского типа, а севернее, в районе г. Томска, начиналась область расселения племен с иной культурой, вероятно общей для большой группы западносибирских племен лесной полосы. Это важно отметить в связи с тем, что в последующие эпохи этнические границы не раз менялись в результате переселений более или менее значительных людских масс, и Верхняя Обь входила в область расселения то одной большой этнической группы, то другой.

Культура

Простота и несложность погребального обряда и бедность погребений находками не дают достаточного материала для суждения о конкретных особенностях культуры верхнеобских племен андроновского времени. Но общее представление об основных чертах их культуры можно получить при учете всех известных на Верхней Оби памятников.

Малочисленные еще, но достаточно выразительные находки металлических изделий на Верхней Оби позволяют предполагать развитое уже тогда производство металлических орудий и других изделий. Ведущую роль в технике и производстве играли бронзовые орудия. Население обладало хорошими топорами. В Бийском музее хранится найденный близ Иткульского винокуренного завода (30 км к СЗ от г. Бийска), отлитый в каменной форме кельт так называемого сейминско-турбинского типа (рис. 5, 2), отличающийся от других подобных кельтов только наличием шары ушков (Грязнов, 1944, табл. II, 6). Другой такой же кельт с ложными ушками, найденный близ с. Косиха (50 км к З от г. Барнаула), хранится в Барнаульском музее. В археологическом музее Томского университета имеется найденный близ дер. Лянной массивный вислобушный топор казахстанского типа (рис. 5, 1; см.: Флоринский, 1890, стр. 167, № 2822).

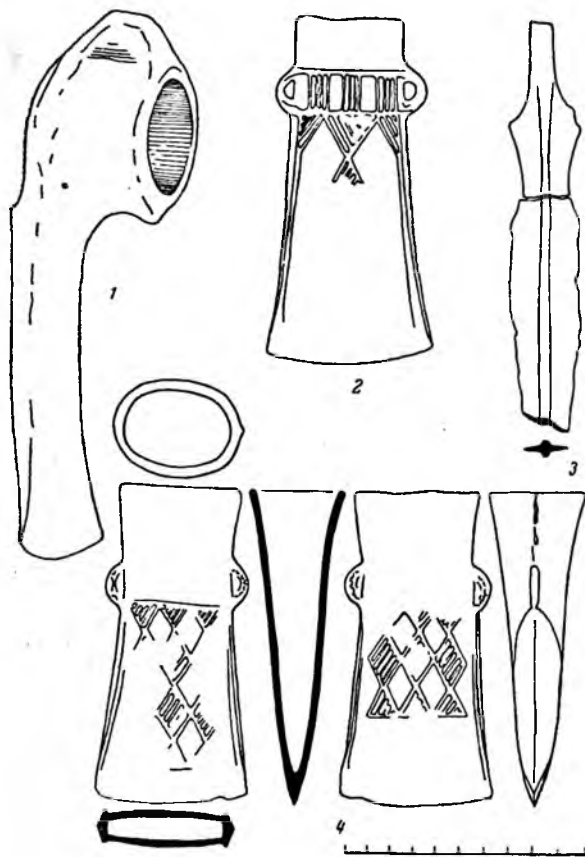

Рис. 5. Бронзовые орудия.

1 — дер. Лянная; 2 — Иткульский завод; 3 — с. Большой Речка; 4 — с. Косиха.

к группе андроновских племен Казахстана и Минусинских степей и в то же время резко отличается от ближайших своих соседей на р. Томи. В Томском могильнике захоронения андроновского времени на Малом мысу отличаются от прочих андроновских могильников другим обрядом погребения. Умершие погребались там на спине, в вытянутом положении, головой на Ю или ЮВ, и снабжались не только пищей в горшках, но и многочисленными орудиями — каменными топорами, медными и каменными

Есть также и пластинчатый выемчатый кинжал андроновского типа, доставленный Н. С. Гуляевым в 1908 г. из с. Большая Речка в Барнаульский музей (рис. 5, 3).

Металл добывался еще с большим трудом и высоко ценился. Поэтому для изготовления украшений его расходовали экономно. Украшения делались не литыми, а из прокованных тонких листков меди (например, серьги) или из прокованных же узких полосок (бусы). Трудно пока судить, получало ли население Верхней Оби только готовые металлические изделия или и само занималось плавкой и ковкой металла. Следует отметить, что обе пары серег не полностью совпадают с формами серег из андроновских погребений в Малом Койтасе на Иртыше и в Боровом в северном Казахстане и могут рассматриваться как изделия местных мастеров. Как увидим дальше, племена карасукского этапа на берегах р. Оби уже определенно сами плавили металл.

Решить вопрос об основных видах хозяйственной деятельности андроновских племен Верхней Оби по обнаруженным памятникам этого времени не представляется возможным, так как в могилах не найдены ни кости животных, ни остатки зерен, ни орудия хозяйственного назначения. Но некоторые косвенные указания проливают свет и на этот важнейший вопрос в изучении культуры древних племен. Интересен в этом отношении погребальный обряд. В неолите в могилу с умершим клали различные необходимые ему, по представлениям того времени, для загробной жизни орудия и другие предметы, часто в большом количестве. Умершего снабжали мясной пищей. Так было на Оби, так было и у других неолитических племен степной и таежной Сибири и далеко за ее пределами.

В андроновское же время верхнеобские племена, как и вообще все андроновские племена, отправляя своих умерших в загробный мир, давали им обычно только горшок с какой-то пищей и больше ничего. Предметы украшения, обычно находимые в андроновских погребениях, — это части одежды умершего, его наряд. Мною учтено около 450 андроновских погребений, и только в 9 из них (около 2%) находились орудия (3 кинжала, 2 шила, 2 иглы, 5 наконечников стрел, 1 бронзовое и 4 костных острия). Я не знаю также ни одного достоверного случая, когда в могилу была

положена мясная пища. Кости животных находятся только в засыпке могилы или в насыпи и не имеют характера остатков от положенных в могилу кусков мяса. Это чрезвычайно важные факты. Они свидетельствуют о каких-то серьезных сдвигах, происшедших в экономике и идеологии андроновских племен. Учитывая весь имеющийся материал (не только памятники Верхней Оби), можно найти объяснение этим странным на первый взгляд фактам.

Вряд ли нужно сейчас приводить все соображения, доказывающие, что племена андроновской культуры перешли к оседлому пастушеско-земледельческому хозяйству, что скотоводство их было продуктивным — скот разводился не только для получения мяса, но главным образом ради молока, шерсти и т. д., что основными продуктами питания была молочная и растительная пища, что основные хозяйственные работы — пастьба и охрана скота, мотыжная обработка земли, устройство загонов для скота, сооружение оград для посевов и ряд других — производились силами всей общины или, во всяком случае, ею организационно направлялись. При переходе от охотничье-рыболовческого хозяйства, когда присваивались готовые продукты природы, к пастушеско-земледельческому, производящему эти продукты, коренным образом изменился весь жизненный уклад общины, его экономика и быт. Изменилась социальная структура — андроновские племена перешли к патриархально-родовому строю. Несомненно крупные изменения и в мировоззрении. Все это, конечно, не могло не отразиться на погребальном обряде.

Ритуальной пищей стала какая-то определенная молочная, или растительная, или молочно-растительная. Каждому умершему дают теперь в могилу горшок с такой именно пищей, а мясо, несомненно употреблявшееся в быту, в могилу не попадает.

Если раньше, при охотничье-рыболовческом способе добывания средств существования, охотника-рыболова, снаряжая в загробный мир, надо было снабдить необходимыми орудиями охоты, лова, а других членов охотничье-рыболовческого племени — соответствующими предметами, то члену пастушеско-земледельческой общины в этом не было необходимости. Не мог же он взять с собой общинное стадо и поле, а топор и мотыга без стада и поля бесполезны. Вместе

с изменениями в экономике, жизненном укладе возникли и новые представления о дальнейшей судьбе умершего. Там, в загробном мире, он найдет новую богатую общину, обладающую и полями и стадами, или войдет в общину, состоящую из ранее умерших своих сородичей и вместе с ними будет жить и трудиться. На дорогу ему надо поэтому дать только лишь небольшой запас пищи да исправную или, лучше, нарядную одежду. Таковы, примерно, должны были быть представления о переходе в загробный мир у андроновских племен. Позднее, в эпоху ранних кочевников, эти представления снова видоизменились в связи с довольно значительными переменами в экономике и социальном строе; вновь видоизменился и погребальный обряд, о чем будет сказано ниже.

Здесь же отметим, что погребальный обряд андроновских племен Верхней Оби красноречиво свидетельствует о том, что те изменения в хозяйственном и социальном строе, которые устанавливаются для андроновских племен Казахстана, Западной Сибири и Приенисейских степей, имели место и на Оби, что основой хозяйства андроновских племен Верхней Оби, как и андроновских племен Казахстана, Западной Сибири и Приенисейских степей, были земледелие и пастушеское продуктивное скотоводство и что несомненно общины их были патриархально-родовыми.

Таким образом, можно полагать, что в андроновское время племена Верхней Оби жили общей для всех племен южной Сибири и Казахстана жизнью, находясь на одинаковом с ними уровне культурного развития, имея сходный с ними в основных чертах и этнографический облик. Исследованные ниже по Оби, близ г. Новосибирска, андроновские поселения подтверждают эти положения, хотя сейчас остается еще неясным, принадлежали ли они к одному племенному образованию с населением Ближних Елбанов, или к другому.

Как ни бедны находками погребения андроновской эпохи на Ближних Елбанах, они позволяют осветить один интересный вопрос из истории культуры андроновских племен.

На Ближних Елбанах впервые открыто с совершенной определенностью специальное детское кладбище. На двух соседних дюнах вскрыта большая площадь — 370 кв. м

в пункте БЕ XII и 396 кв. м в пункте БЕ XIV. В первом пункте открыто 2 андроновских погребения, во втором 15, все детские. Нет ни взрослых, ни юношей, ни подростков. В 10 могилах, из 17 раскопанных, погребены младенцы в возрасте до 2 лет и только в одной могиле ребенок 3—4 лет. В остальных 6 могилах кости не сохранились, но, как уже указано выше, и эти могилы, судя по их размерам, были детские. Исследованное кладбище на Ближних Елбанах предназначалось для погребения одних только младенцев.

На Верхней Оби это не единственный случай. В могильнике на р. Змеевка открыто 9 андроновских погребений — все без исключения детские. К сожалению, возраст погребенных детей точно не определен. Установлены размеры лишь трех могил. Две из них несомненно могилы младенцев (50×70 и 60×90 см). Третья могила более крупных размеров (105×120 см).

Наличие двух таких детских могильников указывает на существование в андроновское время на Верхней Оби обычая хоронить младенцев на специально для этого отведенном кладбище и по особому, несколько упрощенному, обряду. Только ли на Оби был такой обычай? Имелись ли такие же кладбища младенцев и в других районах распространения андроновской культуры? Положительный ответ на это можно получить уже и сейчас, хотя специальные кладбища младенцев в других районах еще не открыты, а детские могилы неоднократно находились среди взрослых.

В степях Казахстана, Западной Сибири и Енисея часто в одной могиле со взрослыми оказывается погребенным и ребенок. Встречаются и отдельные детские могилы. К сожалению, во всех отчетах и публикациях отсутствуют точные определения возраста детей. Детскими могилами большей частью называются погребения детей отроческого возраста. «Ребенок» обычно находится в одной могиле со взрослым, почти всегда с женщиной. Следовательно, это, как правило, погребения или детей старшего возраста, или умерших одновременно с матерью. Между тем число умерших детей младенческого возраста должно было быть довольно значительным.

Для предположительного сравнения интересно обратиться к данным статистики конца XIX в. о возрасте умерших. В ка-

честве [примера [привожу таблицу возрастного состава умерших в сельских местностях России в 1890—1894 гг.¹

дой, которую живые не смели переступить. Ребенка нельзя было внести в ограду, и его похоронили за ее пределами.

Возрастная группа	Мужчины	Женщины	Всего, в %
	в процентах к общему числу умерших за 5 лет		
Младенцы от 0 до 2 лет	50.5	45.5	48.0
Дети от 2 до 15 лет	19.7	20.1	19.9
Юношеский возраст от 15 до 20 лет	1.7	2.1	1.9
Взрослые с 20 лет и старше	28.2	32.2	30.2

Следовательно, в конце XIX в. в России умирало детей младенческого возраста в полтора раза больше, чем взрослых. Вряд ли можно полагать, что в древности, в андроновское время, смертность детей была значительно ниже. Надо думать, что и тогда число могил младенцев должно было быть, во всяком случае, не меньше числа могил взрослых. Однако в известных нам андроновских могильниках количество погребений младенцев до 2 лет крайне незначительно. Очевидно, их хоронили где-то в других местах, может быть, так же, как и на Верхней Оби.

При археологических исследованиях в андроновских могильниках, как правило, раскапывались только могилы, имеющие внешние признаки в виде каменных оградок и земляных курганов, в которых находились погребения взрослых и несколько реже детей старшего возраста. Это дает повод предполагать, что могилки младенцев, не имеющие наземных сооружений, могли находиться на тех же кладбищах среди могил взрослых, но, незаметные на поверхности земли, они остались неисследованными. Об этом, например, свидетельствует обнаруженное погребение младенца в Алеп-Ауле в миниатюрном каменном ящике размером 70×35 см, поставленном за оградой могилы 5 (ИГАИМК, вып. 110, стр. 61). Оно также осталось бы незамеченным, если бы раскопки могилы ограничились пределами ограды. Однако этот случай следует рассматривать как особый вариант распространенного в андроновское время обычая погребать младенцев в могиле с матерью. Возможно, младенец умер вскоре после смерти матери, но уже после того, как могила была окружена огра-

Для решения поставленного нами вопроса необходимо при исследовании могильников производить раскопки не только самих могил (оград и курганов), но и остальной площади могильника. Только при этом условии могильник может считаться полностью исследованным. В связи с этим чрезвычайно интересны данные раскопок двух смежных грунтовых могильников около пос. Алексеевского на р. Тоболе, исследованных О. А. Кривцовой-Граковой. Сплошным раскопом площадью в 820 и 750 кв. м открыто 9 погребений в одном могильнике и 12 в другом. По мнению исследователя, в этих могильниках погребены исключительно женщины и дети (Кривцова-Гракова, 1947, стр. 62—71). Здесь было 9 детских погребений и 12 взрослых. Возраст погребенных детей точно не определен. Судя по предложенным к работе Кривцовой-Граковой чертежам, в погребении № 15 обнаружен скелет молодого человека юношеского возраста, в погребении № 19 — подростка 12—13 лет, в погребении № 16 — ребенка 7—10 лет, в погребении № 17 — ребенка 3—5 лет. В погребении № 14 от скелета сохранились 2 молочных зуба, из этого следует, что погребенному могло быть от 1 до 7 лет. Наконец, о погребении № 11 сказано, что там костей не сохранилось, но на дне могилы обнаружен «глен темнобурого цвета», обрисовывающий очертания тела «маленького ребенка». Следовательно, из 9 детских могил в 4 погребены дети старшего возраста, в 2 — малые дети, точный возраст которых не установлен, а относительно возраста погребенных в 3 могилах вообще нет никаких указаний. Возможно, что среди всех исследованных здесь погребений нет ни одной могилы младенца до двух лет или же их было не более 2—3. Если бы в Алексеевских могильниках хоронили всех умерших, в том

¹ Таблица составлена по данным, заимствованным из статьи «Россия» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, т. XXVIIa, 1899, стр. 101.

числе и младенцев, то могилы последних должны были бы составлять значительный процент — до половины общего числа могил, чего на самом деле нет. Значит, и в Алексеевских могильниках младенцев, как правило, не хоронили. Это были обычные кладбища для погребения взрослых обоого пола и детей старшего возраста, как и все другие исследованные могильники андроновской культуры.¹ Исключением в этом отношении является Алакульский могильник, исследованный К. В. Сальниковым в Челябинских степях. Под насыпью раскопанных здесь двух курганов обнаружено 49 могил. Из 57 погребенных в них было 12 взрослых, 4 юношеского возраста, 6 детских 5—8 лет, 35 отмечены автором как погребения «детские» и погребения «ребенка» (Сальников, 1952). Сколько среди последних было младенцев в возрасте до двух лет, остается неизвестным, но младенцы здесь были погребены и, по видимому, в большом количестве. Алакульский могильник был несомненно таким кладбищем, где хоронили всех умерших — взрослых, детей и младенцев, что не характерно для подавляющего большинства других андроновских могильников.

Наличие на Верхней Оби специальных кладбищ для погребения младенцев и отсутствие погребений младенцев в андроновских могильниках в других районах (кроме Алакульского могильника и случаев погребения младенца с матерью) позволяют предполагать, если не о повсеместном, то, во всяком случае, о широком распространении у андроновских племен обычая хоронить младенцев отдельно, на особых кладбищах с отличным в некоторых деталях погребального обряда.

Не только в андроновское время существовал такой обычай. Если внимательно проанализировать возрастной состав погребенных в могильниках других эпох в южной Сибири, то можно установить, что и там погребений младенцев нет. Такой обычай

практиковался в южной Сибири до недавнего времени. Койбалы, например, «прежде мертвых детей... сажали на деревья, но ныне хоронят в землю, как и взрослых» (Семенов и Потанин, 1877, стр. 597). Телеуты, в зоне недавнего обитания которых находятся Ближние Елбаны, «прежде покойников сжигали или вешали на деревьях; теперь детей вешают на деревьях, так как они ни в чем не грешны, а взрослых хоронят в гробах» (Георги, 1776, стр. 165).

Обычные обряды погребения некоторых категорий умерших, таких, как, например, шаманы, утопленники и т. д., были широко распространены у разных племен и народов и применялись в соответствии с особенностями анимистических представлений, согласно которым души некоторых категорий умерших проходили по смерти человека иной путь, чем души остальных. Даже в такой развитой религии, как христианская, исключались из нормального обряда погребения самоубийцы и отлученные от церкви, а души малых детей считались безгрешными. Души младенцев у многих, если не у всех, племен и народов представлялись качественно отличными от душ взрослых людей.

Примером того, как предполагаемые особые свойства души младенца связывались с особым обрядом их погребения, могут служить представления ульчей о родном дереве. Ульчи считали, что у каждого рода есть свое дерево, на ветвях которого живут и плодятся человеческие души в виде маленьких птичек, питающиеся почками этого дерева, высиживающие на нем свои гнезда и выводящие птенцов. Как только такая птичка-душа попадает в тело женщины, последняя делается беременной. Если ребенок умирает до года, то его душа снова возвращается на свое дерево и делается птичкой, которая возвращается в чрево той же женщины. В соответствии с такими представлениями, ребенка, умершего до года, не хоронили в землю, как взрослых. «Тельце заворачивали в белую тряпочку, к которой пришивали крыло птички. У нитки, которой было пришито крыло, оставляли длинный конец. Затем тело клали в выдолбленный гроб, сквозь отверстие в котором продевали длинный конец нитки, и вешали гроб на дерево, неподалеку от стойбища. Мать брала конец нитки и, привязав ее к руке, становилась у дерева. Затем ударом палки нитку обры-

¹ О. А. Кривцова-Гракова, судя по ее статье, все могилы взрослых считает женскими, что вызывает сомнения. Из-за плохой сохранности костей пол погребенных мог быть точно установлен только для части погребений. В двух случаях пол определялся только по сопровождающим вещам (например в погребении № 7 — низка бус), что не является надежным доводом; в ряде случаев никаких данных для определения пола вообще не имелось (погребения №№ 3, 5, 6).

вали. Тем самым рвалась связь матери с душой ребенка, превращавшейся в птичку и улетавшей на родовое дерево». (Золотарев, 1939, стр. 40).

Несколько иными были обряды погребения детей у гиляков, по воззрениям которых душа ребенка также обладала некоторыми особыми качествами. Они считали, что души детей, умерших до 5—6-летнего возраста, возвращаются в утробу матери для возрождения, а старше этого возраста отправляются в селение мертвых. Поэтому умерших грудных младенцев они не сжигали, как взрослых, а, положив в долбленный гробик, водружали в лесу на развилке больших сучьев дерева. Детей же, умерших в возрасте года и старше, сжигали, но не на лиственничных дровах, как взрослых, а на тальниковых, так как лиственница при горении трещит и душа ребенка, испугавшись треска, может убежать и не вернуться к матери для возрождения. Детей хоронили или сжигали всегда вблизи тех мест, около которых часто бывает их мать. Постоянно навещающая место погребения своего ребенка, мать призывала его, совершая при этом некоторые обряды. Так она поступала в течение 2—3 месяцев, пока не убеждалась, что душа ее ребенка ушла безвозвратно или вернулась назад в ее чрево для возрождения, о чем судили по новой беременности (Крейнович, 1930, стр. 99—100).

Вероятно, подобного рода представлениями о душе младенца объясняются и погребальные обряды ительменов и алеутов, наблюдавшиеся авторами XVIII в. Итель-

мены, оставляющие своих мертвых на съедение собакам, «младенцов хоронят в дуплеватых деревьях» (Крашенинников, 1781, стр. 137). Алеуты о-ва Уналашки, где нет деревьев, укладывают мертвых младенцев в кожаное подобие гробика, подвешивают его около постели, где его «держат по году и более, или до тех пор, как родится другой ребенок» (Сарычев, 1802, стр. 168).

У разных племен, в разные времена могли быть самые разнообразные представления об особых свойствах души ребенка, а в связи с этим и разные обряды погребения младенцев, которые варьировали также и в зависимости от многих других явлений социальной жизни и даже от географических условий. Поэтому трудно и, пожалуй, невозможно решать сейчас вопрос о том, как конкретно представляли себе андроновские племена душу ребенка, какими особыми свойствами и качествами ее наделяли и как это связывали с принятым ими обычаем хоронить младенцев на специально отведенном для этого кладбище в маленьких могилках. Однако изложенные здесь наблюдения и сопоставления с несомненностью указывают на то, что анимистические представления древних андроновцев составляли сложную систему, согласно которой разные по возрасту и, вероятно, по социальному положению люди обладали душами с разными свойствами и качествами и проходили разный путь во время своей загробной жизни. В частности, особыми качествами обладали души младенцев, в связи с чем погребали их на особом кладбище и, вероятно, по иному обряду.

Глава III

КАРАСУКСКАЯ ЭПОХА

Если в андроновское время культура разных племен на обширных пространствах была весьма сходна как по внешним признакам, так, повидимому, и по своему содержанию, то в карасукскую эпоху такого единства культуры у племен Казахстана и южной Сибири не наблюдается. При значительном сходстве, объясняемом наличием развитых межплеменных сношений и происхождением в основном от племен с единой в общем культурой, отдельные группы племен карасукского времени выработали отчетливо наблюдаемые по археологическим памятникам внешние формы своей особой, им присущей культуры, свой этнографический облик, настолько ярко выраженный, что рассматривать их как носителей одной культуры невозможно. Если этнографические особенности енисейских племен этого времени широко известны в археологической литературе под наименованием карасукской культуры, то распространять этот термин и на другие группы племен карасукского времени — томскую, новосибирскую, верхнеобскую, центральноказахстанскую — не представляется целесообразным. В лучшем случае можно говорить лишь о томском, новосибирском, верхнеобском и других вариантах карасукской культуры. Вот почему в настоящей работе по отношению к племенам Верхней Оби принят термин «карасукская эпоха», а не «культура».

Памятники

Как и в предшествующий период (андоновская культура), памятники карасукской эпохи на Ближних Елбанах представлены только могильником, который находится на

противоположном конце гряды дюн, в пункте БЕ IV (табл. IV). Дюна, как уже отмечено, более чем наполовину развеева ветрами, а оставшаяся часть ее местами занесена песками, местами лишена почвенного покрова, уничтоженного ветрами иногда лишь только по поверхности, иногда во всю свою толщу до горизонта чистого песка. Поэтому не удастся точно установить очертания дюны и определить отношение ее разрушенной части к сохранившейся. В 1925 г. мною были обнаружены здесь остатки четырех погребений, разрушенных сначала ветрами, а затем и представителями современного местного населения, пытавшимися найти в древних погребениях любопытные вещи.

М о г и л а 1. Незадолго до моего приезда дети нашли череп человека и, разрывая вокруг него песок, остальные кости скелета, лежавшего, по их словам, на спине (?), головой на ЮЗ. Около черепа ими найдены целый и 2 раздавленных горшка (табл. VI, 3, 7, 9), 4 медных пронизки (табл. V, 5) и бусы, медные и аргиллитовые (табл. V, 3, 7); на костях предплечья, надетые на них, 5 или 6 медных браслетов (табл. V, 1, 2), а на фалангах рук 3 или 6 медных проволочных кольца. Кроме того, найдены 2 бронзовых височных кольца с гвоздевидной шляпкой (табл. V, 9), одно разогнуто напешшими эту вещь детьми, и две литые бронзовые бляшки (табл. V, 6). Часть этих предметов была мне передана, часть потеряна. На месте раскопанной могилы мною обнаружены поломанные и разбросанные кости скелета молодой женщины 20—30 лет, черепки двух разбитых горшков, несколько бусинок и обломок височного кольца (табл. V, 8). Кости во многих местах

окрашены медной зеленью, а именно: лобная, обе височные, затылочная, одна теменная и верхнечелюстная, почти все мелкие кости кистей рук и нижние части костей предплечья. Это полностью соответствует указанному открывшими погребение детьми расположению в могиле медных предметов. Лобная кость могла быть окрашена круглыми бляшками, местонахождение которых нашедшими их не указано.

М о г и л а 2. Погребение, развезенное ветрами и кем-то разрытое. Мною найдены в беспорядке обломки костей человека, черепки одного горшка (табл. V, 31) и две медные бусины.

М о г и л а 3. Также развезенное ветрами погребение и кем-то разрытое. Мною найдены остатки костей человека, черепки одного горшка (табл. VI, 1), медная трубочка-пронизка (табл. V, 17), медное кольцо с несомкнутыми концами (табл. V, 15) и несколько медных бус (табл. V, 16).

М о г и л а 4. Остатки такого же погребения. Среди обломков костей мною найдено 5 медных бус. По словам гражданки М-ой, частично разрывшей это погребение, скелет был ориентирован головой на ЮЗ и, кроме глиняного горшка, никаких вещей при нем не было. Среди находившихся неподалеку обломков горшков выбрать достоверно относящиеся к этому погребению не удалось.

На поверхности развезаемого ветрами песка в разных местах находились еще обломки костей человека и черепки горшков, частью собранные затем в крупные фрагменты или в целые сосуды (табл. VI, 6), несомненно происходящие из таких же погребений, но связать их в определенные могильные комплексы не удалось.

За прошедшие после этого 20 лет значительная часть дюны была развезена ветрами и много погребений несомненно было уничтожено. В 1946 г. на поверхности выдува обнаружены только немногочисленные черепки и ничтожные остатки костей человека из погребений, развезенных несколько лет тому назад. В 1947 г. здесь были предприняты раскопки одновременно могильника карасукской эпохи и культурного слоя фоминского этапа. Раскопом площадью в 290 кв. м вскрыто 5 карасукских погребений (табл. IV). Установить точно взаимное расположение раскопа 1947 г. и открытых в нем погребений с погребениями, обследованными в 1925 г., не удалось.

Так как почвенный слой по всей площади раскопа срезан ветрами на более или менее значительную толщину, то внешних признаков могил не наблюдалось, да, вероятно, и вообще могилы их не имели. Трудно было установить и глубину погребений. В следующем ниже описании глубина указывается от поверхности раскопа (могилы 5, 6, 9) или от нижней границы почвенного слоя (могилы 7, 8), а в скобках — предполагаемая глубина от поверхности почвы.

М о г и л а 5. Неправильно овальная яма, 120×55 см, глубиной не менее метра. Найден скелет взрослой женщины, погребенной, повидимому, в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Первоначальное положение костей нарушено. На своих местах сохранились только череп с нижней челюстью, правая плечевая кость и кости обеих стоп. Остальные кости сдвинуты со своих мест, иногда весьма значительно. Причина нарушения погребения не установлена. На черепе (на лбу) — две медные нашивные бляшки (табл. V, 11, 12); около темени — медная бусинка (табл. V, 13); около ветвей нижней челюсти — две медные трубочки-пронизки с остатками кожи или сухожилий внутри, одна под челюстью, другая сверху (табл. V, 10); в противоположном конце могилы на малой берцовой кости — медная трубочка-пронизка (табл. V, 14).

М о г и л а 6. Под почвенным слоем могильное пятно овальной формы, размером 70×45 см. На глубине 40 (60) см остатки пережженных костей и угольки. Очертания могильной ямы не установлены. На глубине 110—115 (130—135) см обнаружен скелет взрослого мужчины в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. У головы горшок (табл. V, 29), а на нем частично в него погружившийся бронзовый нож (табл. V, 25), ранее лежавший, возможно, на крышке горшка (не сохранившейся). У лобных костей две медные нашивные бляшки (табл. V, 23, 24). Перед костями предплечья несколько угольков.

М о г и л а 7 (табл. IV). Овальная яма, 110×55 см, глубиной 65 (95) см, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. Скелет женщины 40—60 лет в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Перед лицом горшок (табл. VI, 5); на левой стороне нижней челюсти бронзовое височное кольцо со шляпкой (табл. V, 21), а на верхней челюсти

и скуловой кости две медные трубочки-пропизки (табл. V, 18); под черепом, примерно в тех же местах, также височное кольцо и три трубочки-пропизки (табл. V, 18, 19); такие же пропизки — одна на левом надбровье, другая в орбите правого глаза, третья на дне могилы перед орбитой глаза, рядом с последней бронзовая бляшка (табл. V, 22) и кольцо из тонкой медной пластинки (табл. V, 20).

М о г и л а 8 (табл. IV). Овальная яма, 140×75 см, глубиной 105 (135) см, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. Скелет женщины(?) 40—60 лет, в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Перед лицом горшок (табл. V, 32); на левой височной кости две медные бусинки.

М о г и л а 9 (табл. IV). Прямоугольная с закругленными углами яма, 210×140 см, глубиной 85 (110) см, ориентированная длинной осью по линии ЮВ—СЗ. В верхней части заполнения ямы, посередине, следы углей и истлевшего дерева. В южной половине могилы скелеты трех взрослых мужчин, все в возрасте 40—60 лет, погребенных в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. У головы первого скелета (считая с юга) два горшка (табл. V, 26, 28); в большом горшке медная трубочка-пропизка, свалившаяся в него, вероятно, с черепа. Около темени второго скелета медная бусинка; под черепом половинка медного проволочного кольца и две медные пластинки с загнутым краем. У темени третьего скелета три такие же пластинки. В не занятой погребенными северной части могилы еще два горшка, стоявшие вдоль юго-западного края ямы (табл. V, 27, 29).

Повидимому, несколько карасукских погребений на этой же дюне раскопано Н. С. Гуляевым и В. П. Михайловым, но сведения о них весьма неполны и неточны.

Н. С. Гуляев в 1912 г., по сообщению В. П. Михайлова, «прорезал в нескольких местах борта городища» (Михайлов, 1917, стр. 4) и сделал разрезы в выдуве на дюне БЕ IV (там же, стр. 8), которая названа им, повидимому, «курган № 5». В МАЭ с такой этикеткой хранятся два бронзовых ножа и около десятка железных предметов. Железные предметы принадлежат к типам, характерным для фоминского этапа, и происходят, очевидно, из культурного слоя, а бронзовые ножи, подобные ножу из нашей могилы 6,

из карасукских погребений.¹ По всей вероятности, из этих же погребений происходят и три горшка, хранящиеся в Горно-Алтайском музее в составе собрания Н. С. Гуляева без указания об их происхождении (табл. VI, 8, 11, 12). Судя по указанным вещам, в раскопе Гуляева оказалось не менее 2—3 карасукских погребений. Отсутствие в его находках мелких медных украшений, обязательно встречающихся в каждой могиле, может объясняться лишь недостаточной тщательностью раскопок и возможностью их утраты при пересылках.

В. П. Михайлов в 1915 г. раскопал пять частично развеянных ветрами погребений в выдуве, охватывающем пункты БЕ IV, V и XV. Два погребения, по всей вероятности, относятся к карасукскому могильнику БЕ IV. В одном из них обнаружен костяк в «утробном положении» — на левом боку, головой на ЮЗ. Около черепа находился «глиняный сосуд малого размера без орнамента, но с подчеркивающей линией и несколько отдаленным наружу краем». В другом погребении найден костяк «также в согнутом положении, но на правом боку» (Михайлов, 1917, стр. 8).

Следует указать еще находки отдельных предметов, типологически определяемых карасукским временем, но без точных данных об их происхождении. Это приобретенный мною в 1925 г. бронзовый кельт-тесло с ушком на одной стороне и вдавленностью на другой, происходящий, по словам нашедшего его, с выдувов на Ближних Елбанах, и 4 бронзовых ножа, доставленных в 1908 г. в Барнаульский музей Н. С. Гуляевым с указанием, что они найдены в с. Большая Речка. Если не все, то часть их несомненно происходит с Ближних Елбанов, как и почти все остальные находки в районе с. Большая Речка. Два ножа с отверстием в рукоятке для подвешивания, отлитых в односторонних двустворчатых формах, принадлежат типам, обычным для карасукских погребений на Верхней Оби. Два других представляют собой клинки ножей казахстанского типа, верхняя часть которых превращена в рукоять, для чего в одном случае просвер-

¹ Эти ножи первоначально были отнесены мною к более позднему времени, к VII—VI вв. до н. э. (Грязнов, 1947, стр. 16), а нахождение их в одном «кургане» с железными вещами я объяснял тем, что предметы в коллекции Н. С. Гуляева перепутаны.

лено круглое отверстие, в другом — острый край лезвия затуплен ковкой.

Все указанные здесь погребения и отдельные находки относятся, повидимому, к одному памятнику на Ближних Елбанах — к могильнику в пункте БЕ IV. Могильник был обширным по площади и, вероятно, содержал большое число погребений, из которых только незначительная часть нами учтена. Однако и то, что удалось исследовать, позволяет составить довольно ясное представление о памятнике.

На раскопанной нами площади могильника, как это видно на плане (табл. IV), погребения распределены группами по два-три вместе. В одном случае три могилы расположены в ряд (№№ 7—9), в другом — одна за другой (№№ 5, 6). Это позволяет предполагать, что могилы имели на поверхности какие-то ограды, примыкающие одна к другой, как это наблюдается на многих могильниках андроновской культуры и карасукской эпохи (Комарова, 1951, рис. 15; Теплоухов, 1927, табл. X). В грунтовых могильниках погребения, как правило, расположены тесно и не образуют отдельных групп, а распределяются более или менее равномерно по всей площади могильника. Каменные ограды на Ближних Елбанах не сооружались, так как камень здесь совершенно отсутствует, но они могли быть деревянными и поэтому не сохранились. Только так и можно объяснить распределение погребений в могильнике небольшими группами, расположенными в десятках метров одна от другой.

В могилах не делалось каких-либо гробовищ из камня или дерева. Умерших укладывали прямо в вырытую в песке яму. Об этом можно судить не только по отсутствию остатков гробовищ, ведь дерево могло в песке не сохраниться, но и по форме могильных ям. Все могилы имеют округлые в плане очертания в виде неправильного овала. В одном случае (могила 9) форма могилы приближается к прямоугольной, но углы ее закруглены, а северо-восточная стенка скошена в северной части. Если бы в могилу помещалось какое-нибудь деревянное сооружение, то стенки ее были бы прямыми.

Погребенные во всех могилах уложены в скорченном положении, на боку, головой на ЮЗ: в шести могилах на правом боку, в одной — на левом. Могилы небольших

размеров, в такой могиле помещался только труп погребенного и горшок с пищей. Хотя во всех исследованных могилах погребены взрослые мужчины и женщины, длина могил не превышает 150 см, а ширина 75 см. Могила 7 была размерами всего лишь 110 × 55 см. Только могила 9 была более просторной. В длину (т. е. по направлению находившихся в ней костяков) она имела 140 см, а в ширину 210 см, т. е. значительно больше того, что требовалось для погребения в ней трех человек. Северная часть могилы оставалась свободной. Могилы эти по сравнению со многими другими на Ближних Елбанах довольно глубоки — от 95 до 135 см.

Покойника хоронили в одежде, от которой сохранились только медные украшения, в могилу ставили один или два горшка с пищей, рядом с пищей находился нож. Такой обряд характерен вообще для погребения карасукской эпохи как на Оби, так и на Енисее. Все предметы карасукского времени из случайных находок на Ближних Елбанах относятся к тем категориям вещей, которые являются обычной принадлежностью карасукских погребений — бронзовые ножи и нарядно украшенные небольшие горшки. Исключение составляет бронзовый кельт. Орудие и оружие в карасукских могилах на Оби и Енисее обычно не обнаруживаются, за исключением ножей, обычно находившихся рядом с пищей, и шильев, которые, как и зеркало, составляли неотъемлемую часть наряда — их носили у пояса. Но в двух могилах все же были найдены орудия, не связанные ни с пищей, ни с одеждой покойника — в обоих случаях бронзовые кельты: один в г. Абакане в могиле обычного типа (Липский, 1949, стр. 77), другой в богатом погребении с большой курганной насыпью на р. Бее, в Хакасии (Киселев, 1939, стр. 256; 1951, табл. XI, 13). Следовательно, все приведенные выше находки отдельных предметов на Ближних Елбанах, в том числе и кельт, могут рассматриваться как инвентарь погребений.

Остатков поселения карасукской эпохи на Ближних Елбанах обнаружить не удалось. Возможно, оно полностью уничтожено ветрами.

Памятники карасукской эпохи на Верхней Оби мне известны еще в 5 пунктах. Поскольку материалы их не опубликованы, необходимо дать их краткую характеристику.

1. Дальние Елбаны I. Близ с. Большая Речка в 1 км к СЗ от Ближних Елбанов, на развеваемой ветрами дюне в 1925, 1946 и 1947 гг. мною собрана серия черепов карасукской эпохи, а также керамика и некоторые предметы других эпох. Материалы в Эрмитаже.

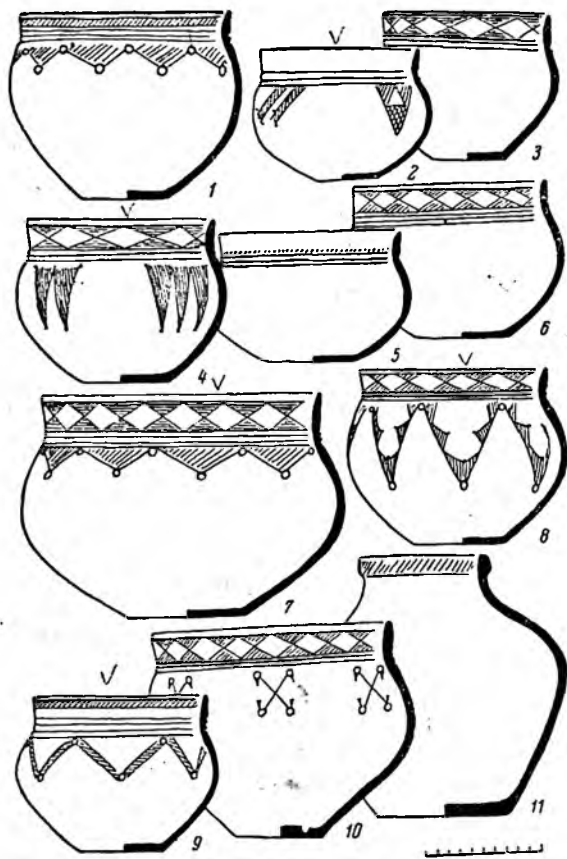

Рис. 6. Глиняная посуда из погребений на Долгой Гриве.

2. Долгая Грива (уроч.). К северу от дер. Камышенки (25 км к Ю от с. Большая Речка), на западном берегу оз. Шибавы С. М. Сергеев раскопал в 1930 г. 17 погребений карасукской эпохи. Материалы в Эрмитаже (Киселев, 1951, стр. 151—155).¹

3. Фоминское (село). В Барнаульский музей доставлена отсюда серия черепков

¹ 15 сосудов из погребений на Долгой Гриве воспроизведены С. В. Киселевым в его книге на табл. XVI, но в подписи к рисункам ошибочно указано, что они происходят «из карасукских могил у с. Суртайского на Алтае». Между тем именно эти сосуды подробно описаны им же на стр. 154—155 как происходящие из погребений на Долгой Гриве (Киселев, 1951).

карасукского типа, собранных вместе с черепками других эпох на песчаных выдувах.

4. Енисейское (село). Ниже села вдоль яра, размываемого р. Бией, Алтайской экспедицией ГРМ в 1925 г. собраны черепки разных эпох, в том числе и карасукского типа. Материалы в Эрмитаже.

5. Змеевка (р.) близ с. Красный Яр. Одно погребение раскопал С. М. Сергеев в 1930 г. под насыпью кургана более позднего времени (курган 2, могила 1). Материалы в Эрмитаже.

На Долгой Гриве могилы отмечены на поверхности дюны небольшими холмиками высотой 30—40 см и от 8 до 20 м диаметром.¹ Овальные в плане, они вытянуты длинной осью по направлению господствующих ветров. Не вполне ясно, действительно ли это надгробные насыпи, или возвышенности естественного происхождения. В двух из них погребения не обнаружены. Из отчета С. М. Сергеева неясно, был ли под насыпью слой погребенной почвы и где находился культурный слой, содержавший много костей быка, лошади, лося, медведя и кабана — под насыпью или по ее поверхности. Не прослежены форма и размеры могильных ям.

Погребения находились на глубине 50—150 см (от поверхности могильного холма?). Кости, как правило, плохо сохранились, иногда обнаруживаются только ничтожные остатки некоторых костей да коронки зубов. Такие могилы с сохранившимися на месте целыми горшками и мелкими медными вещами С. М. Сергеев неправильно считал разграбленными.

Погребенный во всех случаях, когда это можно установить, лежит на правом боку в скорченном положении, с коленями у груди, руками у лица, головой в трех могилах на З, в трех на ЮЗ и в одной на Ю. Повидимому, основная ориентировка на ЮЗ с отклонениями на З и Ю.

Под одним холмом (могила 15) было две могилы, под остальными по одной. В каждой могиле погребено обычно по одному человеку, в двух по два (могилы 1 и 12), в одной четыре (могила 16).

Около головы погребенного поставлен один или два глиняных горшка, иногда третий в ногах (рис. 6). В четырех могилах рядом

¹ Описание могильника даю по материалам рукописного отчета о раскопках С. М. Сергеева, хранящегося в Эрмитаже.

с горшком положен бронзовый нож (рис. 7, 26—28).

На костях черепа сохранились части головных уборов в виде тонких медных лент, дугообразно изогнутых (рис. 7, 4, 5), ряда чередующихся медных бляшек и бус-пронизок (рис. 7, 2), ряда бус-пронизок (рис. 7, 3) и отдельных бляшек, пронизей,

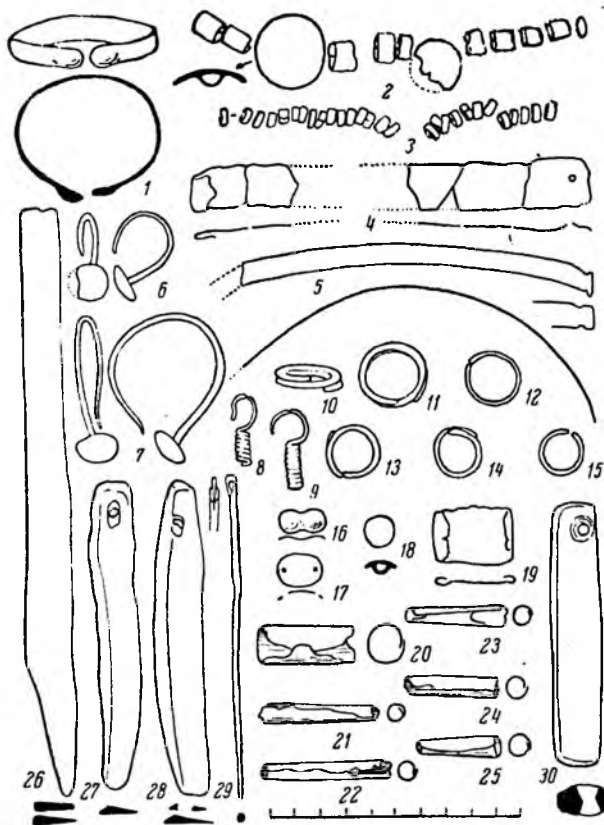

Рис. 7. Вещи из погребений на Долгой Гриве. (30 — камень; остальные — бронза).

бус-пронизок и пластинок с загнутыми краями (рис. 7, 16—25). На височных костях находились характерные медные височные украшения с гвоздевидной шляпкой на конце (рис. 7, 6, 7) и серьги из спирально согнутой проволоки (рис. 7, 8, 9.)

На предплечьях одного скелета были медные литые браслеты (рис. 7, 1). У четырех скелетов на пальцах надеты медные проволоочные кольца (рис. 7, 10—15), все на правой руке, в одном случае по кольцу на всех четырех пальцах, в остальных — одно кольцо на безымянном пальце. Кроме того, найдены:

подвеска из камня красивой зеленоватой мелкозернистой породы (рис. 7, 30); каменный, сильно сточенный оселок; медная игла (рис. 7, 29), согнутая в двух местах под прямым углом, обнаруженная на 35 см выше погребения вместе с плохо сохранившимися остатками костей человека (может быть, другое погребение).

Погребение на р. Змеевке находилось на глубине 45 см от поверхности насыпи кургана (высота насыпи 15 см). Обнаружен скелет молодой женщины(?) на правом боку,

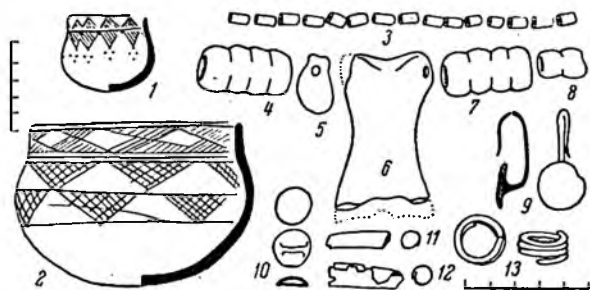

Рис. 8. Вещи из погребения на р. Змеевке. (1, 2 — глина; 4, 5 — кость; остальные — бронза).

в скорченном положении, с коленями, подогнутыми к груди, руками — к лицу, головой на З. У черепа глиняный горшок и крошечная чашка емкостью 55 куб. см (рис. 8, 1, 2). На шее два ожерелья (или части шитого нагрудного украшения) — одно из 15 белых аргиллитовых бус (рис. 8, 3), другое из трех медных литых пронизей просверленного зуба марала (?) и просверленной же бабки лошади (рис. 8, 4—8). Здесь же круглая медная бляшка (рис. 8, 10) и две пронизки, свернутые из листовой меди (рис. 8, 11, 12). Под правой височной костью серьга, подобная найденным на Долгой Гриве (рис. 8, 9). На одном из пальцев правой руки бронзовое спиральное кольцо (рис. 8, 13).

Датировка

Вопрос относительной хронологии могильника БЕ IV, а также и других только что отмеченных памятников на Верхней Оби применительно к установленным периодам эпохи бронзы в степной полосе СССР не вызывает особых затруднений. Принадлежность их к карасукской эпохе настолько очевидна, что нет надобности на этом подробно останавливаться. Однако известные на Верхней

Оби памятники карасукского времени, несмотря на их малочисленность, позволяют все же ставить вопрос о разделении их на две хронологические группы. Тем самым представляется возможность дать более точное определение относительной хронологии могильника БЕ IV.

Как по обряду погребения, так и по типам вещей могильник на Ближних Елбанах

ной и той же могиле, сосуды, по форме и орнаменту ничем не отличающиеся от сосудов, характерных для могильника на Долгой Гриве. Керамика с «воротничком» на шейке известна также лишь по сборам на поверхности, в селах Фоминском, Енисейском и на Дальних Елбанах I.

Еще в 1930 г., после раскопок С. М. Сергеева, было очевидно наличие в районе Верхней Оби двух типов карасукской керамики — одного, представленного материалами из раскопок на Долгой Гриве и на Змеевке, который в дальнейшем, для удобства изложения я буду называть гладкостенным типом, и другого, представленного раскопками на Ближних Елбанах и сборами в трех других пунктах, называемого в дальнейшем воротничковым типом. Тогда же было ясно, что эти типы керамики соответствуют двум хронологическим группам памятников, так как географическое распределение их совпадает: оба типа встречаются как в южной

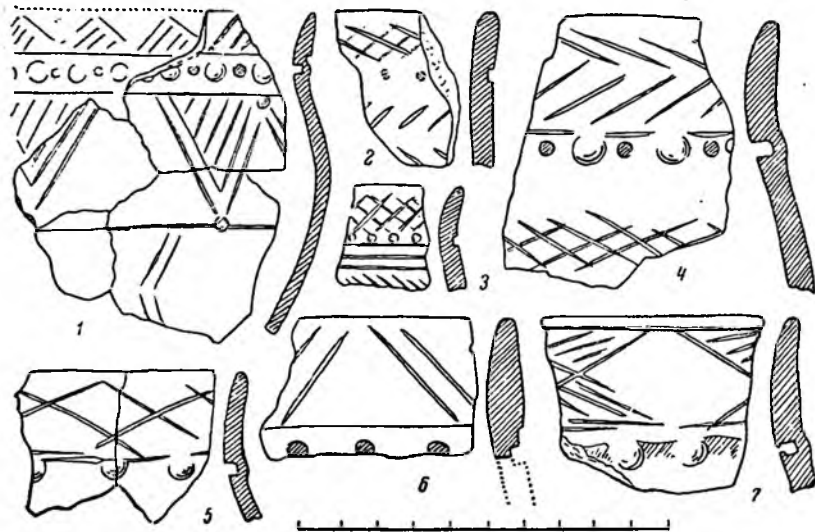

Рис. 9. Обломки глиняной посуды из с. Фоминского.

почти совершенно сходен с могильником на Долгой Гриве и карасукским погребением в районе Змеевки. Только в керамике можно видеть вполне отчетливые различия. Сосуды Ближних Елбанов частью имеют те же формы и орнаменты, но прослеживается наличие значительного количества и новых. Особенно характерно появление сосудов со слабо выраженной шейкой или совсем без шейки, что обычно сочетается с наличием налпного «воротничка» на венчике (табл. VI, 1, 2, 8, 12) и орнаментов в виде ряда выдавленных изнутри бугорков (табл. V, 31; VI, 1, 2, 7, 8), рядов косых оттисков гладкого или зубчатого штампа (табл. VI, 1, 7, 12) и косой сетки из пересекающихся линий (табл. V, 31).

В могильнике на Ближних Елбанах эти новые формы сосудов и их орнамента значительно меняют общий облик керамики, но наряду с ними присутствуют также, и в довольно большом количестве, иной раз в од-

части района Верхней Оби — в Змеевке, Фоминском (рис. 9) и Енисейском (рис. 10), так и в северной — на Долгой Гриве, на Ближних и Дальних Елбанах (рис. 11). Однако вопрос о том, какая из этих групп памятников является более ранней, какая поздней, оставался нерешенным вследствие того, что оба типа керамики имели некоторые черты, сближающие их как с предшествующей керамикой андроновской культуры, так и с последующей — большереченского этала, а в бронзе и других вещах различия также не улавливались. Только после точного статистического анализа особенностей форм и орнаментов керамики этот вопрос получает свое разрешение.

Наиболее показательными для определения относительной хронологии рассматриваемых типов керамики оказались орнаментальные мотивы, украшающие венчик сосуда и, значительно реже, его плечики и тулово.

Различного рода крупные фестонные орнаменты на плечиках и тулове сосуда, состоящие из заштрихованных лент, треугольников и их комбинаций, одинаково характерны для обоих типов керамики. Разные их варианты встречаются в равной мере на обоих типах керамики, и подметить какие-либо закономерности их в сочетании с этими типами пока не удастся.

На рис. 12 указано количество сосудов (как целых, так и представленных отдельными черепками), имеющих тот или иной орнаментальный мотив.

Первая группа орнаментов — ряд выдавленных изнутри бугорков (I) или круглых ямок (III), ряд бугорков, чередующихся с ямками (II), или, наконец, ряд бугорков с оттиснутыми на них и между ними кружками (IV) — совершенно не свойственная керамике андроновской культуры, ни разу не встречена и на карасукской керамике гладкостенного типа, зато на карасукской керамике воротничкового типа эти ряды бугорков и ямок украшают собой почти половину известных нам сосудов (24 из 55). В дальнейшем ряд бугорков и ямок является основным орнаментальным мотивом на керамике большебереченского, бийского и березовского этапов.

Вторая группа орнаментов — ряды наклонных оттисков гребенки или гладкого штампа (V—IX), также не свойственная андроновской керамике и карасукской гладкостенного типа, отмечена на 26 из 55 карасукских сосудов воротничкового типа и является одним из наиболее распространенных орнаментальных мотивов более поздней по времени керамики большебереченского этапа.

Поясок косоугольной сетки, оттиснутый гребенкой или гладким штампом (X), не свойственный ни андроновской, ни карасукской гладкостенного типа керамике, присутствует на каждом четвертом сосуде в карасукской керамике воротничкового типа (на 13 из 55), а в дальнейшем является обычным для большебереченского этапа и получает наибольшее распространение в керамике бийского этапа.

Характерный орнамент в виде зигзага со срезанными углами, заключенного между двумя линиями (XI), встречается лишь на карасукских сосудах воротничкового типа и позднее на сосудах большебереченского этапа, где он помещается обычно на косом срезе края венчика.

Следующие две формы орнамента — горизонтальная линия с рядом точек над ней (XII) и ряд косых черточек, заключенных между двумя горизонтальными линиями (XIII), — не показательны для различения

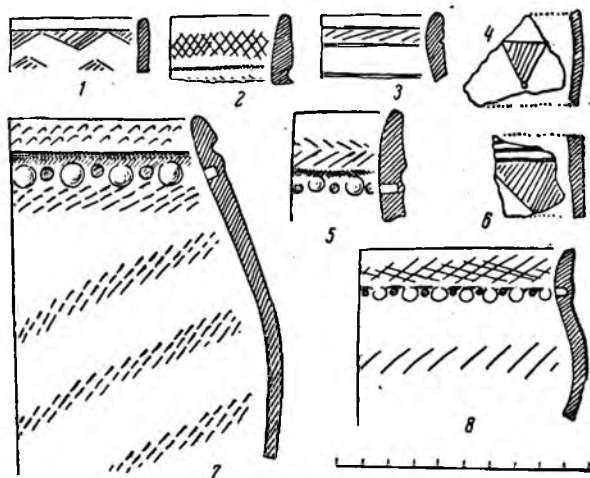

Рис. 10. Обломки глиняной посуды из с. Енисейского.

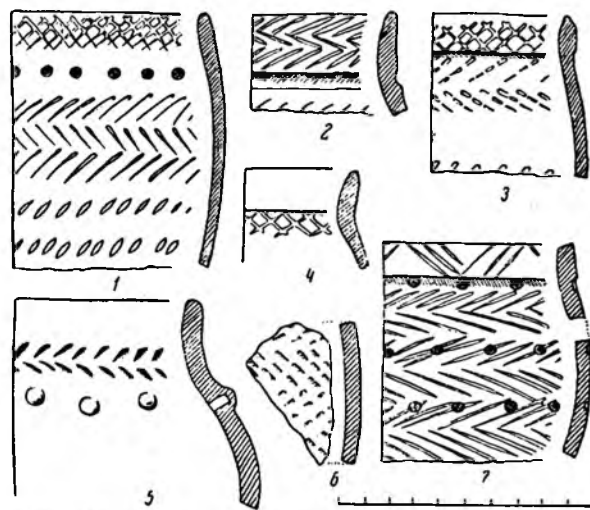

Рис. 11. Обломки глиняной посуды из Дальних Елбанов I.

рассматриваемых типов керамики, как и зигзагообразные орнаменты (XVI и XVII), встреченные всего лишь по одному разу.

Орнамент в виде одной или нескольких опоясывающих сосуд горизонтальных линий XIV и XV, широко распространенный в андроновскую эпоху, имеется на всех со-

судах, кроме двух, гладкостенного типа и только на 18 из 55 сосудов воротничкового типа, причем почти исключительно на сосудах с прямой шейкой. Этот орнамент встречается и позднее в керамике большебереченского и бийского этапов.

Также и горизонтальные ряды ромбов (XVIII—XXI), появившиеся еще в андроновскую эпоху, украшают две трети сосудов гладкостенного типа (20 из 30) и только шестую часть сосудов воротничкового типа (9 из 55). Они встречаются и на керамике большебереченского этапа.

Ряды заштрихованных треугольников, косых или прямых, встречаются сравнительно редко и не могут служить для различения двух типов керамики, как и разнообразные по форме крупные фестоны, украшающие плечики и тулово сосуда. Разные варианты их, известные пока каждый на одном-двух сосудах, не могут рассматриваться как собственные только одному из типов.

Рассматриваемые два типа керамики отличаются друг от друга наличием ряда особых орнаментальных мотивов, характерных только для одного из них и генетически связанных то с предшествующей керамикой, то с последующей, что позволяет определить относительную хронологию этих двух типов.

Так, для керамики гладкостенного типа характерны опоясывающие сосуд горизонтальные линии (XIV и XV) и ряды ромбов (XVIII—XXI), которые появились и были широко распространены в керамике андроновской культуры, а в керамике воротничкового типа встречаются в два-три раза реже и еще реже в керамике последующего, большебереченского этапа. Керамика гладкостенного типа, в которой нашли продолжение традиции андроновской, генетически с ней связана и должна рассматриваться как непосредственно за ней следующая.

Наиболее характерными для керамики воротничкового типа являются ряды бугорков и ямок (I—IV), ряды наклонных отгисков гребенки или гладкого штампа (V—IX), а также поясok косоугольной сетки (X) и зигзага со срезанными углами (XI). Все эти формы орнамента совершенно несвойственны ни андроновской керамике, ни керамике гладкостенного типа, зато они получили широкое распространение и стали господствующими формами орнамента в последующее время, в керамике большебереченского этапа и позже. Орнаментация керамики воротничкового

типа непосредственно генетически связана с поздними типами и несомненно является более поздней, чем керамика гладкостенного типа, которая ей предшествует.

Не менее отчетливо различаются два типа керамики и по форме сосуда, наиболее ясно выраженной в профиле венчика, благодаря чему для характеристики формы сосуда могут быть использованы и небольшие фрагменты венчика. На рис. 13 даны сведения о количестве сосудов разных форм по отдельным пунктам находок.

Для керамики гладкостенного типа наиболее характерны сосуды с прямой вертикальной шейкой, плавно переходящей в плечики, со стенками равномерной толщины (IV) или утончающимися к краю венчика (V). Встречаются и сосуды с прямой шейкой, резко отделенной от плечиков (III). Первые две формы можно связывать с андроновскими, венчик которых также хорошо выражен, но более высокий, с выпуклым, а не прямым, профилем и большего диаметра (I).

В керамике воротничкового типа эти формы продолжают существовать. Им принадлежит 56% (31 сосуд из 55) всех сосудов воротничкового типа. Наряду с ними появляются и новые формы. Это прежде всего сосуды со слабо выраженной или совсем отсутствующей шейкой, снабженные характерным налезным воротничком (VIII). Они составляют 38% всего количества сосудов. По форме своей и по профилю венчика они занимают среднее место между только что рассмотренными сосудами с прямой шейкой и сосудами большебереченского этапа, имеющими вид расширяющейся кверху банки со слабо отвороченным венчиком, косо срезанным снаружи (IX). Этот косой срез можно рассматривать как производную налезного воротничка. Интересны фрагменты трех сосудов, не имеющих ни шейки, ни воротничка. Один сосуд (VII) представляет собой чашку с широко открытым устьем, имеющую, по видимому, форму сегмента шара (табл. VI, 10). Чашки подобных форм получают широкое распространение в районе Верхней Оби, начиная с большебереченского этапа. Два других сосуда (VI) имеют гладкие слабо выпуклого профиля стенки (рис. 9, 2; 11, I). Не зная полной формы этих сосудов, трудно пока делать какие-либо сравнения.

Особое место занимает один сосуд гладкостенной группы (II). Это кувшинообраз-

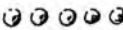
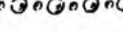
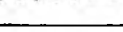
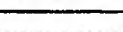
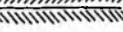
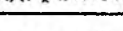
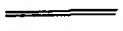
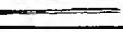
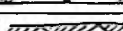
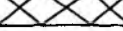
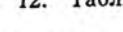
Номер и рисунок орнамента	Андроновская культура	Долгая Грива (Камышенка)	Змеядка	Ближние Елбаны II	Фоминское	Енисейское	Дальние Елбаны I	Большереченский этап
I 				5	2		1	Основной мотив
II 				5	2	3		
III 				1	3		2	Встречается
IV 				1				
V 				10		2		Обычный
VI 					2	1	1	
VII 				3			5	
VIII 				1				
IX 						1		
X 				3	4	2	4	Обычный
XI 				4	1		1	Обычный
XII 		1						
XIII 		2		6		1		Встречается
XIV 	Обычный	1		4		1	1	Встречаются
XV 			1	12	1			
XVI 		1						Встречается
XVII 	характерный					1		
XVIII 		14		3				
XIX 		4	1	3	1			Встречаются
XX 		1						
XXI	Обычный			2				

Рис. 12. Таблица статистического подсчета элементов орнамента карасукской керамики по отдельным памятникам.

Цифры в клетках обозначают количество сосудов с данным орнаментом, а величина черного поля — их относительное количество (в процентах к общему числу сосудов в данном памятнике).

ный горшок с налешным воротничком по краю узкого горла, несколько иным, чем у сосудов воротничкового типа (рис. 6, 11). Быть может, это один из первых опытов, приведших впоследствии к созданию своеобразной формы карасукских горшков с воротничком на шейке.

Если керамике гладкостенного типа свойственна лишь одна форма горшков — с профилем венчика, находящим себе аналогию в карасукской керамике Минусинских степей и Центрального Казахстана (Грязнов, 1952б, рис. 5, 8), то в керамике воротничкового типа наряду с этой формой появляется значительное количество (около 40%) сосудов новой характерной формы — с налешным воротничком на венчике, дальнейшее развитие которой приводит к созданию особой формы горшков большепереченского этапа. Как по орнаменту, так и по форме сосудов керамика гладкостенного типа связана с предшествующей андроновской культурой, а керамика воротничкового типа с последующей — большепереченского этапа. Следовательно, первую надо считать более ранней по времени, вторую — более поздней.

Характерно, что поздняя группа орнаментов — ряды бугорков и ямок, ряды косых черточек, косая сетка и зигзаг со срезанными углами — всегда сочетается с поздней формой сосуда. Эти орнаменты украшают собой только горшки с воротничком на венчике и лишь как редкое исключение встречаются на горшках с прямой шейкой. Может возникнуть вопрос — правильно ли наше разделение керамики на группы, не следует ли отнести к раннему типу керамики, гладкостенному, все сосуды с прямой шейкой? Однако этому противоречит то, что хотя и редко, но все же наблюдаются орнаменты поздней группы на сосудах с прямой шейкой, причем на сосудах только воротничковой группы (табл. V, 26, 28, 32), и что в могильнике на Ближних Елбанах обе формы сосудов с соответствующими им орнаментами встречаются погребенными в одной могиле.

Следует отметить еще и то, что в трех пунктах — в Фоминском, Енисейском и Дальних Елбанах — сосуды с прямой шейкой составляют лишь 22% общего числа сосудов (5 сосудов из 23), а на Ближних Елбанах 70% (24 сосуда из 34). Таково же примерно и соотношение ранних и поздних форм орнамента в этих пунктах. Могильник на Ближних Елбанах, видимо, относится к несколько

более раннему времени, чем три другие памятника, и потому сохранил большее количество форм, характерных для гладкостенного типа керамики. Сопоставить верхнеобские хронологические группы памятников карасукского времени с соответствующими им группами карасукских памятников на Енисее пока не представляется возможным, так как там хотя и исследовано наибольшее количество карасукских могильников, но разделение их на хронологические группы еще не произведено, выделялись лишь некоторые отдельные погребения или даже могильники как более ранние или, наоборот, более поздние по сравнению с основной массой памятников (Киселев, 1937 и 1951; Липский, 1949).

Памятники карасукской эпохи из Ближних Елбанов, как и Верхней Оби вообще, не дают достаточных оснований для абсолютной датировки их путем непосредственного сопоставления с точно датированными памятниками других областей. Можно указать множество аналогий с памятниками карасукской культуры на Енисее, но далее на восток они не простираются. Можно указать также аналогии в памятниках Центрального Казахстана (Дындабай, Бегазы и др.) и более отдаленные — в памятниках предскифского и предананьинского времени в Западной Сибири и Приуралье. Все эти аналогии дают возможность связывать хронологически погребения карасукской эпохи на Верхней Оби с памятниками предскифского времени (конец II тысячелетия по VIII в. до н. э.). Поскольку на Верхней Оби карасукская эпоха представлена двумя хронологически последовательными группами памятников, позднюю группу их, в которую входит и могильник на Ближних Елбанах, следует ограничить более коротким временем, примерно двумя последними веками, т. е. IX—VIII вв. до н. э.

Сравнивая памятники карасукской эпохи на Верхней Оби с предшествующими им андроновскими, нетрудно заметить преемственность культуры, отчетливо выраженную и в погребальном обряде, и в орнаментации керамики, и в предметах украшения. Однако преемственность эта проявляется в тех же формах, что и на Енисее и в Центральном Казахстане, как вообще преемственность карасукской культуры от андроновской, неоднократно отмечавшаяся в работах С. А. Теплоухова, С. В. Киселева

Номер венчика и его профиль	Андроновская культура	Долгая Грива (Камышенка)	Змеевка	Ближние Елбаны IV	Фоминское	Енисейское	Дальние Елбаны I	Большереченский эпипал
IX								
VIII								
VII								
VI								
V								
IV								
III			2					
II								
I								

Рис. 13. Таблица статистического подсчета разных форм профиля карасукской керамики по отдельным памятникам.

Цифры в клетках обозначают количество сосудов с данным профилем венчика, а величина черного поля — их относительное количество (в процентах к общему числу сосудов в данном памятнике).

и др. Никаких указаний на сохранение племенами карасукской эпохи на Верхней Оби каких-либо культурных традиций племенно-верхнеобских племен андроновского времени или какой-нибудь другой конкретной группы андроновских племен пока еще не имеется. Следовательно, пока нет доказательств автохтонного развития племен карасукского времени на Верхней Оби. Вместе с тем нет конкретных указаний и на наличие внешних импульсов для сложения тех или иных особенностей культуры верхнеобских племен карасукской эпохи.

Карасукские племена на Енисее развивали свою культуру при взаимном культурном обмене с древними обитателями степей нынешней Монгольской Народной Республики и Внутренней Монголии, чему несомненно способствовало и проникновение на Енисей в среду населявших его племен андроновской культуры откуда-то с юга некоторого количества новоприсельцев, в смешанном физическом типе которых, как предполагает Г. Ф. Дебец, имелся и узколицый монголоидный элемент, относящийся к дальневосточной расе азиатского ствола и известный на юго-востоке Азии уже в эпоху культуры Яншао (Дебец, 1948, стр. 81—83). В связи с этим население карасукской эпохи на Енисее, унаследовавшее основные традиции своих предшественников — племен андроновской культуры, в археологическом материале наиболее ярко выраженные в погребальном обряде, керамике, бронзовых кельтах и некоторых предметах украшения, заимствовало с юго-востока, но переработало соответственно своим потребностям и вкусам характерные, так называемые карасукские формы бронзовых ножей и кинжалов (Киселев, 1951, стр. 119—123). Во всяком случае, эти своеобразные формы ножей и кинжалов (а также, возможно, и некоторые формы бронзовых бляшек и пуговиц; см.: Киселев, 1951, стр. 131), в разных вариантах распространенные в степной полосе от Енисея до Внутренней Монголии, имеют единое происхождение. Следовательно, происхождение этнических особенностей населения Енисея карасукского времени, отраженное в археологических памятниках, можно представить таким образом. Карасукская культура на Енисее развивалась в основном из предшествующей ей андроновской, причем некоторые формы бронзовых изделий заимствовались с юго-востока от племен Монголии или создавались

совместно с ними в процессе культурного общения. И состав самого населения на Енисее пополнился за счет пришельцев из среды тех же племен. Поскольку же население Внутренней Монголии того времени непосредственно соприкасалось с чжоуским, а ранее с иньским Китаем, то через их посредство на Енисей проникали и некоторые формы бронзовых изделий из Китая, конечно, в измененном виде.

В литературе распространено, однако, несколько иное представление о происхождении карасукской культуры на Енисее. С. В. Киселев, кроме указанных примеров культурных связей енисейских племен в карасукское время с юго-востоком, находит ряд других. Сходство памятников Енисея с северокитайскими он рассматривает как результат заимствования из Китая и тем самым значительно преувеличивает роль древнего Китая в сложении карасукской культуры на Енисее. Некоторые же исследователи идут еще дальше и вообще отрицают связь карасукской культуры с предшествующим развитием местных племен, а считают ее пришедшей на Енисей в готовом виде с юго-востока. Между тем не все приводимые С. В. Киселевым примеры могут быть приняты как указания на заимствования карасукскими племенами каких-то отдельных традиций древней культуры Китая.

Детально анализируя формы карасукских орудий, С. В. Киселев исключает почему-то из своего рассмотрения двушковые кельты-топоры с пояском, а кельтам-теслам карасукского типа приписывает северокитайское происхождение на том основании, что в Суйюани найден кельт, имитирующий в технике литья детали более древней формы кованого изделия, и что на западе кельты этого типа с открытой втулкой («пещерные») якобы отсутствуют, а их производные с закрытой втулкой распространены главным образом в Сибири (Киселев, 1951, стр. 118). Это явно ошибочное утверждение. Карасукские кельты-топоры с пояском являются по всем своим деталям прямыми потомками кельтов сейминско-турбинского типа, область распространения которых простиралась от Оки и Камы до Енисея (Грязнов, 1941), так же как другими их потомками являются уральские одношковые и двушковые кельты предаввинского времени с валиком у края втулки. Кельты-тесла, как с открытой втулкой, так

и с закрытой, имели такое же распространение, причем на Урале они представлены довольно многочисленной серией со всеми переходными формами, начиная от кованых с несомкнутыми крыльями (см. например: Tallgren, 1916, табл. XIII; Штукенберг, 1901, табл. III, IV). Они также могут рассматриваться как варианты единого происхождения, оформившиеся в силу местных условий несколько по-разному на Урале и на Енисее.

Карасукскими заимствованиями из Китая С. В. Киселев считает также каменные бабы и чеканы (последние им неправильно называются клевцами: чекан — орудие с прямым острием; клевец — с острием, клювовидно загнутым). Каменные бабы, как я пытался это показать в специальной статье (Грязнов, 1950), принадлежат предшествующей, андроновской культуре. С. В. Киселев соглашается с такой датировкой «в отношении только одного типа», иллюстрируя последний изваянием с характерными для всех других минусинских каменных баб эпохи бронзы поперечной чертой на лице и третьим глазом на лбу, на его рисунке почему-то не изображенными (Киселев, 1951, стр. 165—166, табл. VIII, 5; Грязнов, 1950, рис. 12). В той же статье мною прослежено развитие форм изваяний от реалистических изображений женщины к сложным стилизованным схемам: сначала прибавлялись третий глаз и поперечные линии на лице, а затем звериные уши, рога и другие дополнения. Попытка С. В. Киселева связать эти изваяния с древнекитайскими изображениями Тао-те и объяснить несомненно самобытный антропоморфный образ родового предка-божества на Енисее заимствованием из Китая отдельных деталей и стилистических приемов зооморфного образа Тао-те (Киселев, 1951, стр. 165—172) основана на установлении лишь внешнего сходства некоторых частей изображений: там голова барана, режее быка — здесь бычьи рога и уши на голове человека; там ромбическая фигура на лбу как результат стилизации — здесь третий круглый глаз на лбу; там есть случай изображения Тао-те в борьбе с ящерицей — здесь волнистая лента над головой. Этим и исчерпывается все сходство. Процесс заимствования сводится по сути дела к тому, что древним обитателям Енисея якобы «импонировали» изображения Тао-те и на своих монументальных изваяниях они стали

прибавлять к лику почитаемых предков бычьи рога и уши, притом непохожие на те, какими наделен Тао-те; стали помещать на лбу третий глаз, которого нет у Тао-те; стали венчать голову предка длинной, прямой или волнистой лентой, которой тоже нет у Тао-те. Только чрезмерное увлечение минусинско-китайскими параллелями могло привести к мысли о преемственной связи между изваяниями родовых предков на Енисее с китайским Тао-те. Это совершенно самостоятельные, независимые мифические образы, ничего общего друг с другом не имеющие ни по содержанию, ни по формам, ни по приемам изображения.

Иначе решается вопрос о бронзовых чеканах. С. В. Киселев правильно устанавливает их китайское происхождение, основываясь на наличии прототипов этого вида оружия — нефритовых и бронзовых секпир — в Китае шан-иньского времени, на последующем распространении ранних форм втульчатых чеканов в пределах южной Сибири и на наличии в Суйюани переходных форм между секирой и чеканом (Киселев, 1951, стр. 124). Однако все это к карасукской эпохе на Енисее и Оби отношения не имеет, так как там это оружие впервые появляется в послекарасукское время, в VII—VI вв. до н. э. (Комарова, 1952), и вскоре распространяется далее на запад до Прикамья и даже до Днепра.

Если на Енисее в развитии местной культуры карасукского времени, как отмечено выше, наблюдается заметное влияние культуры юго-восточных племен, то на Оби процесс сложения культуры карасукского времени протекал в несколько иных условиях.

Культура местного населения на Оби также развивалась на основе предшествующей, андроновской. Однако, несмотря на несомненно имевший место обмен с племенами Енисея, благодаря чему на Обь попадали от них отдельные бронзовые изделия, здесь сложились самобытные формы материальной культуры.

Общие для степных племен Енисея, Монгольской Народной Республики и Внутренней Монголии формы бронзовых орудий и украшений на Оби не получили распространения и не оказали сколько-нибудь заметного влияния на местные формы орудий и украшений.

Антропологический материал пока не дает определенных указаний на происхо-

ждение физического типа населения Верхней Оби. Удалось изучить только два черепа. Мужской череп из погребения на Долгой Гриве оказался европеоидным (Дебец, 1948, стр. 82—83), женский из погребения № 5 на Ближних Елбанах, по определению В. П. Алексеева, «монголоидный, но неотчетливо выраженный». Поскольку население Верхней Оби, как увидим ниже, на протяжении всего последующего времени было монголоидным, как и население всей лесной

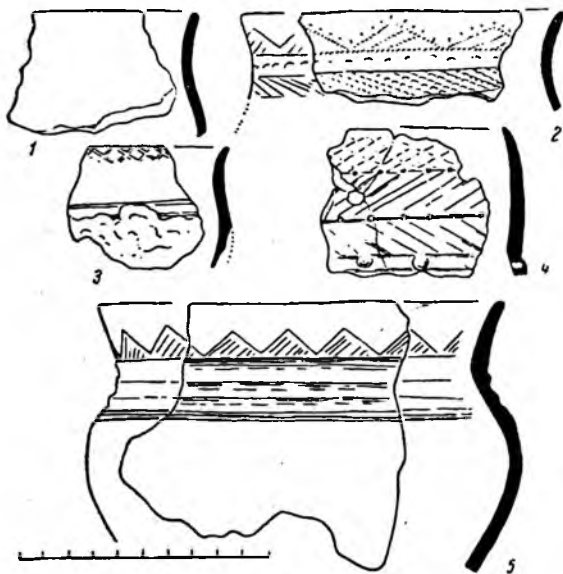

Рис. 14. Обломки глиняной посуды из с. Егорьевского.

полосы Сибири, а физический тип андроновских племен на Оби не известен, то вопрос о происхождении европеоидного и монголоидного черепов карасукского времени на Верхней Оби остается открытым. Очень возможно, что монголоидное население Верхней Оби надо связывать не с центральноазиатским типом, а с древним северосибирским.

Верхнеобские карасукские племена (возможно это было одно племя) занимали ограниченную территорию в пределах верхней части долины р. Оби, начиная примерно от нынешнего г. Барнаула, равнинной части долин рр. Бии и Катуня, а также, вероятно, и по притокам этих рек. Южной границей служили, видимо, горы Алтая. Северная граница находилась где-то на широте г. Барнаула, так как в 40 км ниже Барнаула

начиналась область распространения карасукских поселений новосибирского типа. Западная граница проходила где-то по Кулундинской степи, так как в 160 км западнее Оби, в с. Егорьевском, найдена керамика карасукского типа (рис. 14), резко отличающаяся от верхнеобской и приближающаяся к казахстанским формам (хранится в Барнаульском музее). На востоке естественной границей служил, вероятно, таежный водораздел рр. Оби и Томи. В верховьях р. Томи, на городище близ старого г. Кузнецка А. К. Ивановым в 1925 г. найдена небольшая серия черепков карасукской керамики, близкой к томской. Таким образом, область расселения верхнеобских племен карасукского времени ограничивалась пространством не более 150 км в меридиональном направлении и несколько большим в широтном.

Сейчас в южной Сибири и Казахстане можно уже выделить несколько вариантов культуры карасукского типа: 1) минусинский, в пределах степной части Минусинской котловины; 2) томский, в низовьях р. Томи, а может быть, и по всему ее течению, вплоть до верховьев; 3) новосибирский, по долине р. Оби, на участке примерно между гг. Новосибирском и Барнаулом; 4) верхнеобский, в верхней части долины р. Оби и в низовьях рр. Бии и Катуня; 5) восточноказахстанский, по долине р. Иртыша, между г. Усть-Каменогорском и оз. Зайсан; 6) центральноказахстанский, в бассейне р. Нуры. Некоторые, немногочисленные пока находки указывают на возможность выделения в дальнейшем еще кулундинского и барабинского вариантов. Далее на запад находится еще 4 района (североказахстанский, кустанайский, челябинский и устьтобольский) с хорошо выраженными местными отличиями культуры карасукского времени, но уже не карасукского типа, а замараевско-алексеевского.

Указанные варианты культуры карасукского типа, надо полагать, соответствуют отдельным этническим (племенным) группам. Приуроченные к определенным естественно-географическим районам и обладающие особыми для каждой из них, хотя и сходными в общих чертах, комплексами внешних форм материальной культуры, эти группы могли сложиться лишь в результате того, что процесс развития их культуры протекал в сходных социально-экономических усло-

виях и при несомненном взаимном культурном обмене, но все же настолько самостоятельно, что каждое отдельное этническое образование (племенной союз, группа родственных племен или одно большое племя) в зависимости от географических особенностей района обитания и исторически сложившейся обстановки выработало некоторые свои, отличные от других, формы быта и связанные с ними формы хозяйственного и бытового инвентаря — посуды, орудий труда, украшений и т. д., а также и формы погребального обряда.

С. В. Киселев в ряде своих работ происхождение и развитие карасукской культуры связывает с переселением более или менее значительных масс населения из северного Китая сначала на Енисей, а затем также на Томь и Обь,¹ с чем трудно согласиться. Если на Енисее, по наблюдениям Г. Ф. Дебеца, в населении карасукского времени действительно «имеется примесь узколицего монголоидного элемента, относящегося к дальневосточной расе азиатского ствола» (Дебеч, 1948, стр. 83), то это еще не значит, что новый расовый элемент, появившийся на Енисее, повидимому, уже в смешанном виде (там же, стр. 82), следовательно не из северного Китая, принес с собой и новую культуру, которая, наложившись на культуру местного населения, сменила ее не только на Енисее, но также и на Томи и Оби. Примесь монголоидного элемента на Томи и Оби, где не известно решительно ни одного предмета, формы которого хоть в какой-нибудь мере подражают типам северокитайских вещей, могла быть и иного происхождения. Найденный близ дер. Камышенки карасукский погреб миусинского происхождения (рис. 15, 3) в счет не идет, так как это несомненно импортная вещь, не местного производства, а приведенные С. В. Киселевым аналогии вещей из Томского могильника с карасукскими на Енисее должны быть исключены, так как могильник этот принадлежит более позднему времени.

Не подлежит сомнению, что в степях Миусинской котловины в карасукское время сохранилось и прежнее население и старые культурные традиции предшествующего, андроновского времени, что не отрицает и С. В. Киселев. Развивалась культура прежнего населения. Особенно важно от-

метить, что сохранились, получив дальнейшее свое развитие, прежние формы погребального обряда. Вместе с тем несомненно и то, что на Енисее появились некоторые новые формы бронзовых изделий, весьма близкие, иногда совершенно подобные вещам, распространенным в северной Монголии и северном Китае, вероятно оттуда и заимствованные. Все это можно объяснить лишь тем, что в карасук-

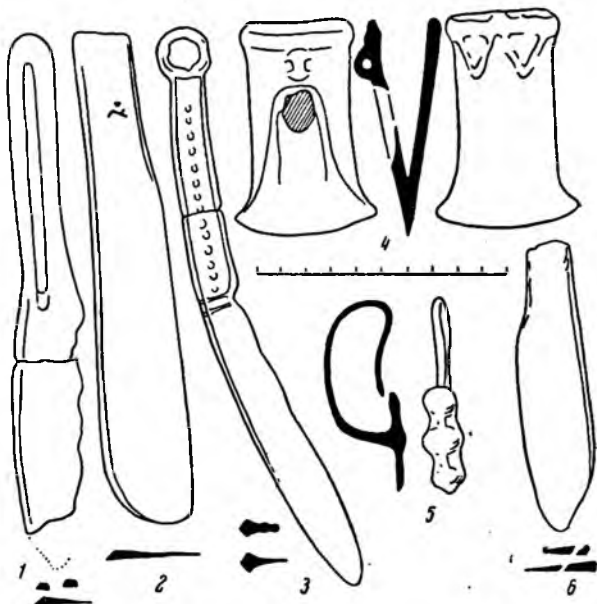

Рис. 15. Бронзовые орудия и височное кольцо.

1 — Бийский округ; 2 — дер. Вилкова; 3 — дер. Камышенка; 4 — с. Большая Речка; 5 — с. Бачаты; 6 — с. Кулундлинское.

ское время енисейские племена находились в оживленных сношениях со степными группами племен Монголии и Китая и развивали свою культуру во взаимодействии с ними. Это привело к появлению у них ряда форм бронзовых изделий, сходных с изделиями северного Китая, и к инфильтрации в их среду с юга представителей монголоидного расового типа. Так было на Енисее, а не на Оби и Томи. В действительности на Оби и Томи никаких элементов монгольского или северокитайского происхождения ни в формах вещей, ни в расовом типе не наблюдается.

Культура

Установление двух хронологических типов карасукской керамики в районе Верхней Оби и соответственно этому двух хроно-

¹ Наиболее подробно об этом см.: Киселев, 1951, стр. 142—159, 177—183 и др.

логических групп памятников, при ограниченном еще количестве исследованных памятников, не позволяет пока проследить несомненно имевшие место изменения в культуре карасукских племен Верхней Оби. Это станет возможным лишь в дальнейшем, когда для обеих хронологических групп будут известны серии могильников и поселений. Сейчас же представление об основных особенностях культуры карасукских племен Верхней Оби можно строить только на общем рассмотрении всех имеющихся памятников, не разделяя их на хронологические группы.

Несмотря на наличие более многочисленного и разнообразного по сравнению с предшествующей эпохой материала, особенности культуры карасукских племен освещаются все же довольно слабо. Лишь немногие наблюдения дают представление о некоторых особенностях культуры карасукских племен Верхней Оби по сравнению с предшествующей эпохой и с культурой енисейских племен карасукского времени.

В области техники следует отметить относительное обилие литых бронзовых изделий, что характерно также и для карасукских племен на Енисее. Наряду с коваными мелкими украшениями, подобными андроновским, имеются литые бронзовые браслеты (рис. 7, 1), височные кольца (рис. 7, 6, 7 и 8, 9; табл. V, 9),¹ ребристые пронизки (рис. 8, 4, 7, 8) и круглые бляшки с петелькой на оборотной стороне (табл. V, 6, 22 и др.). Почти все эти предметы принадлежат местным формам. В Минусинских степях среди множества известных литых украшений совершенно отсутствуют браслеты, височные кольца и ребристые пронизки верхнеобского типа, а на Верхней Оби нет характерных для Минусинских степей «лапчатых подвесок», гвоздиковидных бляшек (Теплоухов, 1927, табл. XI, 17—19, 21, 23) и широких браслетов (Киселев, 1929, табл. III, 8).

¹ В Гос. Эрмитаже в собрании П. К. Фролова имеется подобное же литое височное кольцо, но не с круглым щитком, а продолговатым, состоящим из трех выпуклостей (рис. 15, 5). В архиве ИИМК, в папке с подготовительными материалами к изданию «Сибирских древностей» В. В. Радлова, на рисунке этого предмета указано место находки его — Бачаты (село на р. Ине). Такого же типа височное кольцо со щитком, состоящим из двух выпуклостей, найдено в 1954 г. Новосибирской экспедицией в женском погребении карасукского времени близ с. Ордынского.

Также и бронзовые ножи Верхней Оби (рис. 7, 26—28; табл. V, 25) принадлежат местным формам, отличным от минусинских и казахстанских. Наличие ряда местных форм бронзовых изделий говорит об их местном изготовлении, о развитом местном бронзолитейном производстве, хотя в районе Верхней Оби месторождений меди нет. Откуда получали верхнеобские племена металл, пока трудно решить. Судя по случайным находкам, в их руки попадали готовые металлические изделия и минусинских племен (рис. 15, 3) и казахстанских (рис. 15, 1, 2). Металл в виде слитков, лома или каких-либо изделий они также могли получить из этих же двух районов.

На особенности хозяйства имеющиеся памятники прямых указаний не дают, если не считать найденных в составе украшений зуба марала и фалангу (бабку) лошади; первый можно рассматривать как продукт охоты, вторую — скотоводства. Судя по топографии памятников, общее направление хозяйственной деятельности карасукских племен оставалось прежним. Все известные памятники расположены, как и в предшествующее, андроновское время, на дюнах луговой террасы или по краю надлуговой террасы, т. е. в местах, удобных для ведения скотоводческо-земледельческого хозяйства. В одном случае (Змеевка) погребения карасукской и андроновской культур расположены в одном и том же пункте. Погребальный обряд также не отражает каких-либо существенных изменений в области хозяйства. Карасукские погребения отличаются от андроновских лишь тем, что костяки в них лежат не на левом боку, а на правом, и, кроме глиняной посуды и украшений одежды, как это характерно для андроновских погребений, в могилах встречаются еще и ножи, положенные рядом с посудой. В основном этот обряд сохраняется и в следующий период. В погребениях большебереченского этапа сохраняются те же положение и ориентировка костяка, только отсутствует глиняная посуда (кроме редких единичных случаев), нож находится на поясе, и с умершим положены иногда оружие и орудия. Изменения в погребальном обряде отражают некоторые бытовые отличия и новые формы социально-экономических отношений, в связи с чем появились представления о необходимости снабжать умерших оружием и орудиями, что не имело места в предшеству-

ющие андроновский и карасукский периоды. Вряд ли будет ошибкой считать, что хозяйство карасукских племен Верхней Оби, как и андроновских, было пастушеско-земледельческим, что рыболовство с охотой не имели в нем существенного значения. Именно таким было хозяйство и близко родственного по культуре карасукского племени, обитавшего по соседству, ныне по Оби, между Барнаулом и Новосибирском, оседлые поселения которого исследованы Новосибирской экспедицией ИИМК в 1952—1953 гг.

Из бытовых особенностей можно отметить лишь относительно богатые наряды, от которых сохранились браслеты, височные кольца, нашивные бляшки, подвески, провизки и бусы, в значительно большем количестве, чем в предшествующих, андроновских погребениях. Увеличение числа сохранившихся украшений явилось следствием не только большего богатства карасукских племен металлом, но и появлением у них новых вкусов и новых потребностей в украшении одежды. Украшения стали делать не только из металла, но также агиллитовые и из костей и зубов животных, что наблюдается и у карасукских племен на Енисее. Позднее, по памятникам болшереченского

этапа, мы видим вновь бедные металлические украшения наряды.

Исследованные памятники еще настолько малочисленны и невыразительны, что восстановить по ним картину социальной жизни карасукских племен Верхней Оби пока невозможно. Интересны в этом отношении коллективные захоронения в одной могиле трех мужчин преклонного возраста (БЕ IV, могила 9) и в другой — четырех взрослых, возможно тоже мужчин (Долгая Грива, могила 16). Они не находят еще себе объяснения, но при накоплении нового материала несомненно помогут осветить одну из интересных сторон существовавших тогда социальных отношений. По всей вероятности, социальный строй карасукских племен существенных, принципиально новых отличий по сравнению с андроновскими не имел. Однако некоторое дальнейшее развитие социальных отношений несомненно. Об этом свидетельствует хотя бы несколько более развитый межплеменной обмен. Верхнеобские племена, очевидно путем обмена, получали в изобилии металл и металлические изделия, как уже говорилось выше, от восточноказахстанских и енисейских племен.

Глава IV

БОЛЬШЕРЕЧЕНСКАЯ КУЛЬТУРА

Памятники большого периода времени, с VII в. до н. э. по I в. н. э., характеризуют своеобразную культуру оседлых пастушеско-земледельческих племен Верхней Оби, населявших лесостепные берега р. Оби от ее начала при слиянии рр. Бий и Катуши до низовьев р. Томи. По наиболее детально исследованным памятникам близ с. Большая Речка, где открыты поселения и могильники, давшие обильный и характерный материал, эту культуру будем называть в дальнейшем большереченской. Совершенствуя в течение 8 веков, хотя бы и не столь заметно, во взаимодействии с соседними племенами свою технику и хозяйство, развивая, таким образом, свои производительные силы, а соответственно им и социальный строй, и меняя более заметно внешние формы своей материальной и духовной жизни, верхнеобские племена пережили в развитии своей культуры три (а может быть, и четыре) последовательных этапа: собственно большереченский, бийский, березовский (и, может быть, еще один, не получивший еще своего наименования, промежуточный между бийским и березовским). В соответствии с этим памятники большереченской культуры и ее развитие рассматриваются ниже раздельно по трем хронологическим этапам.

При первом моем обследовании Верхней Оби в 1925 г. памятники большереченской культуры были обнаружены в 15 пунктах. Уже тогда довольно отчетливо устанавливалось деление керамического материала в поселениях на три хронологические группы. Но синхронизировать поселения с погребениями тогда не удалось, и в данной мною

первой периодизации памятников все поселения большереченской культуры были ошибочно отнесены к концу эпохи бронзы, а синхронные им погребения к первому этапу эпохи железа (Грязнов, 1930). В 1939 г. удалось правильно установить относительную хронологию памятников, но своеобразие большереченской культуры на Верхней Оби еще не было выявлено с достаточной ясностью и памятники трех ее этапов рассматривались совместно с синхронными им памятниками Горного Алтая по установленным для Горного Алтая трем этапам эпохи ранних кочевников — майэмирскому, назырыкскому и шибинскому (Грязнов, 1939, стр. 400—408). Только после раскопок 1946—1949 гг. на Ближних Елбанах стало возможным выявить характерные черты большереченской культуры и разграничить области распространения памятников ранних кочевников Алтая и большереченской культуры.

БОЛЬШЕРЕЧЕНСКИЙ ЭТАП

Первый этап большереченской культуры — большереченский, датруемый VII—VI вв. до н. э., относится к тому переломному периоду в истории южной Сибири, когда основная часть населения степей только что перешла к кочевому образу жизни, в корне изменившему экономический и бытовой уклад стениных скотоводческих племен. События в степях отразились и на жизни соседних с кочевниками, оставшихся оседлыми, пастушеско-земледельческих племен. К числу таких племен относятся и обитатели лесостепных районов Верхней Оби. Вот почему

при изучении древнего населения Верхней Оби большевиченский этап представляет особый интерес как период первых конфликтов между кочевым и оседлым населением южной Сибири, когда оседлые группы населения должны были приспособиться к новым условиям жизни в связи с новой обстановкой, сложившейся в степях.

Памятники

На Ближних Елбанах наиболее полно и в большем количестве представлены памятники большевиченского этапа. Исследована часть большого поселения с сохранившимися остатками жилищ в пункте БЕ I и три грунтовых могильника в пунктах БЕ VII, БЕ XII и БЕ XIV. Кроме того, в нескольких других пунктах встречены отдельные черепки глиняной посуды.

Поселение в пункте БЕ I

Поселение занимает довольно обширную площадь на двух дюнах, там, где, сливаясь, они образуют единое плоское возвышение с небольшим понижением посередине. По крутым склонам выдувов, обнажающих дюны с северо-западной и юго-восточной сторон, находится множество обломков глиняной посуды, костей животных и различные вещи. Они, однако, распределены неравномерно вдоль обнажений и сосредоточены в изобилии лишь на нескольких ограниченных участках, где в разрезе дюн видны более мощные накопления темноокрашенного почвенного слоя. Как затем выяснилось, это были остатки древних землянок. На остальных участках обнажений количество культурных остатков незначительно.

Как правило, керамика принадлежала двум хронологическим типам — большевиченскому и березовскому, представленным везде в одинаковом количестве. Только в отдельном выдуве, в западной части поселения, находились черепки почти исключительно большевиченского типа. В 1947 г. здесь были собраны черепки от 62 сосудов большевиченского этапа и только 7 от березовского, что составляет соответственно 90 и 10%. Отсюда можно заключить, что поселок большевиченского этапа занимал широкую площадь обеих дюн, а поселок березовского этапа располагался в основном на юго-восточной дюне, занимая только половину северо-западной.

На разрезах землянок вдоль обнажений дюн можно было видеть небольшие понижения на поверхности почвы, глубиной 10—25 см, не заметные на современной поверхности дюны, так как они всюду были закрыты слоем недавно навесного слабо задержанного песка мощностью до 1 м у края выдувов. Вдоль середины юго-восточной дюны, где слой навесного песка незначителен или совсем отсутствует, довольно отчетливо виден ряд углублений, очевидно на месте бывших здесь землянок (табл. VII, землянки 9—14). Одно из этих углублений перерезано канавой скотского кладбища, и там в разрезе зачищенной стенки канавы была видна землянка (№ 9). Таким образом, удается установить местонахождение землянок не только в разрезе по краю выдува, но и на нетронутой ветрами поверхности дюны.

План поселка можно представить в следующем виде (табл. VII). На двух слившихся дюпах жилища-землянки располагались в 3 или 4 параллельных ряда, ориентированных вдоль направления дюн. Первый ряд помещался на правом склоне правой юго-восточной дюны (если стать лицом на северо-восток). Он состоял из шести землянок (№№ 2, 4—8), обнаруженных в обнажении дюны по краю выдува. Возможно, что в этом ряду имелась еще одна или две землянки, полностью уничтоженные теперь ветрами. Одна из них могла находиться между землянками 5 и 6, вторая к югу от землянки 8. Второй ряд помещался посередине (в южной части) и по левому склону (в северной части) правой дюны и состоял из 6 землянок (№№ 9—14). Третий ряд находился на правом склоне левой дюны. От него сохранились только три землянки (№№ 1, 15 и 16). Возможно, что здесь были еще две или три землянки, уничтоженные теперь ветрами. Четвертый предполагаемый ряд землянок располагался посередине левой дюны. Он не сохранился только одна землянка (№ 3), остальные полностью уничтожены ветрами. Таким образом, на поселении сохранились 16 землянок и, кроме того, 8—10 землянок могли быть уничтожены ветрами. В целом же поселок представлял собой обширное поселение, занимавшее площадь около 1,5 га и состоявшее примерно из 25 больших жилищ-землянок.

Раскопаны только землянки, обнаруженные в обнажениях по краю выдува и, сле-

довательно, частично разрушенные. Полностью сохранившиеся землянки второго ряда нам удалось выявить лишь в конце сезона последнего года работ (в 1949 г.), когда благодаря сухому и жаркому лету травостой был низкий и детали рельефа дна стали хорошо видны. Но тогда уже поздно было предпринимать исследование таких крупных объектов. Производились раскопки пяти землянок (№№ 1—3, 5, 15), причем только одну из них (№ 3) удалось вскрыть почти полностью. Остальные исследованы лишь в незначительной части их площади. Кроме того, произведены зачистки обнажения еще пяти землянок (№№ 4, 6—9) и зольника.

Землянка 1

Находилась в третьем ряду жилищ. В обнажении по краю выдува ясно была видна западная стена землянки. Раскоп площадью в 52 кв. м охватил часть землянки и часть культурного слоя за ее пределами (табл. VIII, I).

Поверхность дюны покрыта здесь слоем недавно навейного слабо задернованного песка толщиной 10—50 см и более. Под навейным песком отчетливо прослеживались два слоя погребенной почвы: верхний — толщиной около 30 см, нижний — толщиной 20—30 см. Местами они разделены прослойкой более светлого песка до 10—15 см толщиной. В обоих слоях погребенной почвы находилось небольшое количество черепков и совсем немного костей животных и угольков.

Нижний почвенный слой прорезан землянкой, верхний перекрывает ее (табл. VIII, II). Заполнение землянки неоднородно и состоит из следующих наслоений (считая снизу): *a* — тонкая прерывающаяся прослойка пепельно-рыжеватого цвета, толщиной до 4 см, лежащая непосредственно на чистом песке дюны; *b* — темноватосерый песок, содержащий наибольшее количество культурных остатков, толщиной 10—20 см посередине и значительно больше около стены землянки, где верхняя граница его доходит до уровня краев землянки; *c* — черная прерывающаяся прослойка, не содержащая находок, толщиной 5—12 см; *d* — слой гумусированного песка, темносерого в верхней половине и несколько светлее в нижней, толщиной 30—50 см, содержащий обломки глиняной посуды и костей животных;

e — другой такой же слой, толщиной 20—35 см, с меньшим количеством культурных остатков, перекрывающий собой землянку и прорезанный ею нижний почвенный слой дюны.

Указанные наслоения с трудом различались на вертикальных разрезах и совсем не улавливались на горизонтальных. Вести раскопку землянки послойно сразу по всей площади раскопа оказалось невозможным. Раскоп был разделен на два участка и прорезан метровыми траншеями так, чтобы наслоения в каждом из них были видны с трех сторон. Только после этого разборка обоих участков производилась послойно. Траншеи разбирались последовательно, метровыми квадратами, с тем чтобы по вертикальным разрезам можно было контролировать распределение находок по слоям. Так были проведены три траншеи: 1-я — по линии 7-х квадратов; 2-я — по линии 13-х квадратов; 3-я — по линии IV квадратов (квадраты IV-4, IV-5, IV-6). Две первые траншеи, поперечные, были продолжены до ограждающей скотское кладбище канавы.

В пределах раскопа оказалась только одна сторона землянки, юго-западная. Северо-западная сторона уничтожена выдувом, северо-восточная — промоиной, частью смывшей, частью перемешавшей культурные наслоения, наконец, юго-восточная сторона уничтожена канавой или находится за ней на территории скотского кладбища и потому недоступна для исследования.

Вдоль юго-западной стороны землянки, прослеженной на протяжении 4 м, хорошо сохранилась прямая отвесная стенка. Глубина землянки, считая от поверхности верхнего почвенного слоя, — 100—105 см. Дно ее имеет ровную поверхность, слегка понижающуюся к ЮВ. Вдоль стены находится канавообразное понижение глубиной 15—20 см, шириной 120 см у края обнажения, суживающееся к противоположному концу до 50 см. В заполнении канавы культурных остатков не имелось. На уровне дна землянки она местами перекрывалась тонкой рыжеватой прослойкой, залегающей подну землянки. Такой же прослойкой отмечалось и дно канавы.

В открытой части землянки, на ее дне, находились 30 круглых ямок, расположенные без видимого порядка. Диаметр их от 15 до 40 см, глубина от 5 до 50 см, чаще 10—12 см. Как правило, ямки заполнены тем

новатым песком. В пяти из них находились отдельные черепки, в одной — целая серия черепков от сосуда (табл. X, 8) и в одной же — 10 черепков от разных сосудов, два обломка костей животных и кости рыбы. В овальной ямке, в квадрате II-8, сохранились незначительные остатки дерева с волокнами древесины, расположенными в вертикальном направлении, здесь же находился один черепок.

В квадрате I-12 находилась яма прямоугольной формы, частично разрушенная выдувом. Ширина ее 65 см, длина неизвестна, глубина 70 см от пола. На дне ее лежали раздавленный глиняный сосуд (табл. X, 3), несколько черепков от других сосудов, несколько обломков костей животных и костяной наконечник стрелы (табл. IX, 4).

Посередине раскопанной части землянки сохранились остатки очага — слежавшийся зольный слой толщиной до 8—10 см на площади 170×110 см. Никаких остатков очагового устройства не обнаружено.

Небольшая ямка глубиной менее 10 см, в квадрате V-7, содержала в своем заполнении много костей рыбы.

Наибольшее количество культурных остатков было сосредоточено в нижнем слое заполнения землянки (слой *b*), главным образом в нижней его части у самого дна. Кроме отдельных мелких предметов и черепков, здесь находились также и раздавленные большие сосуды или крупные их фрагменты. Над канавой, около стены землянки, в квадрате I-4 лежали черепки большого шаровидного горшка (табл. IX, 28), перемешанные с отдельными черепками других сосудов, а в квадратах III-4 и IV-4 черепки от двух больших корчаг (табл. X, 6, 9). Отдельные обломки одной из них найдены также в квадратах I-7 и V-7. Около очага на полу землянки стояла маленькая, совершенно целая чашечка (табл. X, 7) и недалеко от нее корчага, разбитая на мелкие части (табл. X, 5). Многочисленные черепки не менее чем от 37 разных больших и малых сосудов того же типа, как и целые сосуды, обнаруживались по всей вскрытой площади землянки (табл. IX, 25—27, 29).

В этом же слое находилась и керамика другого типа, принадлежащего более позднему времени — березовскому этапу. В квадратах V-7 и VI-7 на небольшом расстоянии один от другого лежали 4 черепка от разных сосудов. Другая группа черепков от 7 со-

судов находилась в квадратах III-4 и IV-4, в том же месте, где и черепки двух упомянутых корчаг большеереченского этапа, но несколько выше их, причем 2 сосуда были представлены каждый крупным фрагментом, разбитым на несколько частей. Рядом, в квадрате III-5, в самом верхнем горизонте нижнего слоя или на уровне черного слоя *e* (табл. VIII, II) обнаружен еще один крупный фрагмент сосуда, раздавленный на мелкие черепки. Наконец, в квадрате II-6, почти на самом дне землянки, находилась большая раздавленная корчага, опрокинутая вверх дном. Всего, таким образом, керамика березовского этапа представлена здесь одним целым сосудом и отдельными черепками или крупными фрагментами 17 других сосудов. Из них 12 черепков, в том числе и 3 крупных фрагмента, найдены группами в двух пунктах, вероятно в ямах, углубленных до нижнего слоя в позднейшее время, хотя обнаружить здесь нарушение наслоений не удалось из-за отмеченных выше трудностей стратиграфических наблюдений. Остальные 5 мелких черепков найдены по отдельности в разных местах.

Довольно значительное количество обломков костей домашних и диких животных распределялось равномерно по вскрытой площади землянки. В трех случаях встречи лежавшие в сочленении или на близком расстоянии друг от друга фаланги и метатарзальные кости мелких животных (три лапки).

В этом нижнем слое заполнения землянки, большей частью непосредственно на полу, найдено, кроме того, 23 следующих предмета: 5 костяных наконечников стрел (табл. IX, 2, 3); роговая панцирная пластинка (табл. IX, 8); 2 костяных шила (табл. IX, 9, 10); 4 глиняных пряслица, одно целое и 3 в обломках (табл. IX, 20, 22—24); «трепало» — орудие из лошадиной лопатки для трепания растительного волокна (табл. XV, 41); 2 осколка трубчатых костей животных со следами обработки их ножом, вероятно незаоконченные изделия (табл. IX, 6); головка бедренной кости быка с просверленным посередине сквозным отверстием (табл. IX, 19); астрагал барана со срезанными боками и с пятью зарубками на одном ребре (табл. IX, 14); подвески из хвостового позвонка и фаланги небольшого животного величиной с собаку (табл. IX, 13, 18); 3 подвески из зубов животных (табл. IX, 15—17); глиняная буса (табл. IX, 11);

обломок тонкой медной пластинки длиной 7 мм; нижний камень зернотерки (табл. VIII, 2); обломок каменной плитки с зашлифованным желобом посередине.

В следующем слое, в тонкой черной прослойке с, как уже указано, количество культурных остатков было ничтожно. Встреченные здесь несколько отдельных черепков и обломков костей, ввиду трудности точного определения нахождения их именно в этом слое, а не в нижнем, причислены к находкам рассмотренного нижнего слоя *b*.

В слое *d* — нижний гумусированный слой над первичным заполнением землянки — отчетливо были видны остатки костра на площади около 4 кв. м в квадратах *II-10-12* и *III-10-12*. Здесь на 20—25 см выше поверхности предыдущего слоя находились угли, кусочки обгорелых костей и кусок обгорелого дерева. Незначительное количество зольных остатков при наличии углей на довольно большой площади говорит о том, что здесь был не очаг или кострище, многократно используемое для разведения огня, а кратковременный костер.

Черепки глиняной посуды и обломки костей животных распределены по слою довольно равномерно, не образуя скоплений или пустых участков. Число костей животных почти такое же, как и в слое *b*. Количество черепков заметно меньше, но число представленных ими сосудов в 2.5 раза больше. Это объясняется тем, что здесь не было целых сосудов и крупных фрагментов, а только мелкие обломки многих сосудов. Как и в предыдущем слое, керамика принадлежала тем же двум типам. Посуда большебереченского этапа представлена черепками от 44 сосудов.¹ Все это мелкие обломки, 2—4 см. Только 7 черепков были от 5 до 9 см. Это обломки, которые уже не раз перебрашивались с места на место и попали сюда в значительно более позднее время с окружающими землянку участкам дюны. Посуда березовского этапа представлена черепками от 86 сосудов, также мелкими. Только три черепка были длиной более 10 см, основная же масса — по 2—4 см.

Других предметов здесь найдено только три: небольшой бронзовый кованый нож (табл. IX, 1); овальная галька размером

¹ Здесь, как и в дальнейшем, учитываются только обломки венчиков сосудов, так как только они дают возможность отличать сосуды один от другого.

51×35 мм, со следами употребления ее в качестве керамического ложила (?); осколок слабо окатанного камня со следами употребления в качестве скребка. Бронзовый нож вероятно относится к большебереченскому этапу и попал в этот слой вместе с черепками большебереченского этапа в более позднее время.

Последний слой — верхний гумусированный слой *e*, более бедный культурными остатками, — отличается от предыдущего и несколько иным их характером. Количество костей животных здесь в 4 или 5 раз меньше, чем в предыдущем слое, черепков — примерно в 3 раза.

Керамика большебереченского этапа представлена здесь всего лишь пятью мелкими обломками (размером не более 5 см) от 5 различных сосудов, попавшими сюда, очевидно, случайно в более позднее время. Основная же масса черепков принадлежит керамике березовского этапа, представленной преимущественно мелкими фрагментами от 35 сосудов. Примерно третья их часть была сосредоточена на небольшом участке в квадрате *II-13*, где находились крупные фрагменты от 4 сосудов.

В этом слое найдены также обломок глиняного пряслица (табл. IX, 21) и обрзок рога косули.

За пределами землянки исследована площадь в 14 кв. м. Культурных остатков здесь содержалось несколько меньше, чем в соответствующих горизонтах над землянкой.

В верхнем почвенном слое, в его нижней половине, найдены отдельные мелкие черепки от 9 сосудов березовского этапа. Только в квадрате *I-3* лежала группа крупных фрагментов не менее чем от двух сосудов того же типа. Найдено незначительное количество мелких неопределенных обломков костей животных. На границе квадратов *I-1* и *I-2* на площади в 0.3 кв. м лежала грудка костей одной коровы.

Нижний почвенный слой еще беднее культурными остатками. От венчиков сосудов найдено только два небольших черепка — один, несомненно, большебереченского этапа, другой, повидимому, березовского. Кроме того, в этом слое найдена глиняная бусина или пуговица (табл. IX, 12). В квадрате *III-2* находилась яма неправильно овальной формы, размером около 1.4×0.8 м, не содержавшая культурных остатков. Отно-

сится она к верхнему или нижнему слою, установить не удалось.

Суммируя наблюдения над землянкой 1, отметим следующее. Это было обширное жилище, прямоугольное в плане, размерами, значительно превышающими 10 м в одном направлении и 9 м в другом. Первичное заполнение ее после того, как она была оставлена ее обитателями, происходило за счет намывания темноватосерого песка с бортов землянки, на которых лежала толстым слоем приваленная к кровле основная масса вынутаго в свое время при рытье землянки песка. Намывание это было более интенсивно около стен и менее значительно посередине. Через некоторое время кровля обвалилась и слой первичного заполнения оказался перекрытым тонкой черной прослойкой, представляющей собой остатки кровли, состоявшей в свое время из дерева, древесной коры, травы и дерна. Образовавшиеся после этого еще довольно значительное углубление (до 70—80 см глубиной) заполнялось сначала песком, вскоре задержавшимся. В дальнейшем здесь благодаря большой влажности грунта одновременно с намыванием песка происходило интенсивное накопление гумуса. Богатый гумусом слой *d* отложился частично в то время, когда на дюне находилось поселение березовского этапа, частично же до этого времени. Основная масса культурных остатков принадлежит поселению березовского этапа. Сюда, в углубление, бросались разные отбросы. Здесь же были выкопаны для каких-то надобностей две ямки, в которые попадали крупные и мелкие обломки посуды, а в одну — большая корчага. В березовское время или несколько раньше здесь был разложен костер. В этот слой попали и мелкие черепки большереченского этапа частью с бортов землянки, частью из вырытых в березовское время ям. Верхний гумусированный слой заполнения землянки также отложился в значительной своей части в березовское время. Культурный слой за пределами землянки не содержал находок, относящихся к большереченскому этапу, если не считать одного черепка. Это следует объяснить тем, что исследованная часть его шириною всего лишь в 3 м от края землянки была в свое время завалена толщей песка, вынутаго при рытье землянки, а затем обратно смытого вместе с имевшимися на его поверхности культурными остатками.

Землянка 2

Находилась в первом ряду жилищ, первая с северо-востока. Доступной для раскопок оказалась только узкая полоса между краем выдува и канавой, ограждающей скотское кладбище. Избрана для раскопок в связи с тем, что на разрезе вдоль обнажения были ясно видны наслоения, заполняющие землянку, поэтому можно было надеяться на точное стратиграфическое распределение находок по слоям, что позволило бы проверить наблюдения, сделанные при раскопках землянки 1. Раскоп заложен вдоль обнажения протяжением в 17 м и разделен на участки по метру шириной, раскапывавшиеся последовательно один за другим, что позволило все время следить за стратиграфией наслоений по разрезам с двух сторон.

Под слоем недавно навешанного слабо задерживающего песка толщиной 40—50 см залегает почвенный слой толщиной 20—30 см, над землянкой — до 40 см. Разрезы этой землянки дают в основном ту же картину наслоений в ее заполнении, что и в землянке 1. Здесь четко различаются 4 слоя (табл. XI, III): *a* — слой светлосерого песка, лежащий непосредственно на дне землянки, более тонкий посередине, местами выклинивающийся, около стен землянки достигающий 60 см, представляющий собой первичное заполнение землянки; *b* — слой темного, почти черного гумусированного песка толщиной 10—25 см, к краям землянки поднимающийся и сливающийся с почвенным слоем; *c* — слой темносерого песка толщиной 15—40 см, к краям землянки выклинивающийся; *d* — почвенный слой толщиной 20—40 см, богатый гумусом, почти черный.

Раскопками вскрыты две противоположные стены на протяжении 0.80 и 1.3 м и узкая полоса пола между ними шириной от 0.8 до 2.0 м, причем на намеченной для раскопок площади остался не вскрытым участок размером 1.5×0.7 м из-за находившейся там недавно устроенной скотской могилы (табл. XI, участок II).

Хорошо сохранилась северо-восточная прямая отвесная стенка землянки высотой около 60 см. Противоположная стенка разрушена и имеет на разрезах неправильные очертания. Пол неровный, с местными понижениями и повышениями, находится на

глубине 0.8—1.1 м от поверхности почвы. Ширина землянки 13 м.

Вскрыто около 18 кв. м площади пола и землянки. На этой площади находилось 10 ямок разных размеров, назначения и происхождения.

Я м к а 1. Диаметр 30 см, глубина 18 см. Угольки и черепок без орнамента.

Я м к а 2. Диаметр 13 см, глубина 40 см. Находок нет.

Я м к а 3. Сохранилась частично. Ширина (или длина) не менее 70 см, глубина 60 см. Стенки отвесные. Судя по опускавшейся в нее прослойке темноокрашенного песка, хорошо видимой в разрезе, она имела покрытие на уровне пола землянки, обвалившееся затем вниз и образовавшее эту темную прослойку. Находок нет.

Я м к а 4. 50×60 см, глубина 45 см. На дне большая раздавленная корчага (табл. X, 1). На уровне верхних краев ямы, посередине — речной валун размером 15 см. В заполнении заготовка костяного наконечника стрелы (табл. XI, 2) и костяное острие-провертка.

Я м к а 5. Диаметр 30 см, глубина 22 см. Небольшое количество костей рыб.

Я м к а 7. 50×70 см, глубина 50 см. На дне обломок трепала из лопатки животного (табл. XV, 40).

Кроме того, частично вскрыты еще три ямки, расположенные вдоль северо-западной стенки раскопа и не содержавшие находок.

При зачистке обнажения отмечены остатки еще одной ямки рядом с участком 15. Размеры ее определить не удалось. В ней найден прекрасный экземпляр костяного трепала (табл. XV, 42) и костяное орудие со следами изношенности в работе.

Все эти ямки вырыты несомненно обитателями землянки. Иного происхождения яма 6. В ее разрезе отчетливо видно, что она вырыта значительно позднее, когда кровля обвалилась и на месте землянки находилось углубление, покрытое слоем перегнивших остатков кровли. Яма оставалась продолжительное время открытой, ее стенки обвалились, в результате чего дно и верхняя часть стенок оказались прикрытыми слоем перегнивших остатков. В ее заполнении обнаружено только орудие из ребра крупного животного, находившееся на высоте 30 см от дна. Размер сохранившейся части ямы 80×45 см, глубина 45 см от пола

землянки, около 1 м от слоя *b*, с поверхности которого она была вырыта. Очевидно, в таких ямах, прорезавших наслоения в заполнении землянок, и находились крупные фрагменты и сосуды березовского этапа в землянке 1 и на участке 8 в землянке 2.

Остатков очага в раскопанной части землянки не обнаружено, но мелкие угольки встречались в разных местах. По дну землянки местами наблюдались как будто прослойки песка, содержащего золу. Их удалось проследить только на разрезах.

Слой первичного заполнения землянки, слой *a* (табл. XI, II, III), содержал значительное количество культурных остатков, главным образом на поверхности пола, распределенных довольно равномерно по всей площади. Только около ямы 4, на площади менее 1 кв. м, находилось скопление черепков и обломков костей животных. Здесь на полу землянки лежало около 60 черепков и 240 обломков костей, в том числе аккурратно сложенные у края ямы 4 целые метатарзальные кости быка. На участке 14 лежали кучкой 5 лопаток крупных животных, среди них трепало, сделанное из лопатки (табл. XV, 44), и неподалеку костяной ткацкий гребень для прибивания ниток утка (табл. XI, 8).

Как и в землянке 1, во всех слоях заполнения землянки 2 керамика представлена фрагментами сосудов двух типов — большебереченского этапа и березовского. На полу землянки и в первичном ее заполнении (слой *a*) находились черепки от 18 сосудов большебереченского этапа (7 из них представлены крупными фрагментами,¹ в том числе половиной сосуда, собранной из 13 черепков; табл. X, 2) и от 7 сосудов березовского этапа. Из числа последних фрагменты от 4 сосудов (2 мелких черепка, один крупный и половина сосуда) находились на границе слоев *a* и *b*, на участке 7, залегая непосредственно на лежавшем здесь скоплении костей и черепков, и могут быть отнесены не к слою *a*, а к слою *b* или к заполнению позднее вырытой здесь ямы, оставшейся незамеченной при раскопках. Если их исключить из числа находок слоя *a*, то в последнем керамика березовского этапа окажется представленной всего лишь тремя мелкими

¹ Крупными фрагментами сосудов здесь и в последующих слоях землянки 2 называются обломки, наибольший размер которых превышает 7 см. Черепки меньшего размера называются мелкими.

обломочками, которые могли попасть в него случайно в более позднее время.

Кроме указанных находок, на полу землянки обнаружено еще несколько предметов: обломок верхнего камня зернотерки из красноватого песчаника (табл. VIII, 4); костяной наконечник стрелы (табл. XI, 1); роговое острие (табл. XI, 12); два астрагала барана, один из них со сточеным боком (табл. XI, 14); обломок бронзового ножа (табл. XI, 6); обломки двух костяных пластинок, одна из них с круглым отверстием (табл. XI, 5); осколок кости, начатый обработкой; 5 астрагалов бобра, лежавшие кучкой в одном месте (табл. XI, 4). К числу орудий следует отнести также 29 речных галек и обломков камней, имеющих часто ясные следы употребления их в качестве ударного орудия, наковальни и терки или пестика.

Следует отметить, что на полу землянки кости животных находились в сравнительно небольшом количестве и преимущественно в виде мелких неопределимых осколков. Всего здесь собрана 341 кость, из них 240 (70%) находились на ограниченном участке около ямы 4 и только 101 экземпляр — на всей остальной площади землянки. Костные остатки, находящиеся в культурном слое поселения или в жилище, обычно принимают за кухонные отбросы.¹ Между тем характер этих остатков в землянке 2 (а также и в остальных землянках на Ближних Елбанах и, вероятно, во многих других случаях) не соответствует такому их определению. Кухонные отбросы должны состоять из обломков расколотых или разрубленных костей всех частей скелета животных, употребляемых в пищу. Здесь же почти совершенно отсутствуют позвонки и ребра, составляющие основную массу скелета животных. Из крупных костей имеются лишь метатарзальные и лопатки. В большом числе представлены некоторые мелкие кости — бабки, астрагалы, зубы (клыки и резцы). Метатар-

зальные кости, наиболее плотные, с толстыми и прямыми стенками, служат материалом для изготовления различных орудий. Лопатки также используются для изготовления широких плоских орудий, например трепал. Эти кости в землянке найдены полностью сохранившимися, причем в одном месте 4 метатарзальные кости быка лежали рядом, в другом, также сложенные вместе, 5 лопаток крупных животных и с ними сломанное трепало. Мелкие кости (фаланги, астрагалы, зубы) также широко применялись в быту и культе. Наконец, мелкие осколки трубчатых костей представляют собой, видимо, технические отбросы, получившиеся при изготовлении костяных изделий. Таким образом, на полу землянки нет кухонных отбросов. Здесь находятся лишь некоторые запасы поделочного костного материала, костяные изделия, мелкие косточки, употреблявшиеся в быту в необработанном виде и, наконец, мелкие осколки костей, которые, втаптываясь в песок пола землянки, не загромождали ее мусором. Те же кости, которые являлись кухонными отбросами, оказывались за пределами землянки.

В темном слое, покрывающем первичное заполнение землянки (слой *b*), состав керамического материала несколько иной, чем в слое *a*. Целых сосудов нет. Керамика большереченского этапа представлена 9 мелкими и 1 крупным черепками от 10 сосудов и фрагментами еще 3 сосудов, отдельные обломки которых найдены и в других слоях (11 черепков одного из них найдены в слое *b*, а 2 в слое *a*; 10 черепков другого найдены в слое *b*, а 2 в слое *c* и 1 в слое *a*; большой фрагмент третьего сосуда найден в слое *b*, а 1 черепок от него в слое *a* и 2 в слое *d*).¹ Таким образом, керамика большереченского этапа в слое *b* представлена как мелкими (9), так и крупными (4) фрагментами, но в несколько меньшем количестве, чем в предыдущем слое. Керамика березовского этапа здесь больше. Она представлена 31 мелким и 1 крупным обломками от 32 сосудов (или 33 мелкими и 3 крупными от 36 сосудов, если добавить исключенные выше из слоя *a* 4 фрагмента). Отметим, что около 80% черепков березовского этапа

¹ Даже в статье, специально посвященной вопросу о необходимости критического отношения к статистическим подсчетам остеологического материала, Е. И. Горюнова, правильно ставя ряд интересных вопросов, исходит из априорного утверждения, что при изучении костного материала с поселений «мы имеем дело с „кухонными остатками“, т. е. с раздробленными костями по преимуществу (если не только) тех животных, мясо которых считалось съедобным и употреблялось в пищу» (Горюнова, 1950, стр. 61).

¹ При подсчете количества фрагментов сосудов в слоях *a*, *b*, *d* черепки этих трех сосудов исключены, чтобы не включать их в подсчет дважды.

сосредоточено на площади в 2—3 кв. м (участки 11—13).

Из находок слоя *b* с несомненностью к большеереченскому этапу относятся маленький бронзовый нож (табл. XI, 7) и обломок бронзового ножа. Хронологическая принадлежность найденных здесь костяной пластинки с нарезками, обструганной птичьей кости и двух астрагалов барана неясна. Костей животных здесь меньше (156 экземпляров) и характер их несколько иной — заметно наличие обломков типа кухонных отбросов.

В слое *c* (темносерый песок, заполняющий в форме линзы углубление над землянкой) керамика большеереченского этапа почти отсутствует; найдено всего 3 мелких обломка от 3 сосудов. Керамика же березовского этапа представлена 31 мелким и 12 крупными фрагментами и целым сосудом, всего остатками 44 сосудов. Костей животных еще меньше — 109 обломков. Из других предметов найдены глиняное пряслице (табл. XI, 16) и поделка из астрагала лося или марала (табл. XI, 11).

В слое *d* (почвенный слой над землянкой) культурных остатков еще меньше и представлены они мелкими фрагментами. Большеереченскому этапу принадлежит 5 мелких черепков от 5 сосудов, а березовскому — 51 мелкий и 2 крупных от 53 сосудов. Костей животных совсем немного — 21 обломок. Из вещей найдены глиняное пряслице (табл. XI, 15) и астрагал барана со сточенным боком.

При зачистке обнажения, перед началом раскопок землянки, были обнаружены обломки рогового псаля (табл. XI, 9) и костяная пластинка с тремя отверстиями (табл. XI, 10). Определить, в каком слое заполнения землянки они находились, к сожалению, не удалось.

Характерно количественное соотношение керамического материала по слоям заполнения землянки. Общее количество черепков, считая и неорнаментированные, которые не учитывались в предыдущих подсчетах, так распределяется по слоям: *a* — 194, *b* — 432, *c* — 549, *d* — 503. В первом слое черепков в 2—3 раза меньше, чем в каждом из трех последующих. Рассмотрение состава керамики в заполняющих землянку слоях приводит к следующим заключениям.

На полу землянки и в ее первичном заполнении (слой *a*) находится посуда лишь

большеереченского этапа, причем в относительно небольшом количестве и представленная часто крупными фрагментами и целым сосудом. В основном это посуда, оставленная обитателями землянки после их ухода. Найденные три мелких черепка березовского этапа следует считать случайно сюда попавшими в более позднее время. Землянка сооружена и была обитаема людьми большеереченского этапа.

Нижний темный слой (слой *b*), представляющий собой преобразовавшийся в почвенный слой обвал кровли землянки, содержит как мелкие, так и крупные фрагменты сосудов большеереченского этапа в несколько меньшем количестве, чем предыдущий слой, а также значительное количество преимущественно мелких фрагментов керамики березовского этапа. Черепки большеереченского этапа частью могли находиться на кровле жилища и вместе с нею упасть вниз, частью могли переместиться сюда после обвала кровли с окружающей землянку поверхности. Наличие черепков березовского этапа следует объяснять тем, что к моменту вторичного заселения дюны спустя несколько столетий на березовском этапе впадина на месте землянки еще не была заполнена и на ее задернованную поверхность попадали вместе с другими отбросами черепки глиняной посуды, погружаясь частично в толщу почвенного слоя.

Слой темносерого песка (слой *c*), заполняющий впадину на месте землянки, при отсутствии керамики большеереченского этапа (если не считать 3 черепков) изобилует керамикой березовского этапа, в том числе и значительным количеством крупных фрагментов. Этот слой отложился в период, когда на дюне находилось поселение березовского этапа.

Наконец, верхний почвенный слой (слой *d*) также содержит лишь керамику березовского этапа, причем почти исключительно в виде мелких фрагментов.

Таким образом, сама землянка и вещи, находившиеся в слое *a* и частично в слое *b*, принадлежат большеереченскому этапу, а находки из слоев *c* и *d* и частично *b* — березовскому. Следует отметить, что в землянках, подобных рассмотренным выше, культурные остатки обычно содержатся только на полу жилища и в слое, образовавшемся из остатков обвалившейся кровли. В основной массе заполнения землянки

выше остатков кровли количество культурных остатков ничтожно и представлены они мелкими обломками. Так было в карасукских землянках в поселении Ирмень I на р. Оби, раскопанных мною в 1952—1953 гг., в андроновских землянках Садчиковского поселения на р. Тоболе (Кривцова-Гракова, 1951, стр. 160, 175), в землянках срубной культуры близ хутора Ляпичева на Дону (Грязнов, 1953, стр. 142) и, повидимому, в срубно-хвалынских землянках Максютовского и Успенского поселений в степях Заволжья. В последнем случае указания автора о характере распределения культурных остатков в толще заполнения землянок не вполне ясно изложены (Синицын, 1949, стр. 200, 204, 211, 213). Так было в тех случаях, когда на месте расположения древних землянок жизнь больше не возобновлялась. Так было и в землянке 3 на Ближних Елбанах, которая находилась за пределами поселения березовского этапа.

Землянка 3

Крайняя юго-западная в предполагаемом четвертом ряду жилищ. Обнаружена в обнажении по краю дюны, выдува, разрушившем часть землянки.

Поверхность дюны вдоль края выдува занесена навесным пезадернованным слоем песка толщиной до 80 см у края и 5—10 см на расстоянии 12 м от края и дальше. Погребенная под этим песком, слабо покатая по направлению к ЮВ поверхность дюны имела над землянкой небольшое понижение глубиной до 40 см посередине.

Раскопки начаты с вертикальной зачистки обнажения вдоль края выдува — был получен поперечный разрез через землянку. Затем проложена продольная траншея шириной 1 м, длиной 20 м. Намеченная к расколке площадь, разбитая на квадраты размерами 2×2 м, разбиралась затем последовательно по одному ряду квадратов, с тем чтобы получить последовательную серию поперечных разрезов через землянку. Раскопками вскрыта вся сохранившаяся часть землянки и значительная площадь культурного слоя (17×12 м) с юго-восточной стороны.

Заполнение землянки в общем такое же, как и в первых двух. Под почвенным слоем мощностью в 30—35 см слой темносерого песка, под ним темный слой, богатый гуму-

сом, и, наконец, опять темносерый слой песка. В центральной части землянки нижний слой темносерого песка выклинивается и темный гумусированный слой лежит непосредственно на дне землянки. У стен гумусированный слой поднимается и сливается с почвенным слоем, а заключенный между ними верхний слой темносерого песка выклинивается. Нижний слой темносерого песка, более мощный около стен, следует считать первичным заполнением землянки, темный гумусированный слой — древней погребенной почвой, образовавшейся вскоре после разрушения землянки и включившей в себя материал рухнувшей кровли. Верхний слой темносерого песка и покрывающий его слой современной почвы представляют собой вторичное заполнение ямы на месте обвалившейся землянки.

Состав культурных остатков в заполнении этой землянки резко отличался от наблюдавшегося в двух первых. Здесь почти не было керамики березовского этапа. На дне землянки и частично в слое ее первичного заполнения керамика большереченского этапа представлена 14 сосудами, которые удалось полностью реставрировать (табл. XIII, XIV, 1, 2, 5, 7), крупными фрагментами от 19 сосудов (табл. XIV, 3, 6, 8), крупными черепками от 32 и мелкими от 72 сосудов, а керамика березовского этапа — мелкими черепками от 2 сосудов. В темном гумусированном слое (обвал кровли) керамика большереченского этапа представлена крупными черепками от 14 и мелкими от 21 сосуда, а березовского этапа — крупным фрагментом от 1 и мелкими черепками от 3 сосудов. Наконец, в верхних слоях (вторичное заполнение землянки) — крупный фрагмент от 1, крупные черепки от 2 и мелкие черепки от 17 сосудов большереченского этапа и мелкие черепки только от 4 сосудов березовского этапа. Керамика березовского этапа попадала на эту часть дюны, находившуюся, повидимому, за пределами или на окраине поселка березовского этапа лишь случайно и в незначительном количестве. Также случайно попали сюда костяной наконечник стрелы (табл. XV, 5) и черепок фоминского этапа и железный трехперый наконечник стрелы, найденные в почвенном слое, а в более раннее время мелкие черепки от двух неолитических сосудов, каменный наконечник стрелы, обнаруженные на полу землянки, другой такой

же наконечник и два мелких сланцевых отщепа — в почвенном слое около землянки.

Землянка оказалась прямоугольной (табл. XII), шириной 13 м. В длину сохранилась только на 8 м. Пол ее горизонтальный, с незначительными понижениями или повышениями на отдельных участках. Стены в рыхлом песчаном грунте сохранились очень плохо, но четко прослеживались в нижней части около пола землянки. Юго-западная и северо-восточная стены, прямые, параллельные, прослежены на всем протяжении раскопанной части, юго-восточная только на протяжении около 4 м около южного угла. Здесь понижающаяся поверхность дюны близко подходит к полу землянки, находящемуся в этом месте почти на уровне нижнего горизонта почвы. Остальная часть стены определяется по положению находившихся вдоль нее ямок в полу жилища. Глубина землянки около края выдува 70—80 см от поверхности почвы, около юго-восточной стены — 40—55 см.

Посередине землянки находились остатки очага в виде слоя золы толщиной 3—7 см, овальной формы, размером 110×80 см. Вокруг очага значительная площадь пола землянки была свободна от культурных остатков, если не считать нескольких отдельных черепков. Основная масса остатков глиняной посуды сосредоточена около юго-западной стены на площади около 10 кв. м, главным образом в квадратах II-8 и II-9. Из находившихся здесь черепков удалось собрать 9 полных сосудов и крупные части нескольких других. Вообще же культурные остатки расположены более или менее равномерно по полу землянки, но преимущественно вдоль стен.

На полу жилища обнаружены 66 ямок разной формы и размеров, глубиной от 10 до 60 см, преимущественно круглые, диаметром 20—40 см, глубиной 10—30 см. Обычно они заполнены чистым темным песком и не содержат никаких остатков. В редких из них встречались случайно попавшие в заполнение черепки или обломки кости. Только на дне ямки 14 (диаметр 40 см, глубина 40 см) стоял раздавленный горшок и в заполнении ямки 5 (размером 120×30 см, глубина 60 см) находились несколько черепков от одной корчаги. Все эти ямки были, вероятно, разного хозяйственного и бытового назначения.

Следует отметить, что такие же ямки находились и за пределами жилища, но только с одной стороны. Их не было с северо-восточной и юго-западной сторон, а с юго-восточной стороны их было не меньше, чем в землянке. На дне одной из 43 обнаруженных здесь ямок также находился раздавленный сосуд (ямка 42, диаметр 40 см, глубина 10 см от нижней поверхности почвы). Возможно, что посередине юго-восточной стены был вход в жилище, площадь перед которым в летнее время использовалась и для приготовления пищи и для других домашних и хозяйственных занятий. Здесь также в большом количестве находились обломки глиняной посуды, костей животных и другие предметы. Длинные ямки (№№ 26 и 27); возможно, находились на полу во входе в жилище.

На полу землянки среди прочих остатков найдено более 30 различных предметов хозяйственного и бытового назначения: обломки 5 глиняных форм для отливки мелких бронзовых украшений (табл. XV, 14, 15); 2 обломка плоских бронзовых предметов; 4 костяных наконечника стрел (табл. XV, 6—8); обломки 3 верхних камней-зернотерок (табл. VIII, 1, 3, 5); несколько крупных галек и сланцевых плиток со следами употребления их в качестве молотков, точильных камней, скребков и т. д.; обломок глиняного пряслица (табл. XV, 18); костяное шило (табл. XV, 3); две роговые рукоятки каких-то орудий (табл. XV, 9, 10); обрубок пястной кости барана с сильно заглаженным в работе концом; трубка длиной 26 см из птичьей кости; роговой конус-пронизка (табл. XV, 19); 4 бараньих астрагала — один просверленный, три со срезанными боками (табл. XV, 22—24); резец лошади, просверленный посередине (табл. XV, 12), и белая цилиндрическая аргиллитовая бусина (табл. XV, 13). В темном гумусированном слое (обвал кровли) найдены: костяной ткацкий гребень (табл. XV, 2); костяное шило, просверленный астрагал барана и просверленный астрагал бобра (табл. XV, 21). Наконец, в почвенном слое, кроме указанных выше предметов более позднего времени и неолитических, найден обломок костяного трепала (табл. XV, 43).

В культурном слое перед юго-восточной стеной землянки найдены: 2 костяных наконечника стрел; костяной ткацкий гребень (табл. XV, 1); обломок глиняного

пряслица (табл. XV, 17); костяное острие (табл. XV, 4); каменное ложило (табл. XV, 20); маленькая трубочка из птичьей кости (табл. XV, 16); астрагал барана со сточенными боками и заготовка костяного наконечника стрелы.

Землянка 5

Обнаружена в обнажении по краю выдува. Находилась в первом ряду жилищ. При зачистке обнажения был установлен иной, чем во всех остальных случаях, характер напластований в землянке и иное распределение в них культурных остатков, указывающие на то, что здесь, на месте землянки большереченского этапа, позже была сооружена землянка березовского этапа. Однако полностью раскопать памятник не удалось. Вскрыта лишь небольшая часть его вдоль края обрыва площадью около 20 кв. м (табл. XXV, 1).

Землянкой березовского этапа уничтожена большая часть землянки большереченского этапа. На исследованном участке сохранилась только северо-восточная часть последней протяжением около 4 м вдоль обнажения. Это была вырытая в материке яма глубиной 80 см, с крутой, почти отвесной стенкой и неровным полом. Первичного заполнения землянки песком не наблюдалось.

На дне землянки, прикрывая и стенку, залегал слой темного гумусированного песка толщиной 10—15 см — остатки обрушившейся кровли. Выше находился слой серого песка толщиной 25—35 см, выклинивающийся около стенки, над ним почвенный слой толщиной 35—50 см. Как и во всех других случаях, почвенный слой погребен слоем совсем недавно навешанного песка толщиной до 90 см.

На расстоянии около 1.5 м от стены находилось продолговатое углубление размером 120×40 см, глубиной 20 см, заполненное золыстым песком. На полу землянки, вскрытой на площади немногим более 5 кв. м, найдены черепки, из которых удалось собрать половину сосуда (табл. XIV, 13), черепки нескольких других сосудов большереченского этапа (табл. XIV, 12) и бронзовый наконечник стрелы (табл. XVI, 3). В заполнении землянки определенных обломков посуды не найдено.

Землянкой березовского этапа, вырытой на 10—15 см глубже, полностью уничтожена

затронутая ею часть землянки большереченского этапа. Описание землянки березовского этапа дается ниже, при рассмотрении памятников данного этапа. Здесь следует только отметить, что в ее заполнении основная масса культурных остатков находилась на дне и в нижних слоях.

Землянка 15

Находилась в третьем ряду жилищ. Значительная часть ее уничтожена ветрами. В 1925 г. мною вскрыта здесь площадь в 10 кв. м. За истекшие после этого 20 с лишним лет конфигурация выдувов изменилась, и указать на плане точное местоположение раскопа 1925 г. сейчас не удастся.

Как и в находящейся по соседству землянке 1, здесь наблюдалось три темных гумусированных слоя общей мощностью 85—95 см. На желтом песке дюны залегал слой серого песка толщиной 15 см, затем темносерого песка толщиной 30 см, над ним опят серого песка толщиной 10—20 см, переходящий выше в слой темного гумусированного песка толщиной 15 см, и, наконец, почвенный слой, более темный вверху и светлый внизу, толщиной 15—25 см. По аналогии с землянкой 1, нижний слой серого песка следует рассматривать как первичное заполнение землянки за счет размыва ее бортов; нижний гумусированный слой — как остатки кровли; лежащий на нем слой серого песка и над ним темного гумусированного — как заполнение углубления над землянкой после обвала кровли, и верхний гумусированный слой — как второй почвенный слой, покрывающий на этом участке дюны всю ее поверхность. Аналогично и распределение керамики по слоям. В песке ниже культурных напластований, вероятно в ямках, вырытых на полу жилища и оставшихся незамеченными при раскопках, найдено 16 черепков от сосудов большереченского этапа; в нижнем слое серого песка и нижнем гумусированном слое (первичное заполнение и кровля) — 114 черепков от сосудов большереченского этапа и 30 березовского, т. е. первых почти в 4 раза больше, чем вторых; во втором слое серого песка и гумусированном (заполнение углубления над землянкой) — 30 черепков большереченского этапа и 162 березовского, первых в 5 раз меньше, чем вторых; в верхнем почвенном слое — 4 черепка большеречен-

ского этапа и 83 березовского.¹ Значит, и здесь землянка датируется большебереченским этапом, а заполнение задержавшегося после обвала кровли углубления на месте землянки — березовским.

В нижнем слое серого песка и ниже, в дюнном песке, т. е. на полу землянки и, вероятно, в ямках найдены просверленный астрагал бобра, просверленная фаланга хищника, костяная пластинка с просверленным круглым отверстием, обреза рога лося, 4 обреза костей со следами обработки; в нижнем гумусированном слое (задержавший обвал кровли) — 2 костяных наконечника стрелы, костяное шило, заостренная костяная пластинка и 2 обреза кости со следами обработки. В заполнении углубления над землянкой (второй слой серого песка и гумусированный слой) найдены обломок бронзовой бляшки, обломок глиняного пряслица, костяное кольцо и костяная заостренная пластинка. Судя по керамическому материалу этого горизонта, последние предметы принадлежат березовскому этапу.

Землянки 4, 6, 7, 8 и 9 и зольник

При зачистке обнажения по краю выдува вдоль первого ряда жилищ получены разрезы еще четырех землянок и датирующий их вещей материал.

Землянка 4. В разрезе представляет яму глубиной от 85 см у юго-западной стены до 105 см посередине, шириной не менее 9 м (табл. XVI, I). Северо-восточная граница землянки не прослежена. По дну ямы залегает слой пепельно-серого песка, над ним выклинивающийся к краям землянки слой более светлого песка, выше почвенный слой. В нижних слоях встречаются черепки от сосудов большебереченского этапа, в верхних — березовского. Найденные здесь верхний камень зернотерки и глиняное пряслице по условиям их залегания не могут быть достоверно датированы.

Землянка 6. Яма глубиной 100—110 см, длиной (вдоль обнажения) 13 м, со скошенными в разрезе стенками (табл. XVI, II). На дне ее залегает слой пепельно-серого

песка до 40 см толщиной у стен и выклинивающийся и даже совсем прерывающийся посередине. Над ним прерывающаяся прослойка до 15 см толщиной темного гумусированного песка, выше почвенный слой. Около юго-западной стены яма глубиной 80 см от поверхности пола, шириной 1 м на дне, около 2 м наверху, заполненная пепельно-серым песком с интенсивно темным слоем на дне. Распределение керамических находок то же, что и в предыдущей землянке.

Землянка 7. Яма с неровным дном глубиной 85—105 см, длиной (вдоль обнажения) 13 м (табл. XVI, III). Около северо-восточной стены воронкообразная (в разрезе) яма глубиной 60 см, шириной в устье более метра. Характер заполнения, а также состав и распределение керамических находок те же, что и в землянке 6 (табл. XIV, 9).

Землянка 8. Рядом с предыдущей, в 5 м к ЮЗ от нее, на протяжении около 15 м наблюдалось незначительное утолщение темноокрашенных напластований. Обычно почвенный слой на других участках дюны наиболее интенсивно окрашен гумусом в верхней части, меньше в нижней части и незаметно, без ясно видимой границы сливается с желтовато-серым песком — основным грунтом дюны. Здесь же, под почвенным слоем 20—40 см толщиной залегает местами прерывающийся слой пепельно-серого песка и под ним тонкий слой темного гумусированного песка, четко отграниченного от лежащего под ним песка дюны. Слой темного гумусированного песка насыщен культурными остатками — черепками и обломками костей животных.

Землянка 9. Обнаружена при зачистке юго-западной стенки канавы, ограждающей скотское кладбище с юго-западной стороны. Находится в пониженной части дюны. Граница землянки на разрезе не прослеживается. На протяжении около 10 м наблюдается слой гумусированного песка толщиной 10—15 см, четко отграниченный от желтовато-серого песка дюны. Над ним залегал слой светлосерого песка толщиной 15—30 см, затем буро-серого песка толщиной 15—40 см и, наконец, почвенный слой толщиной 20—30 см. Общая толща наслоений составляла 95—105 см. Культурные остатки содержались во всех слоях, причем керамика большебереченского этапа преимущественно в нижних, березовского — в верхних.

¹ В приведенном подсчете объединены вместе находки с 10 кв. м землянки 15 и 4 кв. м землянки 1, так как до раскопок 1946—1949 гг. предполагалось, что в обоих раскопках вскрыты одни и те же напластования трех слоев погребенной почвы.

Зольник. Обнаружен при зачистке обнажения вдоль первого ряда жилищ в 30 м от землянки 8, на склоне рва, разделяющего поселение и могильник. На зачищенном участке обнажения протяжением около 5 м под почвенным слоем толщиной 25—40 см, содержащем незначительное количество мелких черепков, залегал слой золистого песка толщиной 25—35 см с большим количеством черепков и обломков костей животных, а под ним слой сильно золистого песка толщиной 10—45 см, насыщенный культурными остатками. Общая толща зольника, вместе с почвенным слоем, 60—100 см. Основная масса собранных здесь черепков принадлежала сосудам большебереченского этапа, из которых два удалось восстановить полностью (табл. XIV, 10, 11). Кроме того, здесь найдены три обломка костяных орудий.

При зачистке обнажения дюны вдоль выдува по ее юго-восточному краю исследован культурный слой поселения на протяжении 160 м. Количество культурных остатков в нем значительно меньше, чем в заполнении землянок, и стратиграфически они не разделяются. Керамика большебереченского и березовского этапов залегает в смешанном состоянии в нижней половине почвенного слоя. Среди немногочисленных найденных здесь бронзовых, костяных и каменных предметов следует отметить два бронзовых шила с гвоздевидной шляпкой (табл. XVI, 4, 5), относящихся несомненно к большебереченскому этапу.

Находки на выдувах. Как уже указывалось, на поверхности выдувов находится множество культурных остатков, массами сосредоточенных около развеваемых ветрами землянок и в незначительном количестве на участках между землянками. Местонахождение землянок можно заметить издали по обилию на поверхности развеянного песка обломков костей животных и черепков глиняной посуды. Собранный здесь материал принадлежит двум периодам, однако хронологическому определению поддаются только керамические находки и некоторые бронзовые и костяные предметы. Надо полагать, что большая часть найденных вещей датируется большебереченским этапом, меньшая — березовским. За три года работ экспедиции здесь собрана большая серия черепков различных предметов брон-

зовых, каменных, глиняных и костяных, наиболее интересные из которых изображены на табл. XV, 25—39; XVI, 1, 2.

Могильник в пункте BE VII

Грунтовой могильник на дюне, которая была местом погребения несколько раз, в разные этапы. На раскопанной площади в 1179 кв. м открыто 63 могилы большебереченского этапа. Могильник вскрыт не полностью. Часть погребений осталась за пределами вскрытой площади в северо-восточной половине дюны, другая часть, на южной окраине могильника, уничтожена ветрами. Судя по расположению могил на исследованном участке, можно полагать, что ветрами развеяно не менее десятка погребений большебереченского этапа. О количестве погребений, оставшихся еще не вскрытыми, трудно судить. Можно думать, что общее число погребенных на кладбище доходило до 100, а может быть, и больше (табл. XLVIII).

Порядка во взаимном расположении могил не наблюдается. Только в центральной части раскопанного участка могильника как будто можно усмотреть два ряда могил — в одном 5 могил (№№ 24, 28, 63, 66, 80, 79), в другом 4 (№№ 34, 55—57).

В приводимом ниже описании могил определение пола погребенных во всех случаях, кроме специально оговоренных, дается по наблюдениям над строением черепа и других костей скелета. В песчаном грунте кости сохранились плохо. Часто в могиле находилась только наиболее плотная часть некоторых костей, иногда одна только зубы. Но наблюдаемое по наиболее сохранившимся скелетам единообразное в общем положение погребенных позволяет безошибочно определять положение погребенного и в тех случаях, когда в могиле сохранились определимые остатки всего лишь двух-трех костей. Поэтому для краткости изложения в описании могил с фрагментарной сохранностью скелета не указывается положение каждой отдельной кости, а перечисляются сохранившиеся или отсутствующие кости и указывается предполагаемое положение костяка в могиле.

Могилы 1 (табл. XVII). Обнаружена по видневшемуся на поверхности пологого выдува черепу. Глубина не более 60—70 см. Скелет женщины пожилого возраста, в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Левая бедренная кость

от действия огня обуглилась и раскололась на мелкие куски, лежащие, однако, точно на своих местах. Около груди шило из грифельной косточки парнокопытного.

Могила 2 (табл. XVII). Обнаружена по видневшимся на поверхности пологого выдува пяточным костям и двум полоскам древесного тлена около них. Прямоугольная яма, $180(?) \times 65$ см, глубиной около 70 см; обложена вдоль длинных сторон деревом, от которого сохранился рыжеватый древесный тлен. Скелет женщины 40—50 лет, на спине, в вытянутом положении, головой на ССВ. На черепе две медные иглы (табл. XVIII, 11); около подбородка две бусинки из мягкого серого камня (табл. XIX, 9); под черепом кусочек красной охры, стертый с одной стороны; около левого колена глиняное пряслице, разбитое на две части (табл. XVII, 1).

Могила 5 (табл. XVII). Прямоугольная яма, глубиной около 70 см, размером около 150×100 см или несколько меньше. Северо-восточная сторона разрушена прокопанной здесь Н. С. Гуляевым траншеей, юго-западная — небольшой ямой, заполненной таким же пестрым рыхлым песком, как и в траншее, возможно, выкопанной также Гуляевым. Обнаружен скелет мужчины пожилого возраста, на правом боку, в скорченном положении, головой на ЮЗ. Черепная крышка смещена на 35 см выше дна могилы, перевернута, левая плечевая и лицевые кости черепа отсутствуют, остальные кости скелета в анатомическом порядке на своих местах. Часть сопровождающих предметов также смещена. В головной части погребения, на 10 см выше дна, лежал роговой молот (табл. XVIII, 10) и просверленный зуб медведя (табл. XIX, 12); перед коленями, на 20 см выше дна, 4 костяных наконечника стрел (табл. XVIII, 5—8). У пояса, на своем первоначальном месте, бронзовый нож с остатками деревянной рукоятки, обмотанной сухожилиями (табл. XVIII, 24), роговое острие (табл. XVIII, 9) и клык собаки (табл. XIX, 13).

Могила 7. Обнаружена по видневшейся на пологом склоне выдува глиняной чашке. Детская могила, длиной 100 см, шириной более 50 см, глубиной меньше метра. Юго-восточная сторона разрушена ветрами. Найдено несколько молочных зубов, глиняная чашка (табл. XIX, 26)

и конец клинка бронзового ножа (табл. XVIII, 22).

Могила 10 (табл. XVII). Прямоугольная яма, 120×60 см, глубиной около 40 см. Остатки скелета (нижняя часть черепа и части плечевой кости, четырех ребер, бедренной, большой берцовой и тазовой), на правом боку, в скорченном положении, головой на ЮЗ. Между грудной клеткой и левой плечевой костью бронзовый наконечник копья с остатками дерева во втулке (табл. XVIII, 1); у пояса бронзовая литая бляшка (табл. XIX, 10) и бронзовый нож с остатками деревянной рукоятки, обмотанной сухожилиями (табл. XVIII, 32).

Могила 12. Овальная яма, 200×110 см, глубиной 85 см. Над ней, в нижней части почвенного слоя, — обломки двух глиняных чашек фоминского этапа, зубы лошади и угли, вероятно остатки тризн на бывшем здесь позже кладбище фоминского этапа. Остатки скелета юноши или девушки 18—20 лет (сохранились части черепа и диафизы плечевой, бедренных и больших берцовых костей), на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЮЗ. На черепе медная трубочка-пронизка.

Могила 13. Овальная яма, 130×80 см, глубиной 60 см, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. Над ней, в нижней части почвенного слоя, черепки глиняной посуды фоминского этапа и мелкие угольки, вероятно остатки таких же тризн, как и над могилой 12. Остатков погребения в яме не сохранилось.

Могила 14. Прямоугольная яма с округлыми углами, 140×65 см, глубиной 60 см. Остатки скелета мужчины (?) зрелого возраста (череп и зубы), лежавшего в скорченном положении, головой на ЮЗ. У пояса (?) бронзовый нож (табл. XVIII, 29) и оселок из красного песчаника (табл. XVII, 3).

Могила 17. Прямоугольная яма, 130×70 см, глубиной 65 см. Остатки скелета мужчины пожилого возраста (зубы и диафизы обеих плечевых костей, лучевой, локтевой, обеих бедренных и больших берцовых), в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Около груди бронзовая трубочка-пронизка (табл. XIX, 3); у пояса конец клинка бронзового ножа (табл. XVIII, 18); у головы остатки плохо сохранившегося крупного рогового предмета.

Могила 18. Прямоугольная яма с округлыми углами, 110×75 см, глубиной 60 см. Скелет женщины преклонного возраста, в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЮЗ. Предметов нет.

Могила 19. Прямоугольная яма, 200×115 см, глубиной 85 см. На глубине 60 см были отчетливо видны темные полосы вдоль стен — остатки деревянного крепления. Остатки скелета взрослого человека (часть черепной коробки, коронки зубов и диафизы бедренных костей), на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. Около пояса (?) конец клипка бронзового ножа (табл. XVIII, 25).

Могила 21. Овальная яма, 90×60 см, глубиной 50 см, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. Сохранились только зубы взрослого человека в юго-западном конце могилы и в 10 см от них тонкая медная полоска, согнутая на одном конце (табл. XIX, 8). Погребенные, повидимому, скорченное, головой на ЮЗ.

Могила 22. Яма размером 125×110 см, глубиной 60 см, в форме широкого параллелограмма с закругленными углами. Остатки двух скелетов, погребенных рядом на правом боку, в скорченном положении, головой на ЮЗ. Первый костяк, южный (сохранились зубы и диафиз бедренной кости), принадлежит взрослому человеку, судя по вещам, женщине. При нем найдены на месте черепа медная кованая серьга (табл. XIX, 11), на месте шеи или плеч трубочка-пронизка, свернутая из медного листка (табл. XIX, 6). Второго костяк, северный (сохранились фрагменты — затылочной и теменной части черепа и нижней челюсти, шести шейных позвонков и диафизы обеих бедренных костей), принадлежит молодой женщине (судя по вещам и остаткам кос), не старше 20 лет. При костяке найдены: в области живота две медные трубочки-пронизки (табл. XIX, 4, 5) и небольшой осколок камня; в области плеч и спины три такие же пронизки и медная литая трехреберная пронизка (табл. XVIII, 3); вокруг шейных позвонков части шейного или нагрудного украшения (табл. XIX, 1), лежавшие в такой последовательности (начиная от загривка по направлению часовой стрелки): трубочка-пронизка, свернутая из медного листка, пронизка из бронзового наконечника стрелы с отломленным

острием, сердоликовая цилиндрическая бусина, бронзовая литая бусина, белокаменная (аргиллитовая?) бляшка, шесть бронзовых литых нашивных бляшек с остатками шнурков, которыми они были прикреплены к какой-то основе (все шнурки различны по толщине и способу плетения), вторая белокаменная бляшка, трубочка-пронизка, свернутая из медного листка, подвеска из клыка хищника. Около медных предметов, окислы которых создали ядовитую среду для микроорганизмов, сохранились от разложения не только кости, но также волосы, шерстяные ткани и береста. Волосы заплетены в мелкие косички. Судя по толщине сохранившихся 8 косичек, можно полагать, что их было не менее двадцати. Ткань представлена мелкими обрывками толстого шерстяного рубчатого полотна — возможно, остатки ворота одежды. Под костями черепа и вещами на дне могилы сохранились кусочки бересты до 10 см длиной. Повидимому, погребенная была положена на бересту, а может быть, и завернута в нее.

Могила 23. Овальная яма, 100×70 см, глубиной 50 см. В заполнении ямы, на 10—15 см выше дна, — пласты обуглившейся спекшейся массы, повидимому, от обгорелого берестяного покрытия погребения. На дне — остатки скелета ребенка 7—8 лет (части черепа, одной лопатки, диафизы плечевой, двух бедренных и большой берцовой костей), погребенного в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Под плечевой костью 14 астрагалов барана, лежащие кучкой.

Могила 24. Неправильно овальная яма, 140×80 см, глубиной 50 см. Остатки скелета мужчины преклонного возраста (части черепа и нижней челюсти, части обеих плечевых и локтевых костей, часть тазовой, обе бедренные и большие берцовые и левая малая берцовая), в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. На тазо-бедренном сочленении (у пояса) бронзовый нож (табл. XVIII, 28); перед голеньями роговое кольцо; перед ступнями ног какой-то другой, плохо сохранившийся роговой предмет более крупных размеров.

Могила 27. Остатки погребения в нижней части почвенного слоя. Найдены молочные зубы и обломки детского черепа (на расстоянии 60 см от зубов). Рядом с зубами маленький горшочек (табл. XIX, 29).

Могила 28. Яма неправильной формы, 160×60 см, глубиной 40 см. Скелет молодого мужчины старше 20 лет, на правом боку, в скорченном положении, головой на Ю. У пояса (между правой локтевой и бедренной костями) бронзовый нож со следами деревянной рукоятки (табл. XVIII, 26); около колен обломок костяного наколенника стрелы.

Могила 29. Овальная яма, 120×70 см, глубиной 60 см. Скелет женщины старческого возраста (череп и длинные кости рук и ног), на левом боку, в скорченном положении, головой на ЮЗ. За спиной костяное острие.

Могила 34. Яма размером 110×80 см, глубиной 40 см. Остатки скелета взрослого мужчины (части черепа, нижняя челюсть и несколько трубчатых костей без эпифизов), в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Предметов нет.

Могила 36. Овальная яма, 110×90 см, глубиной 60 см. Скелет мужчины 40—60 лет, на правом боку, в сильно скорченном положении, головой на ЮЮЗ. Предметов нет.

Могила 37. Овальная яма, 100×60 см, глубиной 50 см, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. В юго-западном конце — части черепной коробки и два молочных зуба ребенка, положенного головой на ЮЗ. Предметов нет.

Могила 39. На глубине 55 см остатки погребения ребенка (сохранились черепная крышка и к СВ от нее диафизы двух костей). Предметов нет.

Могила 42. Прямоугольная яма с закругленными углами, 100×70 см, глубиной 70 см. Скелет взрослого мужчины (?), в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на СВ. Предметов нет.

Могила 43. Овальная яма, 90×70 см, глубиной 60 см. В юго-западной части 4 молочных зуба — остатки погребения ребенка, положенного головой на ЮЗ. Предметов нет.

Могила 44. Прямоугольная яма, 90×70 см, глубиной 70 см. Скелет взрослого (судя по вещам, женский), в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. У лобной кости медная пластинка; около правого плеча медная игла.

Могила 50. Овальная яма, 90×40 см, глубиной 45 см. Скелет молодой женщины,

в спльно скорченном положении (колени прижаты к груди), на левом боку, головой на Ю. Предметов нет.

Могила 54. Прямоугольная яма, шириной 50 см, длиной в сохранившейся части 50 см, глубиной 35 см. Частично разрушена погребением фомипского этапа (могила 40). В сохранившейся юго-западной половине остатки скелета ребенка (части черепа с нижней челюстью и диафизы костей рук), в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Перед лицом обломок медной пластинки.

Могила 55. Яма размером 120×50 см, глубиной 80 см. Скелет молодого человека юношеского возраста (пол?), в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Около нижней челюсти трубочка-пропизка, свернутая из медного листка; перед животом пять астрагалов барана.

Могила 56. Круглая яма, 100×90 см, глубиной 50 см. Скелет подростка в возрасте около 7 лет, в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. В 20 см от черепа (перед лицом) круглое зольное пятно диаметром 20 см. Предметов нет.

Могила 57. Яма размером 90×50 см, глубиной 60 см. Скелет молодой женщины (?) в возрасте около 20 лет, в сильно скорченном положении (колени прижаты к груди), на левом боку, головой на ЮЗ. Предметов нет.

Могила 60. Овальная яма, 130×65 см, глубиной 65 см. В северо-западной части, в 10—15 см от дна, угли и куски обгорелого дерева. Скелет взрослого мужчины (20—40 лет), в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЮЗ. Часть левой бедренной кости обуглена и растрескалась от действия спльного огня. Предметов нет.

Могила 61. (план погребения см.: Грязнов, 1951, рис. 34). Прямоугольная яма, 170×50 см, глубиной 60 см. В заполнении, на 10 см выше дна, остатки обгорелого дерева и угли. Скелет взрослого мужчины, в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Левая бедренная кость частично обуглилась и растрескалась от действия сильного огня. Около черепа (перед лицом) бронзовый наконечник копья (табл. XVIII, 2) и плохо сохранившийся костяной предмет; по сторонам черепа два зуба животного; в области таза (у пояса) бронзовый нож (табл. XVIII,

31); около кисти правой руки два костяных наконечника стрел и один бронзовый (табл. XVIII, 4), лежавшие пачкой, острием к ногам.

Могила 63. Яма яйцевидной формы, 130×75 см, глубиной 60 см. В северо-восточной части, близко к дну, кусок обгорелого дерева. Остатки скелета человека 40—60 лет (пол?) (фрагменты черепа и диафизы, повидимому, плечевой и двух больших берцовых костей), в скорченном положении, головой на ЮЮЗ. Около зубов медная пластинка; в области живота бронзовый нож с остатками деревянной рукоятки (табл. XVIII, 33).

Могила 64. Яма размером 120×70 см, глубиной 60 см. В заполнении, в 10 см от дна, остатки обгорелых плах и угли. Скелет взрослой женщины (?), в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Перед лицом пластинка из резца бобра, кусок продольно расколотой кости крупного животного и на ней три костяных наконечника стрелы; перед серединой бедренных костей бронзовый нож со следами деревянной рукоятки, сделанный из обломка клинка (табл. XVIII, 21).

Могила 65. Овальная яма, 180×50 см, глубиной 110 см. Скелет человека преклонного возраста (пол?), на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. Справа у пояса бронзовый нож.

Могила 66. Прямоугольная яма, 155×110 см, глубиной 40 см, ориентирована по линии ЮЮЗ—ССВ. Вдоль длинных сторон в заполнении угольные пятна черного цвета, между ними земля красновато-коричневого цвета от действия огня. Вдоль восточной стены и частично южной темная углистая и коричневая земля доходит до дна. Это, повидимому, остатки сгоревшего деревянного крепления стен. В северном конце, в 5—10 см от дна, найдены куски спекшейся обуглившейся массы — остатки не полностью сгоревшей бересты. На дне остатки двух скелетов: в восточной половине взрослой женщины, в западной — подростка, судя по вещам, девочки. Женщина, судя по незначительным остаткам черепа, нескольких ребер, лопатки, таза и диафизов длинных костей рук и ног, погребена в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЮЗ. Кости таза и ног обуглены и растрескались от действия сильного огня. На черепе трубочка-

пронизка, свернутая из медного листка (табл. XIX, 7), около костей предплечья раздавленная глиняная чашка (табл. XIX, 21), костяной игольник (?) из обрезка трубчатой кости барана (табл. XVIII, 15) и костяной ткацкий гребень (табл. XVIII, 16); на костях запястья пластинки из резца бобра (табл. XIX, 14). Девочка, судя по сохранившимся диафизам всех длинных костей ног, погребена в таком же скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЮЗ. Около берцовой кости левой ноги медная игла (табл. XVIII, 14).

Могила 67. Прямоугольная яма, 160×75 см, глубиной 65 см. В заполнении, в 20 см от дна, найдена перегоревшая обугленная плаха — остатки сгоревшего деревянного покрытия. На дне скелет мужчины (?) преклонного возраста, в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. В носовом отверстии черепа маленькая бронзовая пластинка.

Могила 68. Овальная яма, 60×40 см, глубиной 100 см. Остатки скелета взрослого человека (диафизы плечевой, двух бедренных и одной большой берцовой костей), в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Предметов нет.

Могила 69. Овальная яма, 100×70 см, глубиной 50 см. Скелет человека старческого возраста, судя по вещам, мужчины, в сильно скорченном положении (колени прижаты к груди), на правом боку, головой на ЮЗ. Около темени навершие булав из белого мягкого камня (табл. XVII, 2); перед лицом глиняная чашка (табл. XIX, 17); в области шеи трубочка-пронизка, свернутая из медного листка; около лучевых костей обломок (кончик) медной булавки.

Могила 70. Прямоугольная яма, 110×50 см, глубиной 40 см, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. В юго-западном конце детский череп. Судя по его положению, погребение на правом боку, головой на ЮЗ. Предметов нет.

Могила 72. Овальная яма, 110×60 см, глубиной 90 см. Скелет мужчины, в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Над костями таза и верхней частью бедра обнаружены куски обгорелого дерева и угли — остатки сгоревшего деревянного покрытия. Часть черепа, левая бедренная и тазовая кости

сверху обуглились и растрескались от действия сильного огня. Около лобной кости черепа конец кливца бронзового ножа (табл. XVIII, 20).

М о г и л а 73. Форма и размеры ямы не установлены. На глубине 50 см остатки детского черепа и несколько молочных зубов. Предметов нет.

М о г и л а 74. Яма неправильно овальная, 160×90 см, глубиной 50 см. Остатки скелета взрослого мужчины (череп и диафизы костей предплечья, бедренной и большой берцовой), в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЮЗ. Череп в сочленении с нижней челюстью смещен (или положен в могилу отдельно?) и лежал около живота лицом вниз. Около черепа обломок глиняного сосуда и кусочек дерева.

М о г и л а 75. Прямоугольная яма, 130×70 см, глубиной 50 см. Вдоль длинных сторон обнаружены куски обгорелого дерева и углей — остатки сгоревшего покрытия. Скелет взрослого мужчины, в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Перед животом обломок бронзового ножа (табл. XVIII, 23).

М о г и л а 76. Овальная яма, 130×80 см, глубиной 135 см. Остатки скелета (коронки зубов и диафизы одной кости предплечья, обеих бедренных и больших берцовых) взрослого человека, судя по вещам и размерам костей, женщины, погребенной в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Около зубов железная и бронзовая пластинки; около верхней части бедренной кости (у пояса) бронзовая игла (табл. XVIII, 12) и разрушившаяся плоская костяная поделка.

М о г и л а 79 (табл. XVII). Овальная яма, 150×60 см, глубиной 50 см. Скелет женщины (?) преклонного возраста, в сильно скорченном положении (колени прижаты к груди), на правом боку, головой на ЮЮЗ. Кости левой руки и левой ноги сверху обуглились и растрескались от действия сильного огня. Предметов нет.

М о г и л а 80. Яма неправильно овальная, 140×90 см, глубиной 45 см. Скелет мужчины преклонного возраста, в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Предметов нет.

М о г и л а 81. Овальная яма, 160×60 см, глубиной 35 см. Скелет мужчины старческого возраста, на спине, в вытянутом поло-

жении, головой на ЮЗ. Слева, у пояса бронзовый нож (табл. XVIII, 27).

М о г и л а 82. Овальная яма, 120×60 см, глубиной 30 см, ориентированная по линии ЮЮЗ — ССВ. Остатки костей двух скелетов, взрослого и детского, расположенные без видимого порядка, вероятно смешанные. От взрослого сохранилась часть черепа, от детского скелета — фрагменты черепа, несколько молочных зубов, диафизы плечевой и бедренной костей. Посередине могилы бронзовый нож со следами дерева на рукоятке (табл. XVIII, 17).

М о г и л а 84. Яма неправильно овальная, 80×50 см, глубиной 80 см. Посередине остатки черепа и зубы молодого человека. Предметов нет.

М о г и л а 87 (табл. XVII). Овальная яма, 130×50 см, глубиной 50 см. Скелет женщины преклонного возраста, в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Около правого плеча медная игла (табл. XVIII, 13); около костей предплечья, против живота глиняная чашечка (табл. XIX, 23) и три маленьких плоских камешка.

М о г и л а 88. Овальная яма, 130×60 см, глубиной 60 см. Скелет мужчины преклонного возраста, в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. На костях правого предплечья костяная поделка неизвестного назначения (табл. XIX, 15).

М о г и л а 89. Овальная яма, 140×80 см, глубиной 45 см. Скелет женщины (?) преклонного возраста, в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Около колен костяное острие и плоский острый осколок камня.

М о г и л а 90. Овальная яма, 110×60 см, глубиной 80 см. Скелет человека юношеского возраста (пол?), в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЮЗ. У затылка медная пластинка; под черепом медная проволоочная подвеска и клык хищника; около подбородка маленький глиняный сосуд (табл. XIX, 28).

М о г и л а 92 (табл. XVII). Овальная яма, 140×80 см, глубиной 75 см. Скелет мужчины преклонного или старческого возраста, в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Перед грудной клеткой, около левого предплечья, бронзовый нож и каменный оселок (табл. XVIII, 19; XVII, 4); перед коленями три костяных наконечника стрел.

Могила 93. Овальная яма, 155×100 см, глубиной 65 см. В заполнении, в 15 см от дна, найдены куски обугленной древесины, угли и прослойки красноватого от действия огня песка — остатки сгоревшего покрытия из продольных бревен. Скелет взрослого мужчины (?), в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Перед грудью, под костями левой руки, глиняная чашка (табл. XIX, 30) и бронзовый нож с остатками деревянной рукоятки.

Могила 94. Овальная яма, 95×65 см, глубиной 60 см. Остатки скелета взрослого человека (пол?), на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на ЮЗ. Сохранились части черепа и диафизы длинных костей одной руки и обеих ног. Предметов нет.

Могила 95. Овальная яма, 115×55 см, глубиной 65 см. В заполнении над скелетом остатки обугленной древесины и прослойки красноватого от действия огня песка. Остатки скелета взрослого человека (пол?), в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Сохранились части черепа, фрагмент таза, диафизы длинных костей одной руки и обеих ног. Кости руки и ног сверху обуглены и расстрескались от действия сильного огня. Перед лицом глиняная чашка (табл. XIX, 18).

Могила 97. Овальная яма, 105×85 см, глубиной 50 см. Остатки скелета отрока 13—15 лет (части черепа и диафизы бедренных и одной большой берцовой кости), в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЮЗ. Перед грудью (?) две медные пластинки, плохо сохранившиеся.

Могила 102. Яма неправильно овальная, 120×80 см, глубиной 65 см. Остатки скелета мужчины (?) 40—60 лет (части черепа, диафизы длинных костей и фаланги одной руки и диафизы бедренных костей), в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЮЗ. Около черепа обоймица из тонкой медной пластинки; в области живота конец клинка бронзового ножа.

Могила 105. Овальная яма, размером около 160×60 см,¹ глубиной 50 см.

Остатки скелета человека преклонного возраста (пол?), погребенного в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Сохранились части обеих челюстей и диафизы всех длинных костей. Около правого бедра костяной наконечник стрелы.

Могила 106. Повреждена перерезавшей ее прямоугольной ямой невыясненного назначения и времени, размером 130×100 см, углубленной на 30 см ниже дна могилы. Сохранившаяся южная часть могилы имеет форму полуовала, длиной и шириной по 75 см, глубиной 55 см. На дне ее череп и диафиз плечевой кости отрока 10—12 лет, погребенного, судя по расположению этих остатков, на правом боку, головой на ЮЮЗ. Под нижней челюстью астрагал барана.

Могила 108. Овальная яма, 110×55 см, глубиной 65 см. Остатки скелета человека юношеского возраста (15—18 лет), судя по вещам, мужского пола, в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Сохранились зубы, части черепа и таза, диафизы длинных костей конечностей. Около тазовых костей часть клинка бронзового ножа; перед коленями 12 костяных наконечников стрел, лежавших пачкой, остриями вниз (к ногам), и 4 пластинки из резцов бобра, располагавшихся поперек наконечников, окружая их сверху, снизу и с боков; вероятно, они окаймляли нижний край колчана; в ногах 55 астрагалов барана.

Среди предметов, собранных на поверхности песка в разрушившем южную часть могильника выдуве, найдена серия вещей, происходящих из развеянных ветром погребений большереченского этапа. К числу таких предметов несомненно относятся: небольшой горшок, собранный из отдельных черепков (табл. XIX, 27); бронзовый наконечник стрелы с ромбическим пером и небольшим шипом; бронзовое четырехгранное шило; бронзовый ножичек, сделанный из клинка сломанного ножа, и кончик лезвия другого ножа; нашивная бляшка из пестрого серого мрамора; два медных колечка (табл. XVI, 10—12). Предположительно к большереченскому этапу относится и медная иголка (табл. XVI, 8).

В нижнем горизонте почвенного слоя на площади могильника находилось довольно много культурных остатков, большая

¹ Два края могильной ямы находились на 10—15 см в пределах ранее раскопанных соседних участков и остались в свое время незамеченными. Поэтому размеры и очертания могильной ямы точно не установлены.

часть которых относится к остаткам тризны на бывшем здесь позже кладбище фоминского этапа. Однако некоторые находки должны быть датированы большебереченским этапом. Это крупные фрагменты двух глиняных чашек (табл. XIX, 32, 33) и черепки от нескольких других сосудов. Возможно, к большебереченскому же этапу относятся бронзовый наконечник стрелы, найденный неподалеку от могилы 50 (табл. XVI, 6), и глиняный кувшин (табл. XIX, 31), обнаруженный на глубине 60 см в 2 м к СВ от могилы 68. Кувшин, как это будет показано ниже, при рассмотрении памятников березовского этапа, может относиться и к эпохе бронзы. Что же касается наконечника стрелы, то это одна из ранних форм, в комплексных находках мне не известная. К числу характерных форм для времени большебереченского этапа, т. е. для VII—VI вв. до н. э., она не относится.

К вещам из погребений большебереченского этапа следует отнести также некоторые предметы, приобретенные у местных жителей и найденные, по их словам, в выдуве на дуне БЕ VII. Это — 2 глиняные чашки (табл. XIX, 22, 24), бронзовый кельт с петелькой на обратной стороне (табл. XVI, 9) и бронзовый нож (табл. XVI, 7).

Могильник в пункте БЕ XII

Грунтовой могильник, расположен на небольшой, с круглыми склонами, отдельно стоящей дуне в пункте БЕ XII, находящейся в 150—200 м от поселения БЕ I. Раскопана вся площадь могильника. Открыто 14 погребений большебереченского этапа (табл. XX, 1). Кроме того, здесь же найдено еще 20 погребений других эпох и культурный слой «литейной мастерской» бийского этапа. В тех местах, где культурный слой наиболее обилен находками и четко выражен, было ясно видно, что он перекрывает собой ранее сооруженные здесь могилы большебереченского этапа.

Могилы 2. Юго-западная половина могилы разрушена перерезавшим ее погребением березовского этапа (могила 3). Прямоугольная яма, шириной 70—75 см, длиной в сохранившейся части 70 см, глубиной 80 см. Вдоль стен прослеживался древесный тлен на высоте 30 см от дна. Посередине подобные же остатки, хуже сохранившиеся, в 15—20 см от дна. Очевидно, это остатки деревянного покрытия погребения. В нена-

рушенной половине могилы обнаружены кости нижней половины скелета (таза и ног) и кисти правой руки взрослой женщины, погребенной в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Около запястья подвеска из просверленного клыка марала (табл. XXI, 17). Часть костей верхней половины скелета, разрозненных и полуманных, находилась на разной глубине в засышке могилы 3. Здесь были позвонки, кости кисти руки, обломки ребер, обе лучевые кости и обломки плечевой и локтевой костей и ключицы. Здесь же найден обломок белокаменной (аргиллитовой?) нашивной бляшки (табл. XXI, 9) и лежавший почти на самом дне могилы 3, около костей ног, ткацкий костяной гребень (табл. XXI, 4). Судя по состоянию остатков погребения, деревянное покрытие к моменту сооружения могилы березовского этапа уже истлело и легко резалось землекопными орудиями, а кости при выемке их из песка ломались.

Могилы 4. Также частично разрушена перерезавшим ее погребением березовского этапа (могила 5). Прямоугольная яма, 140×70 см, глубиной 75 см. Разрушена часть северо-западной стороны, главным образом северный угол. Над скелетом, в северо-восточном конце и вдоль юго-восточной стенки прослеживались прослойки древесного тлена — остатки деревянного покрытия. Скелет женщины 30—40 лет, в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Поздним погребением срезана часть таза, обе стопы, часть голени и верхняя часть одной бедренной кости. В области шеи две бляшки из резцов бобра, роговая пуговица и костяная бусинка, (табл. XXI, 5—7, 16); под правой плечевой костью медная округлая бляшка (табл. XXI, 13); под правой кистью, лежавшей на груди, медная игла (табл. XXI, 2); между левой лопаткой и плечевой костью медная овальная бляшка (табл. XXI, 12); под левым предплечьем, лежавшим поперек живота, ряд как бы нанизанных на шнурок, просверленных зубов: 8 клыков хищника и 15 клыков марала (табл. XXI, 14, 15).

Могилы 6. На глубине 55 см — остатки черепа и диафизы бедренных и берцовых костей ребенка 4—5 лет. Череп лежал теменем вверх, лицом к ногам. Кости ног согнуты в коленях, первоначально они

были подняты вверх, а затем упали налево. Погребенный был положен, повидимому, на спину, головой на ЮЗ. Предметов нет.

Могила 7. На глубине 50 см скелет ребенка 5—6 лет, в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. У пояса бронзовый нож (табл. XXI, 3) и два бараньих астрагала.

Могила 8. Погребение ребенка рядом с предыдущим, к СЗ от него, на той же глубине, возможно в одной могиле с ним. Остатки обоих погребений занимали площадь размером 65×40 см. Скелет ребенка, по возрасту младше предыдущего, также в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Предметов нет.

Могила 12. Детское погребение в почвенном слое. На глубине 25 см скелет ребенка 8—9 лет, в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Перед коленями 3 бараньих астрагала.

Могила 13. Прямоугольная яма, 110×60 см, глубиной 75 см. Вдоль стен и поверх костяка прослеживается древесный тлен, местами куски перегнившего дерева — остатки сруба в 1—2 венца и покрытия бревнами или досками, уложенными в продольном направлении. Скелет женщины 20—40 лет, в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЮЗ. Перед лицом остатки плохо сохранившихся костей младенца грудного возраста, пологого, повидимому, в таком же положении. Около лба, шеи и лопатки 4 небольших осколка камней; на правой кисти, лежавшей поверх костей младенца, костяной гребень (табл. XXI, 18); около колен 4 трубочки из птичьих костей.

Могила 14. На глубине 40 см, частью в почвенном слое, — скелет взрослой женщины, в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЮЗ. Погребение частично разрушено окопом. На месте, в непотревоженном положении, сохранились кости нижней половины скелета, начиная от поясничных позвонков, все кости правой руки и предплечья с кистью левой. Остальные кости отсутствуют. Под костями предплечий белокаменная (аргиллитовая) бляшка (табл. XXI, 10); позади поясничных позвонков костяной игольник (табл. XXI, 1).

Могила 15. На глубине 55 см скелет младенца 1—2 лет, в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЮЗ. Часть костей смещена. На первоначальном

месте находились часть черепа, правое предплечье, поясничные позвонки, таз и кости ног. Остальные кости лежат в беспорядке перед коленями и около стен. Предметов нет.

Могила 16. На глубине 40 см скелет ребенка 10—11-летнего возраста, в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ, частично потревоженный окопом. Кости рук частью смещены, частью отсутствуют. Только головки плечевых костей остались на месте. Нижняя челюсть лежала отдельно около темени, левая лопатка в 30 см к Ю от черепа. Остальные кости на местах, в анатомическом порядке. Между коленями и черепом, против груди, маленькая раздавленная глиняная чашка (табл. XIX, 25).

Могила 20. На глубине 40 см — скелет ребенка 2—4 лет, в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Перед лицом тонкая медная пластинка.

Могила 25. Неправильно прямоугольная яма, 155×60 см, глубиной 50 см. В северо-восточной части могилы скелет подростка в возрасте около 15 лет (пол?), в сильно скорченном положении (колени прижаты к груди), на правом боку, головой на ЮЗ. Предметов нет.

Могила 27. На глубине 55 см была погребена взрослая женщина (?), в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Верхняя часть скелета уничтожена, возможно при сооружении соседней могилы 19 (одинцовского этапа). На месте сохранились обломок тазовой кости и все кости ног. От верхней части скелета остались только одна локтевая кость и несколько фаланг руки, лежавшие, повидимому, недалеко от своего первоначального места. Предметов нет.

Могила 31. На глубине 45 см скелет подростка 12—15 лет (пол?), в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЮЗ. Предметов нет.

В почвенном слое, на вскрытой раскопками площади, остатков вещей, которые можно было бы датировать большереченским этапом, не найдено.

Могильник в пункте БЕ XIV

Грунтовой могильник в юго-западной части большой дюны, на которой расположено поселение большереченского этапа.

Между поселением и могильником находится ров, возможно, искусственного происхождения. Расстояние между могильником и поселением не превышает 70 м. На вскрытой здесь площади в 396 кв. м обнаружено 10 погребений большеберцовского этапа (табл. XXXV). Эта часть дюны служила местом погребения и в другие эпохи. Здесь было детское кладбище андроновской культуры, кладбище одиновского этапа и несколько могил еще более позднего времени.

М о г и л а 3. Неправильно овальная яма, 115×50 см, глубиной 130 см. Детское погребение. Сохранились части черепной коробки и 8 молочных зубов в юго-западном конце могилы. Предметов нет.

М о г и л а 4. Овальная яма, 60×30 см, глубиной 100 см. Скелет ребенка, судя по размерам костей, 5—7-летнего возраста, в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Перед грудью глиняная чашка (табл. XIX, 19); на черепе костяная «пуговица».

М о г и л а 10 (табл. XXI). Неправильно овальная яма, 120×50 см, глубиной 25—50 см (на склоне дюны). Скелет мужчины (?) 40—60 лет, в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. У черепа медная серьга; в области груди бронзовый нож (табл. XXI, 19).

М о г и л а 11 (табл. XXI). Рядом с предыдущей. Неправильно овальная яма, 170×50 см, глубиной 25—50 см. Скелет мужчины 40—60 лет, на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. Сохранились череп с нижней челюстью, ключицы, части плечевых, бедренных и большеберцовых костей. В области живота бронзовый нож (табл. XXI, 20). В мышелке левой бедренной кости бронзовый наконечник стрелы, глубоко вонзившийся в кость (табл. XXI, 25).

М о г и л а 21 (табл. XXI). Неправильно овальная яма, 110×60 см, глубиной 100 см. Скелет мужчины 20—40 лет, в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Перед лицом роговой молот (табл. XXI, 22); перед грудью 2 роговых псалля (табл. XXI, 23) и пластинка вырезанная из резца бобра.

М о г и л а 32 (табл. XXI). Неправильно овальная яма, 90×60 см, глубиной 45 см. Скелет мужчины 40—60 лет, в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Предметов нет.

М о г и л а 35. Прямоугольная яма, 100×50 см. Скелет взрослого человека 20—25 лет (пол?), в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Около черепа обломок бронзового ножа.

М о г и л а 36. Неправильно овальная яма, 100×40 см, глубиной 50—70 см. Скелет взрослого мужчины, в скорченном положении, повидимому, на спине, с поднятыми вверх коленями, головой на ЮЗ. Череп лежит лицом вверх, колени свалились налево. Слева у пояса каменный оселок (табл. XXI, 21); у ног 4 костяных наконечника стрел (табл. XXI, 24).

М о г и л а 39. Сохранилась частично. Большая часть разрушена могилой 40 одиновского этапа. Ширина 80 см, глубина 35 см. Скелет взрослого мужчины, погребенного в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Сохранились в первоначальном положении кости таза и ног, около колен — нижние части предплечий и кисти обеих рук. Предметов нет.

М о г и л а 41. Детская могила. Овальная яма, 90×55 см, глубиной 45—60 см. В юго-западном конце глиняный горшочек и по сторонам его две группы молочных зубов, одна от ребенка 2—3 лет, другая — 4—7 лет.

Как и в предыдущих двух могильниках, могильные ямы небольших размеров, длиной 90—120 см и глубиной 40—70 см. Только одна могила была длиной 170 см (могила 11) и три глубиной 100 и 130 см (две детские и одна взрослого). Все могилы, кроме одной (могила 39), овальной формы, очевидно, без крепления стен деревом. Остатков покрытия погребений деревом не обнаружено. В могиле 11 погребенный положен на спину, с вытянутыми вдоль тела руками и ногами, в могиле 36 — на спину, с поднятыми вверх коленями, в остальных — в скорченном положении, на правом боку (5 случаев) или на левом (1 случай), всегда головой на ЮЗ.

Характерен половозрастной состав погребенных. В трех могилах погребены дети в возрасте от 2—3 до 5—7 лет, в шести остальных — взрослые мужчины. В одном случае (могила 10) пол погребенного определен как мужской со знаком вопроса. Однако сомнения, возникшие при определении пола по плохо сохранившимся костям, рассеиваются при рассмотрении инвентаря могилы. С погребенным положен бронзовый

нож, а ножи в могилах большереченского этапа находились только при мужских скелетах. Исключение составляет могила 7 в пункте БЕ XII, где бронзовый нож был при скелете ребенка 5—6-летнего возраста. Таким образом, на кладбище, расположенном рядом с поселением, хоронились только мужчины и дети, возможно, тоже мужского пола. Ни одного женского погребения здесь нет.

Погребения бедны сопровождающими предметами. Два взрослых погребения и одно детское не содержали никаких предметов. В двух детских было по горшочку, в одном из них, кроме того, костяная «пугвица». В могилах взрослых находилось не более 2—3 предметов. Их так мало, что можно перечислить все: бронзовый нож (могила 11 и 35); бронзовый нож и медная серьга (могила 10); каменный оселок и 4 костяных наконечника стрел (могила 36); роговой молот, пластинка из резца бобра и пара роговых псаллий (могила 21). Ножи и оселок находились, очевидно, на поясе.

Поселением в пункте БЕ I и тремя могильниками исчерпываются памятники большереченского этапа на Ближних Елбанах, хотя отдельные обломки глиняной посуды встречены и в других пунктах. На поверхности выдувов в пункте БЕ II найдены черепки от 3 сосудов большереченского этапа, в пункте БЕ IV — от одного, в пункте БЕ V — от 6 и в пункте БЕ X — от 2. Эти черепки могли быть занесены сюда как в древности, так и в последнее время.

Датировка

Определение относительной хронологии памятников большереченского этапа на Ближних Елбанах документируется серией стратиграфических наблюдений. Так, в пункте БЕ XIV погребением большереченского этапа (могила 11) частично потревожено расположенное на 15 см глубже него андроновское погребение (могила 9) — разбит горшок, черепки его разбросаны. Другое погребение (могила 21) частично перекрывает находящуюся на 20 см глубже него андроновскую могилу 23. Могила же 39 перерезана и частично уничтожена более глубоко вырытой могилой 40 одинцовского этапа. Слой погребенной почвы, содержащий многочисленные остатки тризны одинцовского этапа, перекрывает собой погребения

большереченского этапа (могила 3, 4, 21, 36) и нигде ими не перерезается.

В пункте БЕ XII могилы большереченского этапа перекрыты культурным слоем бийского этапа. Две из них (могила 2 и 4) перерезаны и частично уничтожены более глубоко вырытыми могилами березовского этапа (могила 3 и 5), которые перерезали также и культурный слой (табл. XX, II).

В пункте БЕ VII могила 36 большереченского этапа частично перекрыта могилой 31 фоминского этапа, могила 54 частично разрушена могилой 40 фоминского этапа.

На поселении большереченского этапа, как это подробно рассмотрено при описании землянок, образовавшиеся на месте землянок углубления заполнены отложениями с культурными остатками березовского этапа. Кроме того, на месте землянок были вырыты ямы, прорезавшие и слой первичного заполнения, в которых также содержались культурные остатки березовского этапа. Наконец, на месте землянки 5 была сооружена землянка березовского этапа, перерезавшая и разрушившая землянку большереченского этапа.

Приведенные наблюдения показывают, что памятники большереченского этапа относятся ко времени, более позднему, чем андроновские, и предшествуют памятникам бийского, березовского, одинцовского и фоминского этапов. Такое положение их в относительной хронологии памятников Ближних Елбанов определяется и путем установления преемственной связи между выделенными хронологическими типами. Особенно отчетливо это можно видеть на керамическом материале.

Характерные для карасукской керамики орнаменты на сосудах в виде ромбов, зигзагов и треугольных фестонов также довольно часто встречаются и на сосудах большереченского этапа, хотя и в несколько иных формах и в других сочетаниях. Фестоны только простые, в виде гладких или заштрихованных треугольников (табл. XIII, I), чаще же в виде треугольников, составленных из расположенных в шахматном порядке крестиков или круглых ямок и точек (табл. X, 3, 6; XIV, 3). Зигзаги обычно небрежно выполнены одной, двумя или тремя линиями, оттиснутыми гладкой пластинкой или гребенкой (табл. XIV, 2, 4). Ромбы также отличаются небрежным выполнением и представлены то контурными, то

заштрихованными (табл. X, 1). В керамике большебереченского этапа сохраняется и такой характерный для карасукской эпохи прием, как подчеркивание углов геометрического орнамента точками и кружками (табл. X, 1; XIV, 4). В керамике последующих этапов, бийского и березовского, эти виды геометрического орнамента уже больше не встречаются. Появившийся и широко применявшийся во второй половине карасукского периода орнамент в виде ряда выдавленных изнутри бугорков, чередующихся с глубокими ямками, стал основным в керамике большебереченского и бийского этапов, а в керамике березовского этапа — единственным украшением большей части сосудов. Однако на сосудах большебереченского этапа бугорки чередуются уже не только с ямками и кружочками, но часто с короткими оттисками гладкой пластинки или гребенки, а также с крестиками, на сосудах же бийского этапа — преимущественно с угловыми оттисками пластинки.

Характерные формы карасукской посуды на большебереченском этапе сменились не менее характерными новыми, на первый взгляд, как будто совершенно отличными от карасукских. Однако преемственность большебереченских форм от карасукских и здесь хорошо прослеживается. В конце карасукской эпохи на Верхней Оби, наряду с типично карасукскими формами сосудов с шаровидным туловом и прямой вертикальной шейкой, стали изготавливаться сосуды со слабо расширенным туловом, с широким горлом, без резкого перехода от плечиков к шейке, очень близкие по форме к плоскодонным сосудам большебереченского этапа, отличающиеся от них имеющимся на горлышке «воротничком», образованным путем утоньшения края венчика и перемещения части глины по наружной стороне от края венчика книзу (табл. VI, 1, 7, 8, 12). Преимущественно на таких горшках и применялся новый способ украшения рядом бугорков и ямок. Плоскодонные сосуды большебереченского этапа являются дальнейшим развитием этой формы. От карасукских форм они сохранили выпуклое тулово со слабо выраженными плечиками и шейкой и вместо «воротничка» косой срез края венчика с наружной стороны, украшенный почти всегда рядом косых оттисков пластинки или гребенки. Позже, в керамике бийского и березовского этапов, этих пережитков

карасукских форм не сохранилось, плоскодонные сосуды делались правильно яйцевидной или конической формы, без шейки.

Чашки и горшки полусферической формы с выпуклым дном, характерные для большебереченского этапа, также часто изготавливались со слабо выраженными плечиками и шейкой (табл. XIII, 1, 2, 8), в то время как на последующих этапах они делались с прямыми или равномерно выпуклыми стенками.

Хотя керамика большебереченского этапа во многом сходна с предшествующей ей карасукской, все же она настолько своеобразна и в целом отлична от карасукской, что нет решительно ни одного сосуда, ни одного черепка среди многих сотен их, найденных на Ближних Елбанах, определение принадлежности которых к большебереченскому или карасукскому времени вызывало бы затруднения или сомнения. Есть только сосуды и черепки явно большебереченского этапа и явно карасукского. Переходных форм нет.

Преемственная связь между памятниками большебереченского этапа и предшествующей ему карасукской эпохи наблюдается и в погребальном обряде. Умершего попрежнему укладывали в могилу головой на ЮЗ (в 2 случаях на СВ), в скорченном положении, на правом боку (в 13 случаях на левом: 1 мужчина, 5 женщин и 7 детей). Только в 6 случаях из 87 погребенный положен на спину в вытянутом положении, что не практиковалось в карасукское время. Но позже, на березовском этапе, стало обязательным правилом. В могилах большебереченского этапа попрежнему, как правило, находятся одни лишь украшения одежды, нож и глиняный горшок, но в отличие от карасукских погребений горшок ставился только в немногих могилах (в 12 из 87), нож лежал не рядом с горшком, а у пояса погребенного, в значительной части мужских погребений можно было обнаружить оружие. Преемственность наблюдается и в украшениях. Попрежнему характерны изготовленные из медных листов трубочки-пронизки, овальные или круглые пластинки с отверстиями по краям для пришивания, колечки, обоймицы. Как и в карасукских погребениях, все эти предметы, кроме трубочек-пронизок, находились у черепа и были, повидимому, украшениями голов-

ного убора. В мужских, женских и детских погребениях большебереченского этапа обнаруживаются такие же украшения, как и в карасукских погребениях.

Бытование карасукских форм на большебереченском этапе можно наблюдать при рассмотрении и ряда других предметов. Вместе с тем, в основном по керамическим материалам, отчетливо прослеживается и дальнейшая преемственная связь между памятниками большебереченского и следующего за ним бийского этапов. Другие категории вещей в памятниках бийского этапа представлены пока слишком незначительным числом, а погребения еще не известны. Керамика бийского этапа полностью продолжает традиции предшествующей, большебереченской, и отличается от нее только деталями орнамента и формой обреза венчика. Таким образом, хронологическое положение памятников большебереченского этапа относительно других памятников, более раннего и более позднего времени, определяется вполне прочно и надежно.

Памятники большебереченского этапа в других местах известны пока в крайне ограниченном количестве, но тем не менее они дают возможность, хотя бы в самых общих чертах, наметить границы распространения этой культуры. Пока могут быть отмечены 6 таких пунктов (в трех — поселения, в трех — могильники).

1. **Быстрыйский Кордон** — поселение на правом берегу р. Оби, в 50 км к З от г. Бийска. Раскопок не производилось. В 1925 г. мною собрано здесь на поверхности развесаемой ветром дюны большое количество черепков глиняной посуды, совершенно аналогичной посуде из землянок в пункте БЕ I, а также кости домашних и диких животных и рыб, обломки глиняных тиглей, кусочки плавленной меди, медная игла и костяной наконечник стрелы.

2. **Мыльников** — поселение на правом берегу р. Оби, в 15 км к северу от г. Барнаула. Небольшие раскопки произвел в 1954 г. А. Д. Сергеев. Обнаружен угол землянки. Найдена многочисленная керамика, аналогичная посуде из пункта БЕ I, и несколько костяных орудий.

3. **Бобровка** — поселение на правом берегу р. Оби, в 18 км вверх от г. Барнаула. Около устья р. Бобровки А. Д. Сергеев в 1955 г. собрал большое количество черепков того же типа.

4. **Березовка I** — курганный могильник на правом берегу р. Катунь, в 40 км к ЮВ от г. Бийска. С. М. Сергеев раскопал здесь в 1930 г. 14 небольших плоских курганов с погребениями, по обряду и сопровождающим вещам подобными исследованным нами на Ближних Елбанах (несколько подробнее об этом см.: Грязнов, 1947, стр. 16—17).

5. **Елбань** — грунтовой могильник на левом берегу р. Оби, в 110 км к ЮЗ от г. Новосибирска. Обнаружен Новосибирской экспедицией ИИМК в 1952 г. Вскрыта одна могила с аналогичным большебереченскому этапу обряду погребения, но без вещей. По рассказам местных жителей, здесь часто вываливаются из подмываемого протокой р. Оби обрыва черепа и кости человека, а иногда и небольшие круглодонные горшки.

6. **Томский могильник** — грунтовой могильник у Лагерного сада, близ г. Томска. С. К. Кузнецов и А. В. Адрианов раскопали здесь не менее 47 могил, по обряду погребения и типам вещей аналогичных могилам большебереченского этапа на Ближних Елбанах (Комарова, 1951).

Перечисленные памятники расположены на обширной территории от истоков р. Оби до низовьев р. Томи. Видимо, областное распространения памятников большебереченского этапа, а следовательно, и оставивших их племен, надо считать приобскую лесостепную полосу и, весьма вероятно, всю лесостепную часть р. Томи от г. Сталинска до устья, а также Томско-Обское лесостепное междуречье. При весьма слабой изученности памятников по р. Томи и в Томско-Обском междуречье нам все же известна керамика последующих двух этапов, бийского и березовского, близ гг. Новосибирска, Томска и Сталинска. Надо думать, что и памятники большебереченского этапа также могут находиться по всей территории этого географического района, ограниченного с севера западносибирской тайгой, с востока таежным краем Кузнецкий Алатау, с юга степными предгорьями Алтая и с запада Барабинской и Кулундинской степями. За пределами этого района ближайшими соседями большебереченских племен на востоке, за Кузнецким Алатау, были племена минусинской курганной культуры, на юге кочевые племена Алтая, оставившие памятники майемирского этапа. Северные соседи сейчас нам не известны. Не известны

соседи и с запада, но следует полагать, что степные районы левобережья Оби в это время были заняты кочевым скотоводческим населением.

Таким образом, памятники большебереченского этапа характеризуют собой особую этническую группу, заселявшую лесостепные районы Оби и, вероятно, всей Томи в период после карасукского. В других районах ближайшие аналоги им находятся прежде всего в курганах самого первого этапа развития минусинской курганной культуры, называемого мною байновским, предшествующего 1-й стадии периодизации С. В. Киселева и 1-й ступени С. А. Теплоухова и датируемого VII—VI вв. до н. э. В число памятников байновского этапа входят курганы, выделенные С. А. Теплоуховым и С. В. Киселевым как переходные формы: 1) Ильинская гора, могила 1, С. В. Киселев, 1932 (Киселев, 1937, стр. 164); Быстрая, могила 2, С. В. Киселев, 1929 (там же, стр. 149); 2) Гришкин лог, могилы 15—22, С. А. Теплоухов, 1923 (Теплоухов, 1929, стр. 46); 3) т. Абакан, могила на дороге, А. Н. Липский, 1946 (Липский, 1949, стр. 81). К этой же группе памятников принадлежит еще серия курганов, материал о которых частью еще не опубликован: Байнов улус, курганы 1—4, В. Г. Карцов, 1930; Тагарский остров, курган Д, А. В. Адрианов, 1883 (Адрианов, 1886, стр. 28); Самохвал, курган 9, могила II, А. В. Адрианов, 1898 (Адрианов, 1902—1924, стр. 67); Аскыз, курганы 3—10, О. Ольсен, 1914 (Gjessing, 1941, стр. 71—75); Монок, курганы 1—4, Г. Аппельгрэн-Кивало, 1887 (Appelgren-Kivalo, 1931, стр. 20—21); Капчалы III, курганы 1 и 2, В. П. Левашева, 1935 (Левашева, 1941, стр. 312—314); Немир, курган I, И. П. Кузнецов, 1884 (Кузнецов-Красноярский, 1907, стр. 8); оз. Шпра, могила III, И. П. Кузнецов, 1908; Чебаки, курганы 1—3, Д. А. Клеменц, 1888 (ДАК, 1882—1888 гг., стр. CCCIV—CCCVII).

Курганы байновского этапа отличаются еще не установившимися формами каменных оград, часто сооружавшихся, подобно карасукским, группами, вплотную одна к другой, и содержат вещи, близкие по форме к карасукским (ножи с кольцом и «с аркой на кронштейне», шилья с гвоздевидной шляпкой) или даже карасукского типа (гвоздиковидные бляшки, «лапчатая

подвеска», спиральные проволоочные кольца), но основная масса находимых в них вещей принадлежит ранним формам минусинской курганной культуры. Как и в памятниках большебереченского этапа на р. Оби, характерные карасукские формы глиняной посуды минусинских степей сменились преимущественно также плоскодонными горшками и корчагами с туловом яйцевидной формы, но с несколько иными орнаментами. В курганах Байнова улуса и Тагарского оз. найдены бронзовые пластинчатые ножи, подобные большебереченским; в курганах Байнова улуса, Ильинской горы и г. Самохвал — ножи «с аркой на кронштейне» (Киселев, 1937, табл. IV, 19), близкие двум таким ножам из Томского могильника (Комарова, 1951, рис. 17, 9 и 20, 7); в курганах Байнова улуса, Тагарского оз., оз. Шпра и Капчалы III — бронзовые шилья с гвоздевидной шляпкой, такие же, как и в поселении на Ближних Елбанах (табл. XVI, 4, 5); в курганах в Аскызе и Моноке — медные спиральные кольца (Appelgren-Kivalo, 1931, рис. 249a; Gjessing, 1941, рис. 39), подобные таким же из Томского могильника (Комарова, 1952, рис. 21, 22, 25) и из курганного могильника в Березовке I; в курганах Гришкина лога — медные трубочки-пронизки, подобные найденным в могильниках на Ближних Елбанах (табл. XIX, 2—7) и в Березовке; наконец, бронзовые предметы неизвестного назначения, коромыслообразной формы, найдены как в Томском могильнике (Комарова, 1952, рис. 20, 1), так и в Аскызском (Gjessing, 1941, рис. 21). Приведенные аналогии не оставляют сомнения в синхронности памятников большебереченского этапа на Оби и байновского на Енисее.

Меньше аналогий дают памятники Горного Алтая. Кочевое скотоводческое население Алтая того времени значительно отличалось по своей культуре от оседлых скотоводческо-земледельческих племен Оби и Енисея, что несомненно должно было отражаться как на формах орудий и украшений, так и на составе находимых в погребениях вещей. Все же аналогии здесь имеются, и, так же как на Енисее, в наиболее ранних памятниках эпохи ранних кочевников — в курганах майамирского этапа, датируемых VII—VI вв. до н. э. Роговые псалми из могилы 21 в могильнике БЕ XIV (табл. XXI, 23) по своей конструкции —

стержень с тремя отверстиями для ремней — подобны роговым и бронзовым псалям в курганах майэмирского этапа на Алтае (Грязнов, 1947, рис. 3, 4, 5). Интересно, что в могиле найдены одни только псалям без удили, как это было и в Усть-Куюмском погребении на Алтае (Сосновский, 1941, стр. 306). Гвоздевидные шляпки верхних концов орудий имеются на ноже из Березовского могильника (Грязнов, 1947, рис. 6, 7), на кнжале из Томского могильника (Комарова, 1952, рис. 25, 9) и на шильях из поселения на Ближних Елбанах (табл. XVI, 4, 5). Они характерны и для кнжалов Горного Алтая (Грязнов, 1947, рис. 5, 1, 5, 6). Наконец, следует отметить, что только на одном предмете майэмирского этапа встречены изображения зверей с опущенными вниз четырьмя прямыми ногами (Грязнов, 1947, рис. 4, 11), такое же изображение зверя найдено в Томском могильнике (Комарова, 1952, рис. 17, 2).

Положение памятников большебереченского этапа в относительной хронологии на Верхней Оби и аналогии им в памятниках байновского этапа на Енисее и майэмирского на Алтае вполне надежно определяют их абсолютную дату — VII—VI вв. до н. э. Эта дата подтверждается и находкой на Ближних Елбанах серии бронзовых накопечников стрел. Втульчатые, с ромбическим пером, заканчивающимся иногда внизу небольшим шином, накопечники стрел (табл. XVIII, 4) принадлежат раннескифским формам, бытовавшим в VII—VI вв. и частью в V в. до н. э.

Остается рассмотреть еще вопрос о том, было ли население большебереченского этапа на Оби пришлым, хотя бы из ближайших районов, или же оно являлось аборигенным, давно уже обитавшим на Оби; была ли культура его заимствована откуда-то извне или являлась продуктом дальнейшего развития культуры карасукских племен, здесь же обитавших в предшествующий исторический период. Антропологический материал не дает на это определенных указаний. Сохранившиеся из 87 погребений 4 черепа (из них только один с лицевыми костями) и 4 черепные крышки, изученные В. П. Алексеевым, принадлежат монголоидам, но более точное определение их расового типа не представляется возможным. Нельзя поэтому и судить о происхождении физического типа жителей поселка больше-

береченского этапа на Ближних Елбанах, как и их предшественников в карасукскую эпоху.

Отмеченная выше преемственность форм памятников большебереченского и карасукского времени также еще не решает полностью вопроса об автохтонности населения, хотя и позволяет это допускать. Ответ на наш вопрос дают некоторые дополнительные наблюдения. В позднекарасукское время в керамике на Ближних Елбанах, в Фоминском, Енисейском и на Дальних Елбанах получают распространение два новых элемента орнамента — ряд выдавленных изнутри бугорков, чередующихся с глубокими ямками или кружочками (табл. V, 31; VI, 8), и характерный зигзаг с усеченными углами, заключенный между двумя горизонтальными линиями (табл. VI, 6, 10, 11). Первый элемент орнамента — ряд бугорков, чередующихся с ямками, является основным украшением подавляющего большинства сосудов большебереченского этапа на Ближних Елбанах, в Быстринском кордоне и Мыльниковой, где он по-разному сочетается с другими орнаментами; при этом вместо круглых ямок между бугорками часто наблюдаются овальные вдавления, оттиски уголка пластины, крестик и вдавления других форм. Этот орнамент продолжает быть основным украшением сосудов и позднее, в керамике бийского этапа, а в керамике березовского этапа он служит, как правило, единственным украшением сосуда. В карасукскую эпоху этот орнамент в том виде, каким он только что описан, нигде за пределами Верхней Оби не был известен. Он распространен только в районе Бийск—Барнаул. Севернее, в районе Томска и на р. Ирмень (в 60 км к ЮЗ от Новосибирска), большая часть сосудов также украшена рядом бугорков, чередующихся с ямками, но там обычно между бугорками помещено не по одному, а по несколько углублений, и не круглых, а овальных или в виде глубоких коротких черточек («Басандайка», 1947, табл. 20, 5 и др.).

Второй элемент орнамента — зигзаг с усеченными углами, заключенный в пояс из двух горизонтальных линий, — в карасукское время также известен только на Верхней Оби в районе Бийск—Барнаул. На сосудах большебереченского этапа он встречается как украшение косо срезанного

наружу края венчика (табл. IX, 26; X, 4). За пределами Верхней Оби мне известен только один сосуд с таким орнаментом, найденный в погребении бапновского этапа в Аскызе (Gjessing, 1941, рис. 1).

Преемственность этих двух орнаментальных мотивов, характерных в карасукское время только для Верхней Оби и получивших дальнейшее развитие также на Верхней Оби, с несомненностью свидетельствует о том, что здесь с карасукского времени и, как показывают памятники последующих этапов, до начала нашей эры обитала одна и та же этническая группа, вероятно одно и то же племя. Это весьма существенно, так как означает, что происшедшие за рассматриваемый период изменения культуры населения Верхней Оби следует рассматривать как результат развития одной и той же этнической группы, одного и того же племени или племен, а не как следствие прихода нового населения, хотя бы и из близких районов, которое несомненно принесло бы с собой извне и новые культурные традиции.

Культура

VII—VI века до н. э., представленные на Ближних Елбанах памятниками большебереченского этапа, — особо интересный период в истории древних племен южной Сибири. Это было время, когда основная масса населения степей только что перешла к кочевому образу жизни, когда в степях стали складываться новые формы хозяйства. Пастушеское скотоводство, неразрывно связанное с земледелием, заменилось табунным скотоводством с отрывом от земледелия, с сокращением земледелия, а иногда, быть может, и с полным отказом от него. Это был период, когда впервые явилась возможность, благодаря кочевому образу жизни, быстрого накопления огромных богатств в руках отдельных патриархальных семей. Тогда в небывалых размерах возросла экономическая дифференциация общества, появилась необходимость эксплуатации чужого труда крупными владельцами, у которых не хватало для ведения своего хозяйства сил собственной семьи.

В результате этого в рамках еще патриархально-родового строя стали развиваться формы эксплуатации труда малоимущих сородичей и рабов. В связи с тем, что не все районы южной Сибири и северного

Казахстана были одинаково пригодны для кочевого скотоводства, неизбежно должно было произойти перераспределение земель между родами и племенами и перегруппировка самих родов, племен и племенных союзов. Поэтому изменились взаимоотношения между племенами в связи с изменением соотношения военных сил у разных племен. Возросла военно-грабительская активность кочевых племен, нуждавшихся в продуктах земледельческого хозяйства, но не имевших их в достаточном количестве. Обладая значительными военными преимуществами по сравнению с оседлыми племенами благодаря наличию конного войска, они легко совершали военные набеги на близких и дальних соседей, существенно не нарушая при этом нормального течения своей хозяйственной жизни.

К этому периоду и относятся памятники большебереченского этапа на Ближних Елбанах, принадлежащие племенам, которое жило на Верхней Оби уже несколько веков, с карасукского, а может быть, еще и с андроновского времени и продолжало здесь оставаться, после того как в степных районах произошли значительные хозяйственные и социально-политические перемены и перераспределение населения. На Ближних Елбанах в пункте БЕ I возник довольно крупный поселок, состоявший из 15 или 20 обширных полуподземных жилищ. Этот поселок имел три кладбища — большое общее в пункте БЕ VII, малое мужское в пункте БЕ XIV и малое женское в пункте БЕ XII.

Продолжительность существования поселка на Ближних Елбанах можно определить только весьма приблизительно и предположительно, сопоставляя количество населения в поселке и число погребенных в принадлежащих ему кладбищах. Если считать, что в поселке было 15—20 домов и в каждом доме жила одна семья, состоявшая в среднем из 5 человек, то число жителей поселка определяется в 75—100 человек взрослых и детей. Возможное число погребенных на кладбищах составляется из следующих цифр. В пункте БЕ XII, исследованном полностью, открыто 14 погребений. В пункте БЕ XIV открыто 11 погребений (в 10 могилах) и возможно еще такое же количество в неисследованной части могильника. В пункте БЕ VII открыто 66 погребений (в 63 могилах) и возможно

еще до 50—60 погребений в нераскопанной части могильника и в части, развеянной ветрами. Общее количество погребенных на трех кладбищах определяется числом 91, но это число должно быть увеличено до 130—150 человек за счет разрушенных и недоисследованных участков кладбищ. Принимая смертность населения около 3% (по данным 1884—1893 гг., смертность населения Европейской России составляла 3.35%), при населении поселка в 75 человек продолжительность существования поселка следовало бы определять 58—67 годами, а при населении в 100 человек — 43—50 годами. Однако эти цифры должны быть увеличены почти вдвое, так как на исследованных трех кладбищах нет погребений младенцев грудного возраста,¹ количество которых должно было составлять около 40% общего числа умерших. Младенцы погребались, очевидно, где-то в другом месте или по другому обряду (на поверхности земли, на деревьях и т. п.). Следовательно, продолжительность существования поселка на Ближних Елбанах можно исчислить временем приблизительно около 100 лет, при условии, что в каждом жилище обитало по одной семье, и соответственно меньше, если в жилищах обитало по 2—3 семьи. Несмотря на всю условность приведенных числовых выкладок, продолжительность существования поселка следует определять временем, во всяком случае, в пределах 100 лет, а не исчислять веками.

Наличие обширных полуподземных жилищ, обитаемых в течение нескольких десятков лет, говорит о прочной оседлости населения. Обилие сохранившихся в жилищах остатков разных предметов домашнего и хозяйственного обихода, различных отбросов, накопившихся вокруг жилищ и на их кровле, а также вещей, погребенных с умершими, позволяет осветить основные вопросы хозяйственной и социальной жизни поселка.

Одной из основных отраслей хозяйства в поселке было скотоводство. В костном

материале представлены основные виды домашних животных — лошадь, корова, овца, коза, а также собака. Свиной, как и во всех других поселениях разного времени в Сибири и северном Казахстане, нет. Наличие в некоторых могилах (в 12 из 87) глиняных горшочков указывает на то, что умершим давали в могилу пищу. Очевидно, она была положена во всех могилах, но не в глиняных горшочках, а в деревянной, берестяной или кожаной посуде, которая не сохранилась. При этом ни в одной могиле не найдены кости животных. Отсюда следует, что умерших снабжали не мясной пищей, а молочной или растительной, пшеницей и другой вместе и что повседневной пищей в реальной жизни была не мясная, а молочно-растительная, что скот содержался ради молока и других продуктов животноводства. Впрочем, использование молока животных стало обычным еще с андроновского времени. Очевидно, основным назначением скота было использование его молока для регулярного обеспечения семьи продуктами питания.

Скот несомненно использовался и для транспорта. Этому благоприятствовала сложившаяся система хозяйства. Пастушеско-земледельческие племена степной полосы еще со времени срубно-хвалынской культуры на Украине, в Поволжье и на Дону и андроновской культуры в Казахстане и Челябинских степях жили в просторных землянках, половина полезной площади которых предназначалась для содержания скота в зимнее время (Грязнов, 1953). Так же, очевидно, скот содержался зимой и в просторных землянках нашего поселка на Ближних Елбанах, а несколько раньше в таких же землянках карасукской эпохи, исследованных мною в 1953 г. ниже по Оби около устья р. Ирмень. Содержание скота рядом с человеком, под одной с ним кровлей, способствовало более легкому приручению животных и более легкому освоению их как тягловой силы, в первую очередь для перевозки тяжестей и для верховой езды. И действительно, еще в эпоху бронзы для транспорта в наших степях применялись двухколесные и четырехколесные арбы или телеги с запряженными в них, по всей вероятности, быками (Тереножкин, 1951, стр. 117; Сяницын, 1948, стр. 151). Первым указанием на использование животных для транспорта в южной Сибири служат

¹ Всего на трех кладбищах открыто 26 погребений детей и подростков, в 14 из них были дети старше 2 лет и подростки, в 11 — дети, возраст которых не определен, и в одной — ребенок 1—2 лет. Между тем при числе погребенных 91, количество младенцев в возрасте до 2 лет должно было бы достигать 35—40, если смертность детей младенческого возраста считать равной той, какая наблюдалась в дореволюционной России в конце прошлого века.

две находки. В Абаканской степи, около дер. Юдиной, найден трехдырчатый бронзовый псаллий с фигуркой головы зверя на верхнем конце, исполненной в обычном для карасукского времени стиле и с характерным для карасукского же времени орнаментом на стержне, состоящем из рядов углубленных треугольников (Кузнецов-Красноярский, 1907, стр. 14 и рис. на стр. 3). Другой псаллий, роговой, тоже трехдырчатый, найден на Оби, в культурном слое поселка карасукской эпохи Ирмень I. Очевидно, и в поселке большебереченского этапа на Ближних Елбанах бык и лошадь использовались для транспорта. Однако вещественных свидетельств о наличии упряжного быка здесь найти не удалось, они вообще исключительно редки. На использование же лошади для верховой езды указывает находка пары роговых псаллий в одном мужском погребении (БЕ XIV, могила 21). В могилу была положена, повидимому, узда еще весьма примитивного устройства, без металлических удил, только с псаллиями. Псаллий с тремя отверстиями — два крайних для ремней оголовья, одно в центре для повода, средняя часть которого вкладывалась в рот коня (табл. XXI, 23). Употребление в VII—VI вв. до н. э. такой узды без металлических удил документируется находкой пары псаллий, обнаруженных *in situ* по бокам черепа лошади в конском погребении на Алтае в Усть-Куюмском могильнике майэмирского этапа (Сосновский, 1941, стр. 306). Следует иметь в виду, что соседние кочевые племена этого времени всю систему своего хозяйства основывали на широком использовании упряжных и верховых животных.

Скотоводство поселка на Ближних Елбанах следует представлять оседлым, пастушеским, вряд ли яйлажным. Расположение поселка на пойменной террасе, в этом месте шириной в 6 км, обильной луговыми пастбищами, не вызывало необходимости в сезонном переселении со скотом на летники. При малой еще в то время продуктивности скота количество его должно было быть значительным, быть может до 10—15 голов на дом. Но и в этом случае было вполне достаточно ближайших луговых пастбищ, чтобы прокормить ежедневно возвращающееся домой стадо в 150—300 голов разных видов скота.

О количественном соотношении разных видов животных в стаде судить трудно. Как уже указывалось выше, костные остатки

в землянках представляют собой не кухонные отбросы, которые отражают соотношение различных видов животных, употребленных в пищу, а преимущественно лишь некоторые виды костей, использованные в качестве материала для различных изделий.

Другой главнейшей отраслью хозяйства было несомненно земледелие. В 4 из 5 не полностью раскопанных землянок найдены части зернотерок: в землянке 1 — нижний камень, в землянках 2, 3 и 5 — обломки верхних камней. Это ручные зернотерки. Нижний камень (табл. VIII, 2) представлял собой тонкую плоскую плитку из крупнозернистого песчаника, одна сторона которой сильно сработана и имеет заглаженную совершенно плоскую поверхность. Верхние камни в виде узких плоских брусков из песчаника или гранита (табл. VIII, 1, 3—5) помещались при работе перпендикулярно к направлению движения и длинной осью нижнего камня. С одной стороны, нижней, они сильно сработаны, иногда более чем наполовину. Так как длина их превышала ширину нижнего камня, то на концах их имеются высокие бортики, по которым может быть определена первоначальная толщина камня.

На таких примитивных зернотерках возможен был перемол только небольшого количества зерна. Еще совсем недавно шорские женщины перерабатывали на таких зернотерках не более 2—2.5 кг зерна в день (Потапов, 1935, стр. 78). Очевидно, земледелие было примитивным, доставлявшим ограниченное количество зерновых продуктов. Зерновые посевы, вероятно, были небольших размеров, что предполагает мотыжную обработку земли.

Пастушеское скотоводство и мотыжное земледелие — вот та основа хозяйства в поселке на Ближних Елбанах, которая обеспечивала его обитателям регулярное получение продуктов питания, хотя бы и в ограниченных количествах — продукты земледелия вряд ли были обильными, а молочные отсутствовали в зимнее время.

В каждой землянке находятся рассеянные по отдельности по всему полу жилища и в заполнении землянок, а иногда и небольшими скоплениями, кости и чешуя рыб. Эти остатки принадлежат почти исключительно мелким рыбам. Костей крупных рыб, кроме шук средних размеров, нет. Нет и остатков осетровых рыб. Отсюда следует,

что рыбной ловлей занималась каждая семья и рыболовство было значительным подспорьем в хозяйстве. Можно полагать, что рыбу добывали только в ближайших мелких водоемах — озерах, протоках и в протекавшей поблизости Большой Речке, но не выходили на р. Обь, которая находилась в 5 км от поселка.

Таким же подспорьем в хозяйстве была, повидимому, и охота на крупного зверя и птиц. Удельный вес охоты в хозяйстве был, возможно, значительнее, чем рыболовства. В землянках найдены костяные наконечники стрел разной формы и размеров, предназначавшиеся, вероятно, для охоты. Во всех землянках обнаружены те или иные изделия из костей, рогов и зубов марала, лося, косули и некоторые их кости. Одежда одной погребенной женщины (БЕ XII, могила 4) была украшена 15 клыками марала. На скелете женщины в соседнем погребении (могила 2), наполовину разрушенном, от такого же украшения сохранился один клык марала. Подвеска или амулет из зуба медведя найдены в одном мужском погребении (БЕ VII, могила 5). Для добывания мяса могли промысливать и зайца, кости которого, хотя и в небольшом количестве, найдены в землянке, а также и крупных птиц, изделия из костей которых обнаружены в землянке 3 и в одном погребении (БЕ XII, могила 13). Указанные находки свидетельствуют о крупном значении охоты в хозяйстве поселка, доставлявшей ему значительную часть мясных продуктов.

Каждая семья промыслила также и пушного зверя, на что указывают находки костей и зубов бобра и соболя. Характерно при этом, что в землянках найдены остатки бобра, преимущественно астрагалы, иногда просверленные (табл. XV, 21), в одном случае 5 экземпляров лежали кучкой (землянка 3), а также резцы и изделия из них. Другие кости бобра в находках почти полностью отсутствуют. Резцы бобра в качестве украшений одежды и колчана встречены также и в погребениях (БЕ VII, могилы 64, 66 и 108; БЕ XII, могила 4; БЕ XIV, могила 21).

Таким образом, хозяйство поселка надо представлять оседлым, пастушеско-земледельческим, в котором большую роль играли также рыболовство и охота, доставлявшие дополнительные продукты питания.

В землянках сохранились и следы некоторых домашних производств. Из них наиболее полно могут быть освещены гончарное и текстильное.

Обильные находки гончарных изделий, главным образом в землянках, в виде целых, разбитых и раздавленных сосудов, а также множества отдельных фрагментов, указывают на весьма широкое использование глиняной посуды в домашнем быту. Имеющийся керамический материал представлен 36 целыми или полностью собранными сосудами (12 из погребений и 24 из поселка) и крупными и мелкими фрагментами не менее чем от 400 других сосудов.

Посуда имела две основные формы: плоскодонная — корчаги и горшки с яйцевидным туловом и слабо отогнутым наружу краем венчика и полусферическая — чашки и горшки обычно с прямыми в верхней части стенками. Эти две формы отличаются по орнаменту и по технике их лепки.

Плоскодонные корчаги и горшки украшены обычно одним или двумя рядами бугорков, чередующихся с ямками, и, кроме того, рядами косых черточек, крестиков, зигзагов, фестонов и т. д. Довольно часто их украшали одним или несколькими налепными валиками с косыми насечками на них. Полусферические чашки и горшки украшены, как правило, только рядами косых черточек, зигзагом, горизонтальными линиями, но иногда и они имеют ряд бугорков с ямками или налепной валик. В этих редких случаях и край венчика у них слегка отогнут наружу, как у сосудов первой формы.

Основное отличие указанных двух форм сосудов заключается в технике их изготовления. Все плоскодонные корчаги и горшки формованы налепом кольцевых лент. Формовка начиналась со дна, ленты прилеплялись снаружи. На сосудах, склеенных из черепков, иногда отчетливо видны линии изломов по месту спая лент, делящие сосуд на ряд колец шириной по 4—6 см. На черепках часто отчетливо виден косой излом по спая лент, причем в разрезе линия излома идет снаружи и снизу внутрь и вверх, что объясняется прилепом каждой новой ленты с наружной стороны. На некоторых крупных корчагах, недостаточно тщательно заглаженных по поверхности, места спая лент видны и по рельефу стенок. Наконец, дно сосудов, как это свойственно посуде,

формованной на плоской подставке начиная с дна, гладкое на нижней поверхности и неровное с вмятинами от пальцев на верхней поверхности, утолщено по краям и имеет обычно характерный подчеркнутый переход от дна к стенкам (см., например, табл. XIII, 6, 9, 10).

Полусферические чашки и горшки отличаются от плоскодонных сосудов равномерной толщиной гладких и тонких стенок и равномерной же прочностью их по всем направлениям. Они формованы из одного кома глины, повидимому, выдавливанием круглой болванкой изнутри, что создавало равномерную толщину и плотность стенок.

Оба способа изготовления глиняной посуды практиковались на Верхней Оби и в предшествующий период. Выдавливанием из одного кома глины формовались сосуды карасукского времени с прямой вертикальной шейкой и шаровидным туловом (табл. VI, 9), а ленточным способом — широкогорлые горшки с утолщенным «воротничком» на шейке и слабо профилированным туловом (табл. VI, 12).

Применение двух разных способов изготовления посуды вызывалось здесь не наличием двух типов гончарного производства — одного, например, на рынок, другого для домашнего потребления, а лишь тем, что маленькие чашки и полусферические горшки было удобнее формовать из небольшого кома глины, а большие горшки и корчаги лепить ленточным способом. В остальном весь технологический процесс изготовления обеих форм сосудов был одинаков. Наблюдаемые различия в орнаменте вызывались, повидимому, только разными размерами и некоторыми деталями формы сосудов, причем орнамент наносился в обоих случаях одинаковыми инструментами (штампами). Имеющийся обширный керамический материал не дает решительно никаких указаний на то, что плоскодонные горшки и корчаги могли изготавливаться одними мастерами (или мастерами), а полусферические чашки и горшки другими. Гончарное производство не было дифференцированным — одни и те же мастера изготавливали все виды посуды.

Следует отметить поразительное разнообразие сосудов по их орнаментации. Каждый сосуд индивидуален. Нет ни малейшего намека на стандартизацию посуды. При всей несложности орнамента каждый

сосуд отличается от других иным расположением и комбинацией элементов орнамента, иными в деталях размерами и пропорциями штампов (крестиков, ямок, гребенки). Нет сомнения, что это производство очень многих мастеров, изготовлявших посуду не сериями, а по мере надобности, по одному, по два сосуда за прием. Это домашнее производство каждой семьи, для нужд своей семьи.

Таким же домашним производством каждой семьи было и изготовление пряжи и тканей. Остатки орудий этого производства сохранились почти во всех землянках. Они не обнаружены только в землянках 5 и 15, исследованных в незначительной части их площади (в одной 5 кв. м пола, в другой — 10). К числу таких орудий относятся костяные трепала и гребни и глиняные прясли.

Два целых трепала найдены в землянке 2, обломки трепал — в землянке 1, 2 и 3. Они сделаны из лопаток животного и сохранили следы сильной сглаженности в работе (табл. XV, 40—44). Орудие придана форма бронзового серпа-секача: в рабочей части — серпа срубно-хвалынского типа, подобного найденным в кладе близ дер. Кабаковы Хуторы Полтавской обл. и в Сосновом-Мазинском кладе (Tallgren, 1926, рис. 88 и 96), в рукояти — серпа минусинского, казахстанского и сосново-мазинского типов (Радлов, 1888—1902, табл. XV; Черников, 1949, табл. X, 4; Tallgren, 1926, рис. 88). Рабочий край орудия, прямой или слабо вогнутый, сильно затуплен, заглажен и заполнен в работе, так же как и у деревянных трепал в старой русской деревне. Около внешнего конца на рабочем крае было вырезано несколько зубчиков, которые также в работе загладились и округлились. Противоположный край, стенка или обух орудия, прямой или слабо вогнутый около рукояти, к концу орудия имеет крутой выпуклый изгиб. Рукоять, четко не отделенная от рабочей части орудия, в двух случаях снабжена, как и у серпов, сквозным отверстием, в которое продевалась, вероятно, ремennая петля, надевавшаяся на запястье руки, чтобы случайно выпавшее из рук орудие не падало на землю, а оставалось висеть на руке работающего. Сходство по форме костяного трепала с бронзовым серпом, возможно, не случайно. В собраниях древней минусинской бронзы есть серия серпов, рабочий край которых затуплен,

заглажен и заполирован в работе точно так же, как и на костяных трепалах, и имеет неровные волнистые очертания. Опубликовавшие такие серпы Ф. Р. Мартин и В. В. Радлов рассматривали их как неудачно отлитые изделия (Martin, 1893, табл. 10, 1; Радлов, 1894, табл. XV, 9 и 12). Однако на хранящихся в Эрмитаже подобных серпах из собраний И. П. Кузнецова и И. А. Лопатина, в том числе и не опубликованных Радловым, можно отчетливо видеть, что закругленный рабочий край заполирован в результате длительного трения о мягкий эластичный материал, а не представляет собой естественную форму поверхности свободно застывшего металла. Надо полагать, что в Минусинских степях, где в бронзовых орудиях не было недостатка, бронзовыми серпами не только убирали урожай и заготавливали стебли волокнистых растений, но и производили первичную обработку последних — трепали ими растительное волокно. Возможно, так же было вначале и на Верхней Оби, но недостаток бронзы требовал бережного обращения с металлом и серпы для трепания волокна вскоре пришлось заменить специально сделанными костяными трепалами, чтобы удлинить срок службы серпа. Естественно при этом, что костяное орудие повторяло в основном формы своего предшественника, бронзового серпа.¹ Однако костяные трепала, специально предназначенные для трепания волокна, отличались от серпов наличием зубчиков в конце рабочего края, служивших, вероятно, для распрямления или перемешивания время от времени волокон в пучке, чтобы обработать все стебли.

Костяными трепалами могли обрабатывать волокна крапивы, кендыря, дикой и культурной конопли, которые до недавнего времени употреблялись в ткацком производстве современным населением Верхней Оби и ближайших к ней районов — куманджцами, шорцами, тубаларами, шелканцами (Потапов, 1935, стр. 99), чулымскими тата-

рами и селькупам (Дульзон, 1952, стр. 87, 89). О древности использования кендыря и конопли в близких к Верхней Оби районах свидетельствуют найденные в Пазырыкских курганах на Алтае (V—IV вв. до н. э.) рубаха из кендырного полотна, и зерна конопли (Руденко, 1952, стр. 90 и 243).

Другое орудие по обработке волокна — веретено — представлено глиняными пряслами, целыми и в обломках. 11 из них найдены в землянках (шесть в землянке 1, по два в землянке 2 и 3, одно в землянке 4) и одно в женском погребении (БЕ VII, могила 2). Это круглые грузики, вылепленные из глины и затем обожженные, диаметром 3.5—5.5 см, толщиной 1.5—3.0 см. Одна сторона их обычно плоская и украшена несложным тисненым орнаментом (табл. IX, 20—24; XI, 15, 16, и др.). Веретена с этими пряслами могли служить для прядения как растительного волокна, так и шерсти.

Третьим орудием для текстильного производства были костяные гребни. Один гребень найден в землянке 2, два в землянке 3 и по одному в двух женских погребениях (БЕ VII, могила 66 и БЕ XII, могила 2). Все пять гребней совершенно однотипны. Они сделаны из продольно расщепленного ребра животного и имеют форму узкой прямоугольной пластины длиной 9—12 см, шириной 1.7—2.2 см, с пятью, а в одном случае с шестью короткими зубьями на одном конце. Три гребня, хорошо сохранившиеся в землянках, сильно изношены в работе. Их зубья очень стертые, сглажены, заполированы. Работали гребнем всегда (или преимущественно) в одном направлении, причем зубья испытывали сопротивление материала с боков и особенно с передней поверхности. Поэтому зубья сильно изношены с передней стороны, а на противоположной лишь слегка заглажены. Наиболее сильно стиралось основание зубьев, что особенно хорошо видно на сломанном гребне из землянки 2 (табл. XI, 8). Первоначально более толстые в основании зубья этого гребня стали широкими, округлых очертаний на концах и тонкими в основании. Один крайний зуб стал настолько тонким, что отломился, и гребень после этого еще некоторое время был в работе только с 4 зубьями.

То обстоятельство, что эти гребни найдены в землянках в одном случае вместе с костя-

¹ Следует, однако, заметить, что употребление в качестве трепала бронзового серпа и затем переход к костяному трепалу, имитирующему форму серпа, вряд ли было широко распространенным явлением. Это частный случай в истории техники обработки растительного волокна. В предшествующие периоды, андроновский и карасукский, на обширной территории от Днепра до Оби различные по деталям формы трепала вообще изготовлялись из челюстей коровы и лошади.

ным трепалом и 5 лопатками, предназначенными, вероятно, для изготовления трепала (землянка 2), и что они отличались по своей форме от гребней для расчесывания волос, какие нам известны в южной Сибири в памятниках разных эпох, в том числе и в одном из погребений большереченского этапа (табл. XXI, 18), указывает, что это были рабочие инструменты, а не принадлежность туалета, и что они связаны с тем производством, в котором применялись и трепала, т. е. с обработкой текстильных материалов. Судя по характеру стертости зубьев это были гребни для прибавления утка на примитивном ткацком станке при изготовлении тканей из относительно толстой пряжи.

Сохранились и остатки пряжи и тканей: на медных бляшках шейного украшения девушки — фрагменты шнурков, которыми были нашиты бляшки, и под бляшками кусочки ткани от одежды (БЕ VII, могила 22). В первом случае пряжа представлена толстыми кручеными шнурками диаметром до 2,5 мм, природу волокна которых из-за сильной разрушенности шнурков и деформации их окислами меди определить не удалось. Возможно, это было растительное волокно. На ткань употреблена шерстяная пряжа диаметром около 0,5 мм, что значительно превышает тонину 10-го номера наших современных катушечных ниток. Пряжа в обоих случаях правой крутки (Z-крутка), что вообще характерно для прядения ручным веретеном.

Изготовление пряжи и тканей было женским делом. Оба ткацких гребня и глиняное прясло, найденные в могилах, происходят из женских погребений. Очевидно, женщины каждой землянки занимались прядением и ткачеством. О производимых ими тканях можно судить пока по единственной находке фрагментов ткани в только что упоминавшемся погребении девушки. Это была плотная и довольно толстая шерстяная ткань с гарнитуровым (полотняным) переплетением нитей, плотностью в 10 нитей на 1 см по основе и 18 — по утку. Благодаря вдвое большей плотности по утку поверхность ткани была рубчатой, красивой фактуры. Можно предполагать, что ткачество, возникшее в Сибири и северном Казахстане еще в андроновское время (Сальников, 1952, стр. 67; Кривцова-Гракова, 1947, стр. 143), в VII—VI вв. до н. э. было уже

довольно широко распространено, и для разных потребностей изготавливались разные сорта ткани из растительного волокна и из шерсти.

Несомненно, значительное место в домашнем производстве жителей поселка занимали также обработка кожи и меха и изготовление из них одежды и различных предметов хозяйственного назначения и домашнего обихода. Иначе не могло быть в хозяйстве, где крупную роль играли скотоводство и охота на мясного и пушного зверя. Однако изделия этого рода не сохранились, а инструменты, употреблявшиеся при их изготовлении, либо не дошли до нас, либо не могут быть пока определены. С обработкой кожи, вероятно, связаны находившиеся в землянках плитки из сланца и других пород камня, необработанные или лишь слегка сколотые по краям, один край которых имеет следы использования их в качестве скребков. Для изготовления кожаных и меховых изделий могли служить там же найденные костяные шилья и острия, бронзовые четырехгранные шилья, медные иглы, а также, возможно, и некоторые костяные орудия, назначение которых осталось невыясненным. Следует отметить, что в могилах костяные шилья были обнаружены только в женских погребениях (БЕ VII, могилы 1, 29 и 89). Только в женских погребениях найдены и медные иглы (БЕ VII, могилы 2, 66, 76 и 87; БЕ XII, могила 4).¹

Существенную роль в домашнем производстве играла также обработка кости и рога, весьма широко применявшаяся для изготовления разнообразных изделий. В связи с этим техника обработки кости была различна: одни виды изделий могли изготавливаться только опытным и знающим это дело человеком, изготовление других было доступно каждому и не требовало обладания специальными техническими навыками. В ряде случаев кость употреблялась в ее натуральном виде, требовалось только освободить ее от оставшихся на ней связок. Таковы были астрагалы барана и бобра и, вероятно, некоторые другие кости, употреблявшиеся в необработанном виде. Нередко орудием служил просто подходящий обломок кости, например осколок

¹ Медная игла найдена также в могиле 44 в пункте БЕ VII. Пол погребенного определить не удалось. Погребение отнесено к числу женских по находке в нем иглы.

ребра, одним концом которого производили какую-то работу типа скобления. Часто, чтобы превратить кость в орудие или иной предмет, надо было только просверлить в ней отверстие или заострить толкий конец. Так, из зубов животных, астрагалов бобра и других косточек получались подвески или амулеты (табл. IX, 13, 15—18), а из локтевых костей, грифельных косточек и просто из осколков трубчатых костей — шилья (табл. XV, 25, 26). Несколько сложнее было изготовление таких орудий, как трепало из лопатки лошади (табл. XV, 40—44) или гребень из продольно расщепленного ребра (табл. XI, 8), но и здесь не требовалось особого искусства мастера. Только предметы вооружения — наконечники охотничьих и боевых стрел, панцирные пластинки (табл. IX, 8; XVIII, 5—8) и боевые (?) молоты (табл. XVIII, 10) да некоторые другие предметы более сложной формы или тщательной отделки (табл. XXI, 18, 23), изготовление которых производилось несколькими последовательными техническими приемами (обруbanie, обрезание, сверление, скобление, шлифование), требовали от мастера обладания необходимыми техническими навыками. Однако и здесь техника и мастерство не так уж сложны, и искусством изготовления наконечников стрел, например, мог владеть каждый охотник, воин. Все известные нам роговые и костяные предметы из поселения и могильников на Ближних Елбанах могли быть продукцией домашнего производства каждой семьи, а не специализировавшихся мастеров.

Несмотря на отсутствие в ближайших районах месторождений медных руд, население Верхней Оби, в том числе и поселка на Ближних Елбанах, занималось изготовлением медных и бронзовых изделий. На это указывает прежде всего наличие местных форм некоторых медных и бронзовых предметов, характерных только для района Верхней Оби и Томи.

Своеобразные бронзовые ножи с деревянной рукояткой из двух пластин, обмотанных сухожилиями, известны пока как основная, характерная форма и в погребениях большереченского этапа на Ближних Елбанах, и в Томском могильнике.

За пределами распространения большереченской культуры найдено только два ножа такого типа, оба в погребениях байновского этапа — один в кургане № 4 Баинова

улуса,¹ другой в кургане Д на Тагарском острове.² Впрочем, последний нож значительно отличается от верхнеобских. Он той же формы, но не имел деревянных накладок на рукоять. Вместо этого рукоять его как бы обвита по спирали сухожильной нитью, что явилось результатом отлива ножа в глиняной форме, оттиснутой по модели, рукоять которой была обвита, вероятно, натуральной сухожильной нитью.³ Оба указанных ножа следует рассматривать как заимствованные с Оби формы, так как основная масса ножей этого времени принадлежит особым, характерным для Минусинской котловины типам.

Второй, характерной только для Верхней Оби формой является своеобразного устройства бронзовая игла, ушко которой не пробито, а сделано петелькой (табл. XVIII, 12, 13). Верхний конец иглы для этой цели раскован в тонкую заостренную проволочку, у основания которой стержень иглы расплюснут в тонкую, округлых очертаний пластинку; проволочка загнута затем петлей и конец ее положен на пластинку, края которой заворачиваются так, чтобы закрыть острый конец проволочки. За пределами Верхней Оби иглы такого устройства еще не известны. Это местная верхнеобская форма, распространенная здесь и в предшествующий период, судя по находке такой иглы в погребении карасукского времени на Долгой Гриве (рис. 7, 28).

Характерны также и бронзовые нашивные бляшки, массивные, плоско-выпуклые, овально-удлиненной формы, с выпуклыми округлыми концами и с желобком на утолщенной середине для прошивания. На Ближних Елбанах найден набор подобных бляшек

¹ Раскопки В. Г. Карцова, 1930 г., Эрмитаж, № 1250-12.

² Раскопки А. В. Адрианова, 1883 г., Минусинский музей.

³ В собраниях минусинской древней бронзы имеются еще три бронзовых ножа с подобным же образом оформленной рукоятью. Два из них, с плоским кольцом на конце рукояти, следует датировать байновским этапом — это нож, найденный близ дер. Кугунек на р. Чулыме (Радлов, 1888, табл. V, 8), и нож, хранящийся в ГИМ без номера, среди вещей, о происхождении которых указано: «Минусинский окр. из разных мест». На последнем особенно отчетливо видно, что он отлит по модели, рукоять которой была обвита сухожильной нитью. Третий нож, с большим тонким кольцом на конце рукояти, найденный близ дер. Каптерево на Енисее, относится, вероятно, к более позднему времени (Tallgren, 1917, табл. V, 4).

в одной могиле (табл. XIX, 1) и одна бляшка в другой (табл. XIX, 10), но такие же по форме бляшки, сделанные из белого камня и из резцов бобра, встречены еще в четырех могилах (табл. XXI, 6—10). Это местная верхнеобская форма украшений, и, следовательно, бронзовые бляшки, воспроизводящие форму каменных, также местного производства.

Бесспорным доказательством производства медно-бронзовых изделий жителями поселка служат находки обломков литейных форм. В землянке 3 найдены обломки глиняных форм для отливки бронзовой пронызки с тремя кольцевыми валиками (табл. XV, 14), какого-то другого украшения, также круглого в сечении, с кольцевым валиком на конце (табл. XV, 15), и еще трех мелких предметов, повидимому, тоже украшений. На поверхности выдува около землянки, указанной на плане под № 16 (табл. VII), найден обломок формы для отливки крупного предмета, может быть, кельта (табл. XVI, 2). Эти находки не дают пока сколько-нибудь полного представления о характере производства металлических изделий. Но ясно, что литые бронзовые изделия в поселке изготовлялись не в одном доме, а, вероятно, в нескольких. Возможно даже, что некоторые виды металлических изделий изготовлялись если не в каждом доме, то во многих. Такими могли быть простейшие украшения в виде проволочных колечек или цилиндрических проигозок, свернутых из тонких медных листов, изготовление которых не требовало применения специальных инструментов и обладания сложными техническими навыками.

В степях северного Причерноморья в VII—VI вв. до н. э. скифы уже полностью перешли к употреблению железных орудий. В Средней Азии железо появляется, возможно, в это же время (Григорьев, 1948, стр. 49), хотя бронзовые орудия у массагетов употреблялись еще в героотово время (Геродот, I, 215), а у саков на р. Талас, знакомых уже с железом, ножи попрежнему были бронзовыми (Heikel, 1918, стр. 3, 5, 6 и табл. II, 1). В это же самое время на Верхней Оби большереченский этап еще полностью принадлежит бронзовому веку. Не только иглы и шилья, но и наконечники стрел и копий и ножи, а в Томском могильнике и кинжалы, чеканы и кельты — решительно все орудия и оружие делались из бронзы. Бронзовый век продолжался на

Оби, как увидим ниже, и в следующем, бийском этапе. Не имея собственных источников меди и олова, верхнеобские племена получали медь и бронзу от своих восточных на Енисее и юго-западных в Казахстане соседей, живших также еще в бронзовом веке. В Томском могильнике найдено несколько бронзовых предметов, полученных от минусинских племен или изготовленных по образцу их изделий. Это три ножа и предмет неизвестного назначения (Комарова, 1952, рис. 17, 9; 20, 1, 7; 23, 19).

Не зная еще способов добычи и обработки железной руды, верхнеобские племена, тем не менее, были уже знакомы с железными изделиями, и, весьма вероятно, отдельные экземпляры железных орудий или оружия к ним попадали тем или иным путем из далеких стран. Указанием на это служит находка в одном из погребений (БЕ VII, могила 76) маленькой железной пластинки неопределенной формы, служившей, повидимому, вместе с такой же медной пластинкой украшением головного убора, подобно тому, как это было в одном из сакских курганов на р. Талас (Heikel, 1918, стр. 5). Если бы верхнеобские племена уже постигли искусство добывать железо, то при отсутствии меди и олова в области их обитания они раньше, чем минусинские или восточноказахстанские племена, перешли бы от употребления бронзовых орудий к железным. Но этого на большереченском этапе еще не случилось, и железо для жителей поселка БЕ I было тем чудесным металлом, о высоких качествах которого они больше слышали, и только в редких случаях находились счастливые обладатели какого-либо железного предмета, доставленного на Обь издалека, за тысячи километров.

Изготовление всех рассмотренных изделий было рассчитано в основном на удовлетворение собственных потребностей каждой семьи или дома, в некоторых случаях, возможно, и потребностей других членов родового поселка. Оно не носило все же характера товарного производства или ремесла, продукция которого предназначалась на рынок. Однако не исключается, что какая-то часть некоторых продуктов хозяйства и домашнего производства употреблялась для обмена с соседними племенами. Население Верхней Оби, в том числе и поселка на Ближних Елбанах, нуждалось в меди

и бронзе, которые могли быть получены в изделиях или слитках только путем обмена с другими племенами. Несомненно, от других племен получались и некоторые иные изделия, для изготовления которых население Верхней Оби не располагало соответствующими материалами или производством которых не было им освоено.

В обмен на изделия, получаемые от степных племен с запада и юго-запада, большеереченские племена могли давать продукты земледелия, меха и, возможно, ткани. Жители степей имели все это в недостаточном количестве. Но для обмена с восточными соседями эти товары не могли играть существенной роли, так как оседлые пастушеско-земледельческие племена Минусинской котловины обитали в замкнутой со всех сторон лесами относительно неширокой степной полосе, где всем этим они располагали не в меньшем, а может быть, даже в большем количестве. Между тем медно-бронзовые изделия минусинских племен проникали, очевидно путем обмена, к большеереченским племенам, что достоверно подтверждено указанными выше находками в Томском могильнике. Можно даже предположить, что основная масса металла в изделиях большеереченских племен была минусинского происхождения. У пастушеских племен обмен получил дальнейшее свое развитие. Ф. Энгельс указывает, что «главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все товары и который повсюду охотно принимался в обмен, — одним словом, скот стал выполнять функцию денег и уже на этой ступени играл роль денег. С такой необходимостью и быстротой развивалась уже при самом возникновении товарообмена потребность в особом товаре — деньгах».¹ В этих условиях скот большеереченских племен мог идти в обмен на металл минусинских племен даже и в том случае, если у первых не было излишка скота, если они были беднее скотом, чем минусинские племена. Необходимость получения металла, а может быть, и других предметов вынуждала большеереченские племена употреблять свой скот в качестве менового товара, если не имелось дру-

гих предметов, которые могли бы служить для этой цели.

В тесной связи со сложившимися формами хозяйства родового поселка, с характером его домашних производств, а также с социальной структурой его населения, о чем речь будет ниже, находился и весь бытовой уклад его обитателей, устройство жилищ и планировка поселка. Содержание скота зимой в жилом доме, как уже отмечено выше, вынуждало сооружать жилища больших размеров. Все землянки в поселке весьма просторны. Можно полагать, что площадь их достигала 200 и более кв. м.

Чтобы правильно судить об устройстве жилища, необходимо располагать сериями более полно раскопанных землянок. Только при наличии повторных наблюдений могут быть подмечены и надежно установлены основные особенности конструкции и внутренней планировки жилища. В этом отношении показателен пример реконструкции землянок на поселении эпохи бронзы у хут. Ляпичева на Дону, где более правильное представление об устройстве жилищ удалось получить только после полного вскрытия пяти землянок (Грязнов, 1953). Поэтому дать реконструкцию землянок в поселке на Ближних Елбанах можно будет только после раскопок здесь по крайней мере двух или трех полностью вскрытых землянок или после раскопок подобных землянок того же времени в другом пункте Верхней Оби. Данная же мною в предварительном сообщении о раскопках 1939 г. реконструкция большеереченских землянок (Грязнов, 1951, стр. 107 и рис. 29, 35), как это стало ясным после раскопок у хутора Ляпичева, совершенно неверна. Однако взамен этой неудачной реконструкции дать сейчас другую пока невозможно, но некоторые общие представления о жилище могут быть получены.

Просторная землянка, врытая в землю на глубину около метра, предназначалась для того, чтобы быть теплым зимним помещением с не продуваемыми ветром и не проницаемыми для мороза стенами и кровлей. С этой целью жилище углублено в землю, а вынутая из котлована земля несомненно употреблялась на засыпку кровли. Кровля в этом случае должна была быть достаточно прочной. Учитывая обширную площадь жилища, надо предполагать, что кровля сооружалась по типу пирамидаль-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, 1, 1937, стр. 136.

ного бревенчатого сруба, широко распространенного в строительной технике ряда южносибирских народов, а в центральном Казахстане известного еще в карасукскую эпоху (Грязнов, 1952б, рис. 1, стр. 132). Подобного рода конструкция позволяла сооружать без столбовых опор посередине перекрытия больших площадей, способные выдерживать на себе достаточно толстый слой покрывающей их земли. При этом в наиболее возвышенной центральной точке пирамидальной кровли естественно и конструктивно просто могло быть устроено свето-дымовое отверстие необходимых размеров с прочной рамой, которое у ряда современных народов, например у камчадалов, коряков, чукчей и алеутов (Иохельсон, 1908, стр. 26, 28, 40, 43), а также и у древних армян (Ксенофонт, кн. IV, V, 25), служило одновременно и входом в жилище. Наличием такого входа в центре крыши и следует, повидимому, объяснять нахождение во всех землянках (кроме землянки 1) значительного количества мелких черепков глиняной посуды и обломков костей животных в темном гумусированном слое, залегающем поверх слоя первичного заполнения землянок и образовавшемся из остатков обвалившейся кровли. Естественно, что отбросы обломков посуды и костей должны были накапливаться около входа в жилище, в данном случае на его кровле. Землянки, по этнографическим наблюдениям, имели для вентиляции помещения два отверстия, одно внизу, другое сверху, и часто оба отверстия использовались как входы в жилище, один для мужчин, другой для женщин и детей, или один летний, другой зимний. В последнем случае нижний, летний вход, на зиму закрывался, оставлялось лишь небольшое отверстие для притока свежего воздуха. В землянках на Ближних Елбанах можно предполагать последний способ использования входов. Как отмечено при описании землянки 3, в юго-восточной стене ее был вход, перед которым, очевидно, в летнее время производились многие домашние работы.

Основным строительным материалом для сооружения кровли землянок могли быть сосновые бревна и береста. Сосна и береза в изобилии произрастают в непосредственной близости к поселку. Эти материалы широко применялись и при устройстве могил. В трех могилах сохранился древесный тлен от сруба

или иным способом устроенного деревянного крепления стен (БЕ VII, могилы 2 и 19; БЕ XII, могила 13) и в двух — от бревенчатого или досчатого покрытия могилы (БЕ XII, могилы 2 и 4). Значительная часть могил перед их засыпкой загоралась (вероятно от сброшенных в нее углей поминального костра), и в 10 таких могилах сохранились обугленные остатки деревянных срубов и покрытий. В некоторых случаях дерево полностью сгорело, но о том, что оно было сожжено в самой могиле, можно судить по обугливанию верхних частей скелета погребенного (БЕ VII, могилы 1 и 79). Очевидно, деревянные сооружения находились во многих других могилах, но к моменту раскопок остатков дерева там не сохранилось. В 11 прямоугольных могильных ямах не обнаружено остатков дерева, но такой формы яма могла предназначаться только для устройства в ней деревянного сооружения. Еще хуже сохранилась в могилах береста. В одном случае под бронзовыми предметами уцелели небольшие кусочки берестяной подстилки (БЕ VII, могила 22). В двух случаях над скелетом сохранились куски обуглившейся и спекшейся бересты от покрытия могилы (БЕ VII, могилы 23 и 66).

Прямые сосновые бревна и береста были, очевидно, основным строительным материалом. С их помощью можно было сооружать просторные полуподземные жилища с хорошо укрытой кровлей.

Внутреннее оборудование жилища было весьма примитивным. Очаг располагался, повидимому, посередине жилища, ближе к его северо-западной стене, и представлял собой простое кострище. В полу жилища для разных надобностей выкапывались различных форм и размеров ямки. Они служили, повидимому, для хранения или складывания в них разных предметов. Основная масса их к моменту раскопок не сохранила в себе никаких вещественных остатков, кроме отдельных черепков и обломков костей, попавших в некоторые из них, вероятно, случайно при их закапывании. Их так много, что если бы они функционировали все одновременно, то в жилище трудно было бы передвигаться. Очевидно, по миновании надобности их засыпали, а когда вновь появлялась потребность, выкапывали новые на новом месте. Часть этих ямок предназначалась для хранения

в них глиняных сосудов с какими-то припасами.¹ В землянках 2 и 3 сосуды помещались в ямках, вырытых по их размерам. В землянке 1 сосуд находился в большой и глубокой прямоугольной яме.

Общую картину поселка можно представить в таком виде. Три или четыре ряда тесно расположенных, почти вплотную друг к другу, обшпрых полуподземных домов, закрытых сверху землей, занимали площадь двух слившихся дюн. Поселок со всех сторон был ограничен крутыми склонами дюн, а на небольшом участке с юго-западной стороны — искусственно вырытым рвом. Возможно, его окружала и прочная ограда, сооруженная по краю склонов и рва. Зимой и люди, и их скот находили надежное укрытие от морозов под холмообразной кровлей землянок. Входом в жилище служило светодымовое отверстие наверху. Летом открывался боковой вход и площадки между рядами жилищ оживали — население землянок часть своих домашних и хозяйственных занятий переносило из темного полуподземного обиталища на открытый воздух, перед входом в жилище.

Не останавливаясь на других особенностях быта жителей поселка, отмечу только одну интересную этнографическую деталь. В погребении молодой женщины в возрасте менее 20 лет (БЕ VII, могила 22) сохранились волосы — части 8 тонких косичек. Судя по их толщине, всего таких косичек было около 20. У многих современных народов Сибири, Центральной и Средней Азии девушки заплетают свои волосы в десятки мелких косичек, а в день свадьбы переплетают их в две косы. Замужние женщины носят две косы. Очевидно, такой обычай существовал на Верхней Оби уже в I тысячелетии до н. э. (вероятно и раньше) и в рас-

сматриваемой могиле была погребена девушка, еще не вышедшая замуж. Надо полагать, что такой обычай в древности был широко распространен, как и у современных народов, и при рассмотрении древних изображений надо это учитывать. Так, например, в изображении «всадников под деревом» на сибирской золотой бляхе (Толстой, Кондаков, 1890, рис. 71) женская фигура, теперь это можно уверенно утверждать, представляет замужнюю женщину, а не девушку.

Выше указывалась ясно наблюдаемая преемственность форм памятников больше-реченского этапа от памятников карасукского времени. Надо отметить, однако, и вполне отчетливо выраженные отличия. Изменился погребальный обряд. Формы посуды заменились новыми. Совершенно по-новому стали украшать посуду. Очевидно, изменилась ornamentация вообще, так как на Верхней Оби для украшения посуды применялись те же узоры и их композиция, какие использовали на одежде и других бытовых вещах. Появились новые формы украшений из камня, металла и кости. Причем все эти изменения происходили не путем медленных постепенных переходов от одних форм к другим в течение длительного периода и для разных категорий в разное время, а в относительно короткий отрезок времени и сразу все. Только этим и можно объяснить, что в известных нам памятниках каждый раз встречается либо комплекс всех карасукских форм, либо комплекс всех форм, характерных для больше-реченского этапа. Очевидно, переходный период был коротким, его продолжительность исчислялась жизнью всего лишь одного или двух поколений и в известных памятниках он не нашел отражения. Только с накоплением большого количества новых памятников можно надеяться уловить этот момент, а может быть, это и вообще не удастся.

¹ В археологической литературе принято считать небольшим размера круглые ямки на полу землянок ямками от столбов. Однако беспорядочное расположение этих ямок, в землянках эпохи бронзы и часто большое их количество, и не только в землянке, но и за ее пределами (см., например: Сальников, 1948б, рис. 2; Кривцова-Гракова, 1947, табл. III—VII), исключают такую возможность, по крайней мере для большей части ямок. Этому противоречит и характер их заполнения. В ямках правильной цилиндрической формы, мелких и глубоких, часто находятся поставленные в них горшки и иногда некоторые другие предметы. Заполняющая их земля обычно темносерого цвета, гумусированная, а не рыжеватая, как это было бы в случае истлевания помещавшегося в ней деревянного столба.

Поскольку изменения форм различных категорий вещей, обычаев и обрядов произошли одновременно в относительно короткий срок, то следует полагать, что это было вызвано какой-то одной причиной, вероятно какими-то резкими изменениями социально-экономических условий существования племени, затронувшими все стороны жизни его, отразившимися во многих явлениях материальной и духовной культуры. Какова была причина и каков

был конкретный характер этих изменений, сейчас определить трудно из-за недостаточности имеющихся материалов. Изменения эти, конечно, были достаточно существенными.

В этом отношении интересны некоторые особенности погребального обряда. На Ближних Елбанах раскопано 29 погребений взрослых мужчин. В 10 могилах пол погребенных не установлен. Если даже половина их тоже мужчины, то число погребенных мужчин можно определить цифрой около 35. В 11 случаях с погребенными найдено оружие: бронзовое копье, каменная булава, костяные и бронзовые наконечники стрел (остатки лука со стрелами). Значит, третья часть мужчин погребалась с оружием. Иначе было в предшествующее время. На Верхней Оби исследовано 42 могилы карасукского времени, и ни в одной из них остатков оружия не встречено. В степях Минусинской котловины исследованы сотни карасукских могил, и оружия в них нет. Исключение составляют находки наконечников стрел в богатых погребениях родовой знати в центральном Казахстане (Дындыбай и Бегазы) и бронзового кельта в самом большом могильном сооружении карасукской культуры в Минусинских степях (Киселев, 1951, стр. 118). Значит, в карасукское время ни на Оби, ни в других районах не было обычая снабжать умершего мужчину оружием, кроме редких особых случаев, а на большереченском этапе третья часть числа мужчин погребена с оружием. Очевидно, появление на Оби не практиковавшегося до того обычая погребать мужчин с оружием вызвано изменениями в представлениях о загробной жизни. Прежде умершего наряжали в соответствующие одежды и давали ему в могилу некоторый запас пищи в горшках; иногда рядом с горшком клали еще и нож (в погребениях Минусинских степей рядом с горшком лежал кусок мяса и нож). Кроме небольшого запаса пищи, умершему ничего не полагалось. Пища, видимо, предназначалась на дорогу в «царство мертвых». На большереченском же этапе мужчины стали еще снабжать оружием. Видимо, по новым представлениям, путь в «загробный мир» мог быть успешно преодолен только с оружием. По этим представлениям, оружие стало одним из важнейших условий благополучного существования. Очевидно, и в реальной жизни

жители поселка на Ближних Елбанах в это время вынуждены были часто прибегать к оружию. Таким образом, новый погребальный обряд, при котором мужчины стали хоронить с оружием, отражает одно из существенных изменений в условиях жизни верхнеобских племен на большереченском этапе.

Новым в погребальном обряде явилось и наличие при поселке трех кладбищ. Кроме большого общего кладбища, расположенного в стороне от поселка на дюне BE VII, где хоронили детей и взрослых обоюбого пола, рядом с поселком, сразу же за рвом, находилось небольшое кладбище BE XIV, в исследованной части которого погребено 7 мужчин и трое детей разного возраста, и несколько подальше, на соседней дюне BE XII, третье кладбище, где погребено 5 женщин и 9 детей разного возраста. Наличие, кроме общего, еще и специальных мужского и женского кладбищ несомненно должно соответствовать каким-то социальным подразделениям, хотя удовлетворительного объяснения этому факту пока не удается найти.

Погребения на мужском и женском кладбищах ничем не отличаются от погребений общего кладбища. Погребальный обряд, количество и ценность сопровождающих погребенных вещей вообще удивительно однородны, если не считать находки в ряде мужских могил оружия и наличие двух погребений более нарядно одетых женщин (BE XII, могилы 2 и 4). Общий облик всех памятников, поселения и могильников указывает на несомненный патриархально-родовой строй общества, более развитый, чем в предшествующее, карасукское время, однако для конкретной его характеристики материалы пока недостаточны.

По сравнению с предшествующим периодом погребения чрезвычайно бедны сопровождающими их вещами. В 24 могилах из 87 раскопанных вообще ничего не найдено, кроме остатков костей человека. В 27 могилах обнаружено только по одному предмету, такому, как медная провизка или кончик бронзового ножа, костяная поделка, глиняная чашка. В мужских погребениях на поясе часто находится нож, но большей частью это всего лишь небольшой обломок острого конца клинка ножа. В карасукскую же эпоху здесь же на Ближних Елбанах, как и вообще на Верхней Оби,

в каждой могиле обязательно находятся глиняные горшки, иногда по несколько в одной могиле, и серия разных медных и других украшений, часто массивных литых, а ножи в могилах всегда целые, большие. Могилы большереченского этапа делались обычно маленькими, глубиной 40—60 см, в отличие от карасукских, вырытых всегда на глубину более метра.

Наряду с этим следует отметить, что во всех раскопанных землянках наблюдается обилие различных остатков домашнего имущества. В подобных больших жилищах эпохи бронзы обычно находят по 2—3, редко больше, каких-нибудь обломков предметов и также по 2—3 горшка с обломанным верхом или с большими трещинами на боках. Переселяясь на новое место, обитатели землянок забирали с собою все, оставляя в покинутом жилище только ненужные, негодные к употреблению вещи или всякие случайно забытые или потерянные. В землянках же на Ближних Елбанах осталось много целых сосудов (к моменту раскопок они были уже разбиты); например, в землянке 3 — 14 сосудов. В каждой землянке найдено по 10—20 различных предметов, хотя жилища эти исследованы только частично, на небольшой площади. В более полно исследованной землянке 3 найдено несколько десятков различных предметов. Очевидно, жители поселка покинули свои землянки внезапно, ничего не взяв из них с собою, и больше туда не возвращались. Так как никаких следов пожара не обнаружено, то причиной ухода обитателей поселка, надо полагать, был военный набег. Победители забрали только ценные вещи и скот, а весь домашний скарб оставили на месте. Жители бежали или, быть может, были уведены победителями в плен.

Факт военных столкновений жителей поселка с неприятелем документируется интересной находкой в могиле. На мужском кладбище рядом с поселком, в могиле 11, погребен мужчина, в колено которого глубоко вошел бронзовый наконечник стрелы (табл. XXI, 25). Так как образовавшаяся в кости трещина осталась свежей, незаживленной, надо полагать, что погребенный умер если не от этого ранения, то от другого, нанесенного ему тогда же. Убитый был ранен в колено выстрелом, сделанным в упор, очевидно, в бою.

Памятники поселка на Ближних Елбанах показывают, что жизнь его протекала уже не в тех условиях, какие были на Оби в предшествующий период. Население, по всей вероятности, неоднократно выдерживало военные стычки с врагом. Оружие необходимо было всегда иметь при себе. И в то время как кочевники Горного Алтая переживали экономический подъем, богатели, развивали свою яркую, своеобразную культуру, представленную Пазырыкскими и другими курганами, население Верхней Оби, в частности поселка на Ближних Елбанах, терроризуемое набегами кочевников, поборами, разорением, переживало экономический и культурный упадок. Настала, очевидно, беспокойная, полная тревог жизнь, настало тяжелое время, когда, выражаясь словами поэта, жившего в подобной обстановке, «редко кто осмеливается обрабатывать землю, да и тот несчастный одной рукою пашет, а в другой держит оружие» (Овидий).

БИЙСКИЙ ЭТАП

Второй этап большереченской культуры, бийский, получил свое название по поселению этого времени около г. Бийска, на краю надпойменной террасы, рядом со скотобойней (к югу от ж. д. станции). Раскопок здесь не производилось, но собрана весьма характерная серия керамики, пока наиболее полная для этого времени на Верхней Оби (рис. 16). Керамики одного этого поселения уже было достаточно, чтобы предположить наличие особого этапа в развитии культуры древних племен Верхней Оби. Находки же подобной керамики еще в 5 пунктах на Оби, пусть лишь по несколько мелких черепков в каждом, позволили считать этот этап вполне определенным, одновременным пазырыкскому этапу на Алтае, датируемому V—III вв. до н. э. (Грязнов, 1939, стр. 403).

Памятники

На Ближних Елбанах памятники бийского типа обнаружены в 7 пунктах, но ни в одном из них не встречено ни хорошо выраженного культурного слоя, ни могильника. Пункты BE V, XV, XI и отчасти BE VII были, повидимому, окраинами уничтоженного ветрами поселка, находившегося где-то на месте теперешнего широкого

и глубокого выдува. В пунктах БЕ II и БЕ X встречены только весьма немногочисленные черепки. Остатки же литейной мастерской в пункте БЕ XII включены в число памятников бийского этапа условно.

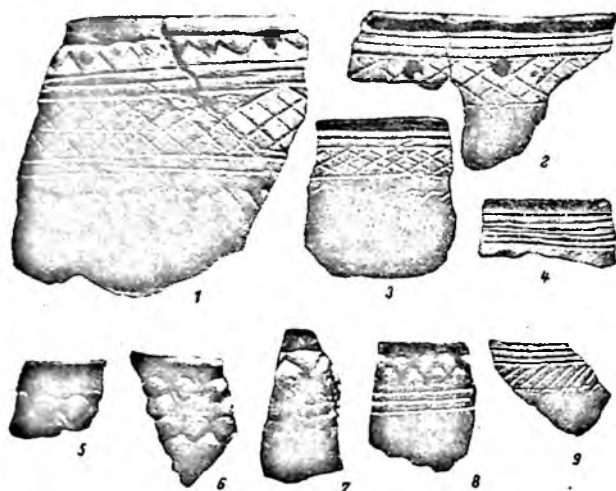

Рис. 16. Обломки глиняной посуды из Бийского городища.

Находки в пункте БЕ V

По северному краю большого выдува, там, где сохранилась часть могильника сrostкинской культуры, на поверхности песка были найдены немногочисленные черепки от сосудов бийского этапа, в том числе от одного, собранного полностью (табл. XXII, 5). При произведенных здесь раскопках могильника в почвенном слое в двух пунктах также найдено несколько подобных черепков. Под почвенным слоем обнаружены 3 небольшие ямы округлой формы. В заполнении одной из них — довольно многочисленные остатки углей, во второй (табл. LVII, I, Б), размером 70×50 см, глубиной 70 см, найден фрагмент горшка (табл. XXII, 4), в третьей (табл. LVII, I, А), размером 80×50 см, глубиной около 90 см, на дне лежали три валуна диаметром по 20—30 см.

Можно предполагать, что пункт БЕ V, находясь за пределами поселка бийского этапа, был его северной окраиной, куда попадали редкие случайные предметы и где иногда для каких-либо надобностей выкапывались ямы.

Находки в пункте БЕ XV

К северо-востоку от края того же выдува, на дне магистрального выдува виден горизонтальный срез почвенного слоя подошвы дюны. На поверхности его найдено несколько очень мелких черепков посуды бийского этапа, 4 кусочка глиняных литейных форм и 3 медных сплеска. На площади в 24 кв. м вскрыт почвенный слой толщиной 20—25 см, залегающий под уклоном в 8—10°. В слое найдены 3 бронзовых трехгранных наконечника стрел (табл. XXII, 6, 7), 4 обломка глиняных литейных форм, в том числе 2 от форм для отливки кельтов, и черепки от нескольких сосудов (не менее 12).

Раскопанный участок также находился за пределами поселка. Естественно, что различные отбросы накапливались не только на площади поселка, занятой жилищами, но и по склонам дюны, у ее подошвы.

Находки в пункте БЕ XI

Юго-восточный край того же выдува. Вдоль обнажения дюны найдено несколько мелких черепков от посуды бийского этапа. Раскоп заложен вдоль обнажения на протяжении 20 м, шириной 1.0—2.2 м, общей площадью 38 кв. м. Под недавно навеванным слабо задернованным песком залегают почвенный слой мощностью около 30 см. В нижних его горизонтах найдено ничтожное количество мелких черепков бийского этапа и бронзовое четырехгранное острие. На вскрытой площади обнаружены две ямы, обе частично разветренные ветрами. Первая, округлой формы в плане и в разрезе, глубиной в 130 см, диаметром, вероятно, около 120 см, сохранилась в длину на 105 см, в ширину на 40 см. Культурных остатков не содержала. Вторая, овальная в плане, с наклонными стенками и плоским дном, глубиной 110 см, шириной 65 см, сохранилась на 70 см в длину. Заполнена темно-серым песком с включениями золы и мелких пережженных костей. Около дна и южной стенки найдены мелкие слиточки меди (сплески) и 19 мелких обломков глиняных литейных форм (два от форм для отливки круглых стерженьков, остальные неопределимы).

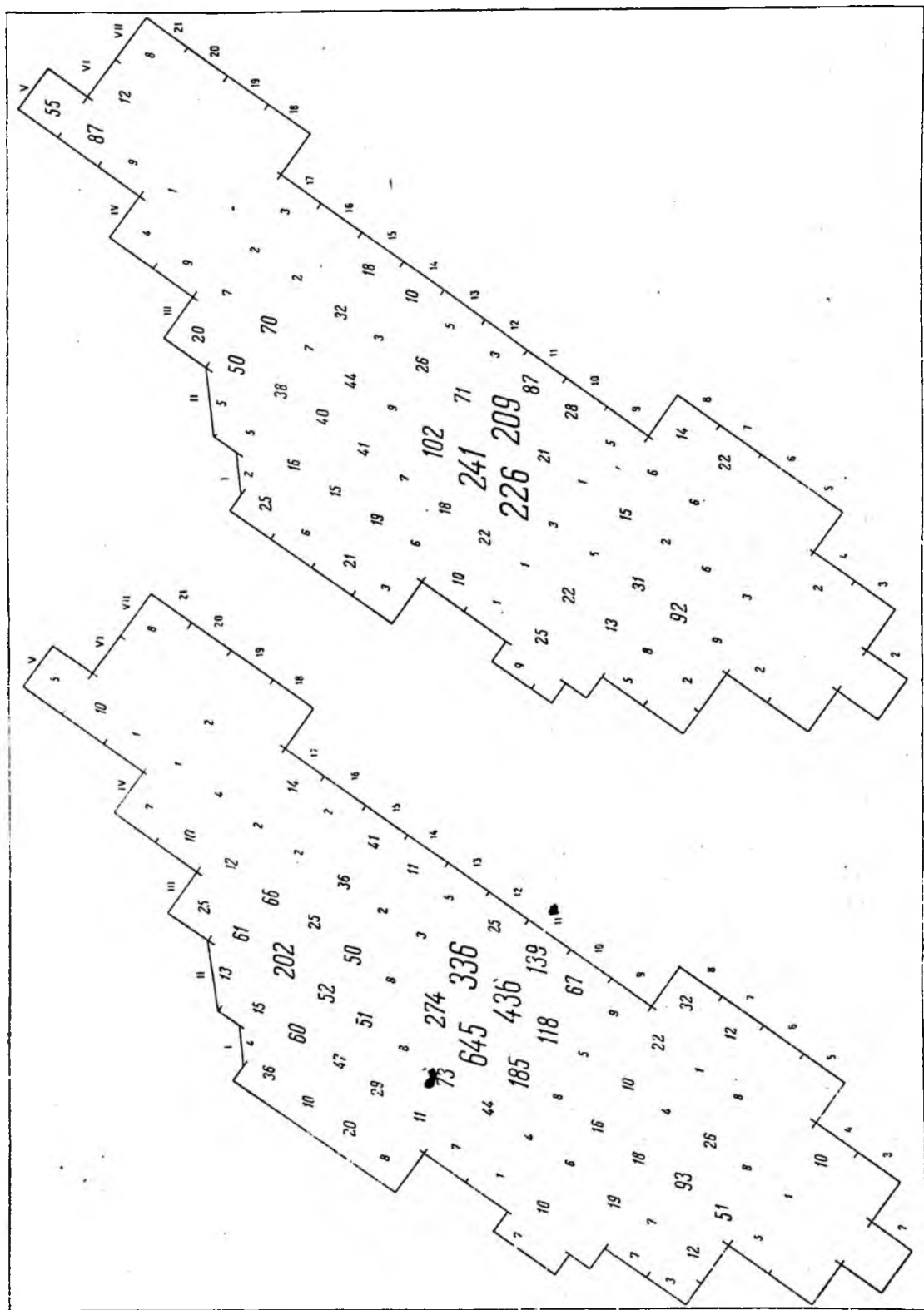

Рис. 17. Схема распределения обломков посуды (слева) и костей животных (справа) по площади культурного слоя на дюне ВЕ XII. Цифрами обозначено число черепков или число обломков костей на 4 кв. м.

И здесь также надо видеть окраину поселка, куда попадали лишь немногочисленные обломки предметов, где, может быть, производились иногда некоторые работы.

Находки в пункте БЕ VII

При исследовании могильника в почвенном слое в северо-восточной части раскопанной площади найдены черепки от посуды бийского этапа в меньшем количестве, чем в предыдущем пункте, но в более крупных фрагментах, попадавшие сюда, повидимому, из того же поселка.

Находки в пунктах БЕ II и БЕ X

В конце выдува на дюне БЕ II, там, где развевается ветрами северо-восточный склон ее, найдены черепки от трех сосудов бийского этапа. Удалось склеить крупные фрагменты от двух из них (табл. XXII, 1, 2). Вероятно, здесь было несколько целых сосудов, но каково их происхождение, установить не удалось. Один черепок бийского этапа найден и в пункте БЕ X среди других черепков, относящихся к разным эпохам.

Литейная мастерская в пункте БЕ XII

Наиболее многочисленные остатки производства обнаружены на дюне, служившей перед этим кладбищем большереченского этапа и после этого кладбищем березовского, одинцовского и переходного этапов. Почвенный слой, мощностью 40—50 см, содержал большое количество культурных остатков, преимущественно в среднем своем горизонте, на глубине 20—40 см. Часть их представляет остатки надмогильных триз и приношений умершим на кладбище одинцовского и, вероятно, переходного этапов (часть керамики, костяные, железные и другие вещи). Основная же масса остатков сосредоточена около кострищ (табл. XX). Вообще культурные остатки находились по всей площади, за исключением небольших участков в юго-западном и северо-восточном концах раскопа. Однако собственно культурный слой наблюдался только вблизи кострищ.

Самое большое кострище находилось посередине дюны (квадраты IV-11, IV-12 и V-11, V-12). Здесь на глубине 20—25 см залегал слой толщиной до 10—15 см, состоящий из перемешанной с песком, выще-

лоченной, слежавшейся золы и большого количества измельченного сажистого угля. Слой насыщен черепками, костями животных и обломками литейных форм (табл. XXIII, XXIV). В слое кострища и около него, на участке в 36 кв. м (квадраты с IV по VI и с 10 по 12), составляющем менее 0.1 раскопанной площади, собрано 60% всех найденных черепков (рис. 17) и 47% костей животных. Основная масса обломков литейных форм найдена в этом кострище, небольшое количество около него, на площади радиусом не более 5 м от центра кострища, и только 8 обломков на всей остальной площади раскопа.

Второе кострище находилось в северо-восточной части раскопа (квадраты III-16, III-17; IV-16, IV-17). На глубине 30—35 см залегал слой сильно насыщенного золой песка с сажисто-черными прослойками. Толщина его до 20—22 см, размеры 3×2 м. Остатки небольших кострищ, диаметром не более метра, встречены еще в 7 местах; около них черепки и кости животных находились в заметно большем количестве, чем на остальной площади.

Если первое кострище, содержавшее множество обломков, не менее чем от 3—4 десятков литейных форм, несомненно связано с литейным производством, то происхождение остальных кострищ остается неясным. Не исключено, что некоторые из них не одновременны с первым, а представляют собой остатки триз на кладбище одинцовского и переходного этапов. Однако нахождение около них керамики того же типа, что и на первом кострище, в большем числе, чем на остальной площади раскопа, указывает на синхронность их с первым кострищем.

Рассмотренные остатки литейной мастерской включены в число памятников бийского этапа условно. Как увидим ниже, связанная с ними керамика принадлежит типам березовского этапа, а литейные формы предназначены для отливки орудий, которые на березовском этапе уже не встречаются. И стратиграфические наблюдения показывают, что литейная мастерская здесь была задолго до устроенного здесь же кладбища березовского этапа.

Найденные в почвенном слое костяные, металлические и каменные изделия в основной массе связаны с кладбищем одинцов-

ского и переходного этапов, но возможно, что некоторые из них одновременны литейной мастерской и оставлены на дуне работавшими здесь литейщиками. Так, например, ко времени мастерской или могильника березовского этапа относится роговой двухдырчатый псаллий с изображением головы хищника на конце (табл. XXIV, II).

Датировка

Определение хронологической принадлежности поселка, окраины которого выявлены раскопками в пунктах БЕ V, XV и XI, не вызывает затруднений. В этом отношении весьма характерна керамика. Формы сосудов остаются прежними, но значительно изменились орнамент и конфигурация края венчика. Если для посуды большереченского этапа был характерен край венчика, косо срезанный с наружной стороны, то здесь край венчика либо косо срезан внутрь (табл. XXII, 1, 4, 5), либо имеет округлые очертания (табл. XXII, 3). Орнамент продолжает традиции предшествующего этапа. Так же по краю венчика расположен ряд бугорков, чередующихся с вдавливаниями, но вдавления эти оттиснуты не круглой палочкой или крестиком, а уголкообразными лопатками (табл. XXII, 1—5). Как и прежде, ниже находится иногда второй такой же ряд бугорков. Под верхним рядом бугорков вместо характерных для большереченского этапа фестонов, зигзагов и поясков из косых оттисков гребенки, обычно помещается широкий пояс косой сетки, очерченный сверху и снизу линиями, или такой же пояс из ряда горизонтальных линий. Орнамент при этом оттиснут обычно не гребенкой, как на посуде большереченского этапа, а гладкой пластиной.

Керамика этого поселка продолжает, таким образом, традиции предшествующей ей посуды большереченского этапа и, как увидим ниже, тесно связана по формам и орнаменту с посудой березовского этапа. Нет никакого сомнения, что хронологически она занимает промежуточное положение между керамикой большереченского и березовского этапов. В абсолютных датах ее можно определить временем приблизительно V—III вв. до н. э. Такое определение подтверждается и находкой трех бронзовых

наконечников стрел в пункте БЕ XV (табл. XXII, 6, 7). Их трехгранная форма и размеры характерны для скифских курганов V—III вв. до н. э.

Керамика, подобная найденной в поселке на Ближних Елбанах, на Верхней Оби известна еще в 6 пунктах: 1) ст. Алтайская I; 2) Елбаны за рекой I (близ с. Большая Речка); 3) Камышенка I; 4) указанное выше поселение близ г. Бийска у скотобойни; 5) бывш. монастырь близ г. Бийска; 6) Енисейская коммуна, близ с. Енисейского на р. Бие. Следовательно, население Верхней Оби повсеместно, от Барнаула до Бийска, перешло к новым приемам украшения посуды, что может служить надежным датирующим признаком, позволяющим выделить особую хронологическую группу памятников и тем самым установить наличие особого периода в развитии культуры верхнеобских племен — бийского этапа. Следует отметить, что подобная же керамика встречена и значительно севернее. В г. Новосибирске, на городище чатских татар XVI—XVII вв. (Чортовом городище), остатки которого находятся на ул. 9 ноября (бывш. Самарской), обнаружено 4 черепка от сосудов, подобных верхнеобским бийского этапа (хранятся в Новосибирском музее). Возможно, что, как и на большереченском этапе, вся лесостепная часть Оби была населена родственными племенами с одинаковой в основном культурой.

Так можно решать вопрос о датировке и культурной принадлежности поселка на Ближних Елбанах. Сложнее вопрос о литейной мастерской в пункте БЕ XII. Около большого кострища, где сосредоточены почти все остатки литейного производства и больше половины всего керамического материала, наблюдался весьма показательный стратиграфический разрез. Здесь, в квадратах III-11 и III-12, могилой 5 березовского этапа перерезано кострище, а могила 4 большереченского этапа перекрыта этим кострищем (табл. XX, II). Значит, слой кострища с остатками литейного производства отложился после того, как время изгладило следы могил на кладбище большереченского этапа, и до того, как здесь было устроено кладбище березовского этапа. Литейная мастерская была здесь раньше могильника березовского этапа. Могила 28 березовского этапа перерезала слой малого кострища. Значит, и малые кострища или

часть их также были древнее могильника березовского этапа. Разновременность мастерской и могильника подтверждается и тем, что в литейной мастерской изготавливали бронзовые кельты, ножи и другие орудия, а в погребениях находились только железные орудия (ножи в могилах 5, 28 и 29). И кельты, и ножи своеобразных форм, но если их сопоставить с миусинскими, то аналогии им найдутся только среди изделий, характерных для времени коллективных погребений типа Сарагашенских курганов — второй этап миусинской курганной культуры, по С. А. Теплоухову, вторая стадия тагарской культуры, по С. В. Киселеву (Киселев, 1951, табл. XXIII, 18—22; Грязнов, 1941, табл. IV). В цифрах абсолютной хронологии это время можно определить приблизительно IV—II вв. до н. э.

Вместе с тем керамика, представленная в культурном слое литейной мастерской хорошей серией мелких и крупных черепков, по которым полностью восстанавливается форма двух сосудов (табл. XXII, 8, 9), принадлежит типу керамики следующего, березовского этапа. Нет ни одного черепка, который можно было бы отнести к бийскому этапу. Однако синхронность этой керамики с остатками литейного производства, найденными в большом кестрище, не вызывает сомнения.

И это не единственный случай. Новосибирской экспедицией 1953 г. в Ирмени II найдены остатки бронзолитейного производства (обломки литейных форм для орудий, медные сплески), бронзовые орудия (нож, игла) и керамика также березовского типа, а в Мерети I такая же керамика с бронзовым ножом. Таким образом, в развитии культуры верхнеобских племен можно отметить три периода со следующей характеристикой: 1) керамика бийского типа и бронзовые орудия; 2) керамика березовского типа и бронзовые орудия; 3) керамика березовского типа и железные орудия. Относя первый период к бийскому этапу, а третий к березовскому, второй период можно пока условно рассматривать в рамках бийского этапа.

Вещевой комплекс литейной мастерской следует датировать временем более поздним, чем поселок бийского этапа на Ближних Елбанах и другие аналогичные ему памятники, но более ранним, чем могиль-

ники березовского этапа. Однако устанавливать сейчас особый этап в развитии большебереченской культуры еще преждевременно, так как материалы его недостаточны, чтобы дать конкретную характеристику этапу. Рассмотрение же литейной мастерской совместно с памятниками бийского этапа и условное отнесение к этому этапу основано на том, что в найденных в нем литейных формах изготавливались бронзовые изделия, близкие к изделиям бийского этапа (кельты, ножи, круглые стерженьки). Со временем, возможно, и удастся выделить соответствующий рассматриваемому памятнику этап. Может быть, не случайно на р. Томи в Басагдайском городище среди остатков других эпох также найдены бронзовые изделия, характерные для погребений сарагашенского типа (зеркала, фигурки зверей), и керамика, близкая к березовской на Верхней Оби («Басагдайка», 1947, табл. 10, 1—3; 11, 9, 10; 22, 1, 2, 4, и др.).

Культура

Поскольку на Ближних Елбанах исследованы только окраины да окрестности поселка бийского этапа, а в других пунктах на Верхней Оби собран подъемный материал (керамика) на местах поселений, то данных для освещения культуры бийского этапа пока имеется крайне мало и получить конкретное представление об особенностях культуры по сравнению с предшествующим и последующим периодами невозможно. Зато получен довольно обильный и выразительный материал для характеристики бронзолитейного производства, позволяющий детально осветить один из оригинальных приемов техники изготовления бронзовых орудий.

Прежде всего важно отметить, что бийский этап на Верхней Оби был еще периодом употребления бронзовых орудий, как и в степях Миусинской котловины, вплоть до III или II в. до н. э. Все основные орудия — ножи, топоры, стрелы — были бронзовыми. И несмотря на отсутствие близости месторождений меди и олова, бронзовые орудия изготавливались на месте, благодаря чему на Верхней Оби выработались свои местные формы орудий, отличные от других районов. Это отчетливо можно видеть на примере бронзовых кельтов, которые восстанавливаются по литей-

ным формам. Для Верхней Оби характерны клиновидные кельты, в поперечном сечении овальной, прямоугольной или промежуточной между этими двумя формы (табл. XXIII). Край втулки обычно обрамлен валиком. На узких гранях поверху помещается пара ушков. Орнамент обычно отсутствует.

Отливку бронзовых изделий производили, повидимому, как в самом поселке, так и за пределами его. В культурном слое поселка Елбаны за рекой I найдены обломки форм для отливки ножей, в пункте БЕ XV — для кельтов. В пункте БЕ XI, находящемся за пределами поселка, отливались бронзовые стерженьки, а в пункте БЕ XII — кельты, ножи, стерженьки и др. Плавка бронзы производилась у костра, видимо, без особых сложных теплотехнических приспособлений. Специальных долговременных мастерских не было. Даже в пункте БЕ XII, названном выше мастерской, работали сравнительно недолго и изготовили небольшое количество изделий. Как увидим ниже, для каждого отлитого предмета изготавливалась специальная форма, которая потом разбивалась и бросалась. Судя по остаткам литейных форм, здесь было отлито не многим более 30—40 предметов.

Лучше всего сохранились обломки форм для отливки кельтов. В некоторых случаях удалось собрать и склеить почти полностью половинки форм. Техника изготовления литейных форм восстанавливается так. Из дерева вырезалась модель, передающая только основную форму будущего изделия. Модель воспроизводила корпус кельта, валик по краю его втулки и как бы вставленный во втулку клин (табл. XXIII, 6). На одной из литейных форм отчетливо видны отпечатки колец мелкослойной древесины, повидимому ели, из которой была сделана модель (табл. XXIII, 1). По такой модели оттискивали две створки литейной формы (табл. XXIII, 7). Круглой палочкой на шейке формы оттискивали вертикальные каналы, служившие для заливки металла в форму (табл. XXIII, 8). По бокам вкладывались, вероятно, согнутые прутки, как показано на том же рисунке, створки формы вновь складывались и на месте вложенных прутков оттискивались полукруглые желобки для будущих ушков кельта. Получившаяся при этом деформация боковых

граней оттиска модели заглаживалась, возможно, просто пальцем. Следы такого заглаживания на некоторых формах видны. Далее изготовлялся глиняный клин (шишка), который вкладывался между створками формы так, что верхняя часть его плотно зажималась в шейке формы, а нижняя служила для образования в кельте втулки (табл. XXIII, 9). На сложенные вместе створки формы и шишку накладывалась сверху массивная воронка в виде короткого неправильного цилиндра с чашеобразным углублением наверху. На дне углубления протыкались круглым прутиком два канальца с таким расчетом, чтобы выходные их отверстия соприкасались с канальцами на шейке створок формы. Сложенные вместе, все части обмазывались затем снаружи по месту их соединения глиной. Получалась монолитная, замкнутая со всех сторон форма (табл. XXIII, 10). В таком виде ее просушивали, обжигали и заливали металлом. Для извлечения из формы готового изделия ее нужно было разбить на куски. На кострище литейной мастерской БЕ XII найдены куски от всех частей форм. Среди собранных обломков не обнаружены только части шишки. Извлечь ее из втулки кельта целиком или крупными кусками, видимо, не удавалось, а среди мелких кусочков опознать части шишки очень трудно.

Таким же способом изготовлялись формы и для других изделий, но более просто. Так, для отливки пластинчатого ножа достаточно было оттиснуть по модели две створки формы, проткнуть в них канальчик и выдавить наверху воронкообразное углубление для заливки металла, а затем обмазать снаружи форму глиной.

Подобный способ изготовления глиняных форм наблюдается впервые. Нам были известны составные глиняные формы, в которых можно было делать по несколько отливок, монолитные формы, изготовленные по восковой или сальной модели, допускавшие изготовление только одной отливки. Здесь же твердая модель допускала многократное изготовление по ней нескольких литейных форм, но каждая форма после отливки изделия уничтожалась. В предшествующее время на Ближних Елбанах применялись обычные глиняные разъемные формы, допускавшие повторные отливки в них изделий (табл. XV, 14, 15).

Разъемные формы найдены и в карасукском поселении Ирмень I ниже по р. Оби. Видимо, как и в степях северного Причерноморья, на Оби в эпоху бронзы изготавливались разъемные формы, а на блпшском этапе перешли к изготовлению монолитных форм.

БЕРЕЗОВСКИЙ ЭТАП

Третий этап большереченской культуры, березовский, был назван мною по Березовскому городищу, находящемуся на правом берегу р. Катуня в 50 км от г. Бийска (раскопки С. М. Смирнова, 1930 г., материалы в Эрмитаже). Керамика городища сходна по формам и орнаменту с керамикой березовского этапа на Ближних Елбанах, но не вполне. Теперь, после раскопок Новосибирской экспедиции ИИМК в 1952—1953 гг. на р. Ирмени, выяснилось, что керамика типа Березовского городища обладает довольно хорошо выраженным отличиями и принадлежит следующему по времени периоду развития культуры племен Верхней Оби, на Ближних Елбанах не представленному. Однако вряд ли следует сейчас менять наименование березовского этапа. Условное с самого начала, оно может таким оставаться и дальше.

Памятники

К этому, условно называемому березовским этапу на Ближних Елбанах относятся остатки второго, более позднего поселения в пункте БЕ I, могильники в пункте БЕ III и БЕ XII, одна могила в пункте БЕ VII и находки отдельных черепков в нескольких других пунктах.

Поселение в пункте БЕ I

Остатки поселения вскрыты при раскопках землянок большереченского этапа, и условия нахождения их подробно указаны выше, при описании этих землянок. Здесь остается только сделать некоторые дополнения и дать общее представление о памятниках.

Керамика березовского этапа встречалась по всей исследованной площади поселения. Только в западной части северо-западной дюны, в районе расположения землянки 3 (табл. VII), она обнаружена в ничтожном количестве. Поселок березов-

ского этапа занимает, следовательно, меньшую площадь, чем более древний поселок большереченского этапа. Основная масса керамики найдена в заполнении землянок большереченского этапа. Это и понятно. Разного рода отбросы на месте поселка скапливались в имевшихся на его площади углублениях. В нижних слоях заполнения землянок (в слое первичного заполнения и в обвале кровли) находилось незначительное количество мелких черепков. Верхние слои, залегающие выше обвала кровли, были насыщены керамикой березовского этапа, представленной как мелкими, так и крупными фрагментами. В период существования здесь поселка березовского этапа на месте старых землянок были еще довольно глубокие ямы, и в это время они стали более интенсивно заполняться.

В некоторых случаях на месте старых землянок выкапывались для разной надобности ямы. В землянке 1 на дне такой ямы лежала опрокинутая вверх дном корчага (табл. XXV, 6). Два небольших по площади скопления черепков в той же землянке также находились, повидимому, в ямах. В землянке 2 на слое, образовавшемся из обвала кровли, и частично в нем, на площади в 2—3 кв. м, обнаружено большое количество черепков, около 80% всей керамики березовского этапа, собранной при раскопках этой землянки. Здесь также, повидимому, была неглубокая яма, вырытая жителями поселка березовского этапа. В другом месте, в том же слое, найдена половина горшка (табл. XXV, 3), а выше, в слое вторичного заполнения, небольшая чашка.

В верхних слоях заполнения землянок, кроме обломков глиняной посуды, находились в сравнительно небольшом количестве обломки костей животных и различных костяных и других предметов. Однако присутствие в этих слоях также и керамики большереченского этапа, хотя и в незначительном числе, не позволяет все находки этих слоев относить к остаткам поселка березовского этапа. Сейчас пока вообще не представляется возможным с полной достоверностью отнести какой-либо предмет из верхних слоев к березовскому этапу. Все находки из заполнения землянок рассмотрены выше, при описании землянок. Там же дано и количественное

соотношение керамических остатков большереченского и березовского этапов.

Удалось обнаружить только одну землянку березовского этапа, сооруженную на месте бывшей здесь землянки большереченского этапа. Находившаяся в разрезе при зачистке обнажения дюны вдоль юго-восточного выдува землянка 5 отличалась от других необычным расположением наслоений в ее заполнении и заметным преобладанием в нижних слоях крупных фрагментов посуды березовского этапа. Для выяснения стратиграфии произведена небольшая раскопка вдоль обнажения общей площадью около 20 кв. м. На вскрытой площади землянка большереченского этапа с обычным характером наслоений и составом вещевых материалов сохранилась только в северо-восточной части с хорошо просматриваемой стеной (табл. XXV, I). Остальная, большая часть ее уничтожена землянкой березовского этапа, вырытой на 15—20 см глубже; довольно ровный пол ее находился на глубине 80—85 см от поверхности почвы (табл. XXV, II). Прямо на полу залегал слой темнотумесчаного песка толщиной 10—15 см — обвал кровли. Над ним местами прерывающийся слой серого песка толщиной до 20 см. Выше почвенный слой. В заполнении этой землянки керамика большереченского этапа представлена незначительным количеством мелких черепков. Основную массу находок составляют черепки, крупные фрагменты и целые сосуды березовского этапа (табл. XXV, 5), находившиеся главным образом на полу землянки и в нижнем темном слое.

О форме и размерах землянки судить трудно. Две стены ее, прослеженные с юго-западной и северо-восточной сторон на небольшом протяжении, не определяют форму землянки. Ширина ее не более 10 м и не менее 7 м. В северо-восточном углу ее находился очаг площадью около 1 кв. м. Поверх очага лежала разбитая корчага.

В двух метрах к югу от первого — второй очаг, несколько меньших размеров. В полу вырыто 5 ям разных размеров глубиной от 20 до 60 см; одна из них под первым очагом. На полу находились угольки и в двух местах куски обугленного дерева длиной до 50 см. Возможно, что землянка сгорела. Этим, вероятно, и объясняется отсутствие слоя первичного заполнения, обычного в других землянках, и залегание

темного слоя, образовавшегося из рухнувшей кровли, прямо на полу. Кроме обломков посуды, в землянке найдено небольшое количество костей животных, а также 2 костяных острия, обломок кости со следами обработки и другой с круглым просверленным отверстием, 2 подвески из клыков хищника, несколько камешков (галек и осколков) со следами употребления их в работе.

Могильник БЕ III

Расположен на крайней дюне в северо-восточном конце гряды. Основная часть могильника уничтожена глубоким выдувом (табл. XXVI, I, II). На юго-восточном склоне дюны раскопками вскрыто 5 могил (табл. XXVI, III). Возможно, что столько же или даже больше их сохранилось на северо-западном склоне. Собранные на поверхности выдува черепки, из которых удалось восстановить полный сосуд (табл. XXIX, 12), происходят, очевидно, из развеевного ветрами погребения березовского этапа.

М о г и л а 2 (табл. XXVIII, 1—3). Обнаружена по торчавшим в обрыве остаткам гнилого дерева. Трапезовидная яма, 170×80 см, глубиной 115 см. На дне сруб из толстых плах или брусьев, покрытый шпирками поперечными досками. Поверх сруба могила заложена несколькими рядами продольных бревен. Могильное сооружение сохранилось полностью неповрежденным, только истлевшее дерево сильно спрессовалось и досчатое покрытие прогнулось в средней части. В могиле погребены кости (не труп) мужчины 30—40 лет, уложенные в близком к анатомическому положении. При относительно хорошей сохранности костей отсутствуют все ребра и позвонки и часть крупных костей, например обе плечевые. В черепе сохранилось только 5 зубов. Остальные потеряны, хотя альвеолы совершенно целы. Положение костей таково: череп, под ним отдельно нижняя челюсть, слева в двух обломках лучевая кость, справа локтевая, около челюсти 8 костей от кисти руки, затем лопатка, далее крестцовая и две тазовые, за ними две бедренные и, наконец, две большие берцовые. Останкам умершего придано положение головой на ЮЗЗ. Кроме костей, найдены железный нож и в двух обломках другой железный предмет.

Могила 3 (табл. XXVIII, 5—7). Прямоугольная яма, 195×70 см, глубиной 165 см. Сруб и покрытие такие же, как и в предыдущей могиле. Над срубом яма длиннее на 20 см. Несколько рядов продольных бревен уложено концами на выступы целика. Скелет мужчiny 40—60 лет, на спине, головой на ЮЗ. Слева от черепа, в углу, крестец и 5 поясничных позвонков барана, а также железный нож. Справа, в другом углу, небольшой кувшин (табл. XXIX, 10). Слева в ногах большой кувшин (табл. XXIX, 9). Около правого бедра роговая пронызка (табл. XXVI, 2) и железная обоймица.

Могила 5. Прямоугольная яма, 180×60 см, глубиной 150 см. Такой же сруб и бревенчатое заполнение, как и в предыдущих могилах, только поперечные плахи, покрывающие сруб, проследить не удалось. Скелет взрослой женщины на спине, головой на ЮЗ. Справа от черепа крестец барана и рядом с ним железный нож (табл. XXVI, 13).

Могила 13 (табл. XXVIII, 4). Прямоугольная яма, 170×100 см, глубиной 150 см. Сруб покрыт рядом поперечных бревен, а затем несколькими рядами продольных. Скелеты двух юношей на спине, головой на ЮЮЗ. При правом скелете (восточном) находились: за черепом крестец и позвонки молодого барашка и с ними железный нож; справа у черепа кувшин (табл. XXIX, 8); между грудной клеткой и правой плечевой костью костяной наконечник стрелы (табл. XXVI, 7); справа у пояса железная пряжка; между бедрами железные выпуклая бляха, обойма и стержень (табл. XXVI, 10, 11) и костяной стержень; справа у колена железный крюк (табл. XXVI, 9); около левой кисти каменная бусина (табл. XXVI, 6); около левого предплечья костяные пряжка-блок и пластинка (табл. XXVI, 5, 8). При левом (западном) скелете найдены: за черепом крестец и поясничные позвонки молодого барашка и с ними железный нож (табл. XXVI, 12); под черепом бронзовая серьга (табл. XXVI, 4); на тазовой кости второй железный нож; слева в ногах кувшин (табл. XXIX, 3).

Могила 14. Прямоугольная яма, 220×70 см, глубиной 145 см. Сруб в 4 звена из тонких бревен покрыт поперечными досками. Бревенчатой закладки ямы нет. Скелет взрослого человека, судя по вещам, женщины, на спине, головой на СЗЗ. Справа

у черепа крестец и поясничные позвонки молодого барашка и с ними железный нож. Там же глиняный кувшин, а слева в ногах небольшой горшочек (табл. XXIX, 2, 6). В изголовье железный стержень. Слева у черепа бронзовая серьга (табл. XXVI, 3). Около левой голени глиняное пряслице (табл. XXVI, 1). У левого запястья остатки какого-то железного предмета.

Все пять могил единообразны по устройству и обряду погребения. Ямы длиной 170—220 см, шириной 60—80 см (в одном случае 100 см для двух погребенных), глубиной 115—165 см. Во всех могилах имелся сруб в 2—4 звена, покрытый поперечными досками или бревнами (кроме могилы 5) и сверху заваленный несколькими рядами продольных бревен (кроме могилы 14). Каждому погребенному около головы было положено два куса барана: курдюк (крестец и хвостовые позвонки) и филе (поясничные позвонки) и с ними нож. В одном случае имелся второй нож — на пояс. У головы же обычно ставился небольшой кувшинчик, а в ногах — такой же кувшинчик, большой кувшин или небольшой горшочек. Оружие только в одной могиле — наконечник стрелы и, повидному, крюк от колчана. Во всех могилах, кроме одной, находились какие-то неопределенные орудия, железные и костяные. В женском погребении встречено глиняное пряслице. Украшения немногочисленны: у одной женщины в левом ухе — бронзовая серьга, у юноши — серьга и бусинка.

Могилики БЕ XII

Расположен в противоположном конце гряды, на маленькой дюне. Раскопан полностью (табл. XX). Обнаружено 7 могил березовского этапа среди других, более ранних (большереченского этапа) и поздних (одинцовского и переходного этапов).

Могила 3 (табл. XXX). Прямоугольная яма, 190×75 см, глубиной 165 см. Сруб из тонких бревен, высотой 60 см, покрытый досками, частью поперечными, частью продольными, посередине прогнутыми и не сохранившимися. Скелет юноши 16—18 лет, на спине, головой на ЮЗ. У головы справа горшочек (табл. XXIX, 5). У правого локтя каменный кружок (табл. XXX, 6).

На костях таза роговая застежка (табл. XXX, 4). У левого предплечья костяная пластинка (табл. XXX, 3). В заполнении ямы всюду попадались обломки костей и предметы из могилы 2 большереченского этапа, разрушенной наполовину при сооружении описываемой могилы. Один позвонок из могилы 2, обе половинки нижней челюсти и костяной гребешок лежали почти прямо на костях погребенного в могиле 3.

Могила 5. Прямоугольная яма, 210×60 см, глубиной 105 см. Вдоль северо-западной стенки — остатки бревна от сруба (?). Скелет женщины примерно 60 лет, на спине, головой на ЮЗ. Слева у головы крестец и хвостовые позвонки молодого барашка и с ними железный нож. Около левой кисти каменное блюдо (курильница ?) и глиняное пряслице (табл. XXX, 8, 1).

Могила 21. Яма размером 160×60 см, глубиной 130 см. Ориентировка ЮЗЗ—СВЗ. Остатки сруба с покрытием из поперечных досок или бревен. Скелет человека юношеского возраста (пол ?), на спине, головой на ЮЗЗ. Около черепа крестец и позвонки барана. Вещей нет.

Могила 24 (табл. XXX). Прямоугольная яма, 170×90 см, глубиной 115 см. На высоте 40 см от дна покрытие из поперечных досок толщиной 2—3 см, посередине прогнувшееся и опустившееся вниз на 25 см. Поверх досок остатки бересты и вдоль южного края продольные дощечки или жердочки. Скелет женщины 60 или более лет, на спине, головой на ЮЗЗ. Слева против черепа крестец и хвостовые позвонки молодого барашка, у самого черепа бронзовая серьга (табл. XXX, 7). Справа у черепа же глиняное пряслице (табл. XXX, 2). Справа у голени кувшин (табл. XXIX, 1).

Могила 26. Расположена по склону дюны. Яма не прослежена. На глубине 105—60 см остатки сруба в 3 венца, шириной 65 см. Покрытие из 8 продольных бревнышек. Размеры его 240×90 см. Скелет мужчины 40—60 лет, на спине, головой на ЮЗ. Около левого плеча 8 позвонков барана. Вещей нет.

Могила 28. Прямоугольная яма, 200×80 см, глубиной 140 см. Остатки сруба — бревна нижнего венца и древесный тлен от верхних. Покрытие не сохранилось. Скелет женщины 60 лет, на спине, головой на ЮЗ. Справа от черепа 2 бараньих позвонка и железный нож.

Могила 29 (табл. XXX). Прямоугольная яма, 180×70 см, глубиной 120 см. Сруб в два венца — первый из досок сечением 23×2 см, второй из тонких бревен. Покрытие из поперечных досок. Скелет мужчины 40—60 лет, на спине, головой на ЮЮЗ. Около правого плеча железный нож и хвостовой позвонок барана. Два других позвонка между кистью и тазом. На шее бронзовая гривна (табл. XXX, 5). Около правой голени кувшин (табл. XXIX, 11).

И в этом могильнике, как и в предыдущем, все могилы единообразны по устройству и обряду, но в некоторых деталях отличны от могил в пункте БЕ III. Ямы таких же размеров — 170—200 см длиной, 60—90 см шириной, 105—165 см глубиной, такие же срубы с таким же покрытием, только в одном случае покрытие было из продольных бревен (могила 26.) В отличие от погребений в БЕ III ни в одном случае сруб не заложен сверху рядами бревен. Таков же состав вещей умершего и их положение в могиле. Только бараньего мяса в могилу клали не два куска, а один: либо курдюк (могилы 5, 24, 29), либо филе (могилы 26, 28). Интересна находка бронзовой гривны в мужском погребении и каменного блюда в женском.

Погребение в пункте БЕ VII

Среди могил большого кладбища большереченского и фоминского этапов и нескольких погребений других эпох встречена одна могила березовского этапа, частично поврежденная могилой 4, относящейся к началу II тысячелетия н. э.

Могила 3 (табл. XXVI, IV). Прямоугольная яма, 180×60 см, глубиной 80 см. Вдоль стен прослеживается древесный тлен на высоту до 25 см от дна — остатки сруба. Скелет мужчины 20—40 лет, на спине, головой на ЮЗ. Юго-западная часть погребения повреждена могилой 4, срезавшей часть черепа и кости в области левого плеча. Черепная крышка, ключица и лопатка найдены в разных местах заполнения могилы 4. Там же обнаружен и глиняный кувшин (табл. XXIX, 4), первоначально находившийся, повидимому, около черепа погребенного. Около кисти правой руки найдены 3 плохо сохранившихся костяных наконечника стрел.

Датировка

Место поселения березовского этапа БЕ I в относительной хронологии памятников на Верхней Оби определяется прежде всего по керамике. Глиняная посуда сохраняет все прежние формы, но отличается от керамики предшествующих двух хронологических типов. большебереченского и бийского, округлым профилем края венчика и очень скромным орнаментом. Основная масса сосудов украшена одним рядом бугорков вдоль края венчика или бугорков, чередующихся с круглыми или овальными ямками и в редких случаях с черточками. Типологически эту керамику следует рассматривать как результат дальнейшего развития керамики бийского этапа. Как уже указывалось выше, такая керамика на месте литейного производства в пункте БЕ XII, в Ирменн II и на поселении Мереть I сочетается с бронзовыми орудиями, характерными еще для бийского этапа. Стратиграфически культурный слой с керамикой березовского этапа относится к значительно более позднему времени, чем землянки большебереченского этапа, так как отложился он тогда, когда ямы на месте землянок уже в значительной мере заплыли и приобрели форму углублений с пологими склонами.

Все это позволяет относить верхний слой поселения БЕ I к последнему этапу развития большебереченской культуры.

Относимые к этому же этапу могильники могут показаться хронологически не соответствующими поселению, так как керамика могильников и керамика поселения — единственный сопоставимый материал — на первый взгляд кажутся совершенно различными: для поселения характерны горшки баночной формы и чашки с выпуклым дном, а для могильников — кувшины. И орнамент их различен. Однако в могильниках найдены два горшка (табл. XXIX, 5, 12) такой же формы и орнамента, как и на поселении. Найдена и чашка обычной для поселения формы (табл. XXIX, 6). Один из кувшинов, обнаруженный в могильнике (табл. XXIX, 4), украшен обычным для посуды на поселении орнаментом. И на поселении найден один кувшинообразный сосуд, по орнаменту подобный предыдущему кувшину из могильника (табл. XXV, 2).

Новым в керамике березовского этапа является то, что находимые в могилах кувшины часто имеют пару отверстий на горлышке для подвешивания их на шнурке. Это дорожная посуда, с узким горлом, чтобы содержимое в ней не расплескивалось, с приспособлением для ношения. Очевидно, снаряжая умерших в предполагаемый загробный путь, пищу им давали в дорожных сосудах. Понятно и отсутствие обломков такой дорожной посуды на месте поселения. Ведь это посуда, употреблявшаяся для ношения в ней пищи при уходе из дома на какие-либо хозяйственные работы, она, следовательно, могла разбиваться и выбрасываться, очевидно, где-то в пути, за пределами поселка. В поселке же она разбивалась в редких, исключительных случаях, и один такой случай нами отмечен.

Таким образом, глиняная посуда в культурном слое поселения и в могильниках принадлежит одному керамическому типу. Разница заключается лишь в том, что в могилах находятся преимущественно сосуды, которые предназначались покойнику на дорогу в «загробный мир», а такие сосуды, как правило, в культурный слой поселения не попадали.

В погребениях полностью отсутствуют бронзовые орудия. Все ножи и какие-то другие плохо сохранившиеся орудия — железные. Они принадлежат ранним формам, воспроизводящим формы бронзовых ножей. Это пластинчатые ножи, цельнометаллические, без деревянной рукоятки. Рукоятка их на конце слегка расширена или заканчивается кольцом (табл. XXVI, 12, 13), подобно рукояткам бронзовых ножей бийского этапа, изготовлявшихся в литейной мастерской на дне БЕ XII (табл. XXIV, 5, 6). Значит, и ножи указывают на принадлежность могильников ко времени, непосредственно следующему за бийским этапом. На Алтае подобные формы железных ножей характерны для курганов шибинского этапа (Яконур, малые курганы Катанды), на Енисее — для поздних коллективных погребений (Тесинский курган Аспелина, Кызыл-Куль).

Стратиграфические наблюдения также позволяют сделать некоторые заключения. На поселении керамика березовского этапа во всех случаях залегает в верхних слоях заполнения землянок, как это подробно

рассмотрено при описании землянок, а землянка 5 большереченского этапа в значительной своей части уничтожена более глубоко вырытой землянкой березовского этапа. Погребениями березовского этапа в пункте БЕ XII (могилы 3 и 5) перерезаны кострище литейной мастерской бийского этапа и перекрыты им погребения большереченского этапа. Наконец, погребение березовского этапа в пункте БЕ III (могила 2) перекрыто могилой переходного этапа верхнеобской культуры (табл. XXVII). Все это указывает на принадлежность памятников березовского этапа ко времени, следующему за бийским этапом и предшествующему переходному. В абсолютных датах время это следует определить II—I вв. до н. э.

Памятники, аналогичные исследованным на Ближних Елбанах, встречены в разных пунктах на Верхней Оби. Керамика найдена на развесаемых ветрами поселениях: Енисейская коммуна I (близ с. Енисейского), Вихоревский перевоз (на левом берегу р. Бии близ г. Бийска), Вяткина и Клешикова. В районе Томска она встречена, как уже отмечено выше, в Басаидайском городище. Могильники с такими же кувшинами, как на Ближних Елбанах, и с таким же и основным обрядом погребения, но более сложным и с более разнообразным и богатым инвентарем, исследованы в 4 пунктах: Бийск I, Сrostки II, Быстринское. Клешикова. Отсюда следует, что поселение и могильники на Ближних Елбанах не единичны, что они принадлежат к широко распространенному на Верхней Оби типу памятников и характеризуют собой особый этап в развитии большереченской культуры.

Культура

Материалы для характеристики культуры березовского этапа у обитателей Ближних Елбанов не так обильны, как для большереченского этапа, поэтому трудно сейчас указать, какие конкретно изменения произошли в хозяйстве и быте населения Верхней Оби за время от VII—VI по II—I вв. до н. э. Во всяком случае, имеющиеся памятники пока не указывают на наличие каких-либо существенных изменений в хозяйстве и быте населения. Можно предполагать, что в основном хозяйство попрежнему оставалось комплексным: скотоводство и земледелие, которые сочетались

с рыболовством и охотой. Население попрежнему жило оседло в поселках с просторными землянками, вероятно прежнего устройства. На сохранение прежних форм домашнего быта указывает удивительное единообразие глиняной посуды, оставшейся неизменной по типу в течение всего периода существования большереченской культуры. Несколько изменялась лишь орнаментация. Однако за все это время ничего существенного, принципиально нового в украшении посуды не наблюдается.

На первый взгляд может показаться, что на березовском этапе все же возникла и новая форма сосудов — кувшины с приспособлением для их ношения. Можно подумать, что потребность в таких кувшинах появилась в связи с какими-то новыми потребностями в хозяйстве или новыми особенностями быта. Однако это не так. Новым здесь является только обычай снабжать умершего пищей не в обычных домашних горшках, а в дорожной посуде, в кувшинах с ременной ручкой, которые в культурном слое поселений, как указано выше, не находятся, но которые, повидимому, давно уже прочно вошли в быт. В этом отношении интересна находка в почвенном слое между могилами большереченского этапа в пункте БЕ VII горшковидного кувшина несколько необычного типа с парой отверстий у венчика для ременной ручки (табл. XIX, 31). Не исключена возможность, что этот кувшин связан с кладбищем большереченского этапа, но, вероятнее, он попал сюда при каких-то случайных обстоятельствах значительно раньше. По орнаменту его следует отнести к карасукской культуре или даже к алакульскому этапу андроновской культуры (ср.: Сальников, 1952, рис. 9, 12, 10, 5; ОАК за 1913—1915 гг., рис. 241), когда подобные сосуды были, повидимому, широко распространены. Три таких горшковидных кувшина с отверстиями для ременной ручки были найдены в 1954 г. Хорезмской экспедицией, руководимой С. П. Толстовым, в могильнике Кокча 3, который следует датировать алакульским этапом андроновской культуры. Надо полагать, что кувшины с ременной ручкой в степях Казахстана и южной Сибири были широко распространены еще с эпохи бронзы, но они редко попадают в руки археологов и, как правило, остаются нам неизвестными.

Если в хозяйстве и быту для березовского этапа при современном состоянии материала трудно отметить какой-либо прогресс культуры, то в технике наблюдается одно весьма существенное достижение. Население Верхней Оби перешло полностью от бронзовых орудий к железным. Да и не только орудия стали делать из железа. Оно широко вошло в быт. Из него стали делать и такие вещи, как обоймы для ремня (табл. XXVI, 11), крюк для подвешивания колчана (табл. XXVI, 9) и др. Переход к употреблению железных орудий совершился не внезапно. Как отмечено выше, населению Верхней Оби железо было известно еще на большереченском этапе, но тогда оно употреблялось как редкий, ценный материал, повидимому, не местного производства (украшение в виде железной пластинки, найденное под черепом в погребении БЕ VII, могила 76). На бийском этапе еще изготавливались в большом количестве бронзовые изделия, но, как и в Горном Алтае, железные орудия и оружие уже все чаще и чаще заменяли собой бронзовые. В раскопанных С. М. Сергеевым в 1930 г. курганах близ с. Быстрянского, которые следует относить к бийскому этапу, наряду с бронзовыми наконечниками стрел и удилами встречены железные ножи, кинжал и чекан. Возможно, что железные изделия бийского этапа на Верхней Оби были уже, хотя бы и частично, местного изготовления. На березовском же этапе железо применялось в изобилии и полностью заменило собой бронзу в таких изделиях, как орудия труда и оружие, конские удила и проч.

Материалы могильников березовского этапа свидетельствуют о заметном повыше-

нии благосостояния населения Верхней Оби. Теперь умерших стали хоронить в глубоких могилах с прочным срубом, часто заложённым сверху до краев ямы несколькими рядами бревен. Каждый раз при похоронах совершалась обильная тризна, для чего резался баран и лучший кусок мяса — всегда курдюк и прилегающая к нему часть туши — давался умершему на предстоящий ему путь в «загробный мир». Вместе с мясом клали и железный нож, даже в тех случаях, когда на поясе нож уже имелся (БЕ III, могила 13). Вообще умершие снабжались большим количеством различных вещей, наряд их был более богат разными украшениями. В районах, тесно связанных со степью, мужчин часто хоронили, как и на Алтае, с верховым конем (могильники Бийск I и II, Сростки II).

Большая обеспеченность основной массы населения объясняется, повидимому, каким-то существенным изменением в отношениях между степными кочевниками и оседлым населением лесостепной долины р. Оби. Надо полагать, что от хищнического разорения оседлых лесостепных племен Верхней Оби кочевники перешли к какой-то более выгодной для них системе отношений. Трудно сейчас решить, на чем строились эти отношения, но они привели к тому, что оседлое пастушеско-земледельческое население было, повидимому, избавлено от систематически разрушавших их экономику грабительских набегов кочевников и получило возможность в более спокойной обстановке вести свое хозяйство и пмечь какой-то, хотя бы и ограниченный, но более или менее постоянный минимум своей экономической обеспеченности.

Глава V

ВЕРХНЕОБСКАЯ КУЛЬТУРА

Вся первая половина I тысячелетия н. э. до последнего времени была белым пятном в истории древних племен Верхней Оби и вообще Алтайского края. Здесь не было известно ни одного достоверного памятника, который можно было бы датировать временем между I и VI—VII вв. Поэтому открытие на Ближних Елбанах целой серии памятников II—VIII вв. заполняет существенный пробел и дает возможность осветить в основных чертах историю древних племен Верхней Оби на протяжении всего I тысячелетия. Открытие ряда археологических комплексов в пределах одного древнего населенного пункта позволяет более прочно установить их хронологическую последовательность. Привлекая к этому другие, ранее известные памятники ближайших районов, из-за их малочисленности, отрывочности и не всегда достаточной выразительности оставшиеся неиспользованными, можно уже сейчас составить некоторое представление о характере расселения древних племен Верхней Оби в отдельные периоды их исторического развития и о связях их культуры с культурой народов и племен других районов.

При этом выясняется, что II—III вв. являются переломным моментом в истории древних племен Верхней Оби. На протяжении всего I тысячелетия до н. э. можно наблюдать последовательное развитие культуры одной и той же этнической группы. Начиная с карасукской эпохи, различные элементы материальной культуры верхнеобских племен в каждый отдельный отрезок времени имели некоторые отличия от форм

предыдущего периода, но являлись их дальнейшим развитием, продолжением местных культурных традиций.

Начиная примерно со II в. н. э. весь внешний облик археологических памятников на Верхней Оби резко изменился, появилась и начала развиваться новая культура, принесенная сюда извне. Памятники культуры этого периода весьма своеобразны и четко отличаются от памятников соседних областей (Горного Алтая и степей Минусинской котловины), что дает повод выделить их в особую группу и присвоить представленной ими культуре мною предложенное (Грязнов, 1951, стр. 112) особое наименование — верхнеобская культура.

По материалам, полученным раскопками на Ближних Елбанах, можно выделить три хронологические группы памятников верхнеобской культуры, соответствующие трем последовательным этапам ее развития. Дать названия этим этапам по имени наиболее выразительных для них памятников оказалось затруднительным, так как все основные памятники этих трех этапов исследованы только в одном географическом пункте — на Ближних Елбанах. Пришлось поэтому двум этапам присвоить имя первых по времени открытия памятников — одинцовского и фоминского могильников, хотя они и не относятся к числу ярких и выразительных примеров, а один этап условно назвать переходным. Таким образом, последовательные этапы развития верхнеобской культуры получили наименование одинцовского, переходного и фоминского.

ОДИНЦОВСКИЙ ЭТАП

Первый этап верхнеобской культуры, одинцовский, с которого начинается новая линия в развитии культуры древних племен на Верхней Оби, знаменует собой появление здесь многих форм предметов и отчасти обычаев, распространенных как в среде северных лесных племен того времени, так и южных степных. Это было время интенсивных широких межплеменных связей и значительных перемещений народных масс на обширных территориях нашей страны. В связи с этим изучение памятников одинцовского этапа на Оби приобретает особый интерес и представляет наибольшие трудности. Для более обоснованного и правильного решения вопросов происхождения верхнеобской культуры, ее связей с другими культурами необходим обширный археологический материал. Имеющиеся памятники, конечно, еще недостаточны для этого, но они дают материал для постановки некоторых из этих вопросов и первых предварительных возможных их решений.

Памятники

В двух пунктах на Ближних Елбанах открыты могильники одинцовского этапа — на дюнах БЕ XII и БЕ XIV. В обоих случаях это грунтовые могильники без внешних признаков могил на поверхности дюн. Они устроены на местах, до этого неоднократно бывших кладбищами в более древние периоды, а также использованных затем для той же цели и в более поздние эпохи.

Могильник в пункте БЕ XII

Могильник расположен на отдельно стоящей дюне в юго-западной части Ближних Елбанов. Небольшая по площади дюна до устройства здесь кладбища одинцовского этапа уже трижды была кладбищем в более древние периоды и в четвертый по счету период была местом для бронзолитейного производства. Здесь было кладбище и в послеодинцовское время. Это обстоятельство затрудняет хронологическое определение отдельных предметов, находящихся в почвенном слое могильника, но выделение из остальной массы погребений могил одинцовского этапа с их характерным инвентарем затруднений не вызывает. На полностью исследованной пло-

щадке дюны открыто 7 погребений одинцовского этапа. Все они находились в юго-западной половине дюны, располагаясь равномерно по ее слабо выпуклой поверхности (табл. XX).

М о г и л а 17. Детское погребение. Яма не прослежена. На глубине 80 см — череп ребенка 5—6 лет, теменем на ССВ. К востоку от него — глиняный горшочек (табл. XXXI, 1).

М о г и л а 18 (табл. XXXI). Частично разрушена окомом. Яма не прослежена. На глубине 40—45 см покрытие из 9 продольных жердочек, сохранившихся на площади 100×50 см (первоначальная длина покрытия 150—160 см). На глубине 50 см скелет мужчины преклонного возраста (свыше 40 лет), на спине, головой на ССВ. Половина грудной клетки, плечевой пояс и череп потревожены окомом. Сохранилось в беспорядке лишь несколько обломков черепа и ребер. Вдоль левой руки железный меч (табл. XXXVIII, 1) острием к ногам; около его рукояти железная пряжка (табл. XXXII, 12); в области живота 2 железные пряжки (табл. XXXII, 10, 11); на левом бедре костяной и железный наконечники стрел и галька, лежащие попеременно бедра (табл. XXXII, 9); рядом с бедром железный нож с железной обоймой от ножен (табл. XXXII, 1), острием к ногам; у правого локтя — 7 костяных наконечников стрел (табл. XXXII, 3—8) остриями к голове; у левого предплечья железный крюк от колчана (табл. XXXII, 2).

М о г и л а 19 (табл. XXXI). В почвенном слое на глубине 25 см скелет мужчины старше 40 лет, на спине, головой на ССВ. Череп искусственно деформирован. Слева у головы глиняный горшочек (табл. XXXI, 2); под левой кистью железный нож; у правой тазовой кости железная пряжка.

М о г и л а 22 (табл. XXXI). Яма неправильной формы, 160×70 см, глубиной 95 см. У дна ямы, вдоль трех ее стенок, прослеживаются пятна древесного тлена — остатки бревен или досок. Скелет мужчины 40—60 лет, на спине, головой на СВ. Слева у черепа горшок (табл. XXXI, 6); около левого локтя три костяных наконечника стрел, лежащие пачкой, острием к голове; на правом бедре каменный оселок (табл. XXXIII, 1); между бедрами у таза железный нож; на левом бедре железная пряжка. Над горшком обломок трубчатой

кости животного; рядом с горшком другой обломок, возможно, плохо сохранившееся изделие. Около черепа небольшой кусочек бересты.

Могила 32. Яма не прослежена. На глубине 80 см лежал скелет женщины 40—60 лет, на спине, головой на СВВ. Череп искусственно деформирован. По сторонам скелета обнаружены пятна древесного тлена, ограничивающие пространство в 80 см шириной, — следы бревен или досок. Справа от черепа горшок (табл. XXXI, 8).

Могила 33 (табл. XXXI). Прямоугольная яма, 155×60 см, глубиной 35 см. Скелет юноши 15 лет, на спине, головой на СВВ. Обвал края предшествующего раскопа разрушил часть погребения. Вместо с грунтом обвалились кости правой руки ниже локтя и всей правой ноги, а также 5 костяных наконечников стрел (табл. XXXIII, 2—6). Около левого локтя железная пряжка, другая — на крестце (табл. XXXIII, 8, 9); слева между кистью и тазом — два кремешка с куском железа (огниво), костяной наконечник стрелы (табл. XXXIII, 7) и остатки неопределенного железного предмета; на поясничных позвонках железный нож с обоймами и цепочкой от ножен, заканчивающейся кольцом; справа около нижних ребер найдены железный крюк от колчана и железные пластинки — обойма верхнего края колчана.

Могила 34 (табл. XXXI). В почвенном слое на глубине 25 см скелет мужчины 40—60 лет, на спине, головой на СВВ. Череп и кости обеих голеней не сохранились. На шейных позвонках две аргиллитовые и одна янтарная бусины (табл. XXXII, 17—19); под левой плечевой костью 3 костяных наконечника стрел (табл. XXXII, 10); слева у поясничных позвонков бронзовая пряжка (табл. XXXII, 21); слева между тазом и предплечьем железный нож с обоймами и цепочкой от ножен (табл. XXXII, 22); под левой подвздошной костью бронзовая полусферическая бляшка (табл. XXXII, 20); между головками бедренных костей железная пряжка (табл. XXXII, 16).

Вскрытые 7 погребений однородны по обряду и инвентарю. Могилы устроены в ямах глубиной 80—95 см (могилы 17, 22, 32) или в незначительных углублениях 35—50 см глубиной (могилы 18, 33), или на по-

верхности земли. Остатки последних погребались со временем в почвенный слой на глубину до 25 см (могилы 19, 34). Они были, очевидно, защищены каким-нибудь сооружением вроде небольшого сруба, истлевшим и не оставившим после себя следа, но сохранившим погребение от растаскивания его зверями.

В некоторых могилах имеются следы крепления стен бревнами или досками (могилы 22 и 32), остатки берестяной подстилки (могила 22) и покрытия из тонких жердей (могила 18).

В пяти могилах погребены мужчины, в одной женщина и в одной ребенок. Все на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на СВ, с некоторыми отклонениями на С или В.

Обычно в каждой могиле около головы погребенного находится небольшой горшок. Только в одном случае горшка не было (могила 33). Не было горшков и в могилах 18 и 34, но головная часть этих могил разрушена, очевидно поэтому горшки в них и не сохранились.

От одежды в могилах сохранились пряжки, бусы и бронзовая бляшка. Пряжки находятся в области живота по одной (могилы 19 и 22) или по две (могилы 18, 33, 34). В последнем случае одна, очевидно, от нижней одежды, другая от верхней. В одном мужском погребении было три пряжки — две на поясе, одна на левом плече (могила 18). В одном, тоже мужском погребении найдены три бусины на шее и бронзовая бляшка у таза (могила 34).

Во всех мужских погребениях в области живота (у пояса) находился нож, обычно с железными обоймами от ножен и цепочкой для подвешивания к поясу. У пояса же в одном мужском погребении лежал каменный оселок (могила 22), а в другом огниво — два кусочка кремня и железная пластинка (могила 33).

Наконец, во все мужские погребения, кроме одного (могила 19), было положено оружие. Это прежде всего лук (?) и стрелы. Судя по сохранившимся остаткам, во всех могилах находился колчан с 3—7 стрелами. Колчан положен всегда устьем к голове погребенного. Стрелы в нем лежали остриями вверх. От колчана сохранились крюки для подвешивания его к поясу (могилы 18 и 33) и в одном случае железные пластинки, служившие обрамлением его отвер-

ствия (могила 33). Стрелы были все с костяными наконечниками. Отдельные наконечники стрел находились и в других местах могилы. Остатки луков не обнаружены. Надо полагать, что они не имели роговых частей, почему и не сохранились. В могилу 18, кроме колчана со стрелами, был положен еще и железный меч.

Как увидим ниже, на могильниках всех этапов верхнеобской культуры наблюдались следы намогильных тризн. Сохранились они и около могил одиноцкого этапа в пункте БЕ XII. Однако выделение их из общей массы других культурных остатков в почвенном слое этого могильника представляет некоторые затруднения. Здесь, как уже отмечалось в предыдущей главе, много остатков литейной мастерской. Кроме того, здесь же находился могильник следующего этапа, переходного, и несомненно часть остатков намогильных тризн принадлежит этому более позднему могильнику. Более уверенно можно отделить предметы одиноцкого этапа от ранних, связанных с литейной мастерской. Остатки же одиноцкого и переходного этапов, кроме единичных случаев, пока не поддаются разделению. Трудно расчленивать даже керамику, так как сосуды одиноцкого и переходного этапов, рассматриваемые вне комплекса, особенно небольшие фрагменты их, трудно различимы. Поэтому те предметы, которые могут быть выделены как остатки намогильных тризн на дюне БЕ XII, относятся частью к одиноцкому этапу, частью к переходному, четыре погребения которого расположены вдоль северо-западного края могильника.

Керамика одиноцкого и переходного этапов найдена в западной части дюны, там, где расположены погребения этих двух этапов. Во всех случаях обломки лежали не далее 4 м от одного из погребений. Черепки преимущественно крупные, принадлежат не менее чем 14 сосудам. Нам удалось собрать и склеить два полных сосуда (табл. XXXI, 5, 7). Один сосуд сохранился совершенно целым (табл. XXXI, 3).

Кроме керамики, в почвенном слое найдено еще около 30 предметов, которые могут быть отнесены к одиноцкому и переходному этапам; 19 костяных наконечников стрел (табл. XXXIV), костяной кружок с прямоугольным отверстием посередине (табл. XXXIII, 20); 4 бараньих астрагала,

один из них просверленный, другой со сточенными и обрезанными сторонами (табл. XXXIII, 12, 13); железное кольцо (табл. XXXIII, 11); бронзовая пряжка (табл. XXXIII, 10); 6 глиняных пряслиц, пелых и в обломках (табл. XXXIII, 14—19); каменная ступка (табл. XXXIII, 21); кусок рога старого лося, обрезанный со всех сторон, — заготовка или предмет неизвестного назначения (табл. XXXIV, 5). Последние два предмета включены сюда условно.

К числу остатков намогильных тризн одиноцкого и переходного этапов следует отнести и находившиеся в культурном слое могильника плохо сохранившиеся части черепов лошади. Значение подобных остатков освещено при описании могильника БЕ XIV.

Могильник в пункте БЕ XIV

Могильник расположен рядом с предыдущим, в 50—70 м к СВ от него, на соседней дюне, и представляет собой такой же сложный памятник, содержащий погребения четырех разных периодов и остатки намогильных тризн на поверхности погребенного слоя почвы. Раскопки могильника велись С. С. Сорокиным последовательно небольшими участками с целью получения серии разрезов (табл. XXXVI), которые позволили затем разделить погребения на хронологические группы не только по порядку погребения и составу вещей, но и по стратиграфическим наблюдениям.

На площади в 396 кв. м открыто 19 погребений одиноцкого этапа. Все они сосредоточены в северо-восточной половине раскопанной части дюны и распределены по ней довольно равномерно (табл. XXXV). Отсюда следует полагать, что раскопана только юго-западная часть могильника и что за пределами раскопа, далее по гребню дюны, находится еще какое-то количество могил одиноцкого этапа.

В средней части дюны на глубине до 50—60 см залегает слой погребенной почвы, поверхность которой в одиноцкое время была дневной поверхностью дюны. Поэтому при описании погребений глубина могил дается от поверхности погребенной почвы, а в скобках указывается глубина их от современной поверхности дюны. По юго-восточному склону, где насыпь отсутствует и погребенная почва сливается с современной, первоначальная глубина могил соответствует их глубине от современной поверх-

ности дюны или несколько меньше (могилы 38, 42, 43, 48 и 49).

М о г и л а 2 (табл. XXXIX). Яма трапециевидная, длиной 190 см, шириной 65 см в головной части и 45 см в ногах, глубиной 90 см (150 см). Вдоль всех четырех сторон ямы прослеживается древесный тлен — остатки гроба или сруба. Поверх погребения — остатки берестяного покрытия. Скелет мужчины (судя по инвентарю) пожилого возраста, на спине, головой на СВВ. Левая кисть на тазовой кости. Вдоль правого бедра остатки деревянной основы и берестяного верха от колчана и 6 или 7 железных наконечников стрел (табл. XLI, 1), лежавших в устье колчана острием к голове. В области живота поперек тела серия железных пластинок от пояса. На левой тазовой кости, под кистью, железный нож в берестяных ножнах.

М о г и л а 7. На глубине 60 см (90 см) скелет подростка 7—8 лет, на спине, головой на СВВ. Справа от него остатки берестяного покрытия. Около головки левого бедра бронзовая пряжка (табл. XLI, 15); справа у поясницы 2 костяных просверленных шарика и 4 костяные трубочки с отверстием на одном конце (табл. XLI, 13, 14, 16).

М о г и л а 12. Частично разрушена более поздним погребением (могилой 8). На глубине 80 см (115 см) скелет мужчины зрелого или старческого возраста, на спине, головой на СВ. Над ним остатки берестяного покрытия. Кости обеих ног и правой руки ниже локтя уничтожены при сооружении могилы 8. В области таза бронзовая и железная пряжки (табл. XLI, 25); между тазом и левой кистью железный нож, острием к ногам. Повидимому, к этому же погребению относятся один железный и 4 костяных наконечника стрел (табл. XLI, 23, 24), а также железный крюк от колчана (табл. XLI, 22), найденные в засыпке могилы 8.

М о г и л а 17 (табл. XXXVIII). Яма неправильной формы, 210×110 см, глубиной около 100 см (150 см). На дне скелет коня, на правом боку, спиной вдоль северо-западной стенки, головой к ЮЗ. В зубах коня железные удила с остатками костяных псалий (табл. XLI, 30). Вдоль юго-восточной стенки, поверх костей ног коня, остатки плохо сохранившегося скелета человека зрелого или старческого возраста, на спине, головой

на СВ. Над костяком остатки берестяного покрытия. В области шеи части ожерелья, состоящего из медной гривны с прикрепленными к ней двумя раковинами каури (табл. XLI, 27), 9 бус из прозрачного и золоченого стекла — круглых, тройчаток, цилиндрических и в форме сплющенного цилиндра, мраморного кружка грязно-белого цвета с отверстием посередине, железного колпачка (табл. XLI, 28). На поясничных позвонках бронзовая пряжка (табл. XLI, 29). Справа от черепа человека стоял большой горшок (табл. XL, 13).

М о г и л а 24. Яма неправильно округлая, 85×85 см, глубиной 65 см (115 см). У западной стенки половина небольшого горшка (табл. XL, 10). Остатков костей не сохранилось.

М о г и л а 29 (табл. XXXIX). Яма трапециевидная, длиной 160 см, шириной 30 см в головной части и 35 см в ногах, глубиной 40 см (90 см). Вдоль северо-западной стенки древесный тлен. Местами остатки берестяного покрытия. Плохо сохранившийся скелет мужчины (?) зрелого возраста, на спине, головой на СВВ. Вдоль левой руки и бедра железный меч острием к ногам (табл. XXXVIII, 2); у левого колена железный и два костяных наконечника стрел; на уровне поясницы железный крюк от колчана; на тазовых костях 2 железные пряжки — большая и малая.

М о г и л а 30 (табл. XXXIX). Яма трапециевидная, длиной 75 см, шириной 40 и 25 см, глубиной 105 см (160 см), ориентирована по направлению ЮЗ—СВ. Вдоль стен ямы древесный тлен — остатки досок или жердочек. В северо-восточной части остатки берестяного покрытия. От костей сохранились лишь незначительные светлые пятна. Из предметов найдена только роговая резная подвеска (табл. XLI, 17).

М о г и л а 31 (табл. XXXIX). Прямоугольная яма, 190×60 см, глубиной 70 см (100 см). Вдоль трех сторон ямы полосы древесного тлена — остатки досок или жердей. Незначительные остатки берестяной подстилки и покрытия. Скелет юноши 17—18 лет (нижние эпифизы бедренной и верхние плечевой кости еще не срослись с диафизом), на спине, головой на СВ. В области шеи янтарный кружок-подвеска и стеклянная бусина (табл. XLI, 7, 9); в области поясницы железная и бронзовые пряжки (табл. XLI, 6), железный нож

с пепочкой и обоймами от ножен (табл. XLI, 10) и костяная орнаментированная пластинка (табл. XLI, 5); между бедрами роговая пластинка и костяной кружок с отверстием посередине (табл. XLI, 8); под правой кистью железный нож; справа на тазовых костях 3 железных и 2 костяных наконечника стрел остриями к голове (табл. XLI, 2—4).

Могила 33 (табл. XXXIX). Яма неправильной формы, 170×55 см. Скелет женщины 40—60 лет, на спине; головой на ССВ. Череп искусственно деформирован, кисть правой руки лежит на тазовой кости. Слева от головы большой горшок (табл. XL, 15), справа — маленький (табл. XL, 7).

Могила 34. На площади 100×35 см, вероятно на уровне погребенной почвы или несколько ниже (на глубине 35 см от поверхности дюны), плохо сохранившиеся кости ребенка 1½ лет (череп и диафизы больших берцовых костей); погребенного на спине, головой на С. Незначительные остатки берестяной подстилки и покрытия. Около затылочной кости роговая резная подвеска (табл. XLI, 18) и железная обойма; под челюстью стеклянная золоченая буса-тройчатка.

Могила 37. Прямоугольная яма, 60×35 см, в нижней части погребенной почвы, на глубине 65 см от поверхности дюны. Ориентировка З—В. Вдоль всех стенок древесный тлен — остатки досок или жердочек. Незначительные остатки берестяного покрытия или подстилки. Судя по размерам, погребение младенца, от костей которого сохранились самые незначительные остатки. В восточном конце могилы костяная палочка-застежка (табл. XLI, 12), железная панцирная пластинка (табл. XLI, 11) и зуб лошади.

Могила 38. Яма неправильной формы, 160×50 см, глубиной 75 см от поверхности дюны. Скелет (женщины?) 40—60 лет, на спине, головой на СВ. Справа около черепа горшок (табл. XL, 16) и остатки бересты от подстилки или покрытия могилы.

Могила 40. Прямоугольная яма, 180×60, глубиной 40 см (70 см). Ориентировка ЮЗЗ—СВВ. Остатков костей человека не обнаружено. В северо-восточном углу небольшое зольное пятно. В восточном конце бесформенный кусочек железа и 3 бронзовые бляшки (табл. XLII, 3, 4),

поверх которых сохранился кусок бересты от покрытия могилы. Около южной стены костяной кружок с отверстием посередине (табл. XLII, 2) и лежащие пачкой один железный и 6 костяных наконечников стрел (табл. XL, 5—10). Посередине железный нож и три кусочка железа (один из них, возможно, пряжка). В юго-западном углу горшок, поставленный вверх дном (табл. XL, 3).

Могила 42. Погребение сильно нарушено. Яма неправильной формы, шириной около 70 см, длиной не менее 130 см, глубиной 80 см от поверхности дюны и несколько меньше от погребенной почвы. Ориентировка ЮЗ—СВ. Юго-западная половина разрушена более поздним погребением (могила 46). Вдоль северо-западной стенки полосы древесного тлена. В северо-восточном конце череп мужчины преклонного возраста. Других костей нет. Около северо-западной стенки железный пинцет для выщипывания волос (Грязнов, 1951, рис. 118); обломки ажурного железного предмета (табл. XLII, 16), 20 медных бляшек (табл. XLII, 12—14), 11 целых и несколько распавшихся стеклянных бус (табл. XLII, 11).

Могила 43. Прямоугольная яма, 80×40 см, глубиной 75 см от поверхности дюны и несколько меньше от погребенной почвы. Ориентировка З—В. Местами древесный тлен — остатки деревянного покрытия. В восточном конце зубы и фрагменты ребер и нижней челюсти младенца 1½—2 лет, погребенного, судя по положению этих остатков, головой на В. Около челюсти 2 стеклянные золоченые бусины; посередине небольшой железный предмет.

Могила 45 (табл. XXXIX). На глубине 50—70 см от поверхности, т. е. в слое погребенной почвы, полосы древесного тлена, ограничивающие прямоугольник размером 130×75 см. Яма неправильной формы, 180×55 см, глубиной 80 см (130 см). Скелет мужчины (?) 40—60 лет, на спине, головой на СВ. Под челюстью 2 стеклянные бусины (табл. XLI, 20, 21); в верхней части груди железный и два костяных наконечника стрел остриями к голове; в области пояса железная пряжка; между головками бедер другая (табл. XLI, 26); на правом бедре железный нож.

Могила 47. Форма и размеры могилы не установлены. На уровне погребенной

почвы, на глубине 35 см от поверхности дюны небольшой горшочек (табл. XL, 9), два ребра ребенка и костяной наконечник стрелы.

Могила 48 (табл. XXXIX). Яма подпрямоугольная, 80×40 см, глубиной 65 см от поверхности дюны и несколько меньше от уровня погребенной почвы. Вдоль стенок древесный тлен. В северо-восточном конце зубы и часть черепа ребенка, погребенного, судя по положению этих остатков и предметов, головой на СВ. Посередине железный нож с обкладками ножен, железная пряжка и каменный оселок (табл. XLII, 1).

Могила 49 (табл. XXXVIII). Яма неправильной формы, 230×120 см, глубиной 120 см. В северо-западной половине ее погребен человек 30—40 лет, на спине, головой на СВ, в юго-восточной — конь, на животе, с подогнутыми под живот ногами, головой на ЮЗ. По бокам черепа человека пара бронзовых серег (табл. XLII, 18) и 30 стеклянных золоченых бусин (табл. XLII, 19). Слева от черепа, частью под шейными позвонками, железный нож. Под костями коня посередине позвоночника железная пряжка, очевидно подпружная (табл. XLII, 15). В зубах коня железные удила с напайками. Над восточным углом могилы, частично за ее пределами, в почвенном слое, на глубине 10—15 см, на площади размером около 80×40 см найдены нижняя челюсть, зубы и обломки нескольких косточек ребенка 5—7 лет и с ними бронзовая пряжка (табл. XLII, 17), бронзовое кольцо, стеклянная и настовая бусинки, фрагменты железных предметов. Это, вероятно, остатки поверхностного детского погребения. Возможно, что к этому погребению относится и найденный поблизости горшок, который рассматривается ниже в числе находок в культурном слое могильника.

И в этом могильнике погребения совершены в общем по тому же обряду, как и в предыдущем, на дюне БЕ XII. Большая часть могил представляют собой ямы глубиной от 60 до 120 см. Две мужские и одна детская могилы (могилы 29, 37 и 40) были глубиной 30—40 см и, наконец, два детских погребения (могилы 34 и 47) устроены на поверхности земли. Во всех случаях, когда это можно было наблюдать (могилы 2, 7, 17, 24, 29, 31, 45; табл. XXXVII, 1—4), могильная яма перерезает слой погребен-

ной почвы, и иногда отчетливо видно, что выброс из ямы находился по бокам ее, на поверхности погребенной почвы (могилы 17, 29, 31, 40; табл. XXXVII, 2, 4, 6). При сооружении могилы 40 была разрушена могила 39 большебереченского этапа и часть выброшенных из последней костей оказалась на поверхности погребенной почвы в выкиде из могилы 40. Все это говорит о том, что погребения одиновского могильника сооружались в то время, когда погребенная почва была на поверхности дюны, что насыпь, равномерно покрывающая собой всю площадь могильника, кроме его юго-восточного края, была сооружена вскоре после устройства могил, когда над могилами не успел еще образоваться новый почвенный покров.

Наличие по краям некоторых могил на поверхности погребенной почвы выкида из могильной ямы при отсутствии намогильных холмов указывает на то, что могилы после окончания похорон тщательно не выравнивались, а оставшаяся на поверхности земля закрывалась, вероятно, каким-то намогильным сооружением. В трех случаях следы таких сооружений сохранились. Так, над могилой 45 в верхнем слое погребенной почвы наблюдались полосы древесного тлена, обрисовывающие прямоугольник размером 130×75 см. Возможно, это остатки небольшого надмогильного сруба. Между могилами 48 и 49 прослежены остатки бревен или плах, лежавших параллельно оси могил в направлении ЮЗ—СВ и представлявших собой, повидимому, остатки стены намогильного сруба одной из этих могил, более крупного размера, чем предыдущий, — ширина его должна быть несколько более 2 м. Остатки бревна на поверхности погребенной почвы сохранились и около детской могилы 30. Судя по его положению, сруб здесь мог быть шириной около 1.5 м.

Более многочисленны остатки внутримогильных сооружений. В 9 могилах сохранился древесный тлен: в одном случае от покрытия могилы, в остальных — от крепления стен досками или жердями. В 10 могилах сохранились остатки берестяного покрытия, в двух из них и берестяной подстилки. Можно полагать, что во всех могилах были какие-то деревянные гробовища или умершие были завернуты в бересту, или, наконец, внутримогильное сооружение устраивалось из дерева в ком-

бинания с берестяной подстилкой и покрытием.

Пол погребенных из-за плохой сохранности костей не всегда мог быть точно определен. Так, фрагментарные скелеты в могилах 29 и 45 только предположительно определены как мужские, но это подтверждается наличием в обеих могилах оружия. В могилах 2 и 40 пол погребенных не мог быть определен, и только по наличию в них оружия они включены в число мужских погребений. В могиле 38 скелет предположительно определен как женский. Его малые размеры (по промерам в могиле около 140 см) и отсутствие при нем оружия подтверждает это определение. Наибольшие трудности вызывает определение пола погребенных в могилах 17 и 49, отличающихся от всех остальных тем, что в них вместе с человеком погребен верховой конь, что как будто указывает на мужской пол погребенных. Между тем скелет в могиле 49 определяется предположительно как женский, а в могиле 17 пол не поддается определению. Отсутствие в обеих могилах оружия при относительном обилии украшений позволяет отнести оба погребения к числу женских, чему не противоречат и размеры костяков. Длина костяка в могиле 17 не превышает 145—150 см, а в могиле 49 определяется в 150 см, в то время как в других двух женских могилах длина костяка равна 140 и 145 см (могилы 33 и 38), а в мужских могилах 2, 29, 31 и 45 — соответственно 170, 145, 170 и 160 см.

Таким образом, по полу погребенных могилы распределяются так: мужских 7 (могилы 2, 12, 29, 31, 40, 42, 45), женских 4 (могилы 17, 33, 38, 49) и детских 9 (могилы 7, 24, 30, 34, 37, 43, 47, 48 и поверхностное погребение над могилой 49).

Все погребенные положены в могилу на спине с вытянутыми вдоль тела руками, иногда правая рука слегка согнута в локте и кисть ее лежит на тазовых костях (могилы 2, 29, 33, 45). Головою все ориентированы на СВ с некоторыми отклонениями к северу или востоку, иногда почти прямо на север (могила 34) или на восток (могила 43).

Остатков мясной пищи не встречено ни в одной могиле. Горшки с какой-то жидкой пищей находились только в 6 могилах: трех женских, двух детских и одной мужской. Обычно они ставились справа у го-

ловы. Только в мужской могиле 40 положение горшка необычно — в юго-западном углу, вверх дном. Эта могила отличается от других еще и полным отсутствием остатков костей человека. Возможно, это условное захоронение какого-нибудь подобия умершего (чучело, кукла?), труп которого не мог быть доставлен на кладбище.

От одежды и украшений умерших сохранились пряжки, ожерелья, бляшки и некоторые другие предметы. В мужских погребениях в области пояса находится чаще по две пряжки — бронзовая и железная (могилы 12 и 31) или обе железные (могилы 23 и 45). В одном случае (могила 2) пояс покрыт железными пластинками, к сожалению, плохо сохранившимися. Пряжки от пояса встречены также в трех детских погребениях (могилы 7, 48 и над могилой 49) и одном женском (могила 17), — все, кроме одной, бронзовые.

Богатые женские погребения с конем сопровождалась обильными украшениями. В обоих были ожерелья из стеклянных золотистых бус, в одном случае с большим мраморным кружком посередине. Кроме того, в могиле 17 обнаружена гривна с раковинами каури, а в могиле 49 пара бронзовых серег. Ожерелье из стеклянных золотистых бус было и в одном мужском погребении (могила 42). По одной-две бусинки в области шеи встречены также в двух мужских погребениях (могилы 31 и 45) и трех детских (могилы 34, 43 и над могилой 49). В мужских погребениях отметим также 20 бронзовых бляшек в могиле 42, три бронзовые бляшки и костяной просверленный кружок в могиле 40 и такой же кружок и костяную орнаментированную пластинку в могиле 31. В детских погребениях встречены своеобразные роговые подвески (могилы 30 и 34) (табл. XLI, 17, 18), костяная палочка-застежка (могила 37).

В мужских погребениях у пояса обычно находится железный нож, лежащий острием к ногам, иногда с остатками пожен, берестяных (могила 2) или с железными обоймами и цепочкой (могила 31). В могиле 31 у пояса погребенного лежали два ножа — один слева, другой справа. Железный нож встречен в одном женском погребении (могила 49), но не на поясе, а около головы, и в одном детском (могила 48), где он находился, повидимому, у пояса вместе с каменным оселком.

Во всех мужских погребениях, кроме одного (могила 42), находились от 3 до 7 наконечников стрел, лежавших пачкой, острыми к голове, очевидно в колчане, от которого в двух случаях сохранились железные крючки для подвешивания к поясу (могилы 12 и 29), а в одном — части деревянной основы и берестяного покрытия (могила 2). Один костяной наконечник стрелы встречен и в детском погребении (могила 47). В одном мужском погребении был положен, кроме того, железный меч (могила 29).

Остатки намогильных тризн, в отличие от наблюдавшихся в могильнике БЕ XII более обильные и выразительные, определенно могут быть отнесены именно к одинцовскому могильнику, а не к другим, ранним и поздним, располагавшимся на том же самом месте. Весь керамический материал и хронологически определяемые вещи, найденные в культурном слое могильника, принадлежат типам, характерным для одинцовского этапа. Это позволяет и остальные находки, типологически неопределимые, также связывать с могильником одинцовского этапа. Все находки, кроме одной, приурочены к поверхности погребенной почвы или к ее верхним горизонтам. Поскольку древний почвенный слой был погребен под покрывающей могильник насыпью в одинцовское время, то и находимые в нем предметы не могут относиться ко времени, более позднему, чем одинцовский могильник.

На площади, занятой могилами одинцовского этапа, и только в редких случаях за ее пределами, но на расстоянии, не превышающем 8 м от ближайшей могилы, обнаружены следующие предметы.

Глиняные горшки: 5 целых сосудов, 10 в разбитом виде (из их числа 7 удалось реставрировать) и около 20, представленные отдельными фрагментами. Всего, таким образом, на раскопанной части кладбища было оставлено в свое время не менее 35 глиняных горшков, все характерного для одинцовского этапа типа (табл. XL, 1, 2, 17—20, и др.). Кроме того, обнаружены 2 железных и 20 костяных наконечников стрел, рассеянные поодиночке по всей площади могильника (табл. XXXVIII, 5—11, 14, 15); 3 экземпляра железных удиц (табл. XXXVIII, 3, 4); 3 подвески или амулета из бараньих бабок, одна подвеска

из рыбьего позвонка и одна из зуба лошади (табл. XXXVIII, 12, 13); медная пластинка; 4 полуобработанных обрезка рога марала, лежавшие вместе, вероятно какие-то заготовки; черепа и кости ног лошади. Часть последних разрушилась полностью. В некоторых случаях от черепа сохранились только ряды зубов. Всего при раскопках отмечены остатки 16 черепов и несколько фаланг (бабок) и пястных костей. Других костей лошади совершенно не встречалось, хотя они должны были бы лучше сохраниться. Очевидно, это остатки лошадей, заколотых и съеденных во время поминальных тризн, совершавшихся по весьма древнему обычаю, согласно которому шкура жертвенного животного с оставленными в ней черепом и костями концев ног укладывалась в могилу или оставлялась на месте пиршества, а остальные кости помещались отдельно, поблизости от шкуры или же где-нибудь в другом месте.¹ Так как могилы на клад-

¹ Этот обычай был широко распространен еще в эпоху бронзы и в разных формах просуществовал до недавних дней. На Северном Донце в погребениях срубной культуры постоянно находят череп и кости концев ног быка или овцы, сохранившиеся от шкуры, повидимому покрывавшей погребение (Городцов, 1902). В северном Казахстане, в одном из наиболее ранних андроновских погребений на р. Чаглинке, найдены два черепа и несколько костей ног лошади (Лентовский, 1931, стр. 5). В центральной Казахстане череп и кости ног лошади обнаружены в могильнике алакульского этапа андроновской культуры Былкылдык II (сообщение К. А. Акишева). В Челябинских степях в могильнике того же времени на оз. Алакуль черепа и кости ног овец, реже коровы и один раз лошади находились в могилах «сложенные грудкой», иногда от нескольких животных в одной могиле (Сальников, 1952). Черепа и кости ног лошади часто встречаются в погребениях поздних кочевников на Северном Донце и в Поволжье (Городцов, 1902; Синицын, 1947), причем здесь они нередко являются остатками не просто шкуры, а чучела лошади. Также, повидимому, чучело съеденной на похоронной тризне лошади погребалось с умершим в курганах X—XII вв. близ г. Томска («Басадайка», 1947, табл. 31, 38, 42, 43).

Подобные обычаи сохранились вплоть до 20-х годов нынешнего века у некоторых современных саяно-алтайских народов. У алтайцев обряд тай-элга, не связанный, правда, с погребальным культом, заключался в том, что после поедания мяса жертвенного барана, лошади или коровы шкуру вывешивали на жерди, а кости складывали на особый помост (Глухов, 1926). В 1921 г. я присутствовал на поминках у хакасов, совершавшихся в 40-й день после смерти погребенного, в Копкеевом улусе на р. Енисее. По окончании поминальной тризны шкура жертвенного коня с оставленными в ней

бище расположены близко одна от другой и без видимого порядка, то трудно определить, к какой могиле, сколько и каких черепов относятся. Все же можно заметить, что все черепа лошадей, кроме одного, сосредоточены около мужских могил. Поблизости от детских и женских могил таких черепов не найдено (табл. XLIII). В некоторых случаях можно связывать черепа лошадей с определенными могилами (могилы 2, 29, и 42). Если правильно заключение, что тризны с жертвенно лошадей совершались только у мужских могил, то следует полагать, что, кроме похоронных тризн, устраивались и поминальные, возможно, несколько раз, так как число найденных черепов лошадей более чем в два раза превышает число мужских могил (16 черепов, 7 могил). Следует полагать также, что шкуры жертвенных лошадей оставались после тризны в непосредственной близости от могил, так как из 16 обнаруженных на кладбище черепов 8 находились на расстоянии не более 1 м от ближайшего мужского погребения, 5 на расстоянии от 1 до 2 м и только 3 на расстоянии 3,5—4 м.

Одна находка, которую также можно отнести к одинцовскому этапу, это набор костей, обнаруженных на западной окраине могильника. Они были зарыты на глубину около 40 см от поверхности погребенной почвы и лежали плотным комком округлых очертаний диаметром 13 см, высотой 16 см. Кости были положены, по видимому, в мешочке и находились на расстоянии 5—5,5 м от трех ближайших могил (могилы 29, 30, 31). Здесь было 143 мелких косточки и обрубка костей барана; 36 астрагалов (табл. XLII, 22—25), 6 бабок (табл. XLII, 21), 2 тарзальные косточки, 17 головок бедренных костей (табл. XLII, 28), 12 задних мыщелков нижнего эпифиза бедренной кости (табл. XLII, 30), 7 блоков нижнего эпифиза бедренной кости (табл. XLII, 27), 4 головки плечевой кости (табл. XLII, 20), 16 нижних эпифизов плечевой кости (табл. XLII, 29), 43 нижних эпифиза метаподий (табл. XLII, 26), а также 4 нижних эпифиза метаподий лошади (табл. XLII, 31). В общем числе костей

черепом и костями копыц ног была повешена на ставящую около кладбища березу, на которой уже висело несколько таких же шкур от прежних подобных намогальных тризн.

имелось 4 бабки просверленные, 3 блока бедренной кости с частыми мелкими зарубками вдоль острых продольных ребер, несколько астрагалов с заточенными или срезанными боками с одной или с двух сторон и 7 астрагалов с зарубками по одному или двум ребрам. Число зарубок различно: на двух астрагалах сделано по одной зарубке; третий астрагал имеет 6 зарубок на крутом ребре; четвертый — 6 зарубок на крутом ребре и вырезанный шип на пологом ребре; пятый — 9 зарубок на крутом ребре и шип на пологом; шестой — 12 зарубок на крутом и 6 зарубок и шип на пологом; седьмой — 9 зарубок и шип на крутом ребре и 14 зарубок на пологом. Следует обратить внимание на то, что число зарубок обычно кратно 3 (3 раза по 6, 2 раза по 9, 1 раз 12) и только в двух случаях по одной и в одном 14.

Назначение набора костей неясно. Бараньи астрагалы обычно считают игральными костями, чему могли бы соответствовать астрагалы и найденного набора, особенно экземпляры со срезанными боками, быть может, и астрагалы с зарубками на краях. Однако весь набор в целом с необработанными, грубо обрубленными, не стандартными головками, блоками и мыщелками костей вряд ли пригоден для целей игры. Вряд ли он мог служить и счетным приспособлением. Такое предположение не подтверждается этнографическими параллелями.

Не ясен и вопрос о датировке этого набора костей. В число памятников одинцовского этапа он включен условно, на том лишь основании, что в таштыкских погребениях на Енисее встречаются астрагалы с зарубками на краях, такими же, как и в нашем наборе (Киселев, 1951, стр. 461 и табл. XXXVIII, 14, 18). Так как из числа открытых в пункте БЕ XIV могил только погребения одинцовского этапа совпадают по времени с таштыкскими на Енисее, то наиболее вероятным представляется связывать этот набор костей с могильником одинцовского этапа.

Кроме рассмотренных находок, в культурном слое могильника наблюдались многочисленные остатки костров, очевидно также связанных с похоронными и поминальными тризнами.

Исследование культурного слоя на площади могильника вскрывает, таким обра-

зом, картину похоронных и поминальных тризн. На кладбище одинцовского этапа много раз происходили многолюдные собрания родичей погребенных, сопровождавшиеся обильными угощениями присутствующих и приношениями пищи умершим, совершавшиеся не только в день похорон, но и в какие-то другие, вероятно, точно установленные сроки после похорон. Это выте-

Датировка

До 1953 г. единственным более детально мне известным комплексным памятником одинцовского этапа на Верхней Оби, кроме исследованных на Ближних Елбанах, было погребение, раскопанное С. М. Сергеевым и М. Д. Копытовым в 1930 г. около поселка Одинцовка. Это и дало повод присвоить

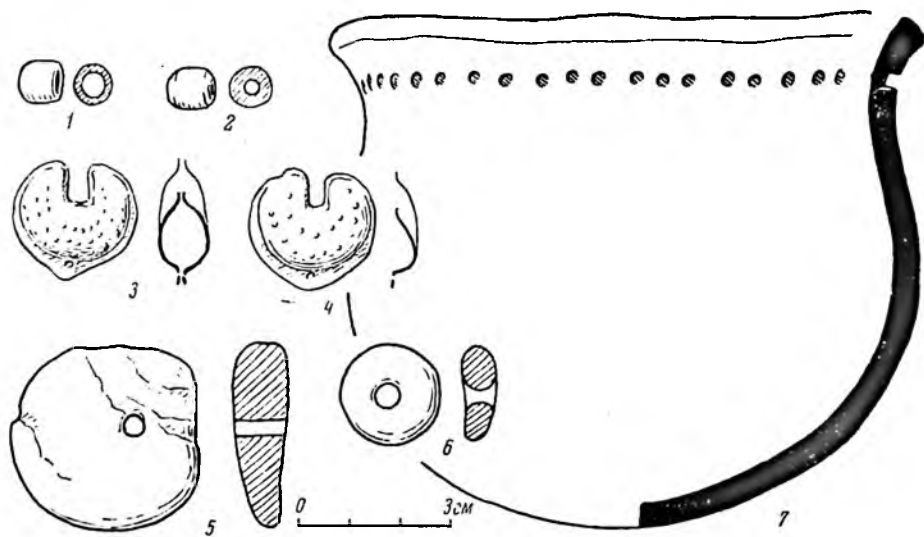

Рис. 18. Вещи из погребений близ пос. Одинцовки.

1 — 4 — бронза; 5, 6 — янтарь; 7 — глина.

кает из того, что во время тризы съедалась целая лошадь, что около могил оставались глиняные горшки, очевидно, с какой-то пищей для умершего, что число сохранившихся на раскопанной части кладбища черепов лошадей вдвое больше числа мужских погребений, к которым они, по видимому, относятся, а число оставленных горшков больше числа могил на кладбище и в несколько раз больше числа горшков, положенных при похоронах в могилу (в культурном слое 15 горшков и обломки не менее чем от 19 других горшков; в 19 могилах 7 горшков). В некоторых случаях шкуру коня оставляли, по видимому, с уздой, на что указывает находка трех удиц. Во время поминок умершим приносились, кроме пищи в горшках, также, по видимому, и стрелы, а иногда и некоторые другие предметы.

первому этапу верхнеобской культуры наименование одинцовского (Грязнов, 1951).

Погребение у пос. Одинцовки (правый берег р. Оби, в 25 км от г. Бийска) известно мне только по зарисовкам А. А. Гавриловой следующих предметов, хранящихся в Бийском музее: небольшой горшок емкостью 0.6 л; пара медных серег, полых, сложенных из двух тиспленных медных листков, украшенных выдавленными изнутри бугорками; ожерелье, состоявшее из 6 бронзовых бусин и двух янтарных кружков-подвесок (рис. 18).

По всей вероятности, к одинцовскому же этапу относятся два кургана, раскопанные в 1935 г. сотрудниками Каменского музея около г. Камня (Археологические исследования в РСФСР, 1941, стр. 297). Вещи из этих курганов мне видеть не удалось, сейчас они утрачены.

В 1953 г. Новосибирской экспедицией ИИМК раскопана землянка, одна из 16 в поселке одинцовского этапа Ирмень III (левый берег р. Оби, в 60 км к ЮЗ от г. Новосибирска), два кургана с детскими погребениями в 600 м от этого поселка и два погребения в грунтовом могильнике близ дер. Инн (правый берег р. Оби, в 75 км к З от г. Барнаула).

Кроме того, керамика одинцовского этапа встречена в небольшом количестве на некоторых дюнных поселениях на р. Оби выше дер. Большой Речки.

Таким образом, памятники по вещевому материалу, главным образом по керамике, подобные двум нашим могильникам на Ближних Елбанах, распространены по р. Оби от Новосибирска до Бийска. Отсюда следует, что они составляют особую хронологическую группу, отражающую особый этап в развитии культуры древнего населения Верхней Оби. Основной, наиболее обильный и разнообразный материал для характеристики памятников этого этапа дают могильники БЕ XII и БЕ XIV.

Обряд погребения и сопровождающие погребенного вещи в обоих могильниках настолько отличны от памятников всех предшествующих этапов, что каждая отдельная вещь и некоторые детали погребального обряда могут быть сразу же безошибочно определены как принадлежащие одинцовскому этапу, а не более раннему времени. Часть из них можно было бы рассматривать как результат дальнейшего развития культуры тех же племен, перешедших к новым формам хозяйства и быта в связи с собственным прогрессом техники и производства или путем заимствования от соседних племен. Многие формы вещей, характерные для памятников одинцовского этапа, широко распространены в степных, лесостепных и лесных районах нашей страны. Однако вместе с этими формами вещей и погребального обряда имеется и ряд принципиально новых форм, появление которых на Верхней Оби в их совокупности нельзя объяснить как результат простого заимствования от соседей или дальнейшего развития культуры коренного населения Верхней Оби.

Новым в погребальном обряде является изменение ориентировки погребенных в могиле — не на ЮЗ головой, как во все предшествующие периоды, а на СВ — и устройство поминальных тризн на кладбище, не

практиковавшееся в предшествующее время, но характерное для последующих этапов развития верхнеобской культуры.

Совершенно новы для Верхней Оби формы и орнаменты глиняной посуды. Все сосуды, большие и малые, в погребениях, в остатках намогильных тризн и в землянке около дер. Ирмень имеют шаровидную или приближающуюся к ней форму, со сферическим дном, с более или менее сильно отогнутым наружу венчиком, с широким или иногда узким горлом. Орнамент располагается по венчику, иногда захватывая и часть плечиков, и состоит из ряда круглых ямок и поясков из оттисков гребенки или стека. Этот весьма пестрый узор разнообразится тем, что оттиски гребенки иногда располагаются «елочкой» или сочетаются с рядами оттисков стека. Резко отличаясь от всех предшествующих типов, керамика одинцовского этапа в то же время чрезвычайно близка к керамике последующих этапов верхнеобской культуры.

Памятники одинцовского этапа четко и бесспорно отграничиваются от памятников предшествующих периодов и по стратиграфическим наблюдениям. Так, в пункте БЕ XII могилы одинцовского этапа перерезают культурный слой литейной мастерской, которым перекрыты могилы андроновской культуры и большереченского этапа. Значит, они позднее андроновских и большереченских погребений и позднее образования культурного слоя литейной мастерской бийского этапа.

В пункте БЕ XIV могилы одинцовского этапа перерезают слой погребенной почвы, которым, как и в первом могильнике, перекрыты могилы андроновской культуры и большереченского этапа и на поверхности которого сосредоточены остатки тризн одинцовского этапа.

Значит, и здесь одинцовские могилы датируются более поздним временем, чем андроновские и большереченские. Как отмечалось выше, вскоре же после их сооружения почвенный слой был покрыт небольшой насыпью высотой до 60 см, длиной с ЮЗ на СВ около 30 м и около 12—15 м шириной, не вполне совпадающей с площадью, занятой могилами одинцовского этапа. Кроме того, при сооружении могилы 40 одинцовского этапа была перерезана и разрушена могила 39 большереченского этапа, а могила 35 большереченского этапа перекрыта могилой

33 одинцовского этапа. Могилы 12 и 42 одинцовского этапа перерезаны и частично разрушены при сооружении могил 8 и 46, относящихся к значительно более позднему времени, ко II тысячелетию н. э.

Стратиграфические наблюдения с несомненностью позволяют установить только то, что погребения одинцовского этапа по времени позднее памятников большебереченского и бийского этапов. Более точно дата их может быть определена путем сопоставления некоторых форм вещей с аналогичными им в датированных памятниках других районов степной и лесостепной полосы.

К широко распространенным типам вещей из числа найденных в погребениях одинцовского этапа принадлежат бусы. Из них следует отметить прежде всего мелкие шаровидные стеклянные бусы с подглазурной позолотой. В рязанских могильниках — Борковском, Кошibaевском и других — они характерны для выделенных П. П. Ефименко стадий А и В (Ефименко, 1926, табл. II, III, IV), первая из которых им датируется временем с конца I в. по начало III в., вторая — III—IV вв. (Ефименко, 1937, стр. 50). В погребениях стадии С (V в.) и позже они уже не встречаются. Такие же бусы, отдельные или слитые по две-три вместе, характерны для позднесарматских погребений III—IV вв. Нижнего Поволжья (Рау, 1927, стр. 69) и встречаются в погребениях II—IV вв. в Средней Азии — в могильниках Маана и Кызыл-Туу в Чон-Алае и Кенколь на Таласе (Бернштам, 1940, табл. XXXVI; 1949, рис. 7).

Широко распространены также бронзовые пряжки в виде кольца с хоботовидным, утолщенным в основании язычком и тонкой облойкой для ремня (табл. XXXII, 2) и так называемые В-образные, с прямой шарнирной стороной и вогнутой передней, с таким же, часто хоботовидным язычком (табл. XLI, 25). Они известны в Прикамье, например в могильнике II—V вв. близ дер. Качка (Schmidt, 1927, рис. 3, 5, 6); на Оке в погребениях того же времени Кошibaевского, Борковского, Кузминского и других могильников (Спицын, 1901, табл. XI, XX); в Среднем Поволжье, например в Армиевском могильнике того же времени (Смирнов, 1952, табл. XV); наконец, в позднесарматских погребениях степного юга. В Азиатской части СССР бронзовые и железные пряжки подобных форм встречены в позднеташтыкских по-

гребениях III—IV вв. на Енисее (Киселев, 1929, табл. V, 3, 8) и в могильнике Кызыл-Туу II—IV вв. в Чон-Алае (Бернштам, 1949, рис. 7).

В обоих могильниках на Ближних Елбанах встречены характерные для таштыкского времени на Енисее литые бронзовые пряжки (табл. XXXIII, 10; XLI, 15), очевидно оттуда и полученные на Оби путем обмена (ОАК, 1895, рис. 338—340; Киселев, 1929, табл. V, 1, 2, 10).

Железный пинцет для выщипывания волос (Грязнов, 1951, рис. 118) известен в Среднем и Нижнем Поволжье начиная с позднесарматского времени (II—IV вв.), например в Армиевском могильнике и в кургане 8 на р. Торгун (Синицин, 1947, рис. 14).

Железные мечи, один плохо сохранившийся, с клинком около 80 см длиной, по видимому, обоюдоострый (табл. XXXVIII, 1), другой с клинком несколько более 60 см длиной, однолезвийный, но с симметричным, обоюдоострым колющим концом (табл. XXXVIII, 2), оба с черешками для рукояти, также находят аналогии в позднесарматских памятниках. Двулезвийные мечи с черешком для рукояти в Нижнем Поволжье появляются в конце II и в III в. н. э. (Рау, 1927, стр. 68; Минаева, 1927, стр. 109). Однолезвийный меч или палаш появляется позже, в IV—V вв. (Минаева, 1927, стр. 109). И те и другие употреблялись и позднее. Они встречены, например, в ранней группе погребений Борисовского могильника на Северном Кавказе, датируемой VI в. (Саханев, 1914, стр. 125).

Железные наконечники стрел найдены в 7 могилах общим числом 19 или 20, все плохой сохранности. Они черешковые, трехперые, узкие, шириной не более 2 см, с уступчиком на шейке в основании черешка для упора древка. Такие наконечники стрел появляются в памятниках позднесарматского времени III—IV вв. (Рау, 1927, стр. 102, 111) и продолжают употребляться затем в течение долгого времени.

Таким образом, все рассмотренные вещи одинцовских могильников находят себе параллели в памятниках позднесарматского времени. При этом есть такие формы вещей, которые впервые входят в употребление не ранее II в. н. э., например двулезвийный меч с черешком, или не ранее III в., например трехперые черешковые наконечники стрел с уступчиком на шейке, и даже не ранее IV в., например однолезвийный меч.

Есть вещи, которые бытовали не позднее IV в., например стеклянные бусы с подглазурной позолотой. Это позволяет датировать одинцовские могильники на Ближних Елбанах II—IV вв. н. э., а может быть, и еще более коротким периодом — III—IV вв. Из осторожности останавлиюсь пока на первой дате. Остальные предметы этой дате не противостоят, и многие из них также имеют аналогии в памятниках позднесарматского времени.

Широко распространенный в позднесарматское время обычай деформирования головы практиковался в одинцовское время и на Верхней Оби. Два мужских черепа (БЕ XII, могилы 19 и 33) и один женский (БЕ XIV, могила 33) были деформированы путем наложения лобно-затылочной повязки (табл. XLIII). Следов искусственной деформации на трех других мужских черепах не установлено, хотя сохранность их допускала подобного рода наблюдения. Отмечу, что череп с такой же деформацией встречен в кургане 1 второго Усть-Тартасского могильника на р. Оми, датруемом фибулой керченского типа III в. н. э. (Чугунов, 1898, стр. 23; ОАК, 1895, стр. 42).

Для датировки одинцовских памятников наибольшее значение, казалось бы, должна была иметь керамика как наиболее массовый материал, четко отражающий хронологическую последовательность памятников. Но в данном случае это оказалось не так в связи с тем, что памятники первой половины I тысячелетия н. э. в южной Сибири либо вообще неизвестны, либо не имеют в своем составе керамики, либо, как на Енисее, керамика этого времени настолько отлична от верхнеобской, что совершенно с ней не сопоставима. Тем не менее рассмотрение особенностей одинцовской керамики представляет большой интерес.

Керамика одинцовских могильников не продолжает традиций южносибирских племен в производстве глиняной посуды ни по ее формам, ни по декоративному оформлению. Одинцовская посуда принадлежит совершенно новому для Верхней Оби типу керамических изделий, чуждому предшествующему населению, чуждому и для других племен южной Сибири.

Так, на Енисее, в степях Минусинской котловины, в течение почти всего I тысячелетия до н. э. глиняная посуда по своим формам, отчасти по орнаменту была близка к по-

суде верхнеобских племен. Керамика андроновской, карасукской и минусинской курганной культуры развивалась параллельно с одновременной им керамикой верхнеобских племен и имела много общих с ней форм. В таштыкское время тип глиняной посуды сильно изменился: появились новые формы сосудов и новые приемы орнаментации, значительная часть их представляет собой дальнейшее развитие форм предшествующего периода. Керамическое производство таштыкского времени продолжало традиции предшествующей минусинской курганной культуры (Киселев, 1951, стр. 424 и сл.). Только один вариант (Киселев, 1951, табл. XLIV, 6) можно сравнить с одинцовской керамикой по форме и частично по орнаменту, но техника изготовления таких сосудов совсем иная. Таштыкская керамика характеризуется чрезвычайным разнообразием и наличием оригинальных форм сосудов,¹ и из всего этого разнообразия нет ни одного сосуда, который можно было бы сопоставить с верхнеобскими одинцовского этапа. Таштыкская керамика на Енисее и одинцовская на Оби — это два совершенно разных типа глиняной посуды, отражающие разные культурные традиции как в производстве посуды, так и в ее бытовом употреблении.

Вся известная нам керамика Казахстана и Алтая времени ранних кочевников, представленная пока единичными экземплярами или небольшими сериями, резко отлична от одинцовской и не может быть поставлена с нею в генетическую связь. Нигде по всей южной Сибири и Казахстану не находится каких-либо аналогий одинцовской керамике, которые могли бы указывать на возможность появления тех или иных особенностей ее в результате развития, усовершенствования или изменения каких-либо форм, бытовавших здесь в предшествующее время.

Ближние аналогии керамике одинцовского этапа находится совсем в другой стороне — на северо-западе. В северном Приуралье еще в раннеананьинское время, т. е. за тысячу лет до появления на Верхней Оби одинцовской керамики, выработался на традициях предшествующего гончарного производства и получил широкое распро-

¹ См.: Киселев, 1929, табл. V; он же, 1951, табл. XXXIX, XLII, XLIV; Левапцева, 1941, табл. XLVIII; Липский, 1949, рис. 30; Сосновский, 1933, стр. 37 и 38.

странение характерный тип глиняной посуды, бытовавшей затем с некоторыми изменениями в течение очень длительного времени, до X—XIII вв. включительно (Збруева, 1952, стр. 66—72). Основной, важной для освещения рассматриваемых здесь вопросов особенностью этой посуды является сферическая или приближающаяся к ней форма тулова с выпуклым дном и отвороченным наружу венчиком, иногда оформленным в виде «юротничка», и характерная композиция орнамента, состоящего из горизонтального ряда круглых ямок, оттиснутых вдоль перегиба венчика и обычно несложных по рисунку горизонтальных полос тисненого орнамента над этим рядом ямок и под ним. С течением веков форма сосудов изменялась в отдельных своих деталях, менялась техника нанесения орнамента, одни элементы орнамента замещались другими. Однако общая форма сосудов и композиция орнамента оставались в основном такими же на протяжении сотен лет, и только что данная характеристика в одинаковой мере относится как к ананьинской посуде VIII—VII вв. до н. э., так и к посуде времени Роданова городища X—XIII вв. н. э. М. В. Талицкий удачно иллюстрировал это положение, представив на таблице серию рисунков почти совершенно одинаковых горшков из могильников ананьинской, ломоватовской и болгарской эпох (Талицкий, 1951, рис. 34). Этот тип посуды в равной мере был характерен и для племен лесной и тундровой полосы северо-западной Сибири и, возможно, в те же эпохи. В различных вариантах такая посуда находится в памятниках разного времени во многих пунктах от Обской губы до р. Тары и от г. Тобольска до г. Томска.¹ В лесных районах Оби, Томи и Чулыма шаровидная или приближающаяся к ней форма посуды, но уже с сильно изменившимся орнаментом просуществовала до XVII в. включительно у чатских, томских (эуштинских) и чулымских татар и нижнечулымских селькупов. В Новосибирском и Томском музеях собрано до-

вольно много такой керамики из Бердского и Чортова городищ на Оби, из ряда городищ и курганов близ Томска и на Чулыме (Дульзон, 1953, табл. XXVI, XXVII). У шорцев в верховьях р. Томи такая посуда изготовлялась даже в XX в. (Потапов, 1936, рис. 16, 17).

Один из важнейших для этнической характеристики элементов материальной культуры единцовских племен — глиняная посуда не имеет аналогий в среде южносибирских племен того же времени и предшествующих периодов. Она представляет собой один из вариантов того типа посуды, который был создан древними племенами северного Приуралья и северо-западной Сибири и развивался в соответствии с их бытовым укладом. Появление на Верхней Оби в единцовское время глиняной посуды северо-западных типов совпадает с изменением и всего внешнего облика культуры. Отсюда следует полагать, что культура верхнеобских племен единцовского этапа не представляет собой продукт местного развития, а принесена извне, с северо-запада, из среды древних угорских племен, вероятно, переселившимися сюда из ближайших районов племенем или племенами, которые если не вытеснили или уничтожили прежнее население Верхней Оби, то, во всяком случае, полностью его ассимилировали. Появление на Верхней Оби в это время в составе оружия, принадлежностей одежды и украшений многих вещей, характерных для сарматских и других племен степных районов, не противоречит сделанному заключению, так как все эти вещи в равной мере проникали как на Верхнюю Обь, так и на Каму и, вероятно, в Западную Сибирь, памятники которой нам пока еще мало известны.

Для решения вопроса о происхождении населения единцовского этапа на Верхней Оби большое значение должен иметь антропологический материал, но, к сожалению, он весьма ограничен. В. П. Алексеев смог измерить только три черепа, деформированных и не полностью сохранившихся. Рассматривая их вместе с тремя черепами переходного и одним фоминского этапов, он устанавливает принадлежность всех семи черепов верхнеобской культуры к монголоидному типу. При сравнении этих черепов с кенкольской, тяншано-алайской, таштыкской и гуньской (в Забайкалье) сериями черепов, наблюдается наибольшая близость их к кен-

¹ Опубликована небольшая часть находок такой керамики. Имеются рисунки и фотографии целых горшков из поселения Зеленая горка близ г. Салехарда (Чернецов, 1953а, табл. XXII), с Чувашия (Чувашия, 1953 г, табл. I, V, VII), из Барсова городка близ Сургута (Аргее, 1935, рис. 13, 18, 40, 59, 114, 115 и др.), из курганов в Басадайкае и в Архиерейской замке близ г. Томска («Басадайка», 1947, табл. 26—28; Спицын, 1899, табл. IV).

кольской. Однако ограниченность материала не позволяет, на мой взгляд, делать отсюда далеко идущие выводы. Монголоидный тип появляется на Верхней Оби еще в карасукское время, сначала в виде примеси к европеоидному, а затем как один из основных компонентов (Дебеч, 1948, стр. 141, 209). Сочетание древнего европеоидного типа с уральским (североазиатским), южносибирским и центральноазиатским вариантами монголоидного типа одинаково характерно и для современных северных алтайцев (Ярхо, 1947), чулымских татар (Дебеч, 1948, стр. 211) и барабинцев (Трофимова, 1947). Поэтому более точная расовая диагностика, которая позволила бы решить вопрос о происхождении физического типа одинцовских племен, требует изучения большой серии черепов, так как отмечаемая по археологическим памятникам смена населения заключалась в замене, может быть неполной, одной группы смешанного монголоидного типа другой, также монголоидного типа и также смешанной.

Культура

Памятники одинцовского этапа на Ближних Елбанах ярко свидетельствуют о крупном значении в хозяйстве скотоводства. Намогильные тризны сопровождалась жертвоприношением коня. В двух (из шести) женских могилах с умершей погребен верховой конь с уздой и седлом. Очевидно, лошадь была одним из важнейших домашних животных в жизни одинцовских племен.

Может показаться странным, что пришельцы из северных лесов появились в лесостепной области с верховым конем, со сложившимся обычаем жертвоприношения коня и с обычаем погребения коня в могилах некоторых умерших. Сибирская тайга, казалось бы, представляла собой, как и в недавнем прошлом, область обитания охотничьих племен, не знакомых с разведением степных животных — лошади, коровы и овцы; у этих племен в хозяйстве, да и то не везде, были только собаки и олени. Однако это не так. В начале II тысячелетия н. э. около г. Томска был обычай погребать с умершим шкуру коня с седлом и уздой («Басандайка», 1947), а около Сургута с умершим погребена конская узда (Агнє, 1935, стр. 47, рис. 134). В более ранних погребениях в верховьях р. Тары и близ г. То-

больска в могилах найдены удила и части седел (Heikel, 1894, табл. XXIV; Мошинская, 1953г, рис. 1 и табл. V). К сожалению, памятники, близкие по времени к одинцовским, в северо-западной Сибири мало исследованы. Что же касается северного Приуралья, то еще в ананьинское время там широко было развито скотоводство и использование верхового коня. Даже в таких городищах и селищах, как Галкинское, Концгорское, Пижемское и Лебяжье, расположенных далеко на севере, в зоне хвойных лесов, основная масса костей животных в культурном слое принадлежит домашним животным (Збруева, 1952, стр. 48 сл.). Надо полагать, что в лесной полосе как Приуралья, так и Западной Сибири по луговым долинам крупных рек еще с I тысячелетия до н. э. скотоводство было одним из основных занятий древнего населения и пришельцы с севера на верхнюю Обь могли прийти со своим скотом, со своими сложившимися навыками скотоводства.

Одинцовские племена, конечно, не ограничивались разведением только лошади. В культурном слое могильника БЕ XIV, недалеко от могилы 42, найдено 3 просверленных бараньих бабки лежавших вместе, а на западной окраине могильника — зарытый в ямке набор костей, в основной массе тоже бараньих. Если обе эти находки действительно относятся к одинцовскому этапу, то они указывают на наличие овцеводства у одинцовских племен.

Памятники на Ближних Елбанах не дают указаний на технику скотоводства одинцовских племен, но одинцовское поселение около дер. Ирмень позволяет сделать некоторые замечания об этом. Поселок состоит из 16 небольших жилищ-землянок, судя по раскопкам одной из них, площадью не более 35 кв. м каждая, а весь поселок занимает площадь около 1600 кв. м, огражденную рвом. Такие землянки не могли быть использованы для обитания в них семьи вместе с ее скотом. Скот содержался либо в особых землянках, либо в каких-то более легких сооружениях. Во всяком случае, одинцовские племена на Верхней Оби уже перешли от содержания скота зимой в жилище, как это делалось на большереченском этапе, к каким-то другим способам его зимнего содержания. Принесены ли они на Верхнюю Обь новыми пришельцами одинцовского времени, или это случилось раньше, сейчас

сказать трудно, так как способы зимнего содержания скота на бийском и березовском этапах пока не известны.

Надо полагать, что одинцовские племена занимались в какой-то мере и земледелием. Хотя прямых указаний на это нет, но наличие близ дер. Ирмень одинцовского поселка с жилищами-землянками, огражденного ровом, говорит о довольно прочной оседлости, которая неминуемо должна была сопровождаться земледелием. Почти на всех горшках из погребений и из культурного слоя могильников сохранился толстый слой нагара на внутренних стенках и на верхней части наружных. Это можно объяснить тем, что в горшках варилась растительная пища, богатая крахмалом и клейковинной, легко пригорающими на горячих стенках сосуда. Характерно, что обильный нагар имеется и на стенках маленьких горшочков емкостью в литр и пол-литра. Это значит, что в горшках варились небольшие порции пищи, надо полагать, из более концентрированных продуктов, какой могла быть каша или полхлеба из пшеничной, ячменной и других круп.

Мало сведений имеется и об охоте и рыболовстве. Изделия из рога оленя и подвеска из рыбьего позвонка указывают на то, что охотой и рыболовством одинцовские племена занимались, но каково было их значение в хозяйстве, остается неясным. Костяные наконечники стрел принято считать оружием не боевым, а охотничьим. В погребениях обнаружено в полтора раза больше костяных наконечников, чем железных. Костяные наконечники встречены в 10 могилах общим числом 31, железные — в 7 могилах общим числом 20. Отсюда можно предполагать, что охота была одной из важнейших отраслей хозяйства. На это же может указывать и обычай носить на поясе нож в прочных ножнах, являющийся характерной принадлежностью повседневного снаряжения охотника. Во всех мужских погребениях, кроме одного (БЕ XIV, могила 29), у пояса погребенного находился нож, часто с остатками ножен.

В общем хозяйство одинцовских племен можно представлять оседлым, не специализированным, а в равной мере основанным как на разведении скота и земледелии, так и на охотничьем и рыбном промыслах. При этом, как сказано выше, в отличие от прежних обитателей Верхней Оби, одинцовские

племена не держали скот в жилищах. Поселок состоял из группы тесно расположенных небольших землянок, рассчитанных на обитание в каждой из них по одной семье. Если раскопки одной такой землянки в поселке около дер. Ирмень не дали указаний на особенности устройства жилища, кроме того, что оно было прямоугольным и углублено в землю на 80 см, то дополнительные сведения об этом дают наблюдения над устройством могил. В большей части могил сохранились остатки деревянного крепления стен из жердей или досок и берестяного покрытия и подстилки могил. В некоторых случаях сохранились и остатки надмогильных срубов. Очевидно, жерди и колотые доски или горбыли были обычным строительным материалом для сооружения стен и кровли жилища, а береста — обычным кровельным материалом. Можно предполагать, что землянки были подобны тем, какие еще в прошлом веке сооружались шорцами, и представляли собой врытый в землю небольшой сруб или так называемый балаган из жердей и горбылей, покрытый берестой и обложенный затем землей (Потапов, 1936, стр. 109; Адрианов, 1888, стр. 294).

Из домашних производств наиболее полно представлено гончарное. Глиняная посуда отличается от всех предшествующих типов керамических изделий на Верхней Оби не только новыми формами и орнаментами, но также иной техникой лепки и способом обработки. Судя по характеру изломов, она лепилась не ленточным способом, а из кома глины, чему соответствует и шарообразная или близкая к ней форма сосудов. Одинцовские горшки отличаются от всех предыдущих и грубой обработкой поверхности — без лощения, в то время как в предшествующие периоды вся посуда делалась лощеной. Орнамент, как правило, оттиснут небрежно.

Отсутствие стандартных форм сосудов и повторяющихся орнаментов указывает на то, что гончарное производство все еще было домашним, рассчитанным на удовлетворение собственных потребностей семьи. Производство не было серийным, а каждый сосуд изготовлялся индивидуально по мере необходимости. Отсюда и получалось бесконечное разнообразие в деталях формы и орнамента. Гончарное дело было, вероятно, отраслью женского труда, как у современных шорцев (Потапов, 1936, стр. 98) и у русского-

населения Верхней Оби, последовавшего, возможно, примеру коренных жителей, на землях которых оно поселилось. В 1925 г. в с. Большая Речка наряду с базарной глиняной посудой широко еще употреблялась и грубая посуда домашнего изготовления. Хозяева сами лепили на ручном кругу горшки и обжигали их в обыкновенной русской печи.

Другие производства хотя и представлены различными изделиями, но об их особенностях трудно судить. В технике изготовления изделий из кости и рога отметить что-либо новое не удастся. В отношении изделий из металла пока невозможно установить, что принадлежит местному производству, а что получено путем обмена. Формы изделий новые, но они общие для обширных территорий (мечи, наконечники стрел, пряжки, крюки для колчана). Точное же место их изготовления неизвестно из-за неизвестности памятников этого времени в соседних районах.

Наличие в памятниках одинцовского этапа многих форм вещей, общих для широких территорий — до Средней Азии на юге, Енисея на востоке, Камы, Оки и Северного Кавказа на западе, свидетельствует о включении верхнеобских племен в широкий межплеменной обмен, главным образом предметами вооружения и украшения. Позднесарматское время было периодом, когда межплеменной обмен получил дальнейшее свое развитие и изделия разных районов в больших количествах распространялись на далекие расстояния. В этот период начались более значительные и частые перемещения древнего населения, что способствовало в свою очередь развитию более интенсивного обмена между племенами не только различного рода товарами, но и различными культурными навыками. Археологические памятники дают пока слабое отражение всего многообразия форм и объектов культурного обмена между племенами. Но появление и на Верхней Оби обычая деформирования головы свидетельствует о том, что различные племена заимствовали друг у друга не только полезные в их жизни хозяйственные и технические навыки, но и различного рода обычаи.

Если для значительной части иноземных вещей трудно указать их точное происхождение, то для некоторых это возможно. Есть вещи, полученные определенно с востока.

Это характерные бронзовые пряжки (табл. XXXIII, 10) таштыкского типа, во множестве изготовлявшиеся только на Енисее. Большая часть вещей, видимо, происходит из районов, расположенных к западу от Верхней Оби. Из них особо надо отметить большую янтарную бусину (табл. XLI, 7), которая проделала путь по крайней мере в 4000 км, прежде чем попала из Прибалтики, Киевщины или Румынии на Верхнюю Обь, хотя возможно, что она происходит с р. Лены, но и в этом случае ей пришлось бы преодолеть путь около 2000 км.

Но как бы ни был значителен культурный межплеменной обмен, какие бы обычаи он заимствовал от своих соседей одинцовские племена, они сохраняли свой ярко выраженный этнографический облик, резко отличающий их от степных соседей и, вероятно, сходный во многом с родственными им племенами северных лесов. Этнографическое своеобразие одинцовских племен наиболее отчетливо проявилось в их обрядах, связанных с культом мертвых, и в формах и орнаментации глиняной посуды. Надо полагать, что также ярко это было выражено и в одеждах и украшениях, но археологические памятники дают пока лишь самое общее представление об одежде. Почти во всех мужских могилах у пояса погребенного находится по две пряжки — большая и малая. Иногда обе железные, иногда одна из них, меньшая, бронзовая. Это значит, что на погребенных мужчинах было надето по два пояса, которыми затягивались, очевидно, две одежды — верхняя и нижняя. В женских могилах только в двух случаях из шести встречены пряжки и только по одной. Повидимому, женская одежда не всегда затягивалась поясом с пряжкой, а если затягивалась, то только нижняя одежда. Ношение двух одежд обычно практикуется в тех случаях, когда нижняя делается более легкой, а верхняя более теплой и тяжелой. Можно предполагать, что у одинцовских племен верхняя одежда была меховой, а нижняя шилась из тканей. Находки глиняных пряслиц в культурном слое могильника БЕ XII указывают на наличие у этих племен прядения, а обычай носить ожерелья из бус практикуется только в тех случаях, когда носят легкую матерчатую одежду или ходят с открытой шеей.

Наибольшие трудности вызывает вопрос об общественном строе населения Верхней

Оби на одинцовском этапе. Можно лишь отметить распределение населения по мелким поселковым группам.

Небольшие могильники на Ближних Елбанах с 7 погребениями в одном и несколько больше чем с 19 в другом могли быть оставлены только небольшим поселком, конечно, при условии более или менее долговременного его существования, таким, например, как исследованный в 1953 г. около дер. Ирмень. Скотоводческо-охотничьему хозяйству лесного типа как раз и свойственны подобного рода небольшие поселки как при родовом строе общества, так и при патриархально-феодальном. Однако имеющиеся памятники еще не дают никаких указаний на то, что общество уже вышло в своем развитии за рамки первобытно-общинного строя. Хотя у нас и нет материалов для конкретной характеристики общественного строя одинцовских племен, общая историческая перспектива развития древних племен южной Сибири, перешедших к патриархально-феодальному строю значительно позже, позволяет предполагать, что и у верхнеобского населения, тесно связанного по культуре, а также, вероятно, и экономически с северными племенами, был патриархально-родовой строй.

Также немного пока можно сказать и об особенностях мировоззрения, религиозных культов и представлений у верхнеобских племен одинцовского этапа. Конкретное своеобразие в этом отношении ярко выявилось только в наличии характерных обрядов, связанных с культом мертвых. Это — подробно описанные уже похоронные и поминальные тризны. Были ли эти тризны связаны с шаманскими культовыми обрядами, сейчас судить трудно, так как не всякое жертвоприношение коня должно было производиться с участием шамана. Если у алтайцев обряд тайэлга представлял собой моление с жертвоприношением, сопровождавшимся камланием шамана (Глухов, 1926, стр. 99), то указанное мною жертвоприношение коня на кладбище у хакасов в то время происходило без участия шамана.

Вот в общих чертах картина общественной жизни одинцовских племен на Верхней Оби, как она может быть представлена по археологическим памятникам, исследованным пока в основном только на Ближних Елбанах. Это начальный этап той культуры, которая еще более отчетливо выделялась

среди других культур южной Сибири своеобразием хозяйственного уклада и общего этнографического облика на последующих ступенях своего развития.

ПЕРЕХОДНЫЙ ЭТАП

Следующая ступень развития верхнеобской культуры, переходный этап, очень четко отражена в формах вещевого материала из погребений. Однако в хозяйственной и общественной жизни населения и в его бытовом укладе по сравнению с одинцовским этапом существенных изменений не произошло. Поэтому выделение памятников переходного этапа и представленной ими культуры в особую культуру, отличную от других, как это было сделано мною в предварительных публикациях (Грязнов, 1949, стр. 116), неправильно. Неправильна была и датировка их первыми веками нашей эры.

Памятники

Основным и почти единственным источником для наших представлений о культуре верхнеобских племен переходного этапа служат материалы двух могильников в пунктах БЕ III и БЕ XII и одного отдельного погребения в пункте БЕ VII.

Могильник БЕ III

Этот наиболее обширный могильник находился на крайней дюне в северо-восточном конце Ближних Елбанов. Дюна развеева ветрами, образовавшими в центральной ее части глубокий выдув и уничтожившими, таким образом, всю верхнюю площадку дюны и основную часть могильника. Сохранились только склоны дюны. На площади в 170 кв. м раскопками обнаружено 12 погребений переходного этапа (табл. XXVI и XLIV). Можно предполагать, что могильник состоял из многих десятков погребений. Раскопки произведены только по юго-восточному склону дюны. Возможно, что более десятка погребений сохранилось еще и на северо-западном склоне.

М о г и л а 1 (табл. XXVII). Прямоугольная яма, длиной 200—220 см, шириной более 50 см, глубиной 85 см. На дне слой древесного тлена, судя по сохранившимся под медными предметами остатками древесины, от досок. Древесный тлен местами сохранился и поверх скелета. Скелет жен-

щины преклонного возраста, на спине, головой на СВ, с кистями рук на бедрах. Череп искусственно деформирован. За черепом повалившийся на бок глиняный сосуд (табл. XLVI, 4). Справа от черепа группа медных предметов: обломок кольца (табл. XLV, 6), тонкая, с вырезанными краями пластинка, две обоймицы с треугольными пастовыми вставками и проволоочная серьга (табл. XLV, 5). Точное местонахождение их не установлено, так как они вывалились из могилы еще до раскопки, при зачистке обнажения. Справа же, возле самого черепа — низка из 18 мелких стеклянных бус и 17 таких же разрозненных бус (табл. XLV, 4). Слева от черепа — железный нож, железный стержень и оселок из серого песчаника. На груди бронзовая подвеска, напоминающая по форме скифский котел (табл. XLV, 7). Слева у кисти роговая трубочка (табл. XLV, 8), у бедра железная пряжка (табл. XLV, 9). Около правой кисти и у левого колена два медных браслета (табл. XLV, 2, 3).

М о г и л а 4. Детское погребение на глубине 35 см, частично расположенное над могилой 5 березовского этапа. На площади 50×25 см остатки костей младенца, погребенного, повидимому, на спине, головой на СВ. Предметов нет.

М о г и л а 6 (табл. XLIV). Яма неправильной формы, 230×70 см, глубиной 60 см. Поверх скелета остатки деревянного покрытия. Скелет юноши, на спине, головой на С. В изголовье глиняная чашечка (табл. XLVI, 3) и две бронзовые бляшки (табл. XLV, 10). Справа от черепа бронзовая серьга (табл. XLV, 11). На шее бронзовая гривна, надетая концами назад (табл. XLV, 1). У пояса железная пряжка, на тазовых костях другая и слева от них железный нож с остатками железных обойм от ножен (табл. XLV, 14) и железный стержень неопределенного назначения. Около таза, на левом бедре кусок конца рога марала (?) и между бедрами железное острие, три железные бусины (?) (табл. XLV, 12, 13) и кусочек красной краски (сурик?) с плоскими от растирания гранями. Около правой кисти 3 железных и 5 костяных наконечников стрел, лежащие пачкой, острием к голове (табл. XLV, 15—19).

М о г и л а 7 (табл. XLIV). Яма прямоугольная, 130×50 см, глубиной 65 см. Скелет женщины (?) преклонного возраста, плохой сохранности, на правом боку, с сильно

согнутыми ногами, головой на СВ. Поверх черепа и верхней части груди раздавленный горшок (табл. XLVI, 1). В ногах железный нож.

М о г и л а 8 (табл. XLIV). Овальная яма, 260×110 см, глубиной 30 см, ориентированная по линии ЮВВ—СЗЗ. В северной части череп коня и отдельно — половина нижней челюсти и фаланги передних ног. В южной части фаланги задних ног, черепки двух разбитых горшков (табл. XLVI, 7, 8) и под ними вторая половина нижней челюсти.

М о г и л а 9. Яма неправильной формы, 190×60 см, глубиной 60 см. Поверх скелета остатки истлевшего деревянного покрытия. Скелет мужчины зрелого возраста, на спине, головой на СВ, с кистями рук на бедрах. Около левого виска бронзовая серьга (табл. XLV, 25). У живота раздавленный горшок (табл. XLVI, 9) и железная пряжка. Другая пряжка на правой тазовой кости. На левой тазовой кости железных нож с обоймами от ножен и две железные пластинки неопределенного назначения. Около правого предплечья железный топор-тесло лезвием к голове. Около левой кисти железное кольцо. В заполнении могилы и под левой тазовой костью находились угольки. Над могилой, в почве, на глубине 30 см лежали железные удила, возможно, к погребению не относящиеся.

М о г и л а 10 (табл. XLIV). Подпрямоугольная яма, 200×70 см, глубиной 60 см. Остатки истлевшего деревянного покрытия. Скелет юноши лет 14, на спине, головой на ССВ. Слева у виска бронзовая серьга (табл. XLV, 26). Справа у плеча два костяных наконечника стрел острием на ССВ. У правого локтя железный нож острием к ногам. У левого локтя железная пряжка. В области таза небольшой железный предмет неопределенного назначения и кусок сурика (?) с широкой гранью, зашлифованной при растирании. В ногах астрагал барана.

М о г и л а 11. Подпрямоугольная яма, 170×70 см, глубиной 65 см, ориентирована по линии З—В. В западном конце обломок горшка. Остатков костей человека и предметов не обнаружено.

М о г и л а 12. Овальная яма, 105×40 см, глубиной 50 см, ориентирована по линии ЮЮЗ—ССВ. В северо-восточном конце остатки черепной крышки и зубы детского скелета. Посередине маленький горшочек

(табл. XLVI, 2). Ребенок был положен, очевидно, головой на ССВ.

Могила 15 (табл. XLIV). Прямоугольная яма, 195×65 см, глубиной 35 см. Скелет женщины около 40 лет, на спине, головой на СВ. Слева у головы глиняный сосуд (табл. XLVI, 5). На черепе 44 бронзовые полусферические бляшки (табл. XLIV; XLV, 24). На шее бронзовая гривна, надетая концами к затылку (табл. XLV, 20). Рядом с ней 7 медных фигурных пластинок, расположенные полукругом (табл. XLV, 23). Под черепом медная серьга (табл. XLV, 21). Вдоль левого бедра деревянная палочка, обвитая по спирали медной лентой (рукоять бича?) (табл. XLV, 22).

Могила 16 (табл. XLIV). Погребение в почвенном слое на глубине 20—25 см. Скелет мужчины преклонного возраста, на спине, головой на СВ, с кистями рук на бедрах. У пояса две железные пряжки (табл. XLV, 28, 29).

Могила 17. Овальная яма, 200×130 см, глубиной 60 см, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. В северо-восточном конце небольшой горшочек (табл. XLVI, 6). Остатков костей человека и предметов не сохранилось.

В число 12 описанных могил включено захоронение шкуры коня (могила 8). По-видимому, к остаткам подобного рода жертвенных захоронений и остаткам намогильных тризн следует отнести находки различных предметов в почвенном слое. Так как среди них нет датируемых березовским этапом, кроме одного небольшого черепка, а достоверно датируемые (керамика и бронзовая серьга) определяются временем описываемого могильника, то можно полагать, что все найденные здесь предметы синхронны этому могильнику.

В почвенном слое на раскопанной площади могильника находились ряды плохо сохранившихся зубов лошади, иногда с прилегающими частями черепных костей. Это, очевидно, остатки лежавших здесь прежде целых черепов. Только в одном случае, в 80 см к северу от захоронения лошадиной шкуры (могила 8), почти полностью сохранилась нижняя челюсть лошади. Как и на могильнике одинцовского этапа, здесь, очевидно, совершались такие же намогильные тризны, сопровождавшиеся жертвоприношением коня и оставлением его шкуры на кладбище. Череп и кости, оставшиеся

от одной такой шкуры, зарытой в свое время на глубину 30 см (могила 8), хорошо сохранились.

В разных местах между могилами найдены также черепки не менее чем от 7 горшков, совершенно подобных тем, которые находились и могилах. Так как это были не мелкие разрозненные черепки, а обычно крупные фрагменты сосудов, кроме того, отдельные черепки одного сосуда часто находились недалеко один от другого, их следует рассматривать как остатки намогильных тризн.

Кроме горшечных черепков, в почвенном слое найдены упомянутые уже железные удила над могилой 9 (табл. XLV, 35), другие удила к СВ от могилы 17, железный нож к В от могилы 6 (табл. XLV, 33), железный наконечник стрелы к З от могилы 8 (табл. XLV, 34), костяной наконечник стрелы между могилами 7 и 12, 5 роговых втульчатых наконечников стрел в виде тупоконечных набалдашников к Ю от могилы 7 (табл. XLV, 31, 32), обломок костяного предмета неизвестного назначения там же и бронзовая серьга к Ю от могилы 6 (табл. XLV, 27).

Могильник БЕ XII

Второй могильник или, точнее, небольшая группа могил, находился в пункте БЕ XII. Здесь среди погребений разных других эпох обнаружено 4 погребения переходного этапа, расположенных по северо-западному склону дюны в стороне от группы могил одинцовского этапа.

Могила 1 (табл. XLVI). Погребение в почвенном слое сразу же под дерновым слоем. Скелет мужчины лет 60, на спине, головой на ВСВ. Слева у черепа горшок (табл. XLVII, 2). На шее медная гривна, несколько сместившаяся, а первоначально надетая концами назад (табл. XLVII, 12). На левом предплечье железный и 2 костяных наконечника стрел, лежащих пачкой, острием к голове, а четвертый наконечник, костяной, находился на правом локте острием к груди (табл. XLVII, 9—11). Справа у пояса железный нож (табл. XLVII, 7) и каменный оселок (табл. XLVII, 8). У таза железная пряжка.

Могила 11 (табл. XLVII). Границы могильной ямы неясны. Глубина 85 см. Скелет мужчины 30—40 лет, на спине, головой на С. Вдоль северной стенки могилы, в 20—25 см от черепа, остатки прижатого

к стенке края берестяной подстилки. Слева от черепа, в углу могилы, горшок (табл. XLVII, 1). На шее гривна, надетая концами назад (табл. XLVII, 14). Под черепом остатки ткани и разрушившийся плоский костяной предмет. В области поясницы железная пряжка, на тазовых костях другая. На левой тазовой кости железный нож с обоями от ножен. Другой нож без ножен слева, между бедром и кистью. Слева, между тазом и предплечьем, 4 костяных и 2 железных наконечника стрел, лежащие пачкой, и с ними костяная палочка-застежка (табл. XLVII, 4—6, 15).

М о г и л а 23 (табл. XLVII). Погребение в почвенном слое, на глубине около 25 см, на склоне дюны. Кости правой ноги ниже колена отсутствуют, а левой стопы сползли по склону дюны на 70 см от своего первоначального места. Скелет женщины 40—60 лет, на спине, головой на ССВ. Слева у головы горшок, раздавленный, на боку.

М о г и л а 30 (табл. XLVI). Такое же погребение на глубине около 20 см, на крутом склоне дюны. Кости сильно смещены вследствие оползания грунта. Кости левой ноги ниже колена отсутствуют. Скелет женщины 40—60 лет, на спине, головой на ССВ. Череп искусственно деформирован (табл. XLIII, 3). Около крестцовой кости железная пряжка (табл. XLVII).

В почвенном слое дюны, среди могил, находилось, как уже отмечено при описании одиночских погребений, довольно много различных предметов. Так как среди черепков не было встречено ни одного современного рассматриваемым погребениям, а также ни одного достоверно синхронного им предмета, то установить наличие и на этом могильнике остатков намогильных тризн не удастся.

Погребение в пункте БЕ VII

Отдельное погребение открыто в пункте БЕ VII, при раскопках обширного могильника с погребениями большереченского и фоминского этапов и нескольких погребений других эпох (табл. XLVIII). Могила 15, исследованная в 1946 г., была первоначально отнесена к фоминскому этапу, так как содержала в себе остатки трупосожжения и довольно близкий к фоминским глиняный сосуд. Однако в следующем году, когда определился более отчетливо тип

памятников переходного этапа, она была отнесена к этому типу памятников.

М о г и л а 15. Овальная яма, 90×55 см, глубиной 60 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. В северо-восточной половине повалившийся на бок горшок (табл. XLIX, 6). Посередине, на дне, пепел и медная серьга (табл. XLVII, 13).

Все эти погребения составляют однородную группу памятников, ясно отличимых от других групп по составу и формам сопровождающих вещей, а от погребений следующего этапа, фоминского, и способом погребения.

Большая часть могил представляет собой небольшие ямы от 35 до 85 см глубиной. В некоторых же случаях погребения совершены на поверхности земли. Возможно, что над положенным на землю покойником сооружалась небольшая деревянная постройка, сохранявшая труп от растаскивания его животными. Сгнившие бревна обрушились затем на останки погребенного и прикрыли их слоем истлевшей древесины, со временем совершенно разложившейся. В одиночском могильнике БЕ XIV, где условия сохранности были несколько лучше, на некоторых могилах, как отмечено выше, до нас дошли остатки таких построек. В дальнейшем в результате почвообразовательных процессов кости и тяжелые предметы погрузились в нижние горизонты почвенного слоя. Так, повидимому, было с могилами 1, 23 и 30 в пункте БЕ XII и 16 в пункте БЕ III, остатки погребения которых в момент раскопок находились в почвенном слое на глубине 20—25 см от поверхности дюны. Для всех остальных погребений были вырыты ямы, хотя и неглубокие. Дно могил 1, 4, 15 и 16 в пункте БЕ III, глубина которых была около 35 см, находилось уже в грунте, ниже почвенного слоя.

Обычай погребать одних покойников в землю, а других хоронить на поверхности появился на Верхней Оби в одиночское время. Более отчетливо он наблюдается по памятникам переходного этапа и, как увидим ниже, фоминского. Такой обычай был характерен и для ананьинских племен Приуралья. А. В. Збруева (1952, стр. 111) совершенно правильно предполагает, что погребения, находящиеся в почвенном слое на глубине 20—30 см, совершались зимой, когда трудно рыть мерзлую землю, а захо-

ронения на глубине 50—80 см — летом. Однако она ошибается, полагая, что зимние могилы устраивались в верхнем слое земли, а не на ее поверхности. Подобный обычай отмечен у карагасов (современные тофа), которые умерших в теплое время закапывали в землю, а умерших зимой укладывали прямо на землю и сооружали над ними небольшой сруб наподобие ящика с потолком (Катанов, 1891, стр. 145, 185).

Остатки внутреннего устройства могил сохранились в ряде погребений. Так, в четырех могилах прослежены остатки истлевшего дерева, в одной из них от досок, положенных на дно, и досок, закрывавших погребенного, в трех остальных — только закрывавших погребенного. В одной могиле сохранились остатки берестяной подстилки. Возможно, что деревянное или берестяное покрытие, как и в одинцовское время, было и во всех других могилах, но в условиях хорошо промываемого водами несчаного грунта не сохранилось.

Все погребения ориентированы головой на СВ, с отклонениями преимущественно в сторону севера, в одном случае (могила 6) головой почти точно на С. Погребенные лежат на спине, в вытянутом положении, в трех случаях с кистями рук на бедрах, в остальных — вдоль тела. Возможно, что и в последнем случае руки были положены на бедра, но со временем, при разложении трупа, они свалились на стороны. Только в одной могиле, женской, труп был положен на бок с согнутыми ногами.

В шести могилах погребены мужчины (4 взрослых и 2 юноши), в четырех — взрослые женщины, в двух — дети. В трех случаях пол неизвестен. Мужские, женские и детские погребения довольно ясно различаются по составу сопровождающих их вещей. Почти во всех могилах находятся горшки, по одному в могиле, обычно в изголовье, но в одном случае поверх груди и в двух — на животе.

Одно мужское погребение было бедно находками и, кроме простой железной пряжки, ничего не содержало. Остальные пять сопровождалась серией различных предметов. У пояса находился нож, в трех случаях с остатками ножен. У всех, кроме одного, был положен колчан со стрелами, о чем можно судить по направлению наконечников стрел, всегда лежащих пачкой, острием к голове. У погребенного без стрел был по-

ложен топор. Во всех мужских погребениях у пояса находились железные пряжки, обычно по две: одна, вероятно, для пояса от рубахи или кафтана, другая — от шубы. Украшением служили медная гривна (3 случая), медная серьга в левом (2 случая) или в правом (1 случай) ухе.

В женских погребениях оружие отсутствует. В одной могиле был положен нож и оселок, но не у пояса, а в изголовье погребенной, в другой нож находился в ногах. Украшения были в двух могилах. В одной (БЕ III, могила 1) женщина погребена с медными браслетами, серьгой, мелкими стеклянными бусами, медной подвеской и пр. В другой (БЕ III, могила 15) умершая погребена в головном уборе с нашитыми на нем медными бляшками, с гривной, украшениями ворота или нагрудника и проволоочной подвеской, возможно серьгой. В двух случаях в области живота находились железные пряжки, как и в мужских могилах, но по одной, а не по две.

В обоих детских погребениях ничего, кроме горшка, не находилось.

По обряду погребения отличаются два погребения. В могиле 7 в пункте БЕ III погребенная лежала на правом боку с согнутыми ногами. В могиле 15 в пункте БЕ VII погребен пепел сожженного покойника, судя по форме медной серьги, мужчины.

Как и в предшествующее время, на кладбище совершались надмогильные тризны, что достоверно устанавливается пока лишь для могильника БЕ III, в почвенном слое которого обнаружены остатки черепов лошадей, обломки разбитой глиняной посуды и разные предметы, как то: удила, наконечники стрел, нож, серьга. Наиболее интересно хорошо сохранившееся захоронение шкуры жертвенного коня (могила 8).

Датировка

По обряду погребения памятники переходного этапа сходны с предшествующими им, одинцовскими. Такие же неглубокие могилы и захоронения на поверхности земли, та же ориентировка погребенных и такой же обычай надмогильных тризн. Хорошо сохранившееся захоронение шкуры коня в могильнике БЕ III объясняет частое нахождение остатков конских черепов в почвенном слое могильников одинцовского этапа.

Очевидно, и там совершались жертвоприношения коня с оставлением на кладбище его шкуры. Новым для рассматриваемых памятников является первый случай погребения по способу трупосожжения, который в следующий период становится господствующей формой погребального обряда. Погребение это (БЕ VII, могила 15) находилось на кладбище фоминского этапа. Возможно, что оно и является одним из первых погребений в могильнике фоминского этапа, совершенным уже по новому обряду, но с вещами старых типов.

Наиболее характерной для памятников переходного этапа является глиняная посуда. Она близка к одинцовской по форме, а главным образом по орнаменту, настолько близка, что некоторые отдельные сосуды вполне могут быть отнесены как к той, так и к другой группе. Но в отличие от одинцовской посуды здесь нет ни одного горшка с четко отвороченным венчиком и тем более с узким горлом. Сосуды преимущественно высокой формы, иногда с прямыми стенками в верхней части (табл. XLVI, 1, 4, 5), но чаще со слабо выраженным незначительным изгибом у края венчика, напоминающим отворот венчика, характерный для одинцовских горшков (табл. XLVI, 7, 9). Край венчика большей частью косо срезан с внутренней стороны, по срезу нанесен ряд оттисков зубчатого или гладкого штампа. Орнамент, как и у одинцовской посуды, состоит из ряда круглых ямок и нескольких поясков из оттисков крупнозубчатого штампа или рядов оттисков палочки, причем оттиски штампа обычно перекрывают собой ряд круглых ямок. В некоторых случаях орнамент ограничивается только рядом ямок, а два маленьких, грубо вылепленных горшочка вообще не орнаментированы. В отличие от одинцовской посуды здесь не встречаются ряды косых оттисков гребенки и комбинации оттисков гребенки с оттисками палочки.

Наконечники стрел, как железные, так и костяные, плохо сохранились, однако можно видеть, что они принадлежат тем же формам, что и одинцовские. Железные наконечники стрел были трехперые, узкие, таких же размеров, как и в одинцовских погребениях. Костяные наконечники, полностью сохранившие свою форму, имеют ромбическое сечение и длинный плоский черешок. Место перехода лезвия пера в че-

решок образует тупой угол. Остальные, плохо сохранившиеся костяные наконечники, повидимому, все были такой же формы.

Характерными для переходного этапа являются и ножи. По форме клинка они не отличаются от ножей предшествующего и последующего периодов. В мужских погребениях они находились у пояса, в ножнах с железными обоями, такими же, как и в предшествующий период, но без цепочек для подвешивания. В женских погребениях нож без ножен и положен в могилу в изголовье или в ногах умершей.

Пряжки, обнаруженные в семи погребениях (шесть мужских и двух женских), все однотипны, можно сказать, стандартны — круглое железное кольцо с подвижным язычком (табл. XLVII, 3). Такие пряжки наряду с пряжками других типов находились и в погребениях одинцовского этапа.

Очень характерны медные гривны, обнаруженные в трех мужских погребениях и одном женском. Концы их не сомкнуты, а отстоят на 7—11 см один от другого. Надевались они несомкнутыми концами к затылку и завязывались позади шеи, видимо, ремешком или шнурком, для чего концы их загнуты петелькой. Эта особенность отличает гривны, обнаруженные на Ближних Елбанах, от гривен Восточной Европы и затрудняет нахождение среди последних аналогий для хронологических сопоставлений. Можно лишь видеть, что гривны Ближних Елбанов по характеру сечения их жгута сходны в какой-то мере с гривнами рязанских могильников III—VII вв. н. э. (Ефименко, 1926). Сходны они с ними и тем, что надевались, в отличие от более ранних типов и от славянских, средней частью вперед.

Серьги из мужских погребений все однотипны. Они сделаны из проволоки, расплюснутая часть которой скручена по спирали и образует висающую вниз трубку (табл. XLV, 25—27). Подобная серьга, отличающаяся лишь меньшим диаметром кольца, происходит из Вичмарского могильника (Худяков, 1929, табл. 6), датируемого III—IV вв. н. э. (Смирнов, 1952, стр. 81). В других могильниках пьяноборской культуры встречаются серьги, отличающиеся от наших удлиненно конической формой спирали, или же спираль заменена полый конической трубкой, иногда с поперечными валиками,

имитирующими спираль (Спицын, 1901, табл. I, 4, 5).

Обе серьги из женских погребений принадлежат другим формам. Одна из них имеет вид широкого кольца из меандрообразно согнутой проволоки (табл. XLV, 21), другая скручена из проволоки в два S-образно расположенных спиральных щитка, к сожалению, конец для продевания серьги в ухо утрачен (табл. XLV, 5). Наиболее интересна вторая серьга. Точных аналогий для нее в лесных районах Западной Сибири и Восточной Европы найти не удалось. Есть лишь серьги, представляющие собой также щиток из спирально скрученной проволоки с S-образно соединенным с ним кольцом. Одна такая серьга найдена в Зуевском могильнике (ОАК, 1898, рис. 75). Пара серег, совершенно подобных нашей серьге, найдена в первом Катадинском могильнике на Алтае. Так как могильник этот дает и другие аналогии памятникам переходного этапа, остановлюсь на нем подробнее.

В первом Катадинском могильнике В. В. Радлов раскопал 8 курганов с каменной насыпью, диаметром 2—6 м (1—3 сажени), высотой 35—70 см ($\frac{1}{2}$ —1 аршин). Четыре из них оказались разграбленными, остальные были все одинакового устройства. В южной половине могилы на глубине 1 м ($1\frac{1}{2}$ аршина) погребены кони: в первом кургане два, во втором два коня и жеребенок, в третьем три коня, в четвертом — один. Один из коней в каждой могиле был снабжен железными удилами. В первых трех курганах, в северной половине могилы, на 35—70 см ($\frac{1}{2}$ —1 аршин) глубже, находилось погребение человека.

В мужских погребениях этого могильника найдены 13 наконечников стрел, костяных и железных, железные нож и наконечник копья и костяные накладки на лук. При женском скелете обнаружены остатки кожного головного убора, с нашитыми на нем медными бляшками,¹ части вязаных шерстяных чулок, пара медных серег, серебряное кольцо, пряслице из светлосерого песчаника, две костяные бусины, железный топор-тесло, сломанный каменный брусек и костяная

пластинка.¹ В четвертом кургане костей человека не обнаружено, но в той части, где они должны быть, на 70 см (1 аршин) глубже захоронения коня, в северной половине могилы, лежали остатки одежды — меховой шубы, узких штанов из грубой шерстяной ткани и войлочных сапог с простеганными подошвами и загнутыми голенищами.²

Найденные в первом Катадинском могильнике вещи не давали пока оснований для более точной его датировки. Теперь его можно сопоставлять с памятниками переходного этапа на Ближних Елбанах. В этом отношении интересно женское погребение с серьгами, совершенно подобными серьге из могилы 1 в БЕ III, с таким же точильным брусом и с головным убором, украшенным, как и найденный в могиле 15 в пункте БЕ III, мелкими полусферическими бляшками. Однако курганы в Катаде имеют и существенные отличия — в каждой могиле с человеком погребены кони, чего нет в Ближних Елбанах. Там коня съедали, а на кладбище оставляли только его шкуру.

Из найденных в погребениях переходного этапа предметов заслуживает внимания еще медная подвеска из женского погребения, представляющая собой миниатюрное изображение бронзового котла скифского типа (табл. XLV, 7). Такие миниатюры характерны для таштыкских погребений на Енисее, датируемых первой половиной первого тысячелетия (Киселев, 1951, табл. XXXVIII, 7, 9, 10; Теплоухов, 1929, табл. II, 4; Tallgren, 1917, табл. 13, 27). Эта фигурка, как и некоторые таштыкские, имеет на дне сквозное отверстие и, перевернутая в обратном положении, могла служить ворворкой или подвеской. Так и было с одной такой подвеской из таштыкского погребения на Уйбате — в ее конической ножке сохранился ремешок, конец которого, завязанный узлом, находился внутри сосуда (Киселев, 1951, стр. 430). Миниатюрным котлом заканчивается и серьга из случайных находок в районе Верхней Оби, хранящаяся в Бийском музее и подобная серьгам из мужских погребений на Ближних Елбанах. Такая фигурка из-

¹ У Радлова сказано: «... следы головного убора из ткани, украшенной медными бляшками». Однако в ГИМ, где хранятся эти вещи, имеется лишь обрывок тонкой кожи со следами от бляшек и обрывками сухожильных ниток и отдельно шесть бляшек.

¹ Упомянутая Радловым «рыбья кость в виде полумесяца, служившая частью головного убора», должна быть исключена, так как это подязычная кость человека, ошибочно принятая Радловым за изделие из рыбьей кости.

² Описание могил первого Катадинского могильника см.: Радлов, 1895; Захаров, 1926, стр. 76—80 и табл. II.

вестна и в одном из сарматских погребений II в. н. э. на Нижней Волге. Она найдена при скелете женщины, справа около таза, и была, вероятно, подвешена к поясу или косе, но, в отличие от таштыкских, не в опрокинутом виде, а, судя по остаткам ремешка, продетого через ручки, в нормальном положении, ножкой вниз (Rau, 1927, рис. 49 и стр. 34). Подвески, имитирующие форму бронзового котла, можно сблизить и с подвесками в виде полых фигурок птиц в памятниках ломоватовской культуры в Приуралье. Они имеют также обращенную вниз полость, отверстие наверху для продевания шнурка и пару петелек или глухих полукруглых выступов по нижнему краю, подобных ручкам котла на нашей подвеске (см., например, Спицын, 1906, рис. 337, 338, 340).

Рассмотренные предметы не дают оснований для установления сколько-нибудь точной абсолютной хронологии памятников. Аналогии некоторым из них находятся в памятниках пьяноборской культуры Приуралья (серьги из мужских погребений), таштыкской культуры на Енисее (подвеска в форме скифского котла) и в различных могильниках III—VII вв. (гривны). Все это позволяет говорить лишь о том, что рассматриваемые могильники на Ближних Елбанах могут относиться ко времени в пределах первой половины и середины I тысячелетия н. э. Несколько точнее определение абсолютной хронологии возможно пока лишь при установлении относительной хронологии различных памятников, исследованных на Ближних Елбанах.

По целому ряду признаков рассматриваемые могильники занимают промежуточное положение между могильниками одинцовского и фоминского этапов. По обряду погребения они сходны с одинцовскими, только не встречено погребения с конем, как то было дважды в одинцовских, зато наблюдается первый случай трупосожжения — обряда, обычного для погребений фоминского этапа. Погребения, открытые в пункте БЕ XII, расположены в неудобном месте по склону дюны, возможно потому, что центральная часть дюны была занята погребениями одинцовского этапа, сохранявшими тогда еще остатки надмогильных сооружений.

Ножны для носимого на поясе ножа имеют такие же железные обоймы, как в одинцовских погребениях, но без цепочек

для подвешивания к поясу. В фоминских погребениях ножны иного устройства — с медной накладкой. Характерны железные пряжки в виде круглого кольца с подвижным язычком, появившиеся еще в одинцовских погребениях.

Наиболее показательна глиняная посуда. Горшки, подобно одинцовским, сохраняют орнамент в виде рядов преимущественно вертикальных отисков крупнозубчатого штампа, частично налегающих на ряд круглых ямок. Сохранился у многих горшков и более или менее выраженный отворот венчика, но узкого горлышка уже нет. По форме они ближе к фоминским горшкам, стенки которых всегда прямые у венчика, а орнамент обогатился несколькими новыми формами четких фигурных штампов и, как правило, образует строгий узор из комбинации рядов отисков разных штампов, сохраняя попрежнему посередине ряд круглых ямок, иногда два ряда. Все три типа глиняной посуды связаны последовательно серией переходных форм. Некоторые отдельно взятые горшки могут быть с одинаковым успехом отнесены к одному из двух смежных этапов. Но горшки одинцовского и фоминского этапов уже настолько различаются между собой, что ни один из них не вызывает сомнений при отнесении его к определенному этапу.

Памятники одинцовского этапа датируются временем около III—IV вв. н. э. Поскольку же рассматриваемые погребения в пунктах БЕ III и БЕ XII принадлежат к последующему периоду, то начальная дата их определяется временем не раньше V в. Это и дает основание относить переходный этап примерно к середине первого тысячелетия.

Культура

Некоторые отдельные предметы из погребений переходного этапа находят себе аналогии в памятниках степных племен. Окруженные с трех сторон степняками, племена Верхней Оби не могли быть изолированными от них. Несомненно, существовал взаимный культурный обмен, приводивший к получению различных изделий от соседних племен, к заимствованию от них некоторых культурных приобретений. Однако по своему хозяйственному и бытовому укладу племена Верхней Оби в середине I тысячелетия были настолько отличны от своих степных

соседей, что лишь очень немногие могли включать в свою культуру из их достижений. Также мало могло быть воспринято от них и их соседями. Если в первом Катадинском могильнике на Алтае и отмечалось наличие нескольких предметов, сходных с верхнеобскими, то памятник в целом характеризует совсем иной тип культуры — культуру кочевников.

Материал, полученный раскопками только погребений, сравнительно небольшой и относящийся к одному древнему поселку, недостаточен для сколько-нибудь полного освещения особенностей культуры верхнеобских племен переходного этапа.

Как и для одинцовского этапа, несомненно оседлый образ жизни при развитом скотоводстве. Если теперь не встречается погребений с копом, то при намогильных тризнах жертвоприношение коня и оставление его шкуры на кладбище были обычны. Конь, очевидно, попрежнему имел крупное значение в хозяйстве. О других видах скота исследования памятники не дают материала. О наличии земледелия можно лишь предполагать. Крупную роль в хозяйстве продолжала играть охота. Ношение мужчинами одежды с крепким, судя по наличию довольно прочных железных пряжек, поясом, на котором подвешивался нож в ножнах, указывает на то, что мужчины занимались охотничьим промыслом. Вероятно, крупное значение имел промысел пушного зверя, на что указывает находка роговых наконечников стрел в виде набалдашников, рассчитанных на то, чтобы оглушить зверя ударом, не испортив шкурки (табл. XLV, 31, 32).

Из бытовых особенностей следует отметить сложившиеся формы мужского и женского наряда. Мужчины носили одежду, подпоясанную ремнем. Шуба подпоясывалась другим ремнем, на котором всегда висел нож в ножнах. На шею надевали медную гривну. В одном ухе, левом или правом, висела медная проволоочная серьга с трубчатой-спиралью на конце. Интересно, что у обоих погребенных юношей где-то у пояса находились куски красной краски со следами их растирания, что не встречено ни в одном другом погребении. Наряд женщин отличался, как правило, отсутствием крепких поясов. Нож не был принадлежностью наряда. В моглах он положен отдельно, в изголовье или в ногах. На шею одевалась гривна,

такая же, как и у мужчин. Серьги были также проволоочные, но более сложной формы, и также носились только в одном ухе. Женский наряд имел больше украшений. Женщины носили браслеты, медные подвески, головной убор, украшенный медными нашивными бляшками.

Попрежнему распространен обычай деформации головы. Из шести сохранившихся черепов у пяти наблюдалась хорошо выраженная искусственная деформация (БЕ III, могилы 1, 9, 15 и 16; БЕ XII, могила 30), один не был деформирован (БЕ III, могила 10). Деформация во всех случаях затылочная, в результате чего голова становилась неестественно укороченной, с высоким теменем, высоким прямым лбом, плоским затылком (табл. XLIII).

Можно предполагать, что жилища покрывались берестой и, вероятно, другой древесной корой, так как покрытие могилы берестой (БЕ XII, могила 11) могло производиться лишь в обществе, широко применявшем ее в качестве кровельного материала. Пол в жилищах, был, повидимому, земляной, на что указывает глиняная посуда со сферическим дном. У нас распространено ошибочное мнение, будто бы посуда с выпуклым сферическим дном свойственна только кочевым народам. Это неверно хотя бы потому, что такая форма посуды была, например, основной у древних лесных племен Приуралья в течение многих веков, начиная с ананьинского времени, а между тем эти племена были оседлыми и жили в постоянных жилищах. Некоторые горшки покрыты слоем нагара, указывающим на то, что в них варились пища. Как и в одинцовское время, в моглах отсутствуют остатки мясной пищи. Ритуальная пища, которую ставили в горшках умершему, была, очевидно, растительной или молочной. Но намогильные тризны, похоронные или поминальные, сопровождалась закланием коня, мясо которого съедалось более или менее значительным коллективом. Конь, вероятно, использовался главным образом для верховой езды, хотя прямых указаний на это памятники не дают, если не считать находку в почвенном слое на кладбище в пункте БЕ III двух экземпляров удила.

Следует отметить, что из шести мужских погребений в четырех были обнаружены наконечники стрел и в одном железный топор-тесло. Следовательно, один мужчина был

погребен без всякого оружия, один с топором и четыре со стрелами и, надо думать, с луком. Топор, вероятно, являлся не оружием, а орудием труда. Возможно, и стрелы с луком были не боевыми, а охотничьими. В каждой могиле большая часть стрел была с костяными, а не с железными наконечниками; лук, если действительно он был положен в могилу, был также не боевым —

недостаточны, чтобы судить о конкретных формах социального строя и идеологии этого времени.

ФОМИНСКИЙ ЭТАП

В Бийском музее хранится серия глиняных горшков, доставленных из с. Фоминского (рис. 19). Все семь горшков в общем оди-

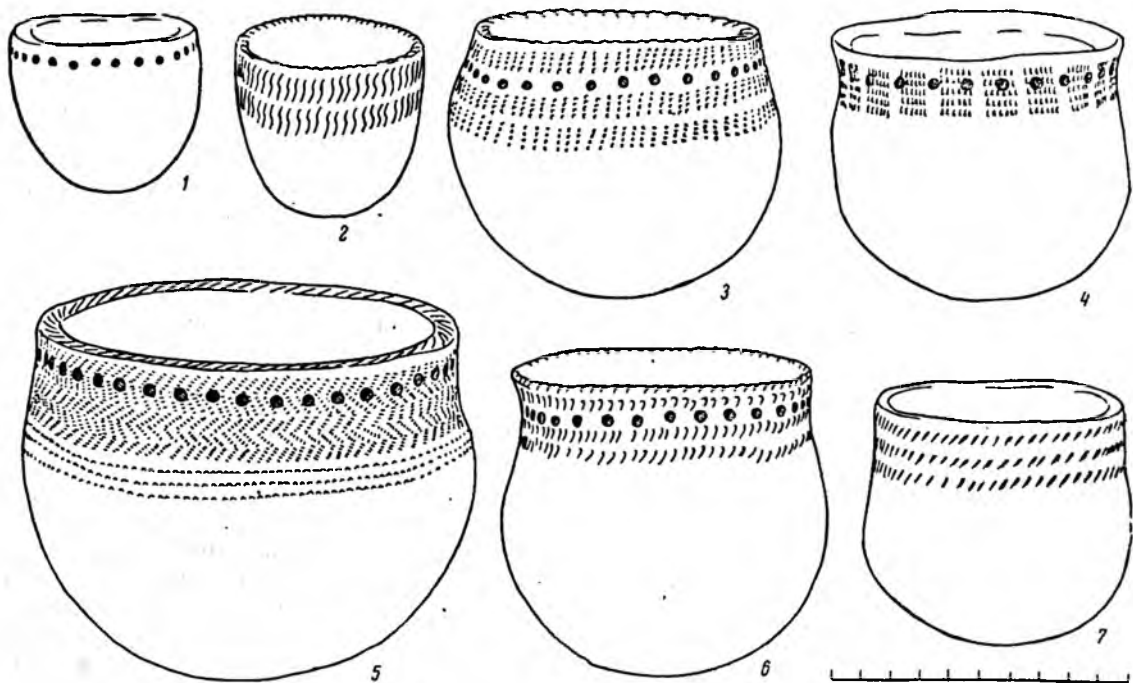

Рис. 19. Глиняная посуда из с. Фоминского.

с роговыми накладками, как это характерно для степных племен южной Сибири того времени, а охотничьим. Во всяком случае, погребенные с оружием мужчины если и были воинами, то вооружение их, даже по тому времени, было слабым и несовершенным. Следует полагать, что военная деятельность обитателей Ближних Елбанов не была столь важной и обычной в их жизни, как у современных им горных и степных племен южной Сибири.

Этими краткими замечаниями пока и ограничиваются наши возможности в освещении культуры племен Верхней Оби переходного этапа в середине I тысячелетия н. э. Имеющиеся материалы еще совершенно

наковы по форме и орнаменту, и так как горшки все целы, следует полагать, что они происходят из погребений. В каталоге музея указано, что возле одного из горшков найдены костяные наконечники стрел и остатки сожженных костей. Очевидно, это был могильник с погребениями, совершенными по способу трупосожжения.

Открытие в 1946 г. на Ближних Елбанах поселения и современного ему могильника со своеобразным обрядом погребения, своеобразной керамикой и другими вещами позволило установить наличие особого этапа в развитии культуры древних племен Верхней Оби. Так как единственной тогда аналогией открытым памятникам на Верхней Оби

были указанные находки близ с. Фоминского, то этап этот был назван мною фоминским. Хотя могильник у с. Фоминского недостаточно характерен и за последние годы открыты более выразительные памятники, тем не менее следует сохранить, может быть и не вполне удачное, но теперь уже привычное первое наименование этапа.

Памятники

До последних лет наиболее полно исследованными памятниками фоминского этапа на Верхней Оби были могильник и остатки поселения на Ближних Елбанах. В 1952—1953 гг. открыты еще два поселения и могильник ниже по Оби, близ дер. Ирмень, недалеко от Новосибирска, давшие новый дополнительный материал для характеристики фоминского этапа. Однако материал этот еще детально не изучен и в настоящей работе привлекается лишь частично. В качестве основных источников для освещения культуры верхнеобских племен этого времени использованы могильник в пункте БЕ VII и поселение в пункте БЕ IV.

Могильник БЕ VII

Могильник расположен на большой дюне, где задолго до этого было обширное кладбище большебереченского этапа, а в более позднее время здесь устраивались отдельные погребения. Из общего числа 108 могил разного времени 30 погребений принадлежат фоминскому этапу. Судя по их расположению на вскрытой раскопками площади, могильник фоминского этапа раскопан не полностью. Несколько могил несомненно развеяно ветрами в южной части дюны, а за пределами раскопанной площади может находиться еще десяток или больше могил. Общее число погребений фоминского этапа могло достигать здесь четырех-пяти десятков.

Могила 6. Прямоугольная яма, 160×80 см, глубиной около 50 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Поверх погребения остатки, вероятно, бересты в виде полуобгорелых и местами спекшихся листов и мелкие древесные угольки. На дне могилы пепел¹ и следующие предметы: две глиняные чашки (табл. L, 7, 15); оплавленный на огне медный предмет; железный топор-тесло;

железная прямоугольная пластинка; костяной предмет (наконечник стрелы?); железный нож; 8 костяных наконечников стрел, лежавших пачкой (в колчане?) (табл. LI, 6—11); железная полусферическая пуговица, повидимому, с петелькой на обратной стороне; роговой гарпун (табл. LI, 1); костяное острое (табл. LI, 5); роговой блок или пряжка-крюк (табл. LI, 4); роговой полый полуцилиндр с необработанной естественной поверхностью рога (табл. LI, 3); железная пластинка (распавшаяся) длиной не более 4—5 см; железная пряжка (?); кусочек минеральной краски (сурик) с несколькими плоскими гранями, зашлифованными при растирании. Кроме того, в могиле сохранились кости рыбы (нет головы и хвостовой части), судя по длине ребер (5.5 см), ширина рыбы 8—10 см.

Могила 8. Подпрямоугольная яма, 170×60 см, глубиной меньше метра (почвенный слой над могилой развеян ветрами). Скелет женщины около 40 лет, на спине, головой на СВ. Между бедрами плохо сохранившийся череп ребенка с молочными зубами. Между колен железный нож. Около левой стопы сильно окисленный железный предмет и несколько угольков.

Могила 9. Прямоугольная яма, 190×75 см, глубиной 75 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. На глубине 40 см остатки двух обугленных кусков дерева длиной до метра. На дне могилы в беспорядке разрозненные кости взрослого человека и среди них в средней части могилы небольшой горшок (табл. L, 25) и костяной наконечник стрелы.

Могила 20. Яма размером 105×60 см, глубиной 60 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. На дне ямы, преимущественно в юго-западной половине, пепел и следующие вещи: глиняная чашка (табл. L, 13); железный нож; серия железных бляшек или обоймиц, сильно окислившись и рассыпавшихся; роговой гребешок (табл. LII, 21); роговая обоймица с орнаментом на лицевой стороне и двумя круглыми отверстиями на узкой грани (табл. LII, 20).

Могила 25. Прямоугольная яма, 130×70 см, глубиной 55 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. На дне ее, в средней части, пепел и следующие предметы: глиняная чашка вверх дном, а над ней небольшой железный предмет (пряжка?); железная пряжка; железный предмет неизвестного

¹ Здесь и в дальнейшем пеплом называется зола с мелкими кусочками пережженных костей.

назначения, представляющий собой, видимо, часть какого-то предмета из дерева или кожи.

М о г и л а 26. Остатки погребения в почвенном слое, на глубине 15 см, на площади 90×40 см. В северо-восточной части пепел и куски обгоревшей бересты. В юго-западной части обломки трех костяных наконечников стрел, частично обгорелых (табл. LII, 15, 16), и глиняная чашка (табл. L, 12).

М о г и л а 30 (табл. XLIX). Яма неясных очертаний, размерами около 100×40 см, глубиной 30 см, ориентированная по линии ЮЗ—СВ, пепел и следующие предметы: глиняный горшок (табл. L, 31); железное кольцо с бронзовой обоймой (табл. LI, 18); две бронзовые бляшки (табл. LI, 15, 16); бронзовая прямоугольная бляшка с петелькой на обороте (табл. LI, 19); бронзовая накладка на ножны ножа (табл. LI, 14); костяной гребешок (табл. LI, 17).

М о г и л а 31. Остатки погребения на площади 100×70 см, на глубине 30 см. Среди пепла глиняная чашка (табл. L, 4); 4 железные круглые бляшки (табл. LII, 19); железный нож (табл. LII, 18).

М о г и л а 32. Прямоугольная яма, 200×100 см, глубиной 90 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. В юго-восточной половине пепел, в северо-западной — остатки потревоженного детского скелета (раздавленный череп, нижняя челюсть, лучевая и плечевая кости). В разных местах: бронзовая эполетообразная бляха-застежка (табл. LII, 11); бронзовая полая фигурка птицы (табл. LII, 10); бронзовая обоймица (табл. LII, 12); одна стеклянная, 15 белых и 8 красновато-коричневых каменных бус (табл. LII, 13); обломки горшка (табл. L, 11).

М о г и л а 33. Прямоугольная яма, 160×50 см, глубиной 65 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Вдоль трех сторон остатки обуглившихся бревен. Покрытие из деревянных досок, также сильно обугленных. На дне пепел и остатки скелета человека, уцелевшие от огня (раздавленный череп, частично покрытый берестой, и обломки некоторых костей). У северо-западной стенки могилы железный предмет неизвестного назначения. Возле черепа обломки горшка (табл. L, 28); снаружи у западного угла могилы, на глубине 80 см, обломки другого, большого горшка (табл. L, 30). Обломки третьего горшка находились в заполнении ямы на 10 см выше перекрытия могилы.

М о г и л а 35 (табл. XLIX). Прямоугольная яма, 160×50 см, глубиной 45 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Поверх погребения куски обугленного дерева и остатки спекшейся обугленной бересты. На дне пепел и следующие предметы: два обломка бронзовой пластинки (табл. LII, 7); глиняный горшок, вверх дном; продолговатая галька; железный нож; две бронзовые литые трубки с остатками ремешка внутри (табл. LII, 8, 9); бронзовая фигурная подвеска (табл. LII, 6); обломок железного стержня.

М о г и л а 38. Прямоугольная яма, 200×150 см, глубиной 70 см, ориентирована по линии ЗСЗ—ВЮВ. Вдоль стен обугленные деревянные плахи. На дне пепел и следующие вещи: два маленьких горшочка — один на боку, другой вверх дном (табл. L, 6, 18); бронзовая серьга (табл. LII, 14); маленькая железная бляшка; маленькая бронзовая четырехугольная бляшка.

М о г и л а 40. Овальная яма, 100×70 см, глубиной 35 см, ориентирована по линии СЗ—ЮВ. В средней части ямы остатки обгорелого дерева, под ними пепел и глиняная чашка (табл. L, 1).

М о г и л а 47. Яма размером 100×50 см, глубиной 50 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. На дне пепел и обломок горшка (табл. L, 22).

М о г и л а 48. Яма неправильно овальная, 150—70 см, глубиной 70 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. На дне пепел и две глиняные чашки (табл. L, 9, 21). В юго-западной части детские молочные зубы.

М о г и л а 49. Остатки погребения в почвенном слое, на глубине 15 см, на площади 180×50 см, ориентированной по линии ЮЗ—СВ. Пепел, глиняная чашечка (табл. L, 27), обломки двух горшков (табл. L, 23, 26).

М о г и л а 58. Прямоугольная яма, 160×70 см, глубиной 80 см, ориентирована по линии с ЮЗ—СВ. Вдоль длинных сторон деревянные плахи шириной 10 см, толщиной 6—7 см. На дне пепел и следующие предметы: горшок вверх дном (табл. L, 5); железный нож бронзовой накладкой на ножны (табл. LI, 12); железный топорик-тесло; железные бляшки, соединенные друг с другом (пояс ?).

М о г и л а 59. Округлая яма, 50×40 см, глубиной 70 см. На дне пепел и обломки горшка.

М о г и л а 62. Остатки погребения в почвенном слое, на глубине 25 см, на

площади 100×50 см, ориентированной по линии З—В. В нижнем горизонте почвы пепел, горшок (табл. L, 16) и два обломка от другого.

Могила 71. Яма неправильно овальная, 100×80 см, глубиной 70 см, ориентирована по линии СЗ—ЮВ. На дне пепел, железный топор-тесло (табл. LII, 17), обломок горшка и кость лошади.

Могила 85 (табл. XLIX). Прямоугольная яма, 200×80 см, глубиной 80 см, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. На дне пепел и обломок бедренной кости человека, а также длинная костяная пластинка с резьбой (табл. LII, 1), маленькая костяная резная пластинка прямоугольной формы; костяная резная обойма с двумя отверстиями (табл. LII, 2), костяная резная пластинка с отверстием, такая же пластинка обломанная (табл. LII, 4, 5), две костяные резные пластинки (табл. LII, 3), костяная резная фигурная пластинка, железный предмет неизвестного назначения.

Могила 86 (табл. XLIX). Подпрямоугольная яма, 200×70 см, глубиной 80 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Вдоль северо-западной стороны остатки обгорелой плахи. Непокрытый скелет человека в беспорядке. Только кости левой ноги, предплечья и кисти сохранились, повидимому, на первоначальном месте. Судя по их положению, погребенный лежал на спине, головой на ЮЗ. Недалеко от своего первоначального места находились нижняя челюсть, кости правого предплечья и кисти, последние в анатомическом порядке. Череп лежал посередине могилы, поверх него обугленная плаха. Часть черепа, нижняя челюсть и одна трубчатая (бедренная?) кость обуглились. Судя по положению остатков обугленного дерева и костей, могила горела в то время, когда кости были уже смещены. Почему это произошло, не ясно. В том месте, например, где покрывающая погребение плаха сгорела дотла, обгорел и череп, закрытая же плахой часть черепа огнем не повреждена. На своих местах в могиле сохранились: около левого предплечья 5 костяных наконечников стрел, лежавшие пачкой, острием к голове; в юго-западном конце (около головы) горшок (табл. L, 14), а около него, в кучке, 2 костяных наконечника стрел, 8 костяных асимметричных острий, 2 зуба бобра, продолговатая галька, глиняная пластинка и 11 бус (8 аргиллитовых и

3 стеклянных золоченых). Нижняя челюсть лежала поверх этих предметов. Одна из бусин находилась в стороне, в 20 см от них. Посередине могилы, около черепа, найден железный нож.

Могила 91. Остатки погребения в почвенном слое на глубине 25 см, на площади 100×50 см, ориентированной по линии ЮЗ—СВ. В северо-восточной половине пепел и три черепка от горшка. В другой половине остатки истлевшего дерева, ограничивающие прямоугольник шириной 25 см, длиной в сохранившейся части 55 см. Юго-западная часть сооружения уничтожена находившейся здесь старой засыпанной канавой. Около восточного угла этого сооружения найдены еще 2 черепка того же сосуда.

Могила 96. Овальная яма, 150×120 см, глубиной 45 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. На дне пепел, глиняный горшок (табл. L, 10), железная обоймица, обломок неопределенного железного предмета, железная трубочка, железный нож с бронзовой накладкой на ножны (табл. LI, 13), бронзовая трубочка-наконечник и 11 стеклянных бус.

Могила 98. Овальная яма, 135×90 см, глубиной 50 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. На дне слой пепла до 20 см толщиной. Здесь же обугленный кусок дерева 25 см длиной. В юго-западном конце глиняный горшок (табл. L, 24). Среди пепла и углей в разных местах 7 черепков от других сосудов фоминского типа (табл. L, 3), бронзовая бляшка, железная пряжка, бляха и 8 стерженьков и пластинок.

Могила 99. Овальная яма, 170×75 см, глубиной 40 см, ориентирована по линии ЮЮЗ—ССВ. На дне, в юго-западной половине, пепел, горшок, опрокинутый вверх дном, удила (Грязнов, 1951, рис. 176), железный нож, железная пластинка и 9 каменных и стеклянных бус.

Могила 100. Остатки погребения в почвенном слое на глубине 20 см, на площади диаметром 140 см. В слое пепла черепки небольшого горшка, черепок от другого горшка, 2 костяных наконечника стрел и железные крючок, трехгранный стержень и обломок круглой пряжки.

Могила 101. Неправильно овальная яма, 240×170 см, глубиной 40 см, ориентирована по линии С—Ю. На дне пепел, обломок костяного наконечника стрелы и обломок железного ножа. Выше слоя пепла

черепки от нескольких горшков фоминского типа.

Могила 103. Остатки погребения в почвенном слое на глубине 20 см, на площади диаметром 100—105 см. В слое пепла кучка черепков неорнаментированного горшка и железная пряжка.

Могила 107. Остатки погребения в почвенном слое, на глубине 20 см, на площади 200×125 см, ориентированной по линии СЗ—ЮВ. В слое пепла раздавленный глиняный горшочек (табл. L, 20), железный нож, 4 костяных наконечника стрел, железная пряжка и обломок другой, две железные пластинки.

К могильнику фоминского этапа относится и могила 15, описание которой дано выше, при рассмотрении памятников переходного этапа. Она находилась среди других могил фоминского этапа, обряд погребения обычен для могил этого времени, но вещи — горшок и серьга — принадлежат формам переходного этапа. Это, вероятно, одна из первых могил в могильнике фоминского этапа.

Возможно, что погребения фоминского этапа на раскопанной части могильника не исчерпываются описанными могилами, что в некоторых случаях черепки одного или двух горшков, находившиеся в почвенном слое на небольшой площади, также являются остатками погребения по способу трупосожжения. Установить наличие таких погребений не всегда удается, так как границы могилы в почвенном слое неразличимы, а остатки пепла могли остаться незамеченными. Наблюдавшееся неподалеку от могилы 103 в почвенном слое более темное пятно размером 140×90 см, с найденными в нем черепками двух неполных сосудов, костяным наконечником стрелы и обломком железного ножа является, вероятно, остатком могилы. Однако отсутствие пепла и нахождение черепков этих же сосудов на расстоянии более метра за пределами пятна не позволили включить этот комплекс в число могил фоминского этапа. Не включена в число могил и обнаруженная около могилы 107 яма глубиной 50 см, размером 190×90 см, на дне которой находились отдельные черепки нескольких сосудов, кучка угля, кучка обгоревших костей животных и обломки черепа барана, но не было остатков пепла от трупосожжения. Однако подобных сомнительных случаев немного и число неопознанных при раскопках

могил не может быть сколько-нибудь значительным.

Как и в могильниках предшествующих двух этапов, большая часть погребений фоминского этапа устроена в ямах глубиной от 35 до 50 см, меньшая часть, примерно одна треть, находится в почвенном слое и представляет собой, повидимому, остатки зимних захоронений на поверхности земли.

Устройство и форма могил на поверхности земли остаются пока неизвестными. От исследованных в могильнике 9 таких погребений сохранились только остатки пепла и среди них некоторые предметы в почвенном слое на глубине 15—30 см, на площади размером от 90×40 см до 200×125 см, ориентированной по линии ЮЗ—СВ и в одном случае по линии З—В.

Для погребений в земле вырыты ямы, обычно такой же формы и размеров, как и для погребения трупа умершего. В 11 случаях ямы прямоугольные. Длина их преимущественно 160—200 см, ширина 50—75 см. Только в одном случае могила была длиной 130 см и в двух случаях широкая, по 100 и 150 см шириной. 9 могил имеют в плане овальную или неправильно овальную форму и обычно меньшие размеры.

В некоторых прямоугольных могилах сохранились остатки плах или другого деревянного крепления стен (могилы 33, 38, 58, 86) и деревянного покрытия поверх погребения (могилы 33, 35, 86). Остатки деревянного покрытия имелись и в овальных могилах (могилы 40, 98). В могилах 6, 33 и 35 поверх погребения находились куски спекшейся в огне бересты. Эти остатки позволяют предполагать, что во всех прямоугольных могилах или в большей их части были устроены деревянные гробовища, покрытые берестой, а в овальных могилах — только покрытия. Однако возможно, что овальные могилы представляли собой первоначально также прямоугольные ямы, не сохранившие в песке своих очертаний. При раскопках границы их определялись по форме площади, занятой остатками трупосожжения, сваливавшимися в могилу кучкой, которая принимала в плане форму овала или другой неправильно удлиненной фигуры.

Основным обрядом погребения было трупосожжение. В могилу погребали пепел сожженного человека и с ним некоторые предметы. Пепел обычно занимает среднюю часть могилы. Сопровождающие погребенного

предметы находятся в беспорядке. Горшки нередко лежат на боку (могила 38) или вверх дном (могилы 25, 35, 38, 58, 99).

Повидимому, после того как пепел погребенного и полагающиеся ему предметы закрывались деревянным и берестяным покрытием, в могилу поверх покрытия сбрасывались остатки помпнальных костров с горячими еще углями и могила засыпалась землей. Поэтому-то в могилах сохранились только обугленные остатки дерева и бересты от внутримогильных сооружений. Одни части могильного сооружения сгорали дотла, другие из-за недостатка воздуха только обугливались. В некоторых случаях вместе с остатками помпнальных костров в могилу попадали черепки разбитой глиняной посуды (могилы 98 и 101).

Только в нескольких могилах погребальный обряд отклоняется от описанного. В могилах 8, 9 и 86 погребен не пепел покойников, а их трупы. И в эти могилы также, очевидно, были сброшены остатки помпнальных костров и деревянные гробовища в них сгорели. В могиле 32 вместе с пеплом сожженного человека погребен еще и труп ребенка, не подвергнутого действию огня. Так же, повидимому, было и в могиле 48, где, кроме остатков трупосожжения, в юго-западной части могильной ямы сохранились молочные зубы ребенка, остальные кости которого истлели без остатка. Непонятно нахождение в могилах 33 и 85, кроме остатков трупосожжения, нескольких отдельных костей человека, лежавших в беспорядке.

В могилах 8, 32 и 86 погребенные лежали головой на ЮЗ. Судя по положению зубов ребенка в могиле 48, и здесь можно предполагать ту же ориентировку. Могильные ямы ориентированы во всех случаях, кроме одного (могила 101), по линии ЮЗ—СВ, иногда с отклонениями в ту или иную сторону.

Находимые в могилах предметы не имеют следов огня. Труп умершего сжигался на столь сильном огне, что все его кости совершенно перегорали и от них оставались только мелкие кусочки, как правило, не более сантиметра длиной. Если бы с умершим сжигались и сопровождавшие его вещи, они не сохранились бы. Между тем в могилах найдены металлические и костяные предметы без малейших признаков действия огня. Глиняная посуда почти во всех случаях черного обжига с сохранившимися на

ней остатками нагара. Под действием сильного огня она стала бы красной, а нагар на ней весь бы выгорел. Только в могиле 6 оказался один медный предмет, частично оплавленный под действием огня, что могло произойти в могиле при горении под землей ее деревянных частей. В могиле 26, где из вещей сохранились только горшок и 3 костяных наконечника стрел, наконечники стрел частью обуглены, или сгорели (табл. LII, 15, 16), что также могло произойти в могиле, а не на костре, на котором сжигался покойник. Следовательно, все найденные в могилах предметы, надо считать, положены в могилу неповрежденными, не бывшими на огне. На фоминском этапе погребался только пепел сожженного покойника, вместе с ним помещали в могилу не поврежденные огнем глиняную посуду, одежду, оружие и некоторые другие вещи, полагающиеся, по представлениям того времени, покойнику.

Горшки найдены во всех могилах, кроме двух (могилы 85 и 101), иногда по два (могилы 6, 33, 38, 48, 49). Все это преимущественно небольшие полусферические чашки, предназначавшиеся как будто в качестве сосудов для питья, но многие из них имеют следы нагара и, следовательно, употреблялись если не для приготовления пищи, то для разогревания ее на огне.

Оружие представлено стрелами. В 7 могилах найдены наконечники стрел, исключительно костяные. В могилах 9 и 101 было по одному наконечнику, в могиле 100 — 2, в могиле 26 — 3, в могиле 107 — 4, в могиле 86 — 7 и в могиле 6 — 8. В последних двух могилах они лежали пачкой, очевидно в колчане.

Встречены также железные тесла-топоры (могилы 6, 54, 71), костяные наконечники каких-то орудий, может быть особого рода стрел (могила 6; табл. LI, 5), и роговой гарпун (могила 6). В 11 могилах — железные ножи, в трех случаях с бронзовыми накладками на ножны. Кроме того, в некоторые могилы были положены и другие орудия с железными, костяными или роговыми частями, назначение которых пока неясно. В одном погребении находились железные удила (могила 99).

Украшения и части одежды обнаружены в 17 могилах. Это железные пряжки, бронзовая эполетообразная бляха-застежка, железные поясные наборы, железные, бронзовые и роговые бляшки, пуговицы разных

форм и проч. В 5 могилах были бусы, каменные и стеклянные, от 4 до 24 в одной могиле. В могилах 20 и 30 положены роговые гребни, в могиле 6 — кусочек краски (сурпк).

Как уже отмечалось, часть погребений, находившихся в южной половине могильника, несомненно развеева ветрами. Среди собранных на поверхности выдува предметов к могильнику фоминского этапа относятся роговой гарзун, бронзовая крестовидная подвеска или бляха и бронзовая плоско-выщуклая обоймица, подобные изображенным на табл. LI, 1; LII, 6, 12.

В нижней половине почвенного слоя в исследованной части могильника почти повсюду находились черепки глиняной посуды и некоторые другие предметы. Однако наблюдать какие-либо определенные комплексы находок не удалось.

Подавляющая масса черепков принадлежит сосудам фоминского этапа, причем не только маленьким полусферическим чашкам с относительно скромным орнаментом, какие находятся в могилах, но также и более крупным и нарядным сосудам, какие встречены, как увидим ниже, в культурном слое поселения. Черепки эти находятся большей частью в виде крупных фрагментов, иногда почти полных сосудов, разбитых и разбросанных на некотором пространстве (табл. L, 17, 19, 29). Как и в могильниках двух предыдущих этапов, обломки разбитой здесь посуды следует рассматривать как остатки похоронных и помпальных тризн. Собранные при раскопках фрагменты принадлежат не менее чем 55 сосудам. Если допустить, что часть из них происходит из несохранившихся погребений на поверхности земли, то и в этом случае число сосудов, оставшихся от тризн, было не меньше числа могил.

Остатками таких тризн являются и найденные во многих местах могильника кости лошади. От них сохранились большей частью только ряды зубов, иногда с прилегающими частями челюстных костей. Другие кости находились только в виде незначительных, плохо сохранившихся обломков, не поддающихся определению. Были ли здесь кости других животных или только лошади и какие именно, осталось невыясненным. Количество их незначительно. Очевидно, и на этом могильнике следует предполагать наличие обычая жертвоприношения коня с оставлением его шкуры на кладбище.

Остатками приношений умершим или предметам, оставленными или потерянными во время поминков, можно считать и найденные в почвенном слое могильника 2 экземпляра железных удиц, которые были, может быть, оставлены вместе со всей уздой на шкурах лошадей, обломок железного ножа, 5 костяных наконечников стрел, тонкую полусферическую бронзовую бляшку диаметром 5 см, бронзовую луженую трубочку-пронизку.

Поселение в пункте БЕ IV

Культурный слой поселения исследован на сильно поврежденной ветрами дюне в 400 м к СВ от рассмотренного могильника. Поселение располагалось на месте бывшего здесь могильника карасукской культуры. На вскрытой площади в 280 кв. м почвенный слой мощностью 30—40 см сохранился полностью только на некоторых участках. Раскоп заложен в той части дюны, через которую ветрами переносится песок из ближайшего выдува, постепенно стачивающий поверхность почвенного слоя. Местами сохранилась только нижняя часть почвенного слоя толщиной всего 5—10 см. На черной поверхности дюны здесь лежат сильно стертые, обточенные ветром и песком мелкие черепки глиняной посуды. В сохранившейся части почвенного слоя найдено значительное количество черепков глиняной посуды, не менее чем от 42 сосудов, как подобных находимым в погребениях (небольшие чашки со сферическим дном), так и от более крупных сосудов хозяйственного назначения, отличающихся и некоторыми особенностями орнамента (табл. XLIX, 1—5). Кости животных плохо сохранились. Собрано лишь незначительное количество трудно определяемых обломков.

Кроме черепков, здесь найдены обломки двух неопределенных железных предметов, железный нож, железная пряжка, бронзовая луженая, крестовидная подвеска (Грязнов, 1951, рис. 165).

Определенных и ясных жилых и хозяйственных сооружений или комплексов на раскопанной площади наблюдать не удалось. Обнаруженные при раскопках 15 ям, разные по форме и размерам, больше похожи на могильные ямы (остатков погребения в которых не сохранилось), нежели на какие-либо хозяйственные сооружения. В трех из них в верхней части встретились древес-

ные угольки, в трех других — мелкие кусочки пережженных костей, в одной несколько костей коровы и в одной — птицы. Назначение этих ям осталось невыясненным. Только в южном углу раскопа вскрыто углубление прямоугольной формы, ориентированное по направлению С—Ю, заполненное темным песком, почти черным вдоль границ углубления. Размеры углубления 2.0×3.2 (?) м, наибольшая глубина 10—15 см от нижней границы почвенного слоя. Северный угол углубления находился в пределах почвенного слоя. Поэтому значительную часть северо-западной стены и почти всю северо-восточную стенку проследить не удалось. Не удалось точно установить и длину углубления. На дне углубления найдены обломок песчаниковой плитки-валуна размером 20×14 см, со следами употребления его в качестве терки или точильного камня, 12 черепков от горшков сферической формы, один из них с типичным для фоминского этапа орнаментом. Назначение этого углубления, площадью в 6 кв. м, вырытого на глубину, вероятно, около 50 см от поверхности дюны того времени, остается неясным.

Находки в других пунктах

На других дюнах найдены только немногие отдельные черепки от горшков фоминского этапа. В пункте БЕ V на выдуве найдены черепки не менее чем от 8 горшков, но они могли быть сюда недавно заброшены с выдувов в пункте БЕ IV детьми. Несомненно, в древности самими жителями поселка фоминского этапа был оставлен один черепок над землянкой 3 в пункте БЕ I, найденный на глубине около 30 см, и черепки не менее чем от 7 горшков на выдуве в пункте БЕ X, в том числе один вынутый нами из культурного слоя в обнажении дюны. Естественно, что основная масса разных культурных остатков лакапливалась около жилищ поселка. Но отдельные обломки могли попадать в разные места ближайших его окрестностей.

Датировка

Если датировка памятников всех предшествующих этапов на Ближних Елбанах не вызывала сомнений, то вопрос об абсолютной и относительной дате памятников фоминского этапа представляет некоторые затруднения. Отдельные категории вещей из

могильника и поселения фоминского этапа на Ближних Елбанах находят себе аналогии то в памятниках первых веков н. э. и даже раньше, то в памятниках домоватовской культуры VI—IX вв. н. э. Отсюда возникают значительные разногласия в датировке фоминского этапа. Мною он относится к VII—VIII вв., В. Н. Чернецовым ко II в. до н. э.—II в. н. э. В зависимости от того, как будет определена дата памятников фоминского этапа, коренным образом меняются наши представления об историческом процессе не только в районе Верхней Оби, но и значительно шире — по всей северо-западной Сибири. Поэтому на вопросе их датировки необходимо остановиться подробнее.

Исследования на Ближних Елбанах поселение и могильник не единичны. На Верхней Оби подобного рода памятники широко распространены, хотя и не достаточно еще исследованы. Кроме поселения и могильника на Ближних Елбапах, можно указать следующие памятники фоминского этапа.

Фоминское — описанный выше могильник. В Барнаульском музее хранится еще один целый горшок и серия черепков из этого могильника.

Круглое озеро — поселение в 3 км к западу от Ближних Елбанов, на дюнах в 100—200 м к СВ от Круглого озера. В 1949 г. здесь мною собран обильный керамический материал на выдувах. По другую сторону озера, на таком же расстоянии от него, на выдувах обнаружены кучки пепла и несколько черепков фоминского типа. Возможно, это могильник фоминского этапа.

Чудакская гора — поселение на высоком мысу левого коренного берега р. Оби и правого берега р. Касмалы. В культурном слое наряду с остатками более раннего времени содержится керамика фоминского этапа (раскопки 1927 г., коллекция в Эрмитаже).

Ирмень I — городище на левом берегу р. Ирмень, недалеко от ее устья, в урочище Елбань. Исследовано 2 землянки (раскопки Новосибирской экспедиции ИИМК, 1952—1953 гг.).

Ирмень II — грунтовой могильник в 600 м к ЮВ от предыдущего пункта. Исследовано 5 погребений с остатками трупосожжения (раскопки той же экспедиции).

Усть-Ирмень — поселение в устье р. Ирмень, в 2 км к востоку от Ирменей I. В культурном слое керамика и разные вещи (раскопки той же экспедиции).

По обоим берегам р. Оби на протяжении около 500 км по ее течению открыто, таким образом, 5 поселений и 3 могильника. Кроме того, отдельные черепки и небольшие серии керамики фоминского этапа найдены еще в нескольких пунктах. Это значит, что по всему верхнему течению р. Оби, от Бийска до Новосибирска, располагались поселки, население которых пользовалось одинаковыми формами предметов хозяйственного и бытового инвентаря, что остатками этих поселков и принадлежащих им могильников отмечается особый этап в развитии культуры верхнеобских племен.

Далее на север и северо-запад также распространены памятники, сходные с верхнеобскими. Могильники с обрядом трупосожжения в Архиерейской запамке около Томска (Спицын, 1899) и на Большом мысу Томского могильника (Комарова, 1952, стр. 47), керамика в сборах на Басандайском городище («Басандайка», 1947, табл. 12, 1—3; 13, 4—8, и др.) и на Убинском озере (Новосибирский музей, сборы А. И. Минорского в 1951 г.) и некоторые другие настолько сходны с памятниками фоминского этапа на Верхней Оби, что трудно пока решить — принадлежат ли они по представленной ими культуре одной этнической группе с населением Верхней Оби или к другой, ему родственной. Однако имеющиеся некоторые отличия в составе погребального инвентаря и в отдельных деталях керамики не позволяют пока включить памятники района г. Томска в одну группу с памятниками фоминского этапа на Верхней Оби.

Поскольку поселение и могильник на Ближних Елбанах входят в состав целой серии подобных им памятников фоминского этапа, то при решении вопросов датировки надо прежде всего определить их место в относительной хронологии памятников Верхней Оби. Если хронологическое положение их по отношению к памятникам большереченской и сrostкинской культур не вызывает сомнений, то соотношение с памятниками одинцовского и переходного этапов верхнеобской культуры может при недостаточном знакомстве с материалом показаться не вполне убедительным. Необходимо поэтому рассмотреть все факты, указывающие на последовательность во времени трех этапов верхнеобской культуры.

С совершенной очевидностью можно утверждать, что фоминский этап не занимал

промежуточного положения между одинцовским и переходным. Для одинцовского и переходного этапов характерен обряд погребения по способу трупоположения, а для фоминского — трупосожжения. Трудно допустить, чтобы племена верхнеобской культуры сначала хоронили своих покойников по обряду трупоположения, потом по обряду трупосожжения, а затем опять по обряду трупоположения. Но если даже мы и допустим такое непостоянство в отношении погребального обряда, то невозможно предполагать такое же непостоянство в формах стрел и ножен. На одинцовском и переходном этапах kostяные наконечники стрел изготовлялись с плавным переходом от режущего края к черешку (табл. XLVII, 9—11), а на фоминском этапе режущий край срезан и образует прямоугольный уступ (табл. LI, 7—11). На одинцовском и переходном этапах ножины для ножа делались с железными обоймами на конце и по верхнему краю (табл. XXXII, 1, 22), а на фоминском — с цельными бронзовыми накладками на лицевой стороне (табл. LI, 12—14). Совершенно невероятно, чтобы верхнеобские племена, изменив свои первоначальные обряд погребения, форму стрел и устройство ножен, затем через некоторое время снова вернулись к старому обряду и формам стрел и ножен. Очевидно, одинцовский и переходный этапы смежны по времени, а фоминский следует за ними или им предшествует.

С такой же очевидностью можно показать, что фоминский этап был смежным по времени с переходным, а не с одинцовским. Выше уже отмечалось, что в могиле 15, находившейся в могильнике фоминского этапа, погребение совершено по характерному для фоминского этапа способу трупосожжения, а вещи принадлежат характерным для переходного этапа формам. Значит, был момент, когда формы погребального обряда фоминского этапа сосуществовали с формами вещей переходного этапа. Можно видеть весьма близкое сходство посуды фоминского и переходного этапов, а также переходного и одинцовского и значительные различия между посудой одинцовского и фоминского этапов. Сосуды переходного этапа сходны с одинцовскими своей высокой формой, слабой отогнутостью венчика, простотой орнаментальной композиции и небрежностью орнамента. По этим признакам они отличаются от сосудов фоминского этапа. Но с последними они

сближаются наличием в ряде случаев косо срезанного внутрь венчика, что не свойственно единцовской посуде, и общей формой сосуда без характерного для единцовской посуды отворота венчика. Посуда переходного этапа занимает промежуточное положение между фоминской и единцовской. Посуда фоминского этапа может быть смежной по времени только с посудой переходного этапа, но не единцовского. В таком случае последовательность трех этапов верхнеобской культуры определяется в следующем порядке — единцовский, переходный, фоминский.

Но нельзя ли допустить обратный порядок последовательности этих этапов? Не мог ли фоминский этап быть первым по времени, переходный вторым, а единцовский последним? Такой вопрос может встать в связи с тем, что памятники ни одного из этапов верхнеобской культуры, при современной их изученности, не могут быть связаны хронологически ни с предшествующими памятниками большереченской культуры, ни с последующими — сrostкинской. Нет также достаточных оснований, чтобы судить о том, какой из этих трех этапов является более ранним, какой более поздним. Только наблюдения над расположением могил в пункте БЕ XII позволяют предполагать, как это отмечено выше, что погребения переходного этапа были там совершены после единцовских погребений. Если допустить, что развитие верхнеобской культуры начинается с фоминского этапа, то, учитывая не вполне точное, но прочное определение даты единцовского этапа II—IV вв. н. э., пришлось бы фоминский этап датировать временем не позже I в. н. э. Но такой date противоречат железные удила с большими кольцами, не известные в столь раннее время, железные черешковые ножи и бронзовые литые бляшки.

Никаких аналогий вещам фоминского этапа в памятниках первых веков н. э. в других районах степной полосы не имеется. Есть ряд весьма близких аналогий в памятниках лесной полосы Сибири и Приуралья, в среде родственных по культуре племен, но об этом речь будет дальше. Решать вопрос о том, был ли фоминский этап начальным в развитии верхнеобской культуры или заключительным, можно только после установления его абсолютной даты и сопоставления последней с датой единцовского этапа.

Наиболее близким хорошо датированным памятником является могильник в Архиерейской заимке около г. Томска. С могильниками фоминского этапа на Верхней Оби он сходен по обряду погребения (большая часть погребен пепел сожженного человека и не бывшие на огне одежда, пояс с ножом, оружие, посуда с пищей), по керамике (полусферические горшки с характерным для фоминского этапа орнаментом и косо срезанным внутрь венчиком),¹ по наличию бронзовых изделий так называемых пермских типов. Отличается — присутствием над могилами курганов и более разнообразным и обильным составом сопровождающих погребения вещей.

Датируется могильник, во-первых, найденными в 8 курганах бронзовыми бляшками и пряжками от поясных наборов, характерными для таких памятников, как ранняя группа погребений VI—VII вв. в Кудыргэ на Алтае (ср.: Спицын, 1899, табл. III; Руденко и Глухов, 1927, рис. 9, 10, 15) и ранняя же группа погребений VI—VII вв. Борисовского могильника на Северном Кавказе (ср.: Спицын, 1899, табл. III; Саханов, 1914, рис. 20, 22), во-вторых, китайскими монетами. В курганах 4 и 24 найдено по одной медной монете, в кургане 26 — четыре. Все монеты одинаковы. В публикации находок они неправильно определены годами правления Кой-Юань (713—744 гг.) (Спицын, 1899, стр. 321—322). А. А. Гаврилова и Б. И. Панкратов, специально изучившие находки китайских монет в южной Сибири, определили монеты Архиерейской заимки временем правления основателя танской династии Гоа-цзу (618—626 гг.). Факт нахождения в двух могилах 5 монет одного времени (монета в могиле 4 частично сплавилась и точному определению не поддается) указывает на то, что время сооружения этих могил близко к дате изготовления монет. Эти могилы, как и весь могильник, следует датировать VII в., а поселения и могильники фоминского этапа на Верхней Оби, по аналогии с ними, несколько шире — VII—VIII вв. Эта дата и должна быть принята для фоминского этапа, несмотря на некоторые кажущиеся противоречия.

¹ Из 11 сосудов опубликовано только 2 (Спицын, 1899, табл. IV, 17, 20).

Так, в могиле 32 на Ближних Елбанах найдена эполетообразная застежка пьяноборского типа (табл. LII, 11). Как известно, такие застежки в Приуралье изготавливались в первые века н. э. и, во всяком случае, не позже V в. Но такая же застежка найдена и в кургане 4 Архперейской замки вместе с бронзовыми бляшками VI—VII вв. и китайской монетой, точно не определенной, но, вероятно, также VII в. (Спицын, 1899, стр. 319 и табл. I, 5). Надо заметить, что в лесной полосе Сибири в памятниках этого времени неоднократно находились, если можно так выразиться, «антикварные» вещи, изготовленные иной раз за много веков до момента включения их в состав инвентаря погребения,клада или жертвенного места.

Так было, например, в Айдаштинской пещере близ г. Ачинска, служившей, повидимому, жертвенным местом. Железные наконечники стрел, трехперые и ромбические и своеобразной формы, плоские, с опущенными вниз жалами, на длинном витом стержне, а также бронзовая из светлого хрупкого сплава трубочка, подобная изображенным на табл. LII, 8, 9, и некоторые другие вещи датируют этот памятник временем фоминского этапа. Вместе с тем здесь найдены своеобразной формы эполетообразная застежка с прямоугольным щитком (ОАК, 1897, рис. 146); бронзовая фигурка скачущего оленя, характерная для коллективных погребений минусинской курганной культуры, приблизительно IV в. до н. э.; бронзовое зеркало с кнопкой на трех ножках еще более раннего времени — VI—V вв. до н. э.

Естествен вопрос — не была ли Айдаштинская пещера жертвенным местом в течение многих веков? Но этому противоречит принадлежность основной массы найденных в пещере вещей, а их более сотни, к VII—VIII вв. н. э. и только единичных вещей к более раннему времени (кроме указанных трех вещей ко времени до н. э. или к первым векам н. э. могут быть отнесены только две — бронзовое зеркало с колечком на обратной стороне и бронзовый наконечник стрелы).

Наиболее интересна другая находка — Ишимский клад. В 50 км к северу от г. Ачинска, на р. Чулыме, при распашке целины найдено более 130 металлических предметов, лежавших кучкой на глубине около 20 см (3—5 вершков), на площади не более 0.5 кв. м (2 кв. аршина), повидимому

завернутых в грубую холщевую ткань (Ермолаев, 1914, стр. 1). Здесь были железные: мечи, кинжалы, боевые чеканы, наконечники копий и стрел; бронзовые: зеркала, бляхи круглые и с изображениями животных и человека, пряжки, кольца, гривна, 2 наконечника стрел и др.; 2 серебряные пластинки. Это была целая коллекция разновременных предметов. Не все вещи этого клада могут быть хронологически точно определены. Несколько менее половины принадлежит VII—VIII вв. н. э. (стрелы, копья, зеркала с гравированным циркульным рисунком, бляхи с изображениями зверей ломоватовского типа), примерно четвертая часть датируется более ранним временем, VI—V вв. до н. э. — первые века н. э., остальные пока неопределимы. Ранние вещи представлены эполетообразной застежкой (Ермолаев, 1914, табл. VI, 10), китайскими бронзовыми зеркалами ханьского времени (там же, табл. III), бронзовыми зеркалами минусинской курганной культуры с кнопкой на 4 ножках (там же, табл. IV, 4) и бронзовыми наконечниками стрел. При этом замечательно, что на 9 зеркалах, из общего числа 29, в том числе на двух ханьского времени и на обоих минусинской курганной культуры VI—V вв. до н. э., процарапаны изображения зверей, людей и птиц так, как это делалось на находимых в Приуралье и северо-западной Сибири сасанидских и византийских блюдах и других вещах (Смирнов, 1909, №№ 40, 53, 92, 158, 167; Спицын, 1906, рис. 5—54). Зеркала минусинской курганной культуры известны в погребениях в количестве нескольких десятков экземпляров, в том числе и в районе Ачинска и Красноярска, но ни на одном из них ни разу не наблюдались подобные рисунки. Обычай делать рисунки на импортных или старинных изделиях из серебра и бронзы был характерен для ломоватовского времени. Очевидно, процарапанные рисунки на бронзовых зеркалах ишимского клада сделаны в это же время. Таким образом, об одновременном захоронении вещей ишимского клада свидетельствует не только факт нахождения их в одной компактной кучке, но и наличие на ряде более древних вещей следов использования их в ломоватовско-фоминское время.

Из других подобных находок можно отметить бронзовую эполетообразную застежку, обнаруженную вместе с вещами ломоватовского типа в кургане у дер. Савиной,

близ г. Тобольска (Heikel, 1894, табл. XI, 1, 3, 4).

Рассмотренные примеры показывают, что нахождение эполетообразной застежки пьяноборского типа в погребении фоминского этапа на Ближних Елбанах ни в коей мере не противоречит датировке его VII—VIII вв. н. э., так как население Западной Сибири в эту эпоху часто пользовалось вещами более древних эпох, в том числе и эполетообразными застежками, и вещи эти попадали затем в погребения, клады или жертвенные места.

Другим кажущимся противоречием предложенной дате является совершенно очевидное сходство глиняной посуды фоминского этапа и усть-полуйской культуры, которая датируется обычно ананьино-пьяноборским временем (Чернецов, 1953в, стр. 225—229; Окладников, 1950, стр. 30). Как для Верхней Оби, так и для ее низовьев около г. Салехарда характерны одинаковые элементы орнамента (треугольные, S-овидные, овальные и другие штампы), его композиция и сферическая форма сосудов с выпуклым дном и характерным косо срезанным внутрь венчиком. На обоих поселениях фоминского этапа на р. Ирмень встречены конические полые поддоны сосудов, характерные для усть-полуйских (Мошинская, 1953б, табл. IV). Сходны с характерными для усть-полуйской культуры изделиями и некоторые другие предметы из погребений фоминского этапа. Так, геометрические орнаменты на литых ножнах имеют ближайшие аналогии в резных украшениях на костяных изделиях усть-полуйского городища. В усть-полуйском городище встречены такие же костяные гарпуны и наконечники стрел, как и в погребениях фоминского этапа.

Поразительное сходство в керамике, орнаментах и некоторых формах орудий, наблюдаемое на столь далеком расстоянии и в разных географических условиях, определивших значительные различия в хозяйственном и бытовом укладе населения, не могло быть случайным. Такое сходство может быть только между памятниками более или менее одновременными, при наличии культурного обмена между оставившими их племенами, пускай не прямого, а через посредство промежуточных, родственных по культуре и происхождению племен. Надо полагать, что Усть-Полуйское городище и аналогичные ему по культуре памятники

северо-западной Сибири относятся к той же эпохе, что и памятники фоминского этапа на Верхней Оби. В таком случае надо признать неправильной датировку либо фоминского этапа, либо усть-полуйской культуры.

Приведенные соображения о датировке памятников фоминского этапа не позволяют сколько-нибудь значительно изменить их хронологическое место. Можно ли то же сказать о памятниках усть-полуйской культуры, в первую очередь об Усть-Полуйском городище? Нет. В северо-западной Сибири почти совершенно не исследованы могильники, что не позволило до сих пор представить сколько-нибудь четкую и прочную хронологическую классификацию памятников. Сравнительно небольшое количество исследованных поселений и жертвенных мест, открытых к тому же в разных местах обширной территории, не обеспечивает надежного разделения памятников по отдельным периодам. В этих условиях вполне возможны грубые ошибки в определении относительной и абсолютной хронологии как отдельных памятников, так и их групп. Несомненно, такая ошибка совершена в отношении Усть-Полуйского городища и сходных с ним памятников.

Для богатейших материалов Усть-Полуйского городища, добытых раскопками 1932—1935 гг., не могло быть найдено в то время определенное место в относительной хронологии памятников северо-западной Сибири. Памятник сначала был определен II—V вв. н. э., а затем В. Н. Чернецов рассматривал основную массу находок как остатки поселения ананьино-пьяноборского времени, часть же — как остатки жертвенного места IV—VIII вв. н. э. Памятник в целом представлялся как пункт, в котором накапливались остатки деятельности человека в продолжение почти целого тысячелетия (Чернецов, 1941, стр. 23). В дальнейшем Усть-Полуйское городище в наиболее своеобразной части его материалов датировалось второй половиной I тысячелетия до н. э. (Чернецов, 1947а, стр. 114), а после некоторого уточнения — временем с IV в. до н. э. по II в. н. э. (Чернецов, 1953б) и использовалось как опорный памятник для хронологических построений при изучении памятников северо-западной Сибири. Вопрос о правильной датировке Усть-Полуйского городища имеет поэтому весьма важное значение для археологии северо-западной Сибири.

Если отдельные вещи из числа найденных на городище рассматривать, не считаясь с тем, какое место они занимают среди других находок на городище количественно, по своему назначению и по происхождению в данном памятнике, то действительно можно прийти к заключению о чрезвычайной его долговременности. В числе находок на городище есть каменные шлифованные топоры, бронзовые кельты, наконечники стрел, миниатюрный чекан и некоторые другие предметы, время изготовления которых может быть определено разными периодами до н. э. и начала н. э. Однако все эти вещи, вместе взятые, составляют только около 1% от общего числа найденных на городище металлических, костяных и каменных предметов (не более 20 из 1500). Это единичные вещи, которые могли находиться в земле на месте городища за много веков до его основания. Они могли попасть сюда и в период существования городища, как попадали древние вещи в состав находок Архиерейской заимки, Ишимского кладки и других памятников лесной полосы Сибири.

Для датировки культурного слоя Усть-Полуйского городища необходимо прежде всего рассмотреть основную массу находок — вещи, представленные значительными сериями. Этот массовый материал городища не дает оснований для разделения его на разновременные группы. 10 000 фрагментов глиняной посуды принадлежит одному типу, вариации которого по форме и орнаменту могут рассматриваться лишь как разновидности сосудов по их бытовому назначению или как результат разных вкусов и навыков в оформлении изделий отдельными мастерами, но не в качестве изменений хронологического порядка.¹ Так же и другие серии предметов. Многие десятки костяных рукоятей но-

жей принадлежат одному весьма характерному и своеобразному типу. Десятки костяных ложек и лопаточек, характерные высокие гребни, несмотря на наличие на некоторых из них геометрических орнаментов или изображений животных, все однотипны и не могут быть разделены на хронологические группы. То же относится к костяным наконечникам стрел, своеобразным костяным накладкам на лук и другим сериям вещей. Такое ярко выраженное единообразие типологического состава вещей говорит об относительно коротком периоде накопления их в культурном слое, но не слишком коротком, судя по значительному количеству отдельных категорий предметов, например, рукоятей ножей, лопаточек, ложек и др. Продолжительность поселения в Усть-Полуе исчислялась одним-двумя веками, а не несколькими десятками лет, как это предполагается для поселков эпохи бронзы в степных районах. Весь основной вещевой материал Усть-Полуйского городища относится к одному периоду, и датировать памятник надо по основным категориям найденных в нем предметов, прежде всего по керамике.

Глиняная посуда Усть-Полуйского городища принадлежит к одному из типов характерной керамики Приуралья и северной Сибири. Сохраняя ряд общих черт, свойственных керамике этой широкой области разного времени, начиная с VII до н. э., она имеет также и вполне ясно выраженное своеобразие, отличающее ее, например, от посуды ананьинских могильников и городищ. Сопоставление глиняной посуды Усть-Полуйского городища с керамикой Верхней Оби позволяет отметить четкие отличия от посуды одиновского и переходного этапов и чрезвычайно близкое сходство с посудой фоминского этапа. По материалам Верхней Оби, ее надо датировать фоминским этапом, т. е. VII—VIII вв. н. э. Также и на западе параллели усть-полуйской керамике находятся не в памятниках ананьино-пьяноборского времени, а ломоватовского и позже. Подобные усть-полуйские формы сосудов и орнаментация гребенкой, гладким штампом и веревочкой представлены в хорошей серии горшков из Неволинского могильника, раскопанного А. В. Шмидтом в 1926—1927 гг. близ г. Кунгура (МАЭ, коллекция 3551), который надежно датируется многими вещами ломоватовского типа и серией сасанидских монет

¹ В. И. Мошинская делит, правда, керамику Усть-Полуйского городища на три хронологические группы (Мошинская, 1953б), но деление это, не подкрепленное ни статистическими, ни стратиграфическими наблюдениями, остается необоснованным и является искусственным. Первая группа, представленная «незначительным количеством мелких черепков», в других памятниках не встречена. Третья группа, отличающаяся от второй, основной, по сути дела, только тем, что сосуды варднее и разнообразнее украшены, в других памятниках встречена только один раз (Няксимовль), притом совместно со второй группой. Зато на Ближних Елбанах все три группы, пусть в несколько иных вариантах, встречены совместно в одном памятнике, который никак нельзя считать долговременным.

VI—VII вв. К сожалению, керамика, как и другие вещи хозяйственного и бытового инвентаря ломоватовской культуры, мало известна, и аналогии керамике и другим вещам Усть-Полуйского городища в памятниках ломоватовской культуры находятся в малом количестве или совсем не находятся только потому, что многие категории вещей ломоватовского времени нам еще не известны. В связи с этим следует отметить, что усть-полуйская посуда имеет некоторое сходство с посудой начала II тысячелетия. Близкие к усть-полуйским фигурные штампы и композиция орнамента имеются в керамике Прикамья X—XIV вв. (Смирнов, 1952, стр. 195—197; Талицкий, 1940, рис. 13) и Западной Сибири того же времени, в могильнике Барсов городок (Агеев, 1935, рис. 59, 142, 172 и др.) и городищах I Безымянное около устья р. Тары (Чернецов, 1947б, рис. 35) и Голая сопка против устья р. Ишима.

Таким образом, керамика Усть-Полуйского городища датируется ломоватовско-фоминским временем и более близка к керамике начала II тысячелетия н. э., чем к ананьино-пьяноборской. Поскольку керамика представлена на городище одним хронологическим типом, то культурный слой, как и само городище в целом, датируется тем же временем. Найденные на городище бронзовые вещи ломоватовских типов в таком случае представляют собой такие же остатки деятельности обитателей городища, как и все основные находки в культурном слое, а не являются памятником бывшего здесь якобы в другое время жертвенного места.

Характерные костяные вещи Усть-Полуйского городища не имеют точных аналогий на западе, так как в известных нам одновременных им памятниках костяной инвентарь не сохранился. Однако и здесь наиболее близкие формы находятся в памятниках не ананьинского времени, а более поздних, X—XIV вв. Так, костяные лопаточки и ложки тех же размеров, но нескольких иных форм обнаружены на Родановом городище (Талицкий, 1951, рис. 32). Усть-полуйские костяные наконечники стрел очень близки и приуральским X—XI вв. (Смирнов, 1952, табл. XLIV).

Своеобразная орнаментация усть-полуйских костяных и металлических изделий принципиально отлична от ананьино-пьяноборских, но более близка по общему харак-

теру, а отчасти и по формам к приемам орнаментации на костяных изделиях Роданова городища (ср.: Мопинская, 1953а, табл. X, XIV; Талицкий, 1951, рис. 32). При этом на костяных изделиях X—XIV вв. в Приуралье, так же как и на усть-полуйских, часто встречаются тамгообразные знаки (ср.: Мопинская, 1953а, табл. VII; Талицкий, 1951, рис. 28, 29).

Можно привести еще ряд примеров, показывающих большее сходство усть-полуйских вещей с вещами X—XIV вв. в Приуралье, чем с ананьино-пьяноборскими. Важно отметить, что весь общий облик костяных изделий Усть-Полуйского городища, их формы, орнаментация и состав резко отличны от ананьино-пьяноборских и во многом сходны с более поздними, X—XIV вв. Все это подтверждает установленную по аналогии с памятниками Верхней Оби датировку городища ломоватовско-фоминским временем, т. е. VII—VIII вв.

Более ранняя датировка городища, сначала II—V вв. н. э., а затем ананьино-пьяноборским временем, возникла, с одной стороны, в результате слабой изученности памятников ломоватовской культуры вообще и поселений в особенности и отсутствия в связи с этим хороших аналогий для хронологических сопоставлений; с другой стороны, кажущееся на первый взгляд сходство резных изображений животных на костяных изделиях с памятниками искусства скифского времени увлекло на неправильный путь сопоставлений усть-полуйских находок с памятниками скифо-сарматского типа и в связи с этим сближения их по времени со скифо-сарматскими и ананьино-пьяноборскими памятниками. Я уже указывал, что проводимые В. Н. Чернецовым параллели между некоторыми усть-полуйскими и скифо-сарматскими предметами неверны, что сравниваемые им со скифо-сарматскими памятниками вещи из Усть-Полуйского городища на самом деле аналогичны ломоватовским или сибирским VII—VIII вв. (Грязнов, 1952а, стр. 100). К этому следует добавить, что геральдические изображения птиц, клюющих оленя, на усть-полуйских костяных гребнях имеют аналогии в Приуралье не только в памятниках ломоватовского времени, но и в более поздних — X—XIV вв., а именно в бронзовых рукоятках для кресала, почти полностью сохраняющих стиль, сюжет и композицию

позображения (ср.: Грязнов, 1952а, рпс. 32, 2; Спичин, 1902, табл. XXII, 3; ОАК, 1913, рпс. 21; Оборин, 1951, рпс. 62, 2). Теперь, после открытия памятников фоминского этапа на Верхней Оби явилась возможность пересмотреть датировку Усть-Полуйского городища, а вместе с тем и усть-полуйской культуры. Памятники усть-полуйской культуры после исправления их датировки не только не противоречат определению фоминского этапа VII—VIII вв., но и подкрепляют его и, что особенно важно, позволяют рассматривать культуру верхнеобских племен фоминского этапа в связи с культурно близкими им племенами северо-западной Сибири и северного Приуралья.¹

Таким образом, памятники фоминского этапа на Верхней Оби относятся к VII—VIII вв. н. э. Они характеризуют собой последний этап развития верхнеобской культуры и связаны не со степными племенами южной Сибири, а с широко расселившейся в то время в лесной и лесостепной полосе Сибири и северного Приуралья группой культурно родственных им племен, по всей вероятности угорских.

Культура

Кажущееся на первый взгляд своеобразие памятников фоминского этапа по сравнению с предшествующими проявляется в основном лишь во внешних формах некоторых элементов материальной культуры, но не отражает каких-либо существенных изменений в хозяйственном и бытовом укладе верхне-

обских племен. Несколько видоизменялись, вероятно усовершенствовались, некоторые орудия, например стрела, узда, некоторые формы и приемы украшения одежды и домашней утвари, некоторые обряды и обычаи, но общий строй хозяйственной и общественной жизни остался в основном прежним.

Хозяйство попрежнему оставалось охотничье-скотоводческим при оседлом образе жизни. Остатки поселка фоминского этапа на Ближних Елбанах, плохо сохранившегося, указывают только на наличие в это время здесь оседлой жизни. Найденные же в могиле 99 железные удила, два других экземпляра удила в почвенном слое могильника и, наконец, многочисленные остатки черепов лошади от надгробных тризны свидетельствуют о крупной роли в хозяйстве лошади, о развитии скотоводства вообще и об использовании верхового коня. На городище фоминского этапа Ирмень I в культурном слое найдены кости коровы, лошади, овцы, козы, собаки. Следовательно, фоминские племена имели в своем стаде всех основных домашних животных. Они занимались и земледелием, о чем можно судить не только по косвенным данным, как это пришлось сделать при рассмотрении хозяйства на одиновском этапе, но и по находке нижнего камня от ручной зернотерки на городище Ирмень I. Эта находка говорит о слабо развитом земледелии, вероятно мотыжном, доставлявшем хозяйству небольшое количество зерновых продуктов. Отметим, что мотыжное земледелие еще до недавнего времени сохранялось у северных племен Алтая, хотя зерно они мололи большей частью на круглых жерновах, а ручную зернотерку, по форме и размерам подобную найденной в Ирмени I, употребляли преимущественно для размала соли (Потанов, 1935, рис. 19).

Весьма характерно для фоминских племен большое значение в их хозяйстве охоты и рыболовства. Найденные в 7 могилах 26 наконечников стрел все костяные. Это, видимо, охотничьи, а не боевые стрелы. Орудием охоты или рыбной ловли является и костяной гарпун. Один экземпляр его найден вместе с наконечниками стрел в могиле 6, другой — на выдуве, вероятно из развеянного погребения.

Интересно, что только в одном погребении (могила 6) обнаружены рыбные кости, остатков же мясной пищи в могилах нет. Кости диких животных в культурном слое

¹ Также и В. Н. Чернецов полагает, что памятники фоминского этапа на Ближних Елбанах имеют большое значение для датировки усть-полуйской культуры, особенно для определения конца ее существования (Чернецов, 1953в, стр. 228). Верхнюю дату фоминского этапа он определяет при этом концом II или началом III в. н. э., что доказывают, по его мнению, следующие вещи: «железные кельты», бронзовые ножи, бронзовая фигурка птицы и бронзовая же подвеска. Однако точно такие же «железные кельты» характерны и для курганов сросткинской культуры. Остальные вещи он датирует аналогичными вещами Подчеремского клада, принимая, на мой взгляд, неправильную дату клада, определенную оригинальным, но неприемлемым механическим методом исключения крайних дат (Гордцов, 1937). Подчеремский клад убедительно определен В. А. Шмидтом как памятник домоватовского времени (Шмидт, 1931), и все отмеченные В. Н. Чернецовым вещи фоминского этапа указывают на принадлежность последнего не к первым векам н. э., а к VI—VIII вв.

городища Ирмень I составляли 31% общего числа костных остатков. Это были кости косули, марала, лося, бобра, барсука. Встречаются также кости птиц и рыб. Судя по этим находкам, около одной трети мясной пищи жители поселка добывали охотой. О количестве добываемой рыбы судить трудно, так как кости рыб сохранились в незначительной части. Однако находка в культурном слое городища Ирмень I в поселении Усть-Ирмень серии грузил от сетей, сделанных из плоских галек и плиток, говорит о широко развитом рыболовном промысле. Можно полагать, что охота с рыболовством доставляли такое же или лишь немногим меньше количество продуктов питания, чем скотоводство и земледелие.

Естественно, что при хозяйстве, в равной мере основанном как на скотоводстве с земледелием, так и охоте с рыболовством, поселки устраивались в непосредственной близости от реки и луговых угодий и неподалеку от леса. Поселки, как правило, небольшие. На Ближних Елбанах весь поселок помещался на одной небольшой дюне; поселки Ирмень I и Усть-Ирмень занимали площадь не более 50—70 м в длину. Остатки жилищ открыты пока только на городище Ирмень I. Это были небольшие землянки, как и одицовские, площадью около 30—35 кв. м. В одной из них хорошо сохранились следы досок вдоль стен ямы. Судя по тому, что в некоторых погребениях (могилы 6, 33, 35) сохранились остатки берестяного покрытия, береста была привычным кровлющим материалом, и можно полагать, что кровля и стены землянок покрывались именно берестой (а затем, вероятно, землей). Несмотря на то, что стены землянки укреплялись досками, ими же отгораживались и отдельные части жилища, пол жилища был земляным. В связи с этим посуда с выпуклым сферическим дном была наиболее удобна для пользования, такие горшки хорошо устанавливались в незначительных углублениях пола. Из сравнительно большого числа сосудов, найденных на Ближних Елбанах, только один был с плоским (табл. L, 30) и один со слегка приплюснутым дном (табл. L, 31). На городище Ирмень I и в поселении Усть-Ирмень найдено несколько конических поддонов от кубковидных или вазовидных сосудов. Такие сосуды удобны только при пользовании ими на твердой плоской поверхности. Это были со-

суды особого назначения. Количество их, как и на Усть-Полуйском городище, невелико. Возможно, что хранились они на каких-нибудь деревянных полках и пользовались ими в особых, сравнительно редких случаях.

Хотя на фоминском этапе сохраняется в основном прежний бытовой уклад, можно отметить и ряд заметных этнографических отличий по сравнению с предшествующими одицовским и переходным этапами. Так, в наряде уже не применяются гривны. Появились новые принадлежности наряда, как, например, бронзовые парные трубочки с рубчатым орнаментом (табл. LII, 8, 9) и роговые обоймы для ремня (табл. LI, 20). Стали употреблять пояса с железными бляшками или железные же, сделанные по принципу цепи, составленной из чередующихся полосок. Вместо ножен с железными обоймами появились ножны, облицованные с одной стороны литой бронзовой накладкой.

К VII—VIII вв. у древних племен Алтая складываются патриархально-феодальные отношения. Тюрки Алтая создают мощное государство — Первый тюркский каганат и выходят на широкую историческую арену. Другие племена кочевников на Енисее, в Монголии, Центральной Азии также переступили грань первобытно-общинного строя, что документируется как письменными, так и археологическими источниками. В связи с этим чрезвычайно важно определить форму общественного строя верхнеобских племен: включились ли они в процесс формирования классового общества южносибирских и центральноазиатских народов или сохраняли еще попрежнему патриархально-родовой строй. При отсутствии письменных памятников о племенах фоминского этапа на Верхней Оби имеющиеся археологические памятники совершенно недостаточны для решения этих вопросов, но некоторые предположения все же можно высказать.

Неспециализированное хозяйство в лесостепной области, основой которого служат одновременно охота, рыболовство, земледелие и скотоводство, каждое по отдельности доставляющее ограниченное количество продуктов, при слабо еще развитой торговле не могло вести к концентрации богатств в отдельных руках, не создавало достаточно благоприятной почвы для классового расслоения общества. В связи с этим надо предполагать значительное отставание в социаль-

ном развитии охотничье-скотоводческих племен в лесостепных районах по сравнению с их соседями, степными кочевыми народами. Процесс формирования патриархально-феодалных отношений у них можно отнести к концу I тысячелетия н. э., к периоду господства в Центральной Азии енисейских кыргызов, когда население северных районов было более тесно вовлечено в орбиту торговых и политических связей с кочевыми народами. Но это уже выходит за хронологические рамки верхнеобской культуры.

Археологические памятники фоминского этапа не дают пока никаких указаний на сколько-нибудь заметное экономическое и тем более классовое расслоение общества. На ряде разновременных поселений I тысячелетия н. э., обследованных Новосибирской экспедицией ИИМК в районе дер. Ирмень, можно видеть, что все жилища располагаются тесной группой и ни одно из них не выделяется ни своими размерами, ни каким-либо особым положением среди других. Нельзя заметить и какой-либо разницы между отдельными погребениями в могильнике на Ближних Елбанах. Отличия в относительном богатстве инвентарем некоторых могил настолько незначительны, что не могут служить указанием на принадлежность погребенных в них людей к тому, чем в остальных погребениях, социальному слою общества. Также и в тех могилах, где погребены трупы умерших, а не их пепел, нет никаких данных, позволяющих судить о социальной принадлежности погребенных. Дальнейшие раскопки поселений и могильников несомненно со временем дадут более конкретное представление о социальном строе верхнеобских племен фоминского этапа. Пока же приходится ограничиться только изложенными в самой общей форме предположениями.

Зато в области идеологии древнего общества памятники фоминского этапа проливают свет на некоторые конкретные вопросы религиозных представлений и особенности орнаментального, изобразительного и устного поэтического творчества. Переход к новому обряду погребения, к трупосожжению, отражает какие-то изменения в представлениях о загробной жизни. Очевидно, прямо и непосредственно с изменениями в социально-экономической жизни общества это не связано. Обряд трупосожжения, вероятно, по-разному осмысляемый, спорадически

появляется у разных племен и народов с различным типом хозяйства, на разных ступенях общественного развития. В ближайших к Верхней Оби районах он также в течение некоторого времени был основным способом погребения: в позднем неолите — близ Томска, на федоровском этапе андроновской культуры — в Челябинских степях, в центральном и южном Казахстане, в таштыкское и кыргызское время — на Енисее, в VI—VIII вв. — у тюрков Алтая и Монголии и т. д. Обряд трупосожжения не связан, таким образом, с какими-либо определенными этническими образованиями, хотя в некоторых случаях он применяется непрерывно в течение многих веков. Так, например, у енисейских племен этот обряд был господствующей, а иногда и единственной формой погребения с I в. до н. э. по X в. н. э.

На фоминском этапе труп умершего сжигали на сильном огне. В могилу погребали пепел сожженного человека, полагающуюся ему на дорогу в воображаемый загробный мир пищу в горшках и не бывшие на огне одежду и другое снаряжение покойника, но не клали в могилу сделанное каким-либо способом подобие умершего, как это было, например, в обычае таштыкских племен на Енисее. Беспорядочное, совершенно случайное расположение вещей в могилах указывает на то, что они складывались кучей, а не укладывались в каком-то определенном порядке. Поэтому и горшки находились не у стен могилы, а посередине и часто на боку или в опрокинутом виде.

Новый обряд погребения несомненно соответствует некоторым изменениям в представлениях о загробной жизни, но все же существенными, принципиально новыми эти представления не являлись. Как и на предшествующих двух этапах, предстоящий душе умершего путь предполагался, повидимому, не слишком длинным. Покойнику поэтому давали на дорогу небольшой запас пищи, снабжали его необходимой одеждой и полным нарядом с украшениями, с поясом и с ножом на поясе, давали ему лук со стрелами, топор и иногда некоторые другие вещи. Только теперь покойника сначала сжигали, а пепел его погребали. Попржнему погребенного снабжали и конем. Последнего убивали на могильнике, угощались его мясом, а шкуру с головой и концами ног оставляли у могилы.

Конь у западносибирских и приуральских племен того времени занимал видное место в культе, о чем можно судить по частым находкам изображений коня среди других зооморфных и антропоморфных, так называемых шаманских изображений (Смирнов, 1952, стр. 269). Однако барельефные фигурки коня на бронзовых накладках на ножины (табл. LI, 13, 14) надо связывать не с культом коня, а с образом богатырского коня в героическом эпосе, и сами фигурки следует считать не культовыми, а изображениями популярных героев эпоса. В героическом эпосе современных народов южной Сибири и Центральной Азии конь богатыря представлен часто таким же активным героем поэмы, как и сам богатырь, а в некоторых случаях и более активным. Богатырь и его конь неразлучны, образ коня дается с не меньшей подробностью и выразительностью, чем образ богатыря. Так и в древнейших дошедших до нас памятниках героического эпоса, относящихся ко времени ранних кочевников и к более позднему времени, представляющих собой барельефные изображения основных сюжетов из героических поэм, богатырь и его конь являются центральными фигурами. В изображениях богатырских охот на золотой бляхе из эрмитажной коллекции Петра I, на костяной накладке на луку седла в Кудыргинском могильнике, на бронзовых барельефах Копенского чаатаса и на так называемом серебряном кубке Страленберга богатыри представлены верхом на коне (Толстой и Кондаков, 1890, рис. 69, 70; Руденко и Глухов, 1927; Киселев, 1951, табл. LVII, LVIII; Радлов, 1891, стр. 27, 29). В сцене поединка богатырей на бронзовых бляхах из Ордоса и в сцене оживления богатыря под деревом на золотой бляхе коллекции Петра I вместе с богатырями изображены и их кони, хотя в представленном действии они никакого участия не принимают (Salmony, 1933, табл. XXI; Толстой и Кондаков, 1890, рис. 71). Наконец, на целой серии бронзовых блях, найденных в Ордосе, Забайкалье и на Енисее, изображен, повидимому, один из наиболее популярных сюжетов героического эпоса — поединок коней богатырей (Salmony, 1933, табл. XXVII, 1; Талько-Грынцевич, 1902, табл. III; Киселев, 1951, табл. XXI; ср.: Коптелов, 1940, стр. 123). Фигурки на ножнах из Ближних Елбанов надо, повидимому, считать изображением

в одном случае богатыря на коне (табл. LI, 13), в другом — богатырского коня (табл. LI, 14). Это позволяет предполагать наличие героического эпоса у верхнеобских племен фоминского этапа. Как уже отмечалось выше, западносибирские и приуральские племена лесных районов, обитавшие по долинам крупных рек, еще с I тысячелетия до н. э. занимались скотоводством и пользовались верховым конем. Отсюда вполне естественно, что богатыри их героического эпоса должны были представляться всадниками, а кони богатырей прославляться и воспеваться наравне с их владельцами. При этом следует отметить, что героический эпос, воспевающий богатырей-всадников, у лесных племен был, повидимому, так же широко распространен, как и у их южных степных соседей. Находка изображений богатырей на Ближних Елбанах не единична. Бронзовые бляхи, изображающие всадника с соколом или беркутом на руке и каких-то мифологических птиц, найденные в кургане IX—X вв. н. э. близ дер. Красноярской на р. Таре (Heikel, 1894, табл. XXIV).

Следует отметить, что в изображениях богатырей как из Ближних Елбанов, так и из дер. Красноярской не улавливаются пока какие-либо определенные черты сложившегося развитого стиля. По сравнению с тем, как тот же самый мастер на тех же самых ножнах искусно и уверенно размещал четкие и строгие узоры орнамента, формы и композиция которых были взяты и отобраны им из опыта многих других мастеров, украшавших свои изделия подобными узорами, изображения коня и всадника кажутся произведениями неумелого мастера, не нашедшего еще нужных форм для изображения необычного для него сюжета. Если геометрические узоры создавались путем отбора наиболее удачных образцов творческой работы сотен, а может быть и тысяч мастеров и мастериц, украшавших различные изделия из металла, дерева, кости, бересты, меха и других материалов, то изображения всадника и коня были относительно редким и необычным сюжетом изобразительной деятельности того общества, не было еще накоплено достаточного опыта, а опыт по составлению узоров или по мифологическим изображениям птицы, медведя и других образцов не мог быть просто и легко перенесен на этот новый сюжет. Таким обра-

зом, можно полагать, что хотя геронческий эпос и был широко распространен у племен фоминского этапа, темой для изобразительного искусства он служил сравнительно редко.

В орнаментальном искусстве фоминских племен можно наблюдать два направления. Одно представлено узорами на металлических изделиях и на глиняной посуде, другое — на костяных изделиях. Первое направление, общее для широкой территории северо-западной Сибири и северного Приуралья, характеризуется прямолинейными геометрическими узорами в виде полос или поясков меандровидного орнамента в сочетании с точками и черточками на металлических изделиях (табл. LI, 13, 14) и полос, составленных из рядов оттисков ребра пластинки, гребенки и треугольных и иной формы штампов на глиняной посуде (табл. XLIX, 3, 5; L, 24). При этом в обоих случаях характерны Z- или S-образные элементы

орнамента, включенные в общую композицию узора.

Более своеобразна орнаментация костяных предметов, построенная совсем по иному принципу. Они украшались не узорными полосками, а криволинейными фигурами с волнообразными завитками на концах, равномерно заполняющими украшаемую поверхность в соответствии с ее формой (табл. LI, 1—3, 20). Такого рода орнаменты несвойственны памятникам северо-западной Сибири и Приуралья. За пределами Верхней Оби мне известен только один предмет с таким орнаментом — костяная пластинка из случайных находок в Минусинских степях (Эрмитаж). Возможно, что эти криволинейные орнаменты явились культурным приобретением фоминских племен на их новом месте обитания на Верхней Оби и представляют собой своеобразную этнографическую черту, отличающую их от родственных им племен северо-западной Сибири.

Глава VI

СРОСТКИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Памятники IX—X вв. н. э. на Верхней Оби, в том числе и на Ближних Елбанах, отражают новую смену культуры, связанную, как увидим ниже, со сменой населения. Наиболее ярким памятником новой на Верхней Оби культуры является курганный могильник Сrostки I, открытый М. Д. Конытовым в 1925 г. близ с. Сrostки, на р. Катунь, в 50 км к ЮЗ от г. Бийска.¹ По этому памятнику и будем называть культуру периода IX—X вв. на Верхней Оби сrostкинской.

Памятники

На Ближних Елбанах памятники сrostкинской культуры обнаружены в 4 пунктах. Это курганные могильники в пунктах БЕ VIII и БЕ VI, грунтовой могильник в пункте БЕ V и отдельные грунтовые могилы в пункте БЕ VII. Остатков поселения не обнаружено.

Курганы в пункте БЕ VIII

На пологой невысокой дюне 4 кургана, расположенные цепочкой по линии ЮЗ—СВ (табл. LIII, I). Это небольшие, расплывшиеся, едва заметные насыпи, высотой 20—50 см. На двух из них следы старых раскопок (Н. С. Гуляева?). Нами раскопаны два кургана (№№ 1 и 2), не имевшие следов прежних раскопок.

Курган 1. Самый большой, крайний с СВ. Диаметр 9—10 м, высота 50 см. Под насыпью 5 грунтовых могил (табл.

LIII, II). На погребенной почве вокруг могил 1 и 2 кольцо выкида, над могилой 4 остатки двух бревен (угол надмогильного сруба) и к северу от могил 3—5 куски обгорелых бревен. К северу от могилы 4 в погребенной почве остатки двух кольев. Два таких же кола на том же уровне над могилой 5.

Могила 1 (табл. LIII). Яма размером 210×80 см, глубиной 120 см.¹ Накат из продольных бревен на высоте 30 см от дна, в средней части прогнувшийся и лежащий прямо на костях. Скелет молодой женщины лет 18, на спине, головой на СВ. Между правой кистью и тазом пряслице из рыхлого рассыпающегося камня сероватопалевого цвета и железный нож. Справа у головы крестец и два позвонка барана в сочленении.

Могила 2 (табл. LIII). Яма размером 155×40 см, глубиной 110 см. Скелет старой женщины, на спине, головой на СВВ. Предметов нет.

Могила 3. Яма размером 140×60 см, глубиной 100 см, ориентированная по линии ЮЮЗ—ССВ. Незначительные остатки деревянного покрытия погребения. Под ним только молочные зубы ребенка в северном конце могилы. Предметов нет.

Могила 4 (табл. LIII). Яма размером 180×50 см, глубиной 80 см. Скелет женщины 20—40 лет, на спине, головой на СВ, обернутый со всех сторон большими листьями бересты. Около правого локтя железный нож. Справа у головы ребро, а на правом плече лопатка лошади.

¹ Публикация некоторых материалов из могильника Сrostки I см.: Грязнов, 1930; Zakharow u. Argend, 1934, т. VIII; Киселев, 1951, стр. 552 и сл.

¹ Глубина могил в курганах указывается от поверхности погребенной почвы.

Могила 5 (табл. LIII). Яма размером 220×50 см, глубиной 130 см. Скелет молодого мужчины лет 20, на спине, головой на ССВ. Поверх костяка вдоль ног железный меч с остатками ножен (табл. LIII, 1), с железными колечком и пряжкой на вем (табл. LIV, 3). Поверх меча, у таза, 5 железных наконечников стрел острием к голове и у колен железные удила (табл. LIV, 5). Шестой наконечник лежал между голени острием к ногам (расстояние между остриями 80 см). Седьмой наконечник находился среди костей грудной клетки острием к плечу. Рядом с мечом слева роговые накладки на лук, средняя — между мечом и бедром, концевые — на тазовой кости и на берцовой. В северном конце могилы, на уровне верхней поверхности черепа железный наконечник копья (табл. LIV, 4), лежавшего, очевидно, поверх трупа. Справа у таза бронзовая пряжка (табл. LIV, 1). Слева у бедра железный нож. Слева в ногах плохо сохранившиеся железные части седла: 2 стремена, 2 кольца диаметром по 3,5 см, пластинка, прибитая гвоздем с колечком к дереву, оклеенному берестой, и др. На некоторых из них остатки кожи и ткани типа холста. На правой стопе железная заклепка от луки седла (?). У южной стенки железная подпружная пряжка (табл. LIV, 2). Около черепа поясничные позвонки барана.

Курган 2. Соседний с первым. Диаметр около 8 м, высота 25 см. Под насыпью, в ее юго-западной половине, 4 грунтовых могилы (табл. LIV, 1). На поверхности погребенной почвы находились черепки и плохо сохранившиеся кости животных, иногда обожженные. Такие же остатки встречены и в трех ямах за пределами насыпи. Вокруг могилы (центральной) на погребенной почве кольцо выкида, остатки продольно лежавших бревен и 8 вбитых в землю кольев.

Могила 1. Яма размером 105×40 см, глубиной 45 см. Остатки черепа ребенка до 7 лет, судя по их положению, погребенного головой на СВ. Предметов нет.

Могила 2 (табл. LIV, III). Яма размером 200×100 см, глубиной 80 см. Форма ее на дне соответствует как бы двум гробовищам. В них скелеты двух мужчин преклонного возраста, оба на спине, головой на СВ. При правом скелете находились 9 железных наконечников стрел между голени, острием к ногам, и один на тазу, острием к голове

(расстояние между остриями 80 см); железный крюк от колчана около крестца; железный нож и роговая пластинка у левого бедра; железный кистень (табл. LIV, 6) у левой лодыжки; 2 железные пряжки (табл. LV, 19), одна у поясицы, другая между колен; 2 крестца барана в ногах. При левом скелете: железный меч (табл. LIII, 2) на правой руке; 8 железных наконечников стрел у правой ключицы, острием к голове, и 4 у правого бедра, острием к ногам (расстояние между остриями 75 см); бронзовая и железная пряжки (табл. LV, 18) и железный стержень с кольцами на концах на тазу; 2 кремешка, остатки минерализованной ткани (от мешочка?) и железный нож, острием к ногам, слева у кисти; в ногах — двое удили (табл. LV, 21, 23), пара стремян, болт с остатками древесины от двух сходящихся под острым углом досок, 2 кольца, 2 подпружные пряжки, тесло, лежащее ребром, острием в сторону от костяка, все железные (табл. LV, 17, 22, 24), и два бараньих крестца с прилегающими поясничными позвонками.

Могила 3. Яма размером 95×35 см, глубиной 35 см. Скелет ребенка до 7 лет, на спине, головой на СВ. Под ним остатки войлока (?) и ниже дерева. Серия бронзовых украшений: 2 ажурные бляшки-подвески с изображением птиц (табл. LV, 10, 11), одна под правой лопаткой, другая посередине спины; 2 такие же подвески меньшего размера (табл. LV, 8, 9) по бокам около локтей; плоская овальная подвеска (табл. LV, 16) справа у шеи; 36 пряжечек-блоков с остатками ремешка на одной (табл. LV, 13), повидимому нашитые по бортам одежды; 2 проволоочных кольца (табл. LV, 6, 7) у таза; 2 раковины каури около правого плеча. Серебряные: пряжечка-блок (табл. LV, 12) у пояса; 5 бубенчиков (табл. LV, 1—5), 3 у правого плеча, 2 — у левого. Пара игральных костей (роговые кубики с 1—6 точками на гранях; табл. LV, 14) и костяная треугольная пластинка справа у бедра. Трубочатая кость барана в ногах. На ряде бронзовых предметов сохранились остатки тонкой и толстой шерстяной ткани.

Могила 4. Яма размером 70×45 см, глубиной 35 см. Скелет ребенка до 7 лет, на спине, с поднятыми вверх ногами, головой на СЗ. У головы угольки и пережженные кости. Предметов нет.

Курганы в пункте ББ VI

На двух слившихся дюнах расположена группа из 9 курганов с едва заметными плоскими насыпями высотой 20—40 см, наличие которых было установлено только на третий год работ в конце раскопок, когда благодаря засушливому лету был низкий травостой и рельеф дюны хорошо обозначался. Раскопанные погребения открыты в двух небольших выдувах и нумеровались в порядке их обнаружения. Впоследствии оказалось, что могилы 1, 4 и 5 находились под курганом 1, могила 6 — под курганом 2, а могилы 2 и 3 были грунтовыми без насыпи над ями.

Курган 1. Диаметр около 10 м, высота 30 см. Юго-восточная половина насыпи развеева ветрами.

Могилы 1 (табл. LVI). Обнаружена на дне выдува по остаткам деревянного покрытия. Яма прямоугольная, 170×50 см, глубиной, вероятно, около 1 м. Покрытие из поперечных досочек и над ними нескольких продольных. Скелет мужчины около 20 лет, на спине, головой на СВВ. Под челюстью стеклянная бусина, сферическая, молочно-белого цвета. Вдоль левой ноги остатки берестяного колчана длиной около 1 м, шириной 20 см внизу и 10 см вверху. В нем 2 костяных и не менее 3 железных наконечников стрел, остриями к голове (длина стрел около 90 см?). Около наконечников стрел костяная овальная пластинка размером 17×5 см (крышка колчана?). На левой тазовой кости роговая пластинка неопределенной формы. Между бедер 4 костяные пластинки овального сечения с заострением на конце, лежавшие в поперечном направлении, и небольшой роговой стерженец. Все костяные и железные предметы плохой сохранности.

Могилы 4. Обнаружена в обресе обнажения дюны. Прямоугольная яма шириной 60 см, глубиной 80 см. Скелет взрослого человека (судя по вещам, женщины), на спине, головой на ЮЗЗ. Кости ног ниже левого колена и середины правого бедра уничтожены выдувом. Труп был завернут в несколько слоев бересты — листы от распоротых берестяных изделий: 3 полностью сохранившихся круга диаметром 45, 60 и 70 см (Грязнов, 1951, рис. 233) и часть такого же круга (дныща больших туясов); прямоугольный лист шириной 50 см, дли-

ной более 60 см, с пришитым к нему другим, повидимому, таким же листом; части других листов с остатками швов по краям. На груди и вдоль левой руки много бисера и мелких стеклянных бус (табл. LVI, 5). У левого плеча тонкая бронзовая бляшка. У пояса бронзовые сферические пуговицы (табл. LVI, 6), обломок бронзового зеркала и мелкие железные булавки или гвоздики. У левого локтя берестяной шитый туясок высотой 18 см, диаметром около 7 см, берестяной конус диаметром около 15 см, шитый из 4 кусков. и 2 берестяных ромбика — основа шитых бисером украшений (Грязнов, 1951, рис. 230, 232). Третий такой ромбик лежал на правой кисти. Там же железный нож и 2 тонких деревянных палочки. В разных местах мелкие обрывки гладкой шелковой ткани и шнура.

Могилы 5. В 60 см к ЮЗ от предыдущей. Прямоугольная яма, 215×60 см, глубиной 140 см. Вдоль стен остатки досок на высоту до 40 см. Покрытие из продольных бревен, корытообразно прогнувшихся посередине, покрытых сверху берестой в один слой. Скелет женщины старческого возраста, на спине, головой на СВ. У правого виска бронзовая серьга (табл. LVI, 1). У левого плеча костяной игольник (табл. LVI, 3) с железной иглой в нем. У левого колена железный нож (табл. LVI, 2). Между голени 4 поясничных позвонка барана. В ногах железный ковш или сковорода.

Курган 2. Диаметр около 10 м. Большая часть насыпи разрушена выдувом.

Могилы 6. Обнаружена по остаткам дерева на пологом склоне выдува. Прямоугольная яма длиной более 190 см, глубиной около 100 см. Сохранились северо-западная и часть юго-западной стен, обложенных горбылями выпуклой стороной наружу. Сохранились в порядке кости правой руки и правой голени взрослого человека, погребенного на спине, головой на СВ. Около голени железный нож. В углу могилы раздавленный глиняный кувшин (табл. LVI, 4).

Отдельные погребения. Обнаружены в обресе обнажения дюны, частично разрушены.

Могилы 2. Прямоугольная яма, глубиной 80 см. Ориентировка ЮЗ—СВ. Сохранился только западный угол могилы.

На дне и по стенкам остатки берестяной подстилки. Остатки скелета человека 40—60 лет (черепная крышка, нижняя челюсть и диафизы трех костей), головой на ЮЗ (?). Предметов нет.

Могила 3. Прямоугольная яма. 180×45 см, глубиной 50 см. Вдоль стен остатки дерева. Скелет взрослого человека, на спине, головой на З. У левого локтя кусок железа (нож?).

Могильник в пункте БЕ V

Наличие или отсутствие курганов не установлено, так как вековой работой ветра часть дюны совершенно уничтожена, часть скрыта под толстым слоем навейного песка, на остальной части поверхность почвы сточена ветрами.

Повидимому, здесь найдены Н. С. Гуляевым в 1903 г. железные стремена, удила, однолезвийный меч, топор-тесло, наконечники стрел и бронзовые наременные бляшки, хранящиеся в Барнаульском музее.

В 1915 г. В. П. Михайлов раскопал здесь погребение, которое «начало обнажаться с ног и левого бока». На глубине 70 см (1 аршин) скелет на спине, головой на СВ, обернут берестой; пара бронзовых серег, одна около уха, другая у локтя. Справа у плеча 4 бронзовых украшения. Между ног кости животного (Михайлов, 1917, стр. 8).

В 1924 г., повидимому здесь же, М. Д. Копытов нашел серию бронзовых вещей из одного погребения: зеркало с процарапанным на нем подражанием куфической надписи (Грязнов, 1951, рис. 179), 2 пары ажурных застежек (там же, рис. 197), ухвертка такого же типа с ажурным щитком на конце, 3 бляшки-подвески, оправа кисти (там же, рис. 196), бубенчики, а также сердоликовые и стеклянные бусы. Хранятся в Бийском музее.

В 1925 г. мною раскопано погребение, у которого ветром была обнажена часть правой руки. Обнаружен скелет мужчины на спине, головой на ССВ. На левой руке железная сабля.

Экспедиция в 1946—1949 гг. собрала вещи из развеевных погребений — железные: 3 трехперых наконечника стрел, топор-тесло (табл. LVII, 16), нож, обломок удила, кольцо, 2 пряжки (табл. LVII, 18, 19); 2 бронзовые пряжки. Раскопана площадь в 280 кв. м (табл. LVII, 1), на которой обнаружено 4 могильных ямы (№№ 1—4).

За пределами раскопанной площади обнаружено 2 могилы (№№ 5 и 6).

Могилы 1—3. Прямоугольные ямы, по форме и размерам соответствующие могильным, но не сохранившие никаких следов погребения.

Могила 4. Прямоугольная яма, 125×85 см, глубиной 70 см. Скелет собаки на левом боку, головой на СЗ. Предметов нет.

Могила 5. Развеенное ветром погребение. Кости и лещи смещены. Скелет взрослого мужчины, повидимому на спине, головой на СВ. Обломки железного меча, обоймища от его ножен и наконечники стрел.

Могила 6 (табл. LVII, 17). Прямоугольная яма длиной более 155 см (западный конец развеев), шириной 65 см, глубина не установлена. Ориентировка ЗЮЗ—ССВ. Никаких следов костей человека не обнаружено, но крестец барана и астрагал быка сохранились хорошо. Возможно, здесь была погребена кукла или другое подобие человека, а найденные вещи располагались на нем, как на трупе человека: на правой ноге однолезвийный меч, железные удила и остатки уздечных ремней с бронзовыми бляшками, пряжкой и наконечниками (табл. LVII, 8, 14); на животе бронзовая пряжка с железным язычком (табл. LVII, 15); на бедрах крестец барана и астрагал быка: вдоль левого бока 10 железных наконечников стрел (табл. LVII, 1—6) двумя пачками, острыми в противоположные стороны (расстояние между острыми 80 см); около головы еще один наконечник.

Возможно, что к этому погребению относится горшок, найденный за несколько дней до нашего приезда пастухом (табл. LVII, 7). На месте его находки (табл. LVII, 1, б) мы нашли недостающий черепок от венчика этого сосуда. Горшок находился в 40 см к СВ от могилы 6 на 30 см выше ее дна.

Погребения в пункте БЕ VII

В этом большом могильнике с погребениями главным образом большепереченского и фоминского этапов два погребения относятся к сrostкинскому времени — могилы 41 и 78.

Могила 41. Овальная яма, 135×40 см, глубиной 80 см. Погребение ребенка до 7 лет, головой на СВ. Сохранились только части черепа. Около черепа пара серебряных серег в виде кольца со стеклянной бусинкой

(табл. LVI, 15, 16), 2 бочонковидные стеклянные бусины (табл. LVI, 13, 14), клык хищника (волка?), обломки железного стержня, согнутого под прямым углом.

Могила 78 (табл. LVI). Прямоугольная яма, 175×55 см, глубиной 220 см. Скелет мужчины около 40 лет, на спине, головой на СВ. Поверх него однолезвийный меч. Ниже, между ног, остатки берестяного колчана и 6 железных наконечников стрел (табл. LVI, 8, 9) в двух пачках, остриями в противоположные стороны (расстояние между остриями 80 см). На правом колене железные удила с S-образными псалиями (табл. LVI, 7), кольцо и топор-тесло (табл. LVI, 10). У пояса бронзовая и железная пряжки (табл. LVI, 11). Между бедрами бронзовый наконечник ремня (табл. LVI, 12). Слева у бедра роговая палочка-застежка и железный нож. На голених крестец барана.

Из 22 могил, исследованных в 4 пунктах, 8 оказались мужскими, 6 женскими, 3 неустановленного пола и 5 детских. Все они довольно единообразны по обряду погребения и по составу вещей, особенно мужские, и четко отличаются от погребений других этапов.

Погребения, как правило, устроены в узких глубоких прямоугольных ямах, длиной 170—220 см, шириной 40—60 см, глубиной 70—130 см, в одном случае 220 см. Детские меньше по размерам и менее глубоки. В 11 могилах сохранились остатки внутримогильных сооружений. В одних случаях это покрытие из поперечных досок или продольных бревен, в других — стенки из досок и горбылей. В 3 женских могилах труны были завернуты в бересту. В четвертой берестой покрыт бревенчатый накат. В одном случае погребенный неустановленного пола положен на берестяной подстилке.

Погребенные положены на спину, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на СВ или с некоторыми отклонениями в сторону С или В. Только в одной детской могиле (БЕ VIII, курган 2, могила 4), одной женской (БЕ VI, могила 4) и, возможно, в могиле взрослого неопределенного пола (БЕ VI, могила 2) ориентировка погребенных противоположная.

Все мужчины снабжены оружием, лежащим в могиле поверх погребенного. Во все могилы, кроме одной, положены колчаны со стрелами, вероятно, и лук, остатки кото-

рого сохранились только в одном случае. Во всех, кроме двух, железный меч или сабля. Кроме того, в одной могиле было копьё, в одной железный кистень и в двух топор-тесло, возможно также служивший оружием. Остатки берестяного колчана сохранились только в двух могилах, но расположение наконечников стрел во всех других могилах двумя группами по одной линии. Остриями в противоположные стороны, указывает на то, что они лежали также в колчане, причем часть их положена острием вниз, часть вверх. Расстояние между остриями наконечников стрел в 4 случаях 80 см, в одном — 75. Значит, длина стрел была около 80 см, а длина колчана, очевидно, несколько больше. В погребении БЕ VI, могила 1, длина сохранившегося колчана была около 90 см. Все наконечники стрел железные. Только в одном случае в колчане вместе с 3 железными стрелами находились 2 костяные. В двух могилах, кроме 5, — 12 стрел, находившихся в колчане, было обнаружено еще по одному наконечнику: в одном случае среди костей грудной клетки, в другом у головы.

Кроме оружия, в 5 мужских могилах поверх погребенного положены уздечки, а в двух из них и седла. На поясе погребенных в двух могилах находилось по одной бронзовой пряжке, в трех — по две пряжки, бронзовая и железная или обе железные. В 4 могилах слева около верхней половины бедра лежал нож, острием вниз, очевидно подвешенный к поясу. Из числа украшений только в одной могиле 20-летнего мужчины под челюстью найдена стеклянная буса, возможно служившая застежкой на ворота рубахи. В 4 погребениях в ногах поверх погребенного находилось по одному или по два бараньих крестца — остатки пологого в могилу курдюка.

Женские погребения значительно беднее сопровождающими вещами. В 4 могилах находился нож, справа, около таза или локтя, в одном случае около левого колена. В одной могиле было еще каменное пряслице, а в другой — костяной игольник с железной иглой. Орудия в женских погребениях этим и исчерпываются. Отметим еще железный ковш в одной могиле. Немногочисленные и украшения. В одной могиле находилась бронзовая серьга, в другой пара серег и у плеча 4 каких-то медных украшения. Только погребение старухи (БЕ VI, могила 4)

сопровождалось большим количеством бисера, мелких стеклянных бус, пуговками, обломком зеркала и железными булавами.

Кости животных в женских погребениях, в отличие от мужских, находились в двух случаях в ногах, в двух около головы; в трех случаях это были остатки положенного в могилу курдюка барана, в одном — грудины лошади.

Три могилы, пол погребенных в которых не установлен (БЕ VI, могилы 2, 3 и 6), вероятно, также женские, судя по отсутствию в них оружия и положению ножа не на поясе слева, а справа у голени и у левого локтя. В одной из этих могил глиняный горшок находился в ногах.

В детских погребениях обнаружены только украшения. Три могилы были без вещей. В могиле девочки (?) была пара серег, 2 бусинки и клык хищника (БЕ VII, могила 41), в могиле мальчика (?) большое количество бронзовых подвесок, бляшек-пряжек, бубенчиков и проч., а также пара игральные костей — кубики с точками на гранях (БЕ VIII, курган 2, могила 3).

Датировка

Вопрос о датировке рассмотренных памятников не вызывает особых затруднений. Все мужские погребения подобны погребениям Сrostкинского и других того же типа могильников прежде всего по составу вещей (меч, колчан со стрелами, седло, узда, курдюк барана) и по характерным формам некоторых из них (бронзовые пряжки с острым носком, удила с восьмеркообразными кольцами). Своеобразие заключается лишь в том, что в погребениях на Ближних Елбанах не встречены поясные наборы, а мечи во всех случаях не имеют бронзовых наконечников и обойм и, что существенно, только в 4 случаях из 8 в могилу воина положены узда и седло. На Алтае же это обязательно для каждой могилы воина, там часто с воином погребался его верховой конь с уздой и седлом.

Женские погребения более бедны сопровождающими их предметами и, как правило, не содержат датирующих вещей. Только в погребении БЕ VI, могила 5, найдена бронзовая литая серьга характерной для Crostкинской культуры формы (табл. LVI,

1),¹ а в погребении БЕ VI, могила 4, — медные сферические пуговицы (табл. LVI, 6), получившие в южной Сибири распространение с конца I тысячелетия.

Принадлежность рассматриваемых погребений к типу памятников Crostкинской культуры, датируемых обычно VIII—X вв., несомненна, но наличие на Ближних Елбанах двух групп курганов этого типа (БЕ VI и БЕ VIII) и двух групп грунтовых могил (5 в пункте БЕ V и 2 в пункте БЕ VII) должно указывать на их разновременность в пределах указанных трех веков. К числу более поздних из них следует относить, повидимому, курганный могильник БЕ VIII, детское погребение в пункте БЕ VII (могила 41) и раскопанное М. Д. Копытовым погребение в пункте БЕ V (если это погребение действительно находилось в пункте БЕ V). В этих погребениях наряду с вещами, характерными для памятников Crostкинской культуры, встречены и такие, которые получили распространение в следующую эпоху, в начале II тысячелетия н. э.

Это в первую очередь ажурные бронзовые бляшки с изображением двух птиц и ромба между ними (табл. LV, 10). Несомненно, здесь такое же изображение фениксов, как и на золотой тарелке из Копенского чаатаса на Енисее (Евтюхова и Киселев, 1940, рис. 53), только более грубое, упрощенное. Изображения, более близкие к нашим, известны в числе случайных находок между Обью и Иртышом (Миллер, 1937, рис. 22) и где-то на Алтае из собрания П. К. Фролова (Смирнов, 1909, табл. XXII, 4). Они найдены и в хорошо датированных курганах в Басандайке близ Томска («Басандайка», 1947, табл. 59 и 84). В курганах Басандайки найдена также ажурная бляшка, подобная нашим малым бляшкам (там же, табл. 72). Серьги в виде медного кольца с надетой на него бусиной (табл. LVI, 15) из погребения БЕ VII, могила 41, аналогичны серии таких же серег из курганов в Басандайке (там же, табл. 44, 84 и др.). Поскольку курганы в Басандайке датируются началом II тысячелетия, то курганы в пукте БЕ VIII, погребение БЕ VII, могила

¹ В точности такие же серьги найдены в могильнике Crostки I (Zakharow и. Arendt, 1934, табл. VIII, 8, 9), аналогичные обнаруженным в могильниках того же времени на Алтае (Евтюхова и Киселев, 1941, рис. 17, 23, 35) и на Енисее (Евтюхова, 1948, рис. 35, 38).

41, и погребение, раскопанное М. Д. Копыловым, надо относить к концу сrostкинского времени, к X или IX—X вв., а курганы в пункте БЕ VI считать более ранними.¹

В районе Оби памятники сrostкинской культуры известны еще в нескольких пунктах. Это упоминавшийся уже курганный могильник Сrostки I и еще 4 курганных же могильника: Змеевка близ с. Красный Яр, раскопки С. М. Сергеева в 1930 г.; Гоньба близ г. Барнаула, раскопки Менье (М-в, 1874, стр. 195—197); Иня на р. Оби, в 80 км ниже г. Барнаула, раскопки А. П. Уманского в 1952 г.; Старый Шаран близ с. Ордынского п. с. Ордынского, раскопки Новосибирской экспедиции ИИМК в 1952 и 1954 гг. Погребения в этих курганах, как и рассмотренные на Ближних Елбанах, ни по обряду, ни по типам и составу сопровождающих вещей не отражают местных культурных традиций, которые связывали бы их с населением Верхней Оби предшествующей верхнеобской культуры. В этом отношении они очень близки к синхронным им памятникам на Алтае, хотя и имеют, как уже указано, некоторые отличия от них. Памятники же сrostкинской культуры на Алтае настолько тесно связаны с предшествующей им группой памятников VII—VIII вв. (Катаанда II, Курай, Туяхта, малые курганы в Шибе) и более ранних, что не всегда легко могут быть от них отделены. Нет сомнения, что сrostкинская культура на Алтае представляет собой продукт местного развития и что примерно в VIII в. население с этой культурой распространилось из Алтая на север по лесостепным районам р. Оби, заменив собой прежнее население этих районов. К сожалению, антропологический материал в этом отношении не дает ясной картины. Два черепа, мужской и женский, из могильника БЕ VIII, изученные В. А. Алексеевым, оказались невыразительными. Материалы же из могильников Сrostки I и Змеевка характеризуют смешан-

ный физический тип населения, состоящий из европеоидного и монголоидного компонентов (Дебец, 1948, стр. 207—211).

Культура

Сrostкинские племена принесли с собой на Обь новый обряд погребения, в котором отражен отличный от прежнего населения верхнеобской культуры уклад их хозяйственной жизни. Если прежнее население при похоронах совершало обильную тризну с поеданием коня, то новые пришельцы ограничивались более скромной тризной. Они резали над могилой одного или двух баранов и от пиришественных яств наиболее лакомый кусок уделяли умершему, положив его в могилу. При скелете погребенного постоянно находятся один или два крестца барана с прилегающими поясничными позвонками или один только позвонки. Сумершим мужчиной часто погребали узду или полное снаряжение верхового коня — узду и седло. Перед нами скотоводческое общество, в хозяйстве которого основным мясным животным была овца, верховой конь играл первостепенную роль как для хозяйственных целей, так и для военных. О том, какое значение имели в хозяйстве другие его отрасли — земледелие и охота, наши материалы пока ничего не говорят, но некоторые соображения об этом можно высказать в связи с вопросом об образе жизни племен сrostкинской культуры.

В могилах погребенные часто завернуты в бересту. Очевидно, береста была в большом употреблении при строительстве жилищ. Она могла использоваться и для покрытия зимних жилищ, обкладываемых поверх бересты дерном, и для сооружения легких летних юрт или так называемых балаганов. Береста в качестве кровельного материала могла одинаково широко применяться как у кочевников, так и у оседлых или полuosедлых племен. Особый интерес в связи с этим приобретают находки в погребении БЕ VI, могила 4. Берестяное покрытие здесь очень хорошо сохранилось. Умершая оказалась завернутой в листы бересты, не специально для этой цели приготовленные и не снятые с кровли жилища: чтобы завернуть умершую в бересту, распорили несколько старых предметов домашней утвари — берестяные сумы, кошель, большие туясы. В могилу с умершей, кроме того,

¹ Могильник БЕ VI в предварительных сообщениях датировался мною XVI—XVII вв. и приписывался телеутам (Грязнов, 1951). Основанием этому послужили хорошая сохранность берестяных изделий и обилие стеклянного бисера при отсутствии характерных датировочных вещей. После очистки от окислов серы из погребения БЕ VI, могила 5, эту датировку необходимо изменить, так как серьга оказалась типичной для сrostкинской культуры. Остальные же вещи этому не противостоят.

были положены небольшой берестяной туесок и какой-то другой предмет конической формы. Берестяная посуда, вероятно, была положена и в другие могилы, но не сохранилась в них. Только в двух могилах умершему дана была пища в глиняных горшках (табл. LVI, 4; LVII, 7). Очевидно, в домашнем хозяйстве сrostкинских племен в большом количестве и для разных надобностей использовались различные берестяные изделия. Этнографические наблюдения показывают, что обилие берестяной домашней утвари свойственно охотничье-скотоводческим или охотничье-рыболовческим оседлым или полуседлым племенам. Поэтому следует полагать, что сrostкинские племена, придя в лесные районы Оби, утратили свой кочевой скотоводческий уклад хозяйственной жизни, полностью или частично, и стали лесными жителями со скотоводческо-охотничьим полуседлым хозяйством. Однако внешний облик некоторых мужских погребений попрежнему сохраняет тот же характер, какой был свойствен кочевникам.

Характерно, что все мужчины без исключения погребены с боевым оружием. Во всех могилах, кроме одной, поверх погребенного положен колчан с боевыми стрелами и, вероятно, лук, хотя остатки лука обнаружены только в одной могиле. В 6 могилах, из 8 мужских, положены длинные мечи. В некоторых могилах — железный топор-тесло (вероятно, тоже оружие), копьё и кистень. Очевидно, каждый мужчина был воин и сородичи, отправляя его в загробный мир, обязательно хоронили его с боевым оружием.

Особый интерес представляет порядок расположения могил на кладбище. В могильнике BE VIII в двух полностью раскопанных курганах нашлось по несколько погребений: в кургане 1 — одно мужское, три женских и одно детское, в кургане 2 — в центре, в общей могиле, два мужских, а вокруг три детских. Подобная же картина наблюдалась А. П. Уманским при раскопках курганов в Ине. Вероятно, таково же распределение погребений и в могильнике BE

VI, но там ни один курган не исследован полностью. Расположение могил в курганах позволяет предполагать следующий порядок погребения. Около могилы воина (а в одном случае двух воинов, погребенных одновременно) хоронили умерших после него членов его семьи. Кладбище, таким образом, разбивалось на несколько отдельных семейных групп. Над могилой мужчины сооружалась какая-то постройка, вероятно прикрытая сверху, возможно, и с боков, землей. Незначительные остатки таких сооружений наблюдались в обоих курганах в пункте BE VIII. Последующие могилы устраивались рядом с первой, с разных сторон, над ними также ставились, возможно, меньшего размера, надмогильные сооружения. Со временем надмогильные постройки разрушались и на их месте оставалось одно общее небольшое плоское возвышение, принимаемое нами за курганную насыпь.

Такого рода клабища принадлежат обществу, родовые традиции которого в значительной мере поколеблены. Патриархальная семья выступает как основная экономическая ячейка общества не только в реальной жизни, но и в предполагаемом загробном мире. Предшествующее население свято чтит родовые традиции, устраивало родовые пиршества-тризны; погребенные на родовом кладбище все были равны. Новое же население на Оби сrostкинского времени даже на кладбище обособляется по отдельным семьям, и тризны на могилах уже не имеют общеродового общественного характера. Все это надо связывать, очевидно, с тем, что процесс разложения рода и сложения патриархально-феодальных отношений уже значительно изменил общественный строй сrostкинских племен, что сrostкинские племена как на Алтае, так и на Оби принадлежат уже к классовому обществу, патриархально-феодальному, определение местных конкретных особенностей которого — дело будущих исследований, требующих более полных и обширных фактических данных.

Глава VII

ВТОРОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ Н. Э. (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА)

Наиболее близкие к нам периоды истории сибирских племен и народов в археологическом отношении слабо изучены. Число исследованных памятников невелико. Не разработана их хронологическая систематизация. Не дано еще историко-культурной периодизации для значительного отрезка времени, XI—XVII вв.

Отчасти в связи с этим, отчасти из-за относительной бедности характерными датирующими вещами памятники II тысячелетия на Ближних Елбанах не могут быть пока точно распределены по каким-либо хронологическим группам и тем самым не может быть еще дано сколько-нибудь ясное представление об истории верхнеобских племен этого периода, о развитии их культуры. Да и само рассмотрение памятников приходится пока давать по месту их нахождения на Ближних Елбанах, а не в хронологической последовательности, которая еще не вполне ясна.

Памятники и их датировка

На Ближних Елбанах памятники первой половины II тысячелетия открыты на нескольких дюнах и принадлежат они, повидимому, разным историческим периодам. Это поселение и одно погребение в пункте БЕ II, курганный могильник БЕ IX, серия погребений в пункте БЕ XIV, по одному погребению в пунктах БЕ VII и БЕ XI.

Поселение и погребение в пункте БЕ II

Самая крайняя с юго-запада, небольшая, высокая, с крутыми склонами дюна с полезной для обитания площадью не более

80×50 м. Большая часть дюны разрушена выдувом. На оставшейся части сохранился хорошо выраженный культурный слой. Почвенный слой покрыт сверху недавно навеванным слоем слабо задернованного песка. Толщина его 30—45 см. Культурные остатки содержатся почти во всей его толще, но преимущественно в нижней части. В 1925 г. мною вскрыт культурный слой поселения на площади в 22 кв. м вдоль края облажения. В 1946 г. вскрыто еще 8 кв. м в том же месте, но точно связать место раскопок этих двух лет не удается (табл. LVIII).

Культурный слой насыщен обломками костей животных, содержит небольшое количество черепков глиняной посуды и различных мелких предметов. В костном материале, по определению С. И. Оболенского, наибольшее количество остатков принадлежит лошади. Имеются также кости коровы, овцы и собаки. Много костей диких животных: лось, косуля, заяц, барсук, бобр, соболь, хомяк, волк (Оболенский, 1926). Есть кости птиц и много костей и чешуи рыб.

Керамика представлена мелкими черепками от грубо вылепленных горшков. Орнамент их большей частью ограничивается только грубыми насечками или защипами по обрезу венчика, реже встречается ряд грубых отисков гребенки или пластинки параллельно венчику. Форма восстанавливается только для некоторых сосудов (табл. LIX, 9—13), которые не дают пока возможности характеризовать тип посуды.

В культурном слое найдены железные предметы: нож, обломок колечка и обломок

чугунного котла; костяные: наконечник стрелы, обломок рогового наконечника лука (табл. LIX, 2), острей составного рыболовного крючка (?), берцовая кость барана со следами употребления ее в качестве блока при перематывании ниток; каменные: 2 оселка и сердопковая буса; глиняное пряслице (табл. LIX, 3). Кроме того, на поверхности выдува найдено еще 6 костяных предметов, в том числе наконечник стрелы, булавка и шило из тонкой птичьей кости (табл. LIX, 1).

Из всех этих находок датирующей является только одна — обломок наконечника лука, толстый на внешнем конце и клинообразно заостренный на внутреннем, подобный такому же наконечнику из погребения XII—XIII вв. в Якопуре на Алтае (Грязнов, 1940, рис. 6) и близкий к наконечникам из кургана того же времени в БЕ IX (табл. LXI, 15). Этим временем и следует пока датировать поселение.

На раскопанном участке открыты две канавки глубиной 65—95 см, шириной 40—120 см, расположенные параллельно на расстоянии около 3 м одна от другой. Раскопками обеих лет они вскрыты на длину более 3 м (табл. LVIII, с, е). Внутренние борта их более пологи, внешние крутые, местами отвесные. Наибольшее количество культурных остатков находилось в этих канавках.

По пологому склону восточной канавки и в ямке западной канавки чешуя и кости рыб лежали плотным слоем 5—7 см толщиной. Несколько выше находился слой сплошь из костей животных и других хозяйственных отбросов. В западной канавке найдены разрозненные кости скелета молодой (с несросшимися эпифизами) хромой собаки. Возможно, что канавки замыкали собой прямоугольник продолговатой формы и ограничивали собой площадь наземного жилища.

Могила 1. Обнаружена в небольшом выдуве по юго-восточному склону дюны. На глубине 45 см скелет мужчины 40—50 лет, на спине, головой на СЗ. Часть погребения (ниже тазовых костей) уничтожена ветрами. Слева на тазовой кости железный нож со следами деревянных пожен и рукоятки. Сохранились остатки бересты, в которую погребенный был обернут. Установить стратиграфическое соотношение погребения и культурного слоя не удалось.

Курганный могильник БЕ IX

На небольшой плоской дюне, смыкающейся с дюной БЕ IV, где находились сначала карасукский могильник, а затем поселение фоминского этапа, расположены без видимого порядка 8 плоских курганов высотой 30—40 см, диаметром 7—12 м (табл. LXI). На всех следы прежних раскопок. По рассказам местных жителей, они раскопаны в 1913 г. С. Н. Гуляевым, который при раскопках брал только металлические вещи, целые черепа и целые горшки, а все остальное оставлял в могильной яме. В надежде найти черепки разбитого горшка и по ним датировать могильник, мы предприняли раскопку одного кургана.

Курган 1. Диаметр 8 м, высота 30 см. Посередине западинка глубиной 30 см. В насыпи отдельные обломки костей человека и несколько черепков. На поверхности погребенной почвы остатки сгоревшего деревянного сооружения, центральная часть которого уничтожена раскопками Н. С. Гуляева. Сохранились обугленные остатки бревен первого венца сруба, части продольных бревен второго венца и с северо-восточной стороны остатки пяти бревен от потолка сруба (табл. LX). Размеры сруба 2,8×2,2 м, ориентировка по линии ЮЗ—СВ. По сторонам сруба положены 2 коня, от которых сохранились около углов железные наконечники (табл. LXI, 1, 2), направленные остриями на ЮЗ. Вдоль юго-восточной стены, на 1 м от нее, три пачки наконечников стрел, видимо остатки колчанов со стрелами. Около одной из них круглая железная пряжка. В одной пачке три железных и один костяной наконечник, во второй три железных, в третьей три железных и два костяных (табл. LXI, 3—7, 10—12). Здесь же два роговых наконечника лука, лежавшие на расстоянии 130 см одна от другого (табл. LXI, 15). Между ними роговая накладка на середину лука (табл. LXI, 14) и железный наконечник стрелы. К СВ и В от сруба, на расстоянии 1—3 м от него, в почвенном слое обнаружены беспорядочно расположенные 24 цилиндрические глубокие ямки диаметром 8—10 см; 11 из них заполнены древесным тленом, в 13 сохранились гнилушки в вертикальном положении. Это остатки кольев или столбиков, вбитых в землю на расстоянии 20—100 см один от другого. Среди столбиков найдены желе-

ные: нож — 2 ложки и 2 наконечника стрел (табл. LXI, 9, 17); каменный оселок (табл. LXI, 13); трубчатая кость животного и 3 зуба лошади. К ЮЗ от сруба, в 1.5 м от него, серебряная желудевидная подвеска на цепочке — часть серьги болгарского типа (табл. LXI, 16). В центре сруба могильная яма округлой формы, размером 220×170 см, глубиной 185 см от поверхности почвы. Н. С. Гуляев раскопал ее не полностью, оставив на 5—30 см вдоль стен нетронутым заполнение ямы. После раскопок яма им была, повидимому, засыпана, что предохранило ее стенки от разрушения. В северо-восточной части ямы на разных уровнях лежали оставленные Н. С. Гуляевым кости почти полного скелета мужчины 40—60 лет в черепки одного сосуда, собранного почти полностью (табл. LIX, 8). На лобной кости черепа круглое пятно окиси меди — след бронзовой бляшки. В верхней части заполнения ямы найдены железный наконечник стрелы и зуб лошади, а на глубине 70 см — нижняя челюсть лошади. Возможно, это остатки шкуры жертвенного коня, в которой обычно оставлялись череп и кости ног.

Курган, так неожиданно доставивший серию интересных находок и хорошо сохранивший конструкцию намогильного сооружения, следует датировать, как и поселение БЕ II, XII—XIII вв. Лук здесь также с роговыми наконечниками, но, в отличие от найденного в БЕ II, наконечники эти не вкладывались в вертикальный расщеп кибыты лука, а накладывались на косо срезанную верхнюю поверхность ее концов. Желудевидная подвеска от серебряного височного кольца принадлежит характерному типу болгарских ювелирных изделий X—XIII вв. (Смирнов, 1940, стр. 108), что не противоречит указанной дате.

Намогильное сооружение надо представлять в виде сруба с плоской крышей, обложенного сверху и с боков дерном. Сооружение это сгорело, а обвалившаяся со стен и крыши земля образовала на месте могилы плоское возвышение, называемое нами насыпью кургана. Количество земли в этой насыпи (около 7 куб. м) было достаточно для того, чтобы обложить стены и потолок сруба (при условии, что высота его была 2 м) слоем дерна в 25 см толщиной. Около могилы, вне сруба, было положено оружие — копья, стрелы, лук. Около сруба было какое-то сооружение из тонких столбиков, для со-

вершения в нем или на нем каких-то обрядов. Остатками таких культовых действий являются ложки, нож и другие предметы.

Погребения в пункте БЕ XIV

На месте, уже трижды служившем кладбищем, обнаружено 6 могил, относящихся к позднему времени, не ранее X в. н. э.

Могилы 5 (табл. LXII). На глубине 50 см скелет мужчины старческого возраста, на спине, со слегка согнутыми коленями, головой на З. Около черепа в правой кисти фрагменты железных предметов.

Могилы 6 (табл. LXII). На глубине 30—40 см скелет мужчины 40—60 лет, на спине, головой на ЗЮЗ. На левой кисти срединная роговая накладка на лук (табл. LXII, 8). На костях правой руки остатки берестяного колчана и в нем 9 наконечников стрел: 6 плоских железных с роговыми свистушками, 3 костяных (табл. LXII, 2, 3, 5—7). 8 наконечников стрел лежали на плечевой кости острием к голове, 1 костяной около колена, острием к ногам. Расстояние между остриями (длина стрел) 80 см. На тазовых костях 2 железные прямоугольные пряжки (табл. LXII, 4).

Могилы 8. Прямоугольная яма, 170×60 см, глубиной 110 см. Вдоль стен и поверх погребения следы дерева. Скелет мужчины 40—50 лет, на спине, головой на С. На крестце железный нож в хорошо сохранившихся берестяных ножнах (табл. LXII, 1).

Могилы 26. Яма неправильной формы, 60×25 см, глубиной 50 см. Скелет младенца 1—2 лет, на спине, головой на ЮВ. Остатки бересты, в которую погребенный был завернут. Предметов нет.

Могилы 46. Прямоугольная яма, 135×50 см, глубиной 150 см. Скелет взрослой женщины очень хорошей сохранности, на левом боку или ничком, со слегка согнутыми коленями, головой на ЮЗ. Предметов нет.

Могилы 50. Форма ямы не установлена. На глубине 190 см скелет взрослого человека (пол?), очень хорошей сохранности, на левом боку, головой на ЮЗ. Черепа нет, кисти рук и части позвонков в беспорядке. Предметов нет.

Датировка описанных погребений затруднительна. Обряд погребения сильно варьирует, но во всех случаях по тем или иным деталям отличен от обрядов, практиковавшихся до X в. Отсутствуют какие-либо характерные вещи. Только плоские железные наконечники стрел и срединная накладка на лук с лопатковидными концами, подобная такой же из кургана в Якутуре на Алтае (Грязнов, 1940, рис. 7), найденные в могиле 6, позволяют отнести эту могилу к началу II тысячелетия. Возможно, что и остальные могилы относятся к тому же времени, но тогда надо предполагать неустойчивый погребальный обряд, допускавший разные ориентировку погребений и устройство могил.

Погребение в пункте БЕ VII

Среди могил большебереченского и фоминского этапов открыто одно позднее погребение, при сооружении которого частично нарушено находившееся здесь же погребение безвозовского этапа (могила 3).

Могила 4 (табл. LXII). Прямоугольная яма, 220×60 см, глубиной 100 см. Вдоль стенок и над погребением древесный тлен — остатки деревянных стен и покрытия. Скелет женщины старческого возраста, на спине, головой на СВ. Справа у черепа кружок, а слева — треугольная подвеска, обе из голубого стекла (табл. LIX, 5, 6). На груди овальная подвеска из раковины (табл. LIX, 4). Над правой кистью железные трубка (пгольщик?) и круглая пряжка с остатками на них тканей. Ткани трех сортов, все с гарнитуровым (полотняным) переплетением нитей — редкий холст, плотный холст и рубчатое полотно. Около левого колена маленький горшочек (табл. LIX, 7).

Более точная датировка погребения пока не установлена. Горшочек, грубо изготовленный, вылепленный из трех лент, ближе всего к керамике из поселения БЕ II, но вместе с тем там все же нет ни одного вполне аналогичного черепка.

Погребение в пункте БЕ XI

По краю выдува, где обнажался культурный слой с остатками поселения бийского этапа, в обрыве виднелись кости человека, куски дерева и железный предмет. Раскопками здесь открыто погребение.

Могила 1. Яма неправильной формы, глубиной 80 см. На глубине 30—

40 см остатки провалившегося деревянного покрытия из коротких поперечных досок, прикрытых сверху продольным бревном. Верхние концы досок находились на глубине 25 см. Покрытие было устроено, повидимому, на поверхности почвы. Скелет женщины старческого возраста, на спине, головой на ВСВ. Вся правая нога и ниже колена левая уничтожены ветрами. Справа у таза железные нож и круглая пряжка. Между бедрами крестец молодой коровы.

Датировка погребения весьма затруднительна. Оно может относиться как ко II, так и к I тысячелетию.

Описанные памятники датируются пока не вполне надежно и принадлежат разным периодам в пределах первой половины II тысячелетия. Пока можно принять, что погребения в могильнике БЕ XIV, во всяком случае одно из них (могила 6), относятся к началу II тысячелетия. XI—XII вв., а поселения БЕ II и курганы в БЕ IX несколько позже, XII—XIII вв. Остальные, быть может, удастся датировать только после накопления нового материала, когда будут хорошо охарактеризованы особенности погребального обряда и типов вещей по отдельным периодам II тысячелетия.

Исследованные В. П. Алексеевым 6 черепов принадлежат населению, близкому к монголоидам центральноазиатского облика. Только один из них (БЕ XIV, могила 5) брахикранный европеоидного типа, характеризующийся лишь некоторыми монголоидными чертами. Конечно, материал еще недостаточен, чтобы можно было делать определенные заключения о происхождении населения Верхней Оби рассматриваемого периода.

Культура

Имеющийся материал не позволяет пока дать сколько-нибудь полного представления о культуре населения Верхней Оби в первой половине II тысячелетия н. э. В пункте БЕ II был небольшой поселок, население которого, судя по кухонным остаткам, вело скотоводческо-охотничье хозяйство. При этом основным животным в стаде была лошадь. Можно думать, что поселок принадлежал не оседлому населению, а представлял собой зимовку кочевников. На это указывает преобладание лошади в стаде и незна-

чительное количество глиняной посуды в культурном слое по сравнению с числом костей животных. Глиняной посуды в хозяйстве было мало, изготовлялась она грубо, без заботы о ее внешнем облике. Предназначалась она, видимо, для второстепенных надобностей. Основные же погребения в посуде удовлетворялись более удобными для кочевников металлическими и кожаными сосудами. Жилища этого поселения были, вероятно, наземные, в виде небольших балаганов, обложенных землей. Остатки одного такого жилища обнаружены при раскопках поселка. Намогильные сооружения устраивались по типу таких балаганов, как это хорошо удалось проследить при исследовании кургана в пункте БЕ IX. Устройство над могилой сооружения типа балагана или другого жилища было, видимо, широко распространено в среде скотоводческо-охотничьих кочевых и полукочевых племен лесостепной Сибири, начиная еще с I тысячелетия н. э. Погребения с такими сооружениями исследованы Новосибирской экспедицией ИИМК в Старом Шарапе около с. Ордынского и на р. Ирени. Такие намогильные сооружения устраивались и в XVIII в. и позже. Чатские татары в районе нынешнего Новосибирска, по словам П. С. Палласа, «могилы... роют обыкновенно на краях леса и кладут над ними из брусьев только твердые строения, подобные беседкам, что издали кладбища свои похожи на деревню»

(Паллас, 1786, стр. 424). Развалины таких полусгнивших намогильных сооружений в 1924 г. я видел на кладбище эуштинских татар в дер. Тохтамышевы Юрты близ г. Томска.

В период, когда в Центральной Азии в результате военных успехов отдельных ханов возникали обширные по территории государства кытаев или киданей (X—XII вв.), а затем найманов (XII—начало XIII вв.), когда происходили значительные перемещения отдельных племен и групп племен, население Алтая входило в состав этих государств на положении подчиненных народов. Несомненно, часть племен Алтая, а может быть и других районов, искала убежища в степях и лесостепях к северу от Алтая. Надо предполагать, что на Верхней Оби в это время был непостоянный состав населения, обусловленный перемещениями отдельных племен, притоком нового населения из более южных районов. Те немногие антропологические наблюдения, которые удалось пока сделать, повидимому, и отражают политическую обстановку, сложившуюся в Центральной Азии и наложившую определенный отпечаток на историю и лесостепных районов Оби. К сожалению, сейчас мы еще далеки от того, чтобы представить конкретную картину исторических событий на Оби в то время, как и получить конкретное представление о культуре населения этого периода.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрьянов А. 1886. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. Зап. ЗСОРГО, VIII, 2, Омск.
- Адрьянов А. В. 1888. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. ЗРГО по общей географии, XI, СПб.
- Адрьянов А. 1902—1924. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск.
- Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. 1941. Краткие отчеты и исследования. М.—Л.
- «Басандайка». 1947. Сб. матер. и исслед. по археолог. Томской обл. Тр. Томск. Гос. ун-в. им. В. В. Куйбышева и Томск. Гос. пед. инст., 98, Томск.
- Бернштам А. Н. 1940. Кенкольский могильник. Археолог. эксп. Гос. Эрмитажа. II, Л.
- Бернштам А. Н. 1949. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Пампро-Алае. КСИИМК, XXVIII, М.—Л.
- Георги И. Г. 1776. Описание всех в Российском государстве обитающих народов... часть вторая, СПб.
- Глухов А. Н. 1926. «Тайэлга». МЭ, III, 1, Л.
- Городцов В. А. 1902. Результаты археологических исследований в Изюмском у., Харьковской губ. 1901. Тр. XIII археолог. съезда в Харькове, I, М.
- Городцов В. А. 1937. Подчеремский клад. СА, II, М.—Л.
- Горюнова Е. И. 1950. К вопросу об остеологической статистике. КСИИМК, XXXV, Л.
- Григорьев Г. В. 1948. Келесская степь в археологическом отношении. Изв. Акад. наук КазССР, 46, Алма-Ата.
- Грязнов М. П. 1927. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», II, Л.
- Грязнов М. П. 1930. Древние культуры Алтая. Матер. по изуч. Сибири, 2, Новосибирск.
- Грязнов М. П. 1939. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Макет, ч. II, гл. 6, § 3, Л.
- Грязнов М. 1940. Раскопки на Алтае. Сообщ. Гос. Эрмитажа, I, Л.
- Грязнов М. П. 1941. Древняя бронза Минусинских степей. I. Бронзовые кельты. Тр. Отдела ист. перв. культ. Гос. Эрмитажа, I, Л.
- Грязнов М. П. 1947. Памятники майамирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, М.—Л.
- Грязнов М. П. 1950. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, М.—Л.
- Грязнов М. П. 1951. Археологическое исследование территории одного древнего поселения (Раскопки североалтайской экспедиции 1949 г.). КСИИМК, XI, М.—Л.
- Грязнов М. П. 1952а. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби. КСИИМК, XLVIII, М.—Л.
- Грязнов М. П. 1952б. Памятники карасукского этапа в центральном Казахстане. СА, XVI, М.—Л.
- Грязнов М. П. 1953. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону. КСИИМК, L, М.—Л.
- Дебен Г. Ф. 1948. Палеоантропология СССР. ТИЭ, XV, М.—Л.
- Доклады Археологической комиссии за 1882—1888 годы. 1891, СПб.
- Дульзон А. П. 1952. Чулымские татары и их язык. Тр. Томск. Гос. пед. инст., IX, Томск.
- Дульзон А. П. 1953. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. Тр. Томск. Гос. пед. инст., 10, Томск.
- Евтюхова Л. А. 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан.
- Евтюхова Л. и С. Киселев. 1940. Чаатасус. Копены. Тр. ГИМ, XI, М.
- Евтюхова Л. А. и С. В. Киселев. 1941. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, XVI, М.
- Ермолаев А. 1914. Ишимская коллекция. Описание коллекции Красноярского музея. Отдел археологический, вып. I, Красноярск.
- Ефименко П. П. 1926. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. МЭ, III, 1, Л.
- Ефименко П. П. 1937. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам. СА, II, М.—Л.

- Захаров А. А. 1926. Материалы по археологии Сибири. Тр. ГИМ, I, М.—Л.
- Збруева А. В. 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, М.—Л.
- Золотарев А. М. 1939. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск.
- Иохельсон В. И. 1908. Древние и современные подземные жилища племен северо-восточной Азии и северо-западной Америки. Ежегодник Русск. Антрополог. общ., II, СПб.
- Катанов И. Ф. 1891. Поездка к карагасам в 1890 году. ЗРГО по отд. этнографии, XVII, II, СПб.
- Киселев С. В. 1929. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 году. Ежегодник Гос. Музея им. Н. М. Мартынова, VI, 12, Минусинск.
- Киселев С. В. 1937. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, III, М.—Л.
- Киселев С. 1939. Саяно-Алтайская экспедиция в 1938 г. ВДИ, I, М.
- Киселев С. В. 1951. Древняя история южной Сибири. М.
- Комарова М. Н. 1947. Погребения Окунева улуса. СА, IX, М.—Л.
- Комарова М. Н. 1952. Томский могильник, МИА, 24, М.—Л.
- Коптелов А. 1940. Кан-Сулутай. Алтайская героическая сказка. Сибирские огни, 4—5, Новосибирск.
- (С. П. Крашенинников). 1786. Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором, т. III, СПб. (второе издание).
- Креинович Е. А. 1930. Рождение и смерть человека по воззрениям гилаков. Этнография, 1—2, Л.
- Кривцова-Гракова О. А. 1947. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, М.
- Кривцова-Гракова О. А. 1951. Садчиковское поселение. МИА, 21, М.—Л.
- Ксенофонт Анабасис. Перевод М. И. Максимова. М.—Л., 1951.
- Кузнецов-Красноярский И. 1907. Отчет о раскопках, произведенных в Минусинском уезде Енисейской губ. в 1884 г. Томск.
- Левашева В. П. 1928. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Зап.-Сибирского музея за 1946—47 гг. Изв. Гос. Западно-Сибирского муз., 1, Омск.
- (Левашева В. П.). 1941. Минусинский район и Хакасская авт. область. Археолог. исслед. в РСФСР, 1934—1936 гг. М.—Л.
- Лентовский М. Н. 1931. Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского окр. Казахской ССР. Кокчетав. Изд. Кокчетавского общ. изучения Казахстана.
- Липский А. Н. 1949. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 г. КСИИМК, XXV, М.—Л.
- М-в В. 1874. Раскопки сибирских курганов и находки в них. ИРГО, X, II, СПб.
- Миллер Г. Ф. 1937. История Сибири. М.—Л.
- Минаева Т. М. 1927. Погребение с сожжением близ г. Покровска. Уч. зап. педагог. фак. Саратовск. Гос. унив., VI, III, Саратов.
- Михайлов В. П. 1917. Предварительное сообщение об археологических разведках у д. Б. Речка. Изв. Томск. Гос. унив., LXVI, Томск.
- Мошинская В. И. 1953а. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуи. МИА, 35, М.—Л.
- Мошинская В. И. 1953б. Керамика усть-полуйской культуры. МИА, 35, М.—Л.
- Мошинская В. И. 1953в. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде. МИА, 35, М.—Л.
- Мошинская В. И. 1953г. Городище и курганы Потчеваш. МИА, 35, М.—Л.
- Оболенский С. И. 1926. Материалы по четвертичной фауне млекопитающих. ДАН, сер. А, март.
- Оборин В. В. 1951. Плеховский могильник на Каме. КСИИМК, XXXVI, М.—Л.
- Окладников А. П. 1950. Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов. Уч. зап. ЛГУ, 115, Л.
- Паллас П. С. 1786. Путешествие по разным местам Российского государства..., ч. 1, кн. 2, СПб.
- Потанов Л. П. 1935. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. ИГИАИМК, 128, Л.
- Потанов Л. П. 1936. Очерки по истории Шории. Тр. Инст. востоков. АН СССР, XV, Л.
- Радлов В. 1888—1902. Сибирские древности, т. I, МАР, № 3, 1888, № 5, 1891, № 15, 1894; т. II, МАР, № 27, 1902. СПб.
- Радлов В. В. 1895. Сибирские древности. ЗРАО, VII, СПб.
- Руденко С. И. 1952. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л.
- Руденко С. И. и А. Н. Глухов. 1927. Могильник Кудыргэ на Алтае. МЭ, III, 2, Л.
- Сальников К. В. 1940. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области. МИА, 1, стр. 58—67, М.—Л.
- Сальников К. В. 1948а. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. Первое уральское археологическое совещание, Молотов.
- Сальников К. В. 1948б. Замараевское селище. Первое уральское археологическое совещание, Молотов.
- Сальников К. В. 1952. Курганы на оз. Алакуль. МИА, 24, М.—Л.
- (Г. А. Сарычев). 1802. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение восьми лет, при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Бяллингса, ч. II. СПб.
- Саханев В. 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 годах. ИАК, 56, СПб.
- Семёнов П. И. и Г. Н. Потанин. 1877. Дополнения к т. III. В кн.: К. Риттер. Землеведение Азии, т. IV, СПб.
- Синицин И. В. 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Уч. зап. Саратовск. Гос. унив., XVII, Саратов.
- Синицин И. В. 1948. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА,

- Х, М.—Л.
- Спицын И. В. 1949. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, М.—Л.
- Смирнов А. П. 1940. Очерки по истории древних болгар. Тр. ГИМ, II, М.
- Смирнов А. П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, М.—Л.
- (Смирнов Я. И.). 1909. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.
- Сосновский Г. П. 1933. О находках Огла-тинского могильника. ПИМК, 7—8, Л.
- (Сосновский Г. П.). 1941. Ойротская авт. область. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л.
- (Спицын А. А.). 1899. Материалы по доисторической археологии России. ЗРАО, XI, 1—2, СПб.
- Спицын А. А. 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб.
- Спицын А. А. 1902. Древности камской туды по коллекции Теплоуховых. МАР, 26, СПб.
- Спицын А. 1906. Шамацкие изображения. ЗОРСА, VIII, 1, СПб.
- Талицкий М. В. 1940. Кочергинский могильник. МИА, 1, М.—Л.
- Талицкий М. В. 1951. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, 22, М.—Л.
- Талько-Грынцева Ю. Д. 1902. Материалы по палеоэтнологии Забайкалья. В. ТТКО ВСОРГО, III, 2 и 3, Иркутск.
- Теплоухов С. А. 1927. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, 2, М.—Л.
- Теплоухов С. А. 1929. Опыт классификация древних металлических культур Минусинского края. МЭ, IV, 2, Л.
- Тереножкин А. И. 1951. Скифская днепровская правобережная экспедиция. КСИИМК, XXXVII, М.—Л.
- Толстой И., Кондаков Н. 1890. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3. СПб.
- Тревер К. В. 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л.
- Трофимова Т. А. 1947. Тобольские и барабинские татары. ТИЭ, пов. сер., I, М.—Л.
- (Флоринский В. М.). 1890. Прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск.
- Худяков М. Г. 1929. Воробьевский и Вичмарский могильники. Изв. ОАИЭ при Казанском ун-е, XXXIV, 3—4, Казань.
- Чернецов В. Н. 1941. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, IX, М.—Л.
- Чернецов В. Н. 1947а. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. ТИЭ, I, М.—Л.
- Чернецов В. Н. 1947б. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, XVII, М.—Л.
- Чернецов В. Н. 1953а. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, М.—Л.
- Чернецов В. Н. 1953б. Бронза усть-полуйского времени. МИА, 35, М.—Л.
- Чернецов В. Н. 1953в. Усть-полуйское время в Приобье. МИА, 35, М.—Л.
- Черников С. С. 1949. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата.
- Чугунов С. 1898. О курганных искусственно деформированных черепах Сибири. Тр. Общ. естествоисп. при Казанск. ун-е, XXXVII, 3, Казань.
- Шмидт А. В. 1931. О кладе из Подчерема. Сообщ. ГАИМК, № 11—12, Л.
- Штуkenберг А. 1901. Материалы изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России. Изв. ОАИЭ при Казанском ун-е, 17а, 4, Казань.
- Ярхо А. И. 1947. Алтае-сайские тюрки. Абакан.
- Appelgren-Kivalo H. 1931. Alt-Altai-sche Kunstdenkmäler. Briefe und Bilder-material von I. R. Aspelius Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887—1889. Gelsingfors.
- Arne T. J. 1935. Barsoff Gorodok. Ein westsibirisches Gräberfeld aus der jüngeren Eisenzeit. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien's Handlingar, del 39, Stockholm.
- Gjessing G. 1941. Minusinske oldfunn. Årbok, 1938—1940, Oslo.
- Heikel A. 1894. Antiquités de la Sibirie occidentales. Mém. de la Soc. Finno-Ougrienne, VI, Gelsingfors.
- Heikel H. J. 1918. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsinki.
- Martin F. R. 1893. L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk. Stockholm.
- Rau P. 1927. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der Unteren Wolga. Pokrowsk.
- Salmony A. 1933. Sino-Siberian Art. Paris.
- Schmidt A. V. 1927. Ка́чка. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrusslands in der Zeit der Völkerwanderung (III—V Jh.). ESA, I, Helsinki.
- Tallgren A. M. 1916. Collection Zauoussailov au Musée Historique de Finlande a Helsingfors. Gelsingfors.
- Tallgren A. M. 1917. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman a Vasa. Gelsingfors.
- Tallgren A. M. 1926. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, II, Gelsingfors.
- Zakharow A. und W. Arendt. 1934. Studia levedica, Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX Jh. Archaeologia Hungarica, XVI, Budapest.

П Р И Н Я Т Ы Е С О К Р А Щ Е Н И Я

ВДИ	— Вестник древней истории.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
ГРМ	— Государственный Русский музей, Этнографический отдел.
ДАН	— Доклады Академии Наук СССР.
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества.
ЗРАО	— Записки Русского Археологического общества.
ЗРГО	— Записки Русского Географического общества.
ЗСОРГО	— Западно-Сибирское отделение Русского Географического общества.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР.
ИРГО	— Известия Русского Географического общества.
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
ЛГУ	— Ленинградский Государственный университет.
МАР	— Материалы по археологии России, изд. Археологической комиссии.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МЭ	— Материалы по этнографии, изд. Государственного Русского музея.
ОАИЭ	— Общество археологии, истории и этнографии (при Казанском университете).
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ, изд. ГАИМК.
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры, изд. ГАИМК.
СА	— Советская Археология.
ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР.
ТТКО ВСОРГО	— Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua.

**ТАБЛИЦЫ
РИСУНКОВ И ЧЕРТЕЖЕЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ,
ИССЛЕДОВАННЫХ НА БЛИЖНИХ ЕЛБАНАХ
БЛИЗ с. БОЛЬШАЯ РЕЧКА**

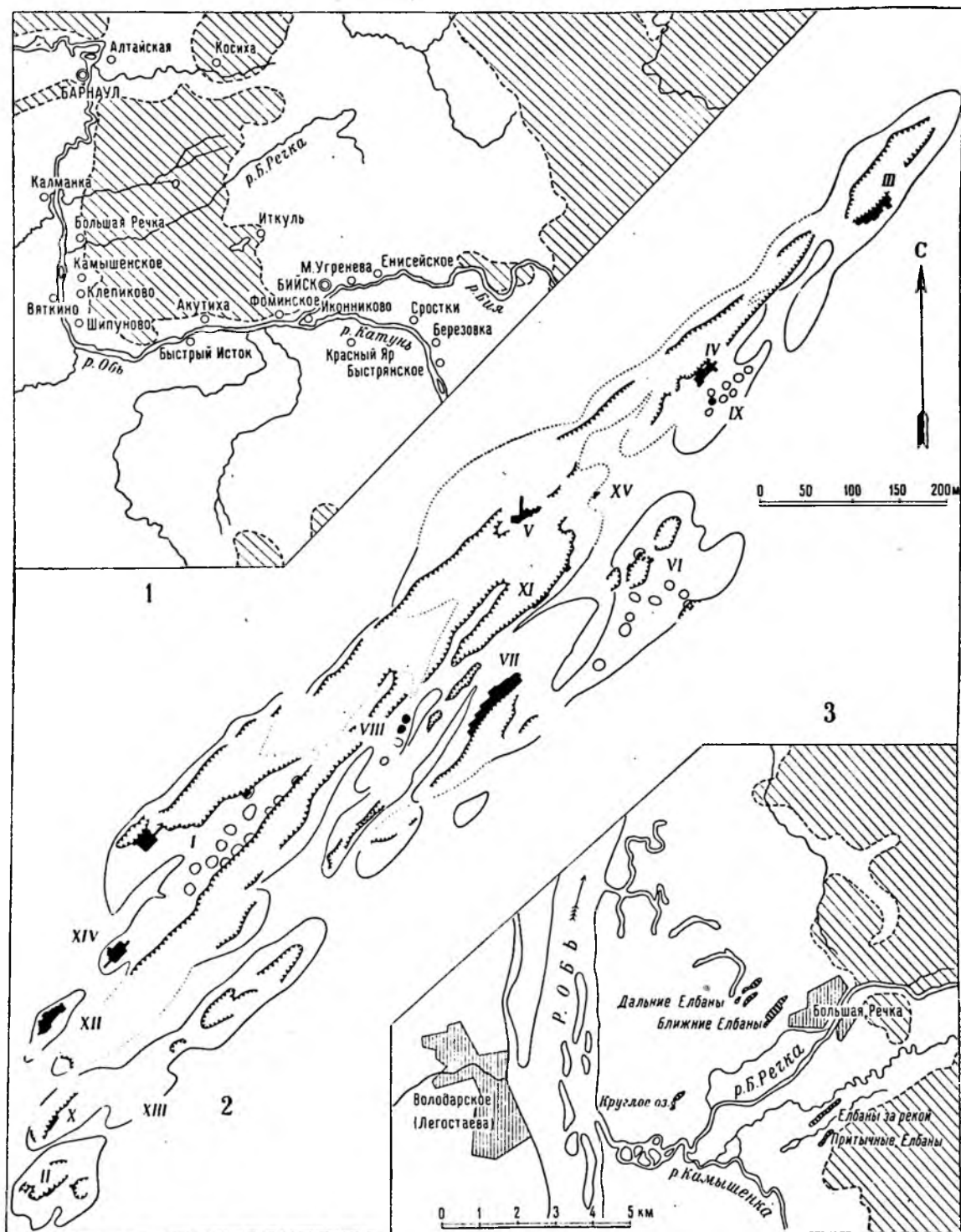

Табл. I. Карта Верхней Оби (1); план дюнной гряды Ближние Елбаны и расположения на ней памятников (2); карта окрестностей с. Большая Речка (3).

Римскими цифрами обозначены пункты находок.

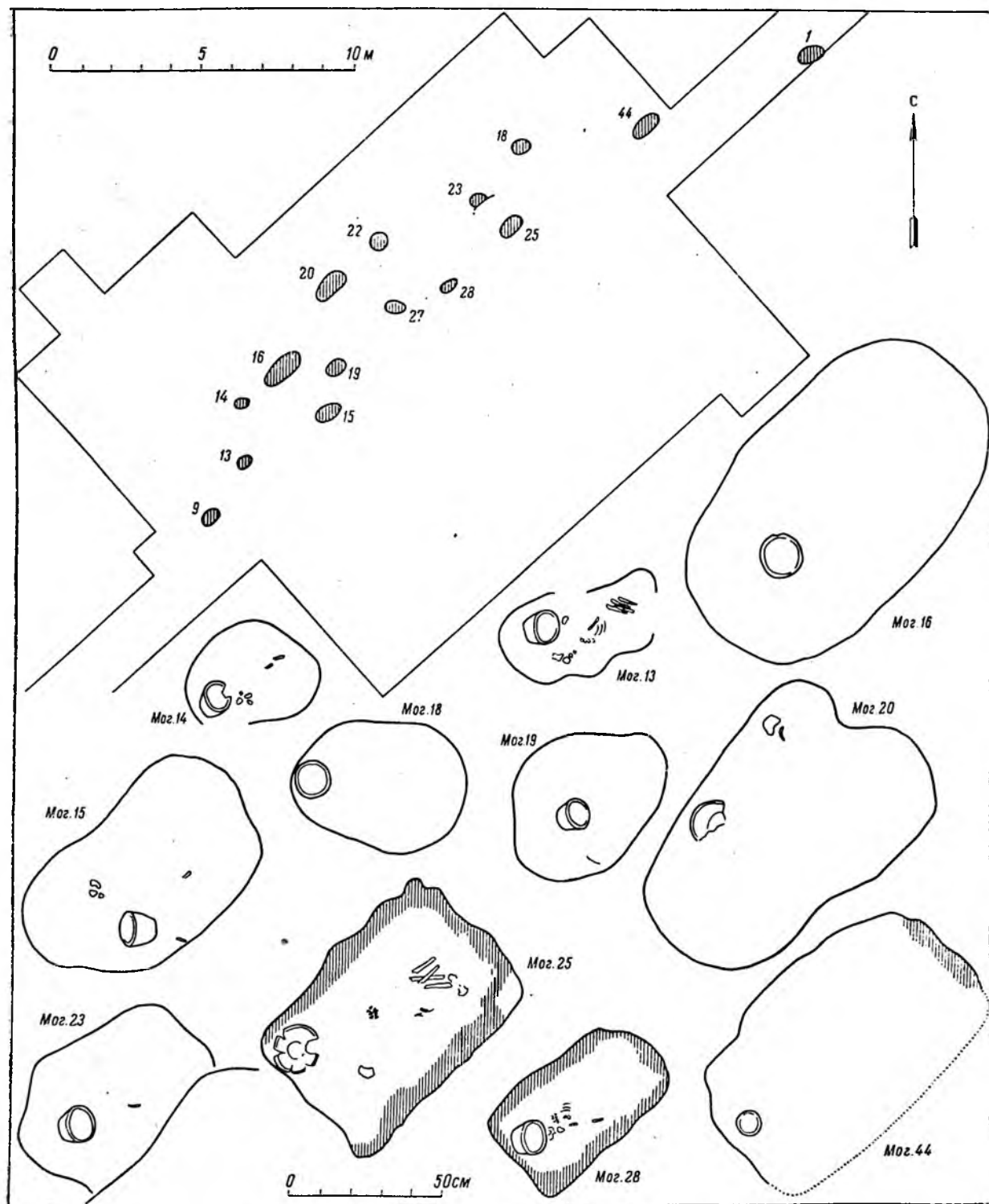

Табл. II. План могильника андроновской культуры в пункте БЕ XIV и планы погребений.
Здесь и дальше арабскими цифрами на плане обозначены номера могил.

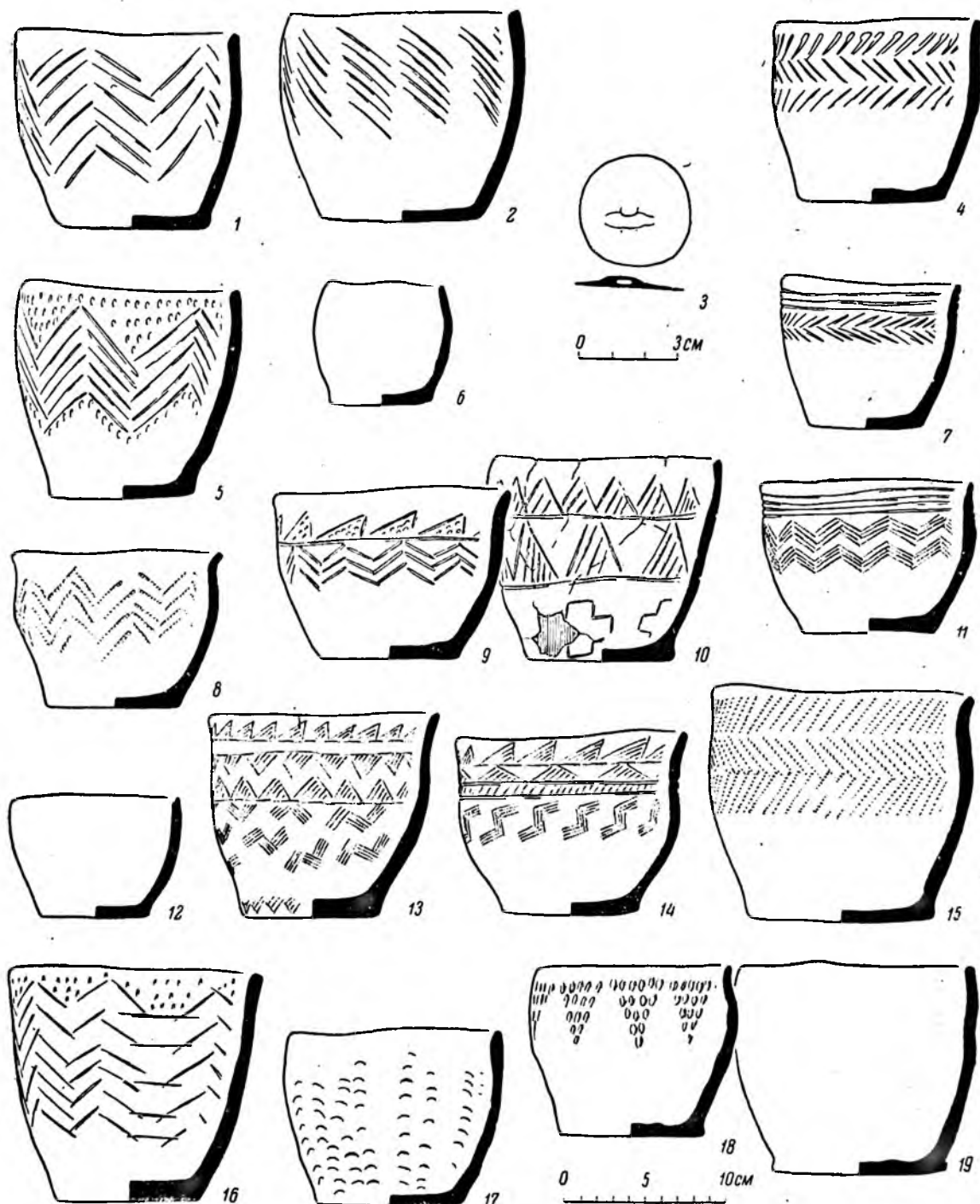

Табл. III. Глиняная посуда и бронзовое зеркало из погребений андроновской культуры в пункте
БЕ XII (1, 2) и БЕ XIV (3—19).

1 — мог. 9; 2 — мог. 10; 3 — отдельная находка; 4 — мог. 22; 5 — мог. 15; 6 — мог. 44; 7 — мог. 13; 8 — мог. 27;
9 — мог. 18; 10 — мог. 1; 11 — мог. 19; 12, 13 — мог. 20; 14 — мог. 9; 15 — мог. 25; 16 — мог. 16; 17 — мог. 28;
18 — мог. 14; 19 — мог. 23.

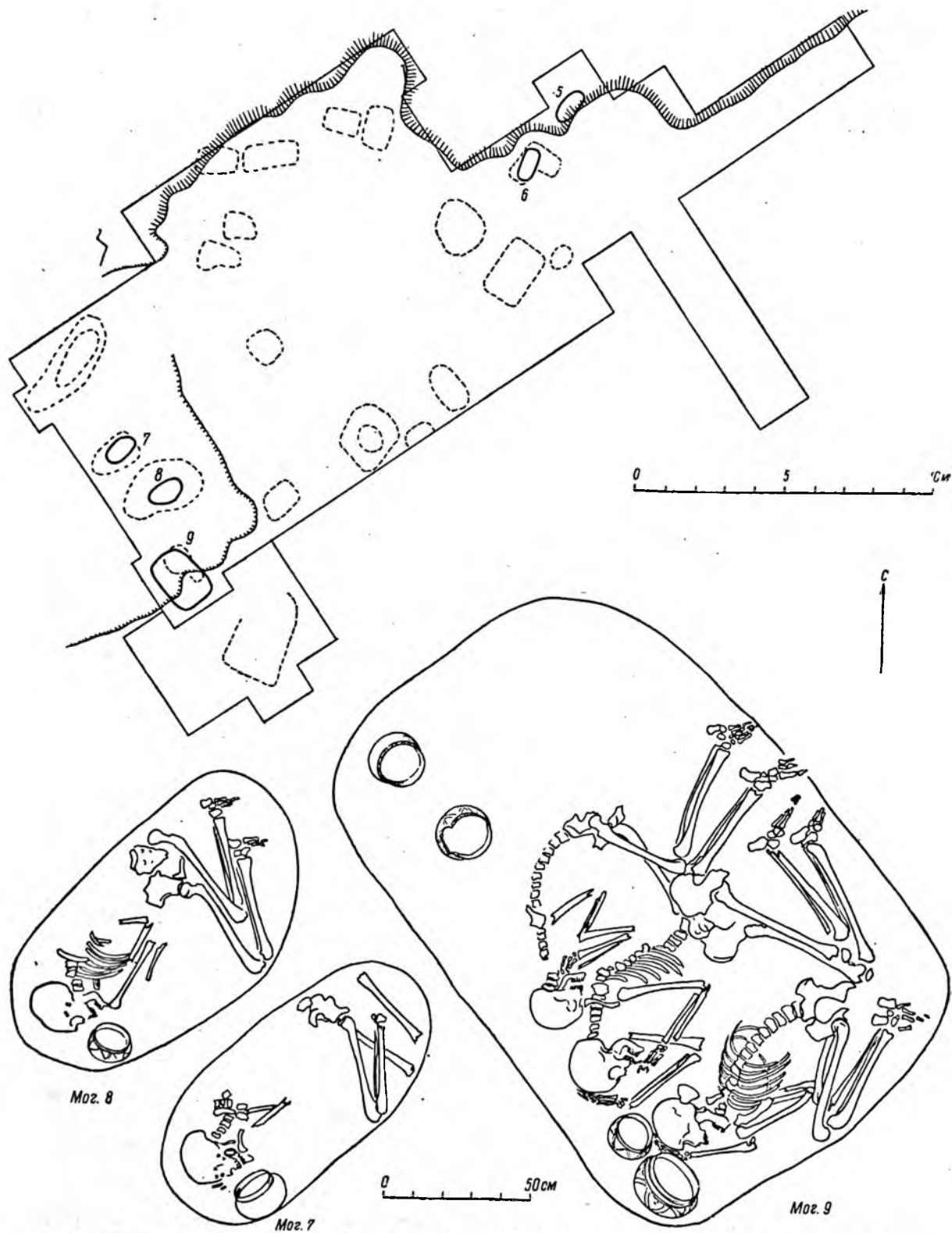
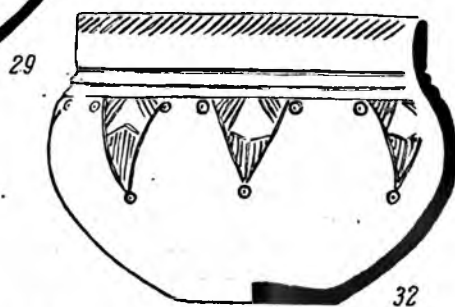
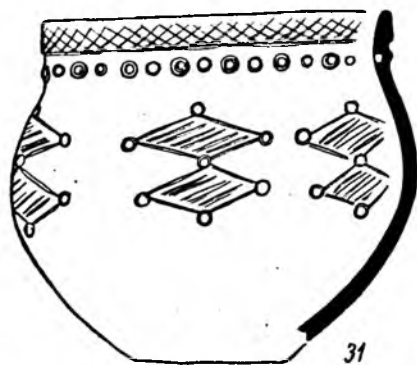
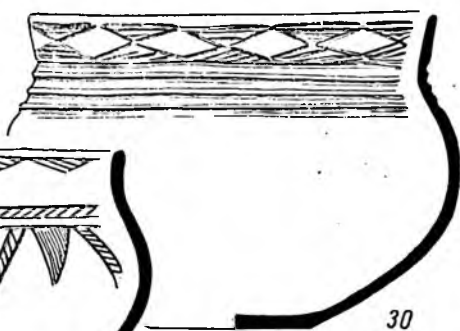
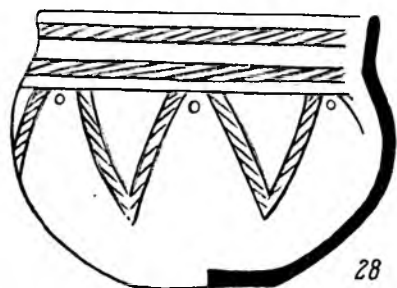
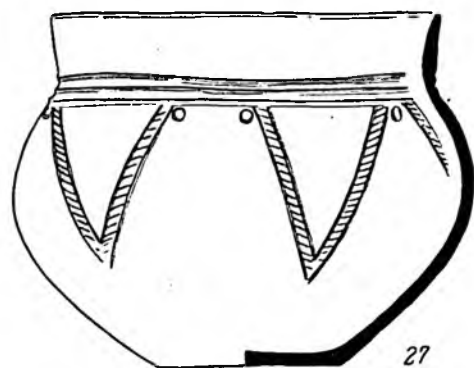
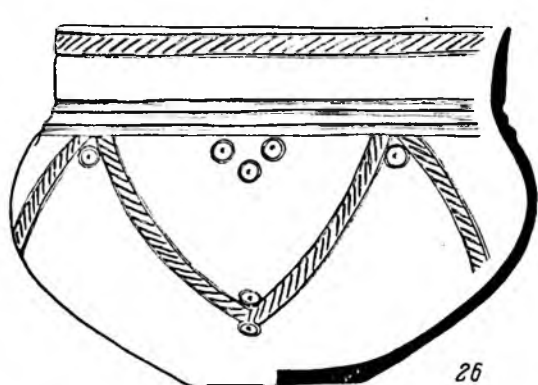
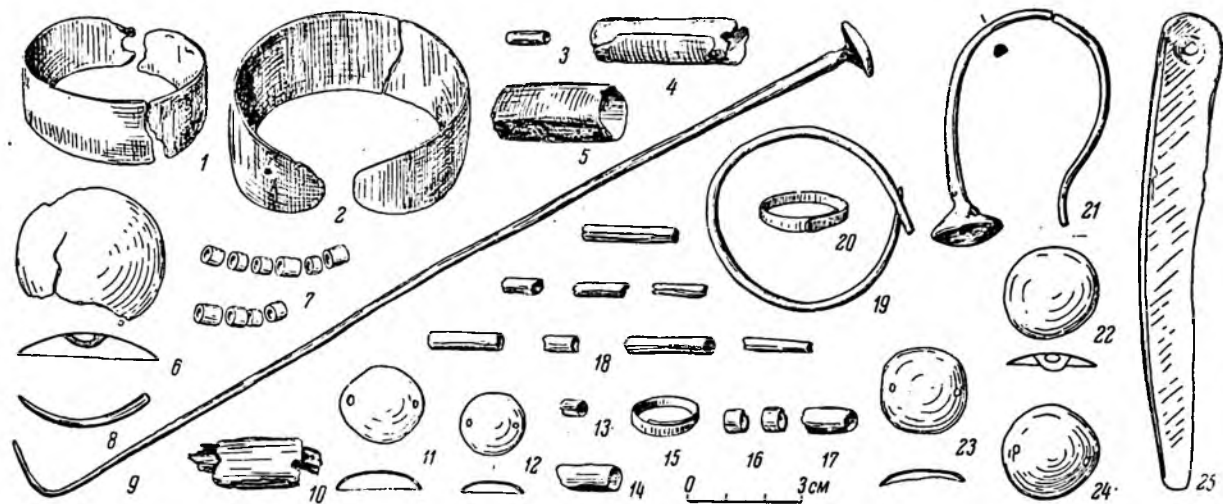

Табл. IV. Могильник карасукской эпохи в пункте БЕ IV (план могильника и планы погребений).
Пунктиром показаны ямы в грунте.

0 5 cm

Табл. V. Вещи из могильника карасукской эпохи в пункте БЕ IV.

1 — 9 — мог. 1; 10—14 — мог. 5; 15—17 — мог. 3; 18—22 — мог. 7; 23—25, 29 — мог. 6; 26—28, 30 — мог. 9; 31 — мог. 2; 32 — мог. 8.

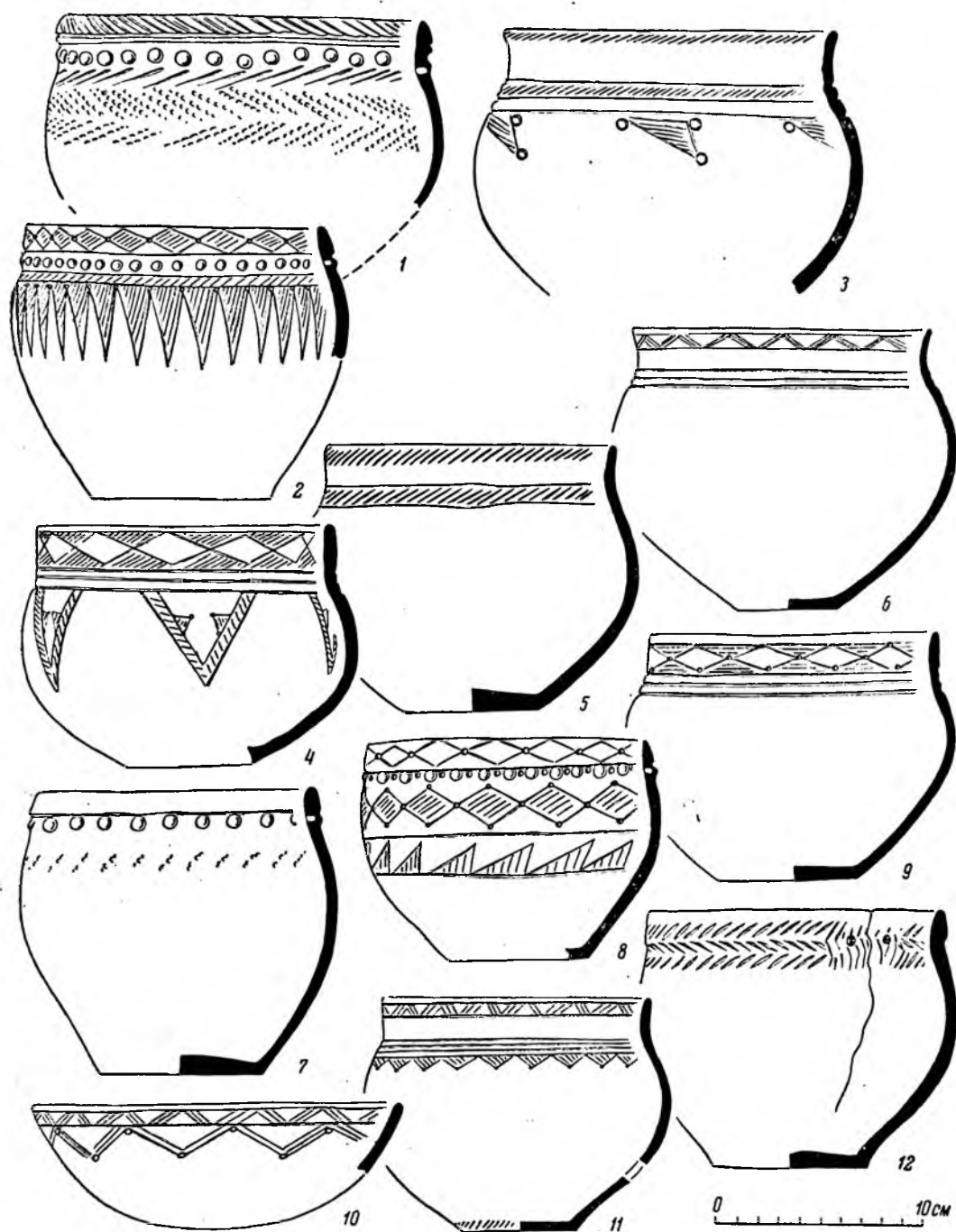

Табл. VI. Глиняная посуда из могильника карасукской эпохи в пункте БЕ IV.

1 — мег. 3; 2, 4, 6, 10 — находки на поверхности; 3, 7, 9 — мог. 1; 5 — мог. 3; 8, 11, 12 — на сборов
Н. С. Гуляева.

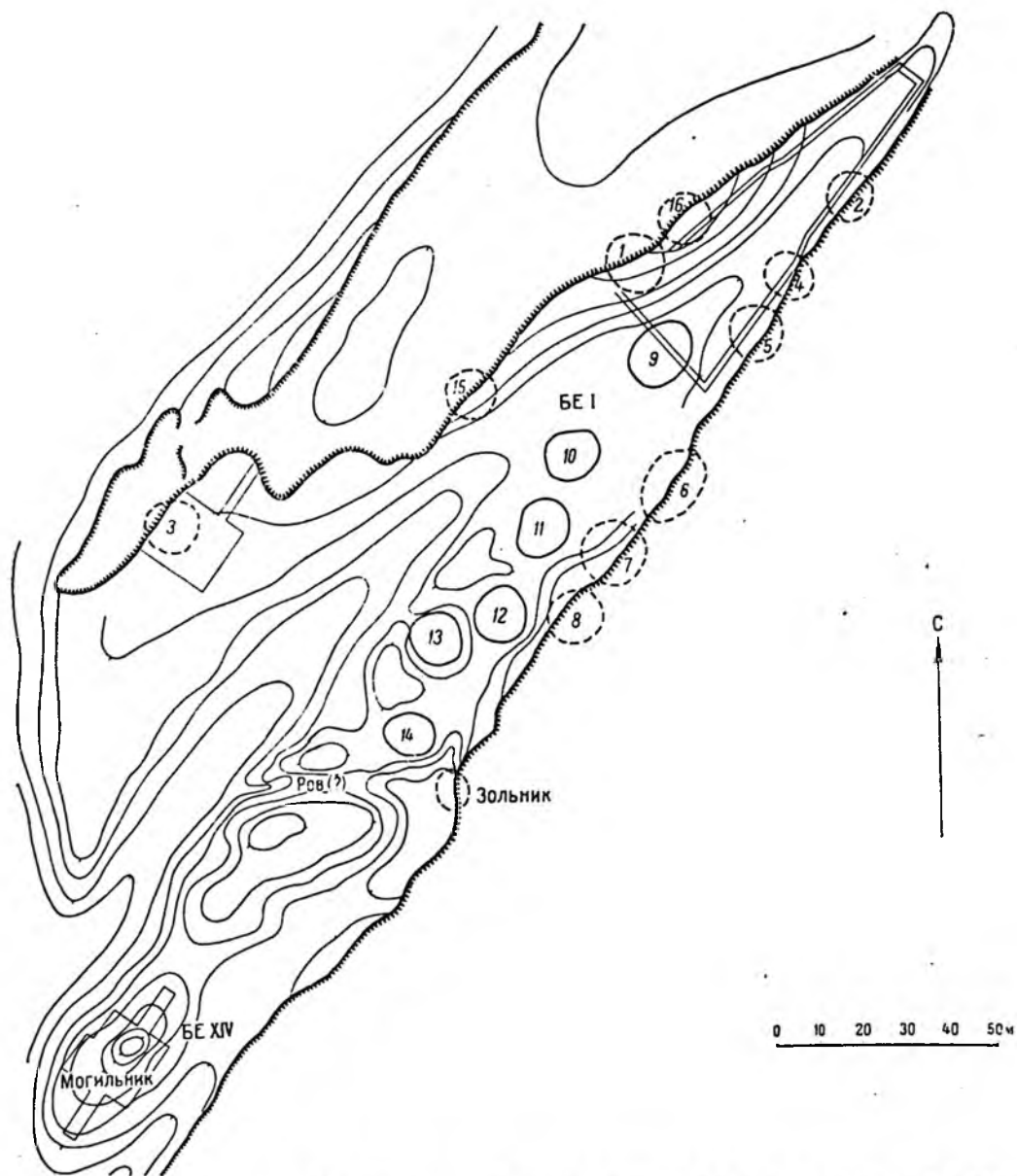

Табл. VII. План поселения большереченского этапа в пункте БЕ I и моги́льника БЕ XIV.
 1 — 16 — землянки (сплошной линией обозначены углубления на месте предполагаемых землянок, пунктиром — места землянок, видимых в разрезе дюны).

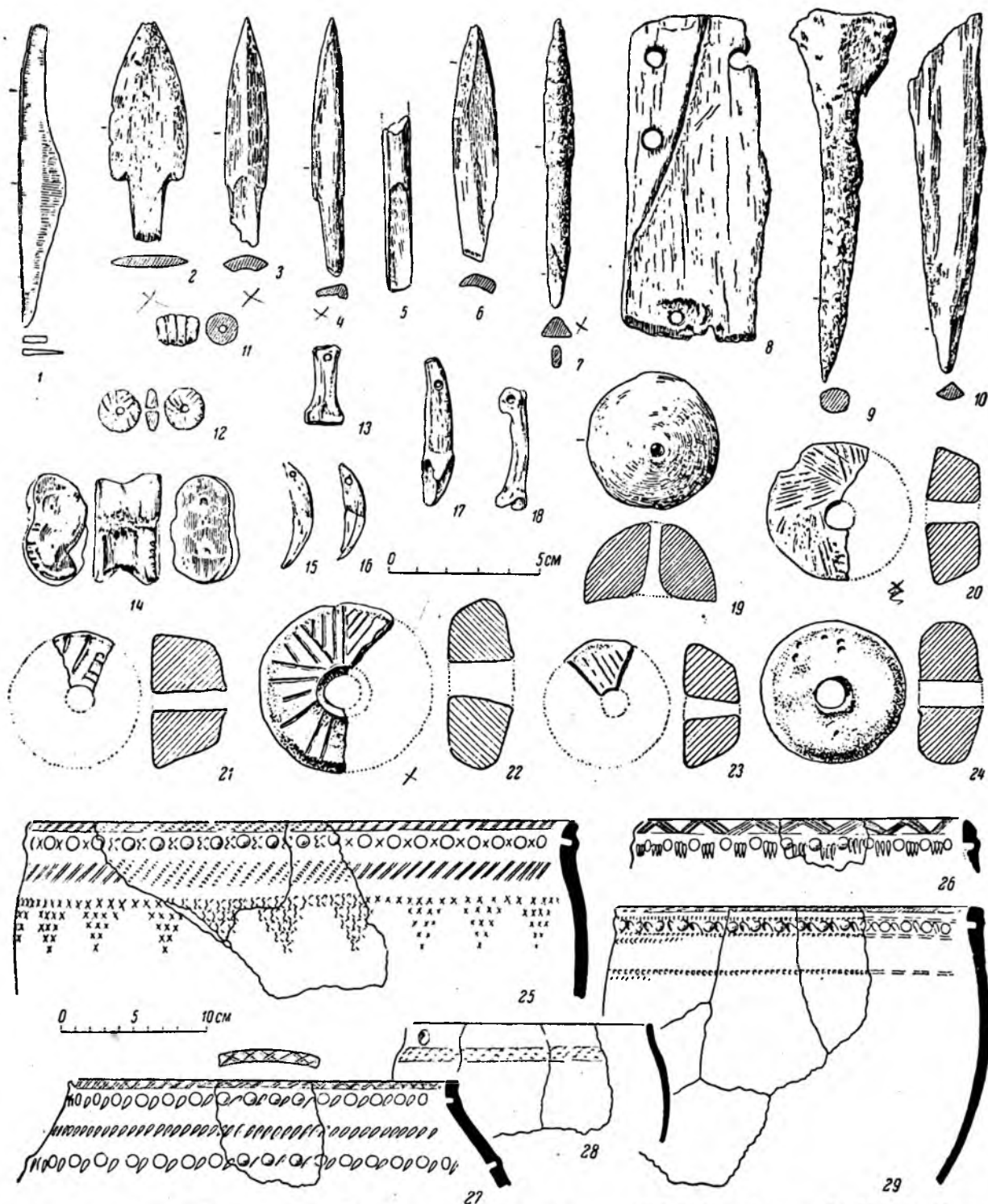

Табл. IX. Вещи из землянки 1 большереченского этапа в пункте БЕ I. (1 — бронза; 2—10, 13—19 — кость; остальные — глина).

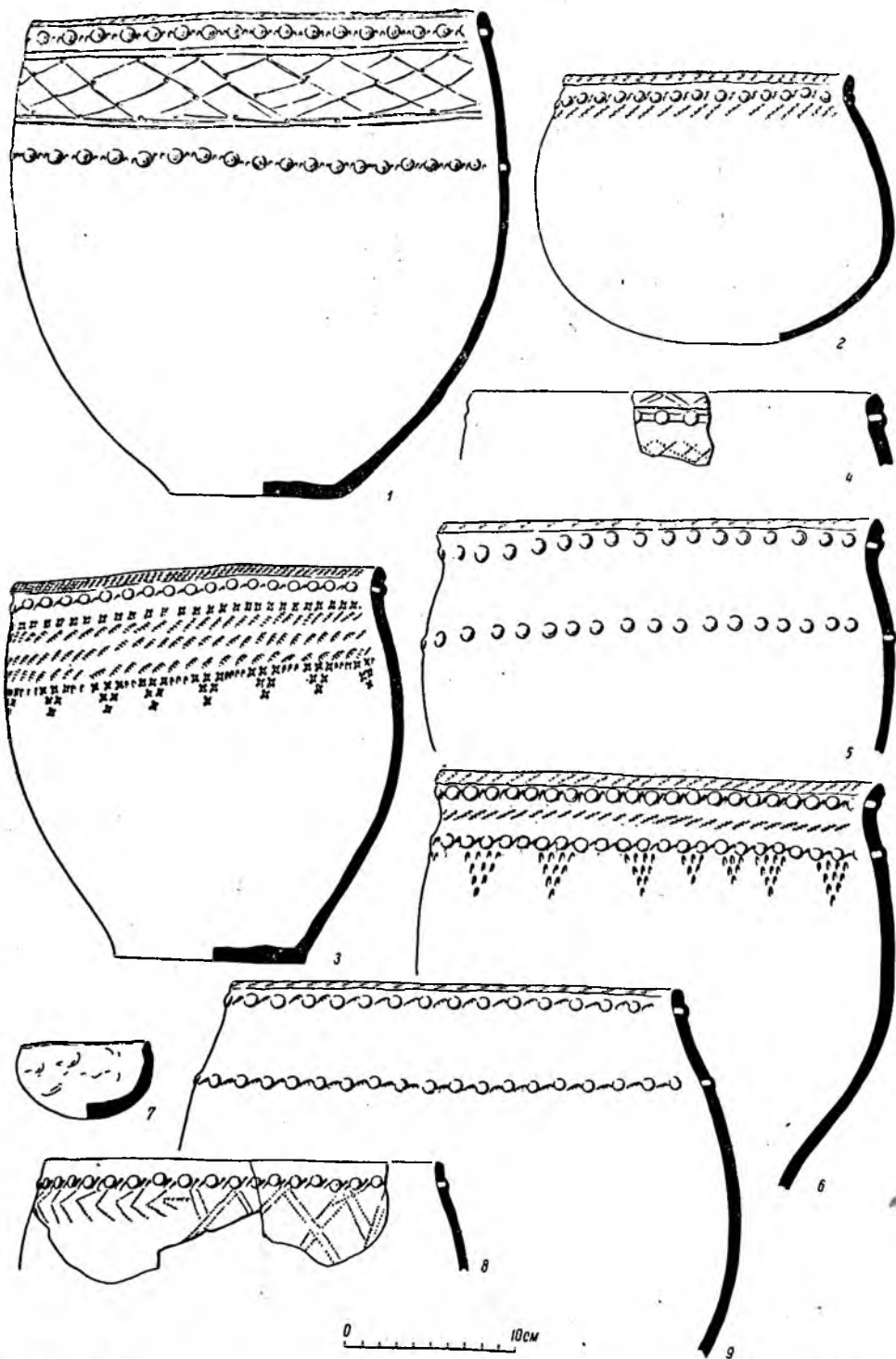

Табл. X. Глиняная посуда из поселения большереченского этапа в пункте БЕ I.

1, 2, 4 — землянка 2; 3, 5—9 — землянка 1.

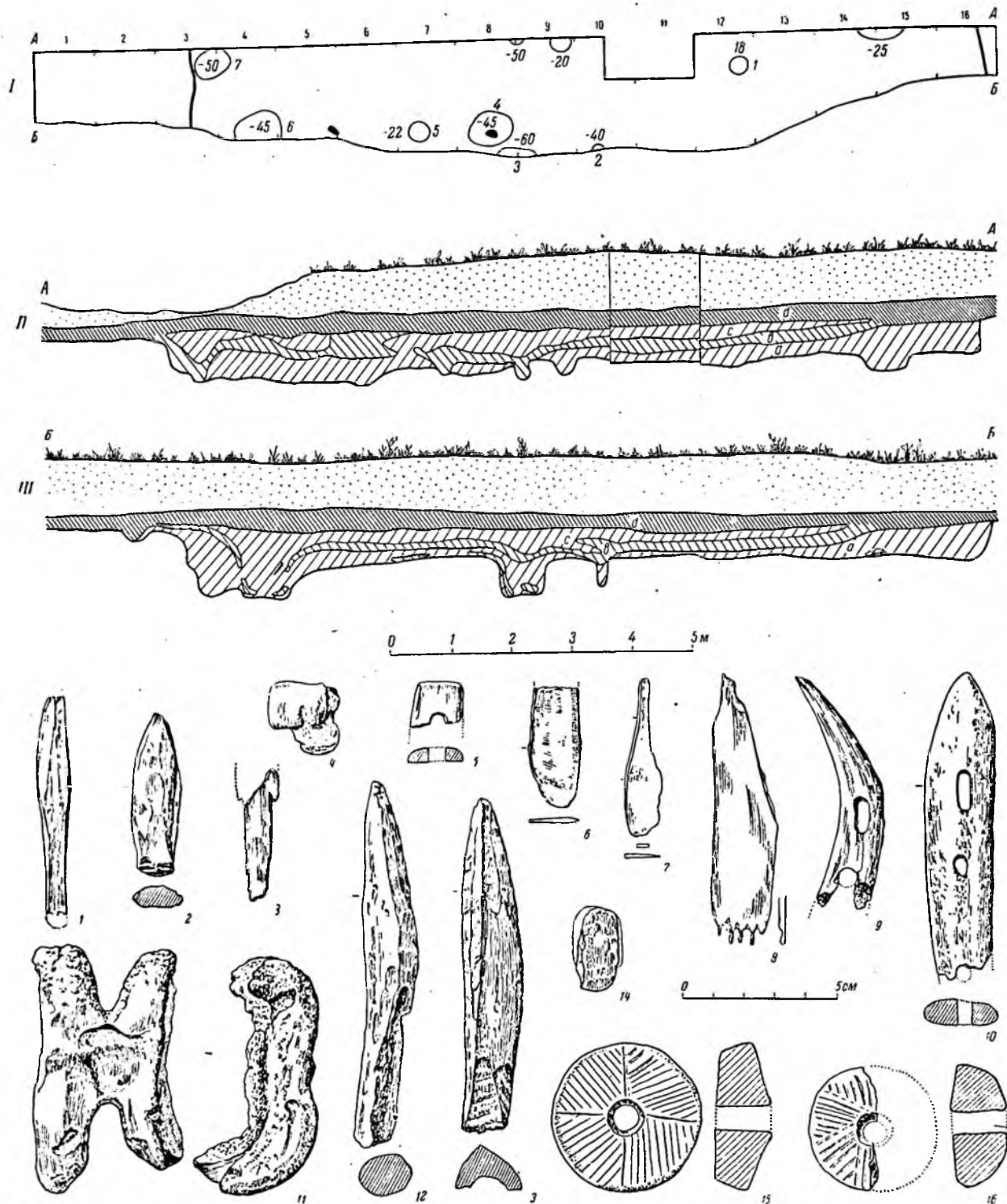

Табл. XI. План (I) и разрезы (II, III) землянки 2 большереженского этапа в пункте БЕ I и вещи из нее.
(6, 7 — бронза; 15, 16 — глина; остальные — кость).

На плане цифры со знаком минус обозначают глубину ямы (в см). Остальные пояснения в тексте.

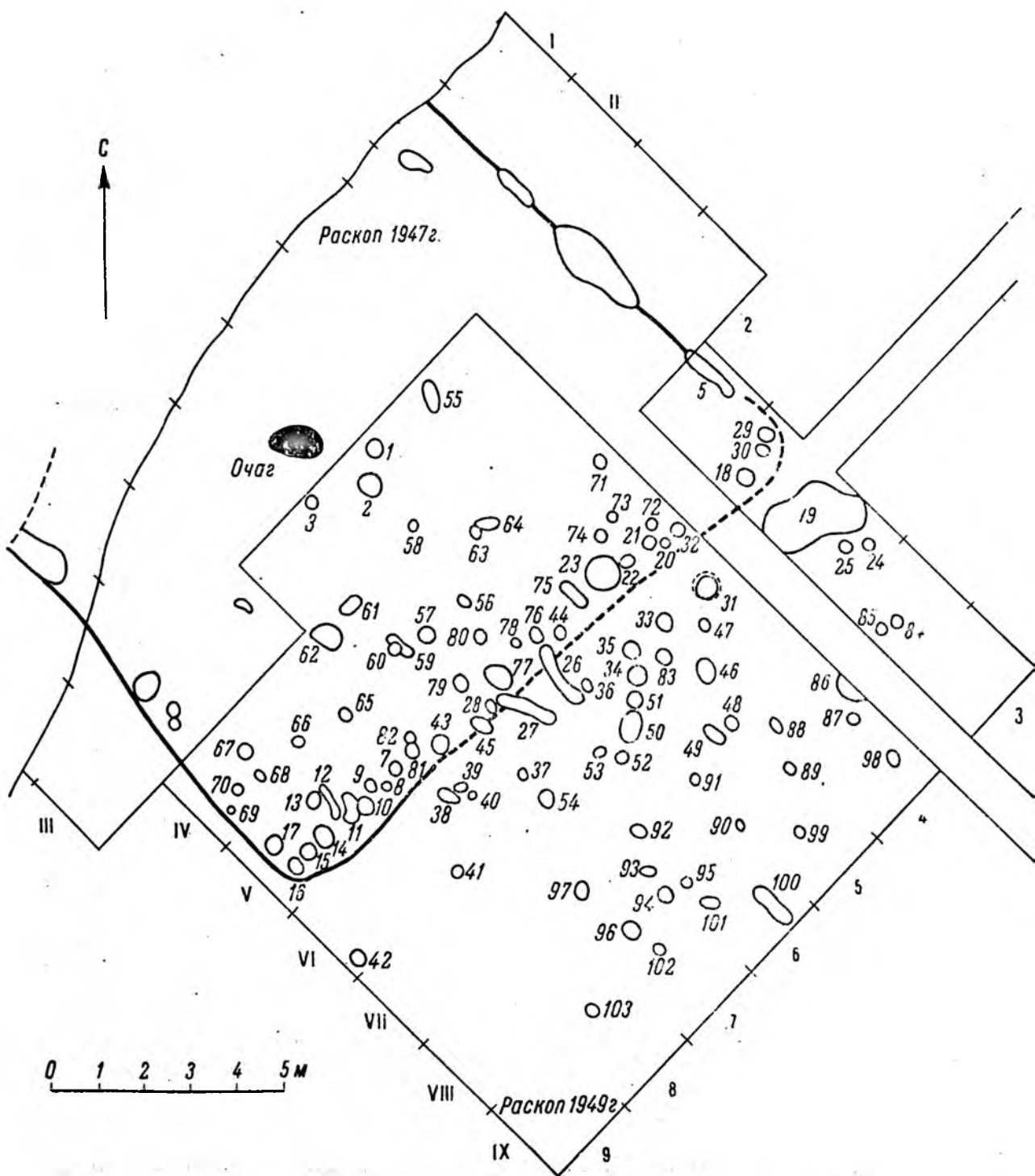

Табл. XII. План землянки 3 большереженского этапа в пункте БЕ I.

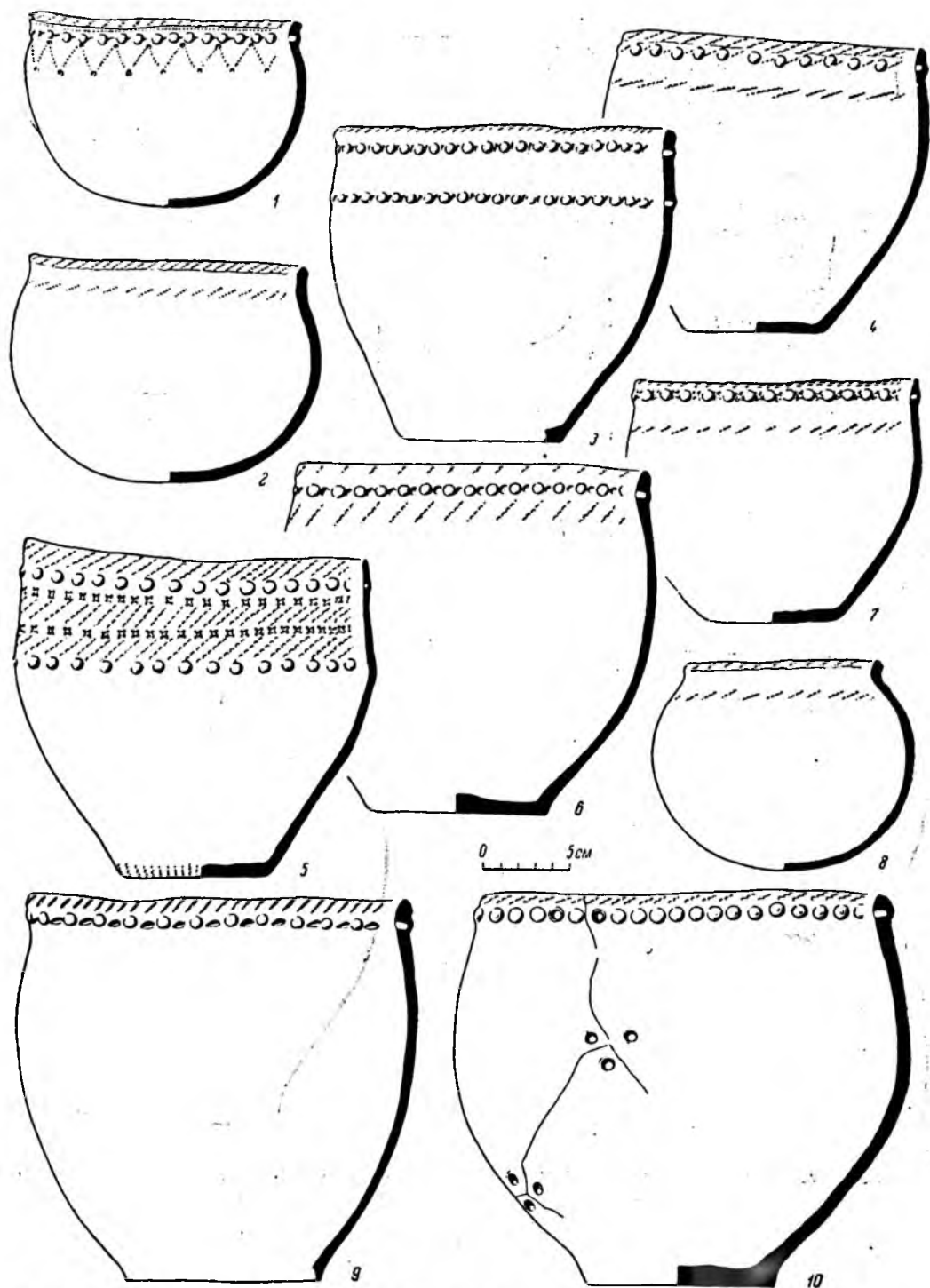

Табл. XIII. Глиняная посуда из землянки 3 большеречевского этапа в пункте БЕ I.

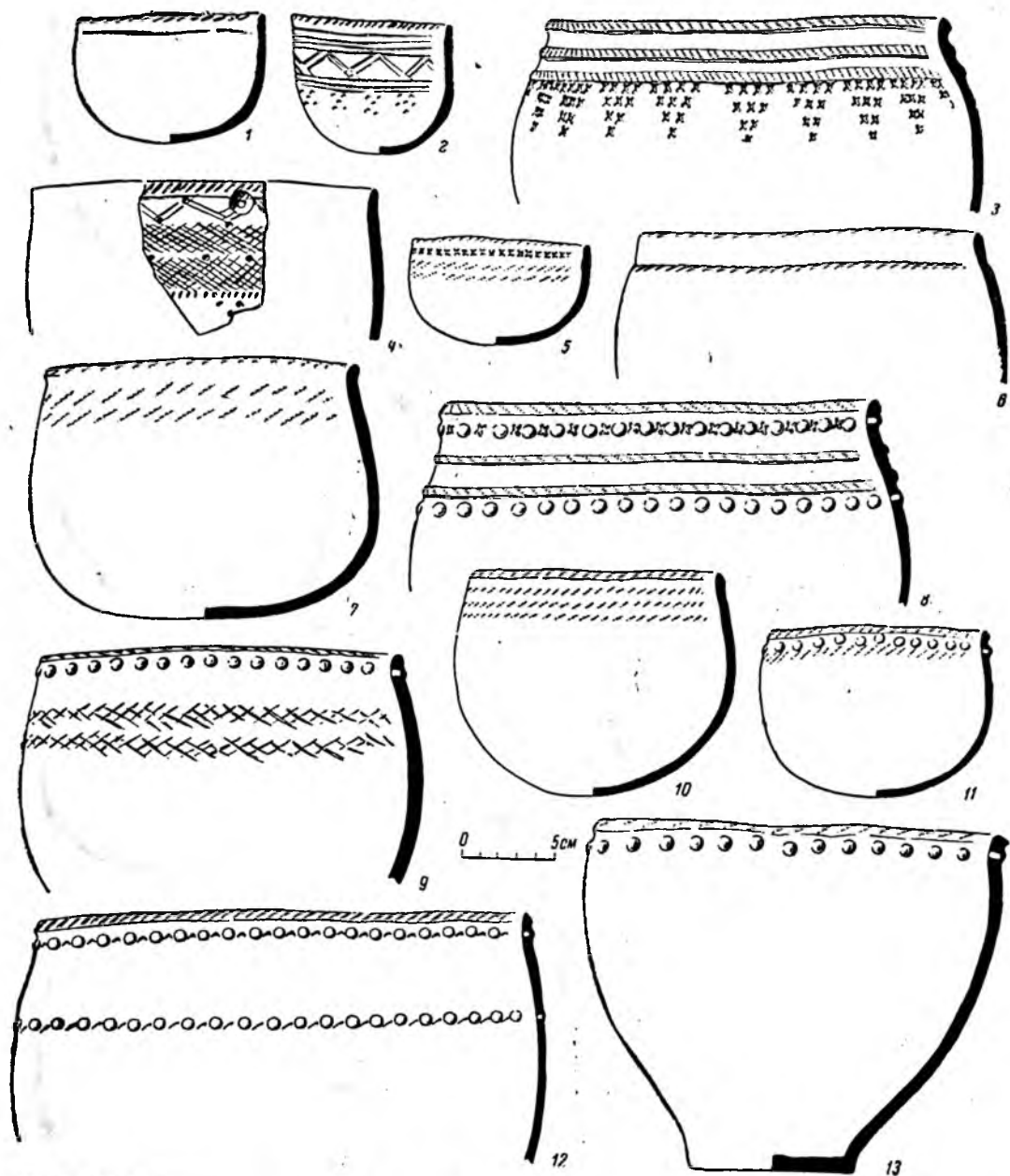

Табл. XIV. Глиняная посуда из землянок 3 (1—8), 5 (12, 13), 7 (9) и из зольника (10, 11) большереченского этапа в пункте БЕ I.

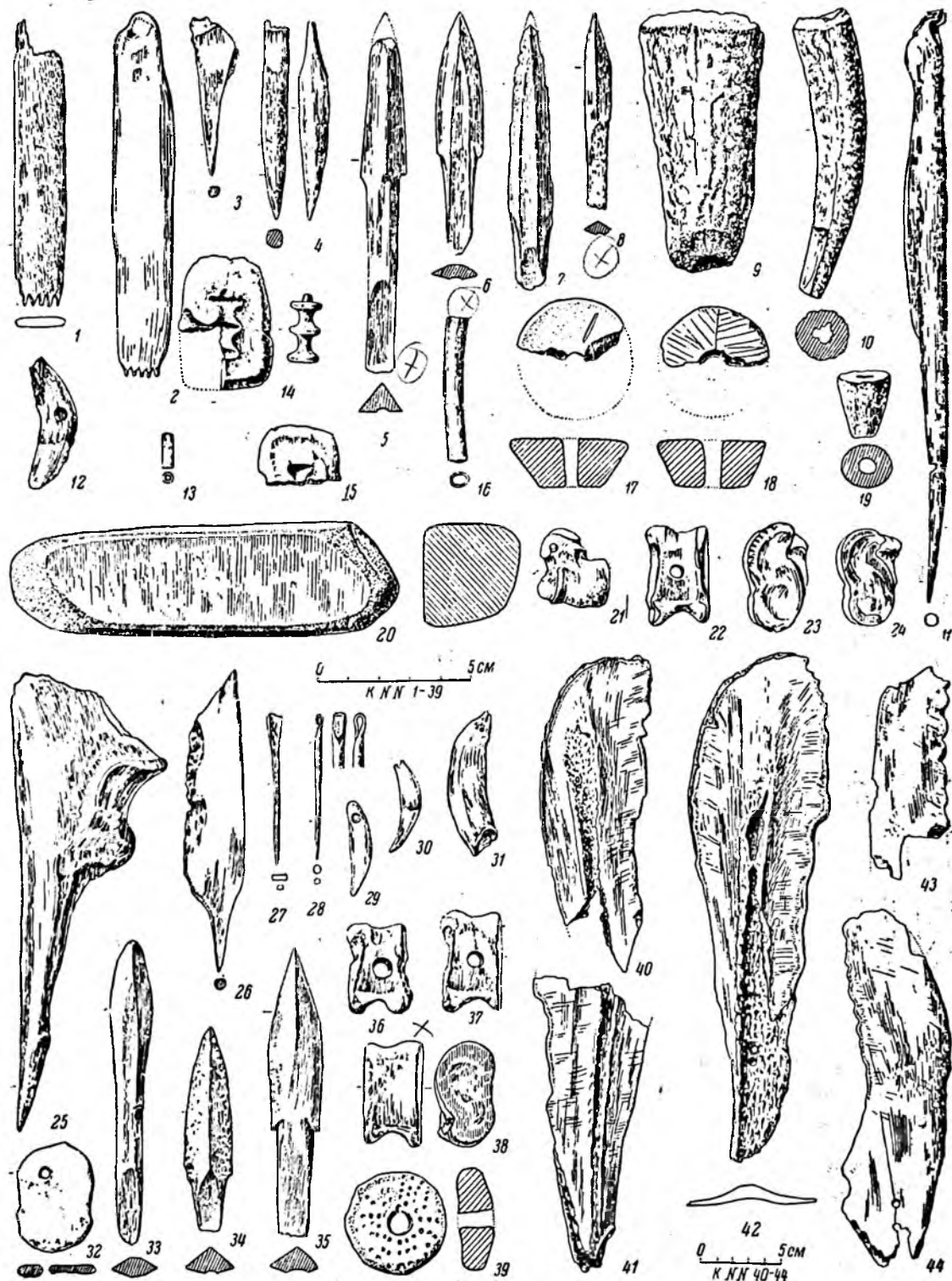

Табл. XV. Вещи из поселения большереченского этапа в пункте БЕ I.

1—24, 43 — землянка 3; 25—39 — находки на поверхности; 40, 42, 44 — землянка 2; 41 — землянка 1.
(13, 20, 32 — камень; 14, 15, 17, 18, 39 — глина; 27, 28 — бронза; остальные — кость).

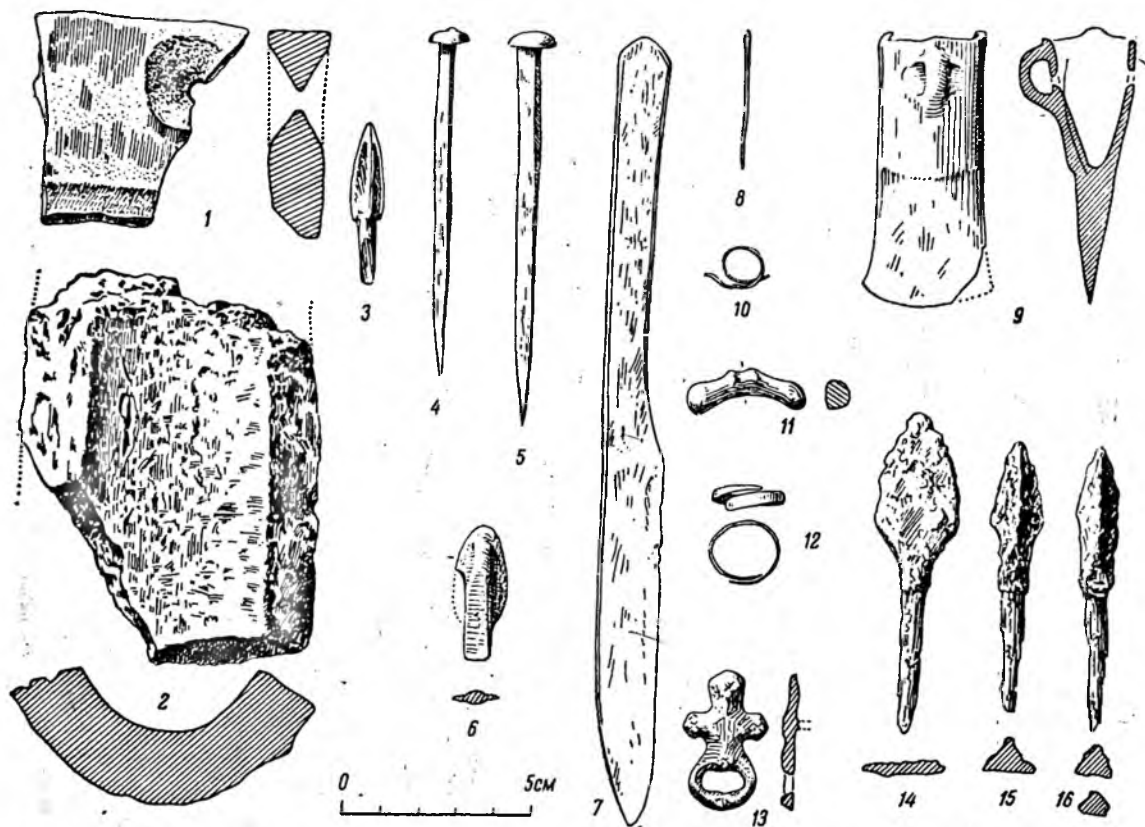
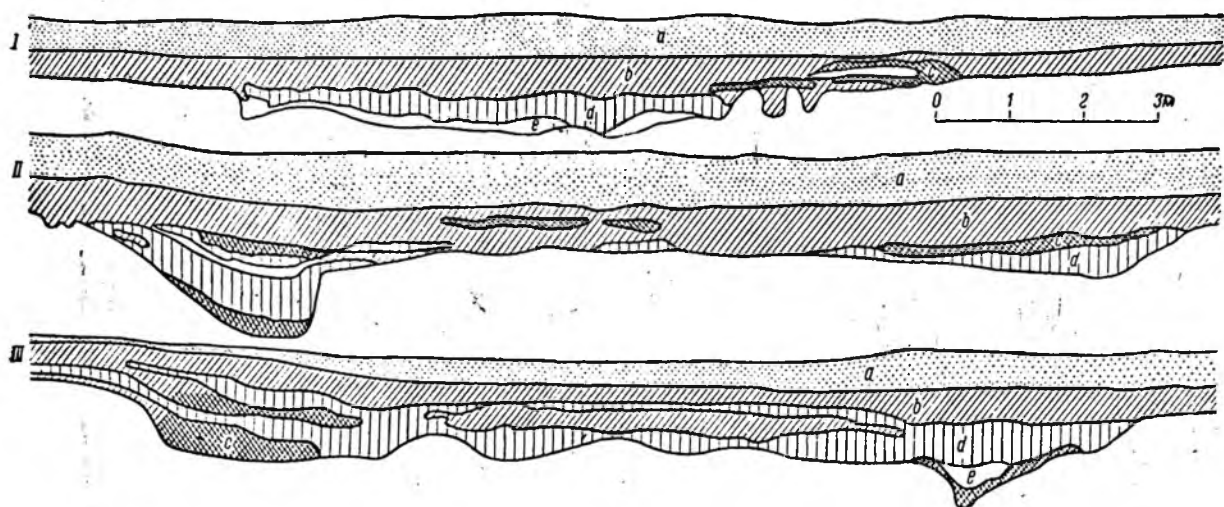

Табл. XVI. Разрезы землянок (пункт БЕ I) и вещи из поселения (пункт БЕ I) и могильника (пункт БЕ VII) большереченского этапа.

I — землянка 4; II — землянка 6; III — землянка 7; а — слой навешного песка; б — погребенная почва и темный гумусированный песок; с — интенсивно темные прослойки; d — серый песок; e — пепельный слой. Пункт БЕ I: 1, 2 — находки на поверхности; 3 — землянка 5; 4, 5 — культурный слой. Пункт БЕ VII: 6 — почвенный слой могильника; 7—16 — находки на поверхности. (1 — песчаник; 11 — мрамор; 2 — глина; 14—16 — железо; остальные — бронза).

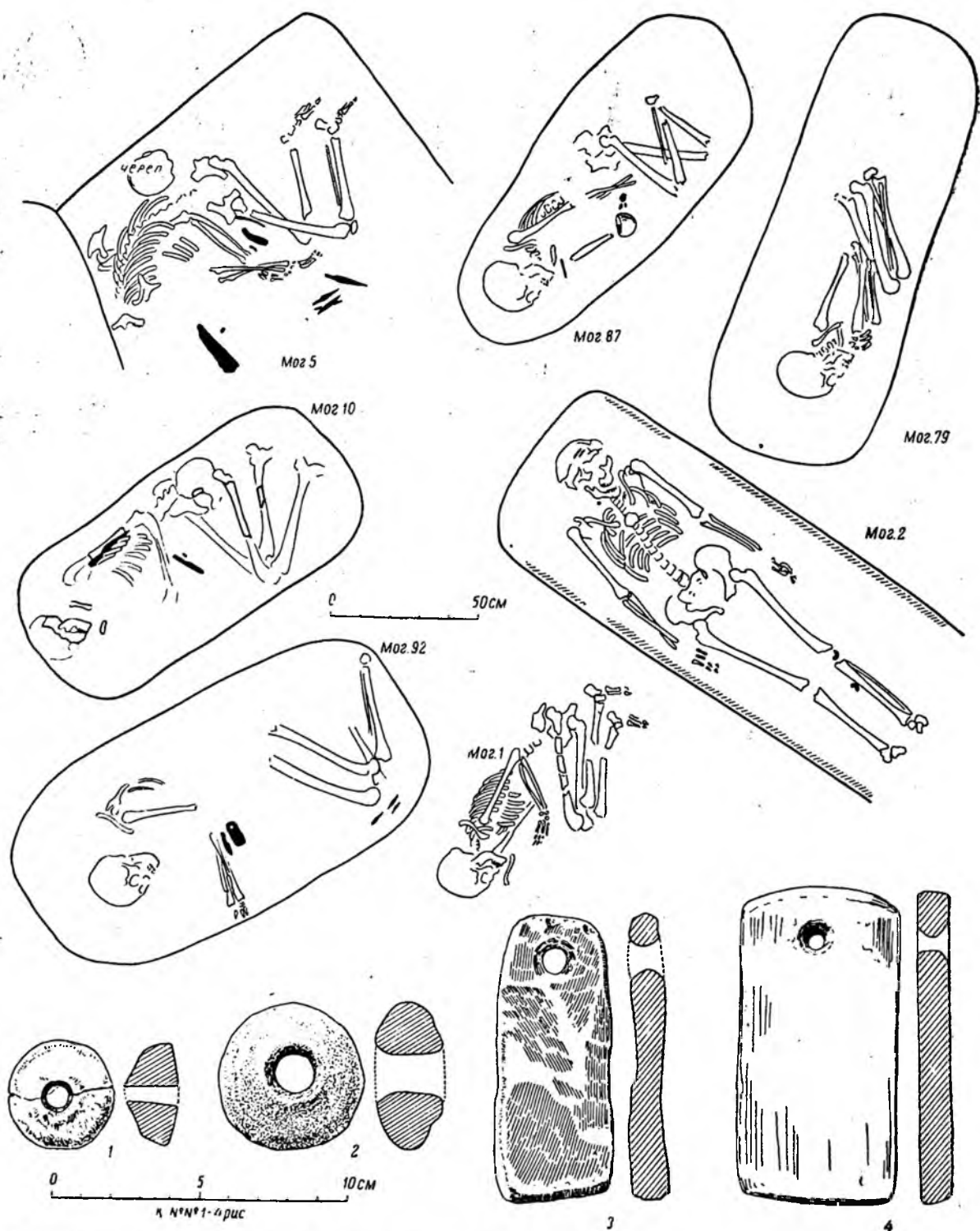

Табл. XVII. Планы погребений и вещи из могильника большереченского этапа в пункте БЕ VII.
 1 — мог. 2; 2 — мог. 69; 3 — мог. 14; 4 — мог. 92. (1 — глина; 2—4 — камень).

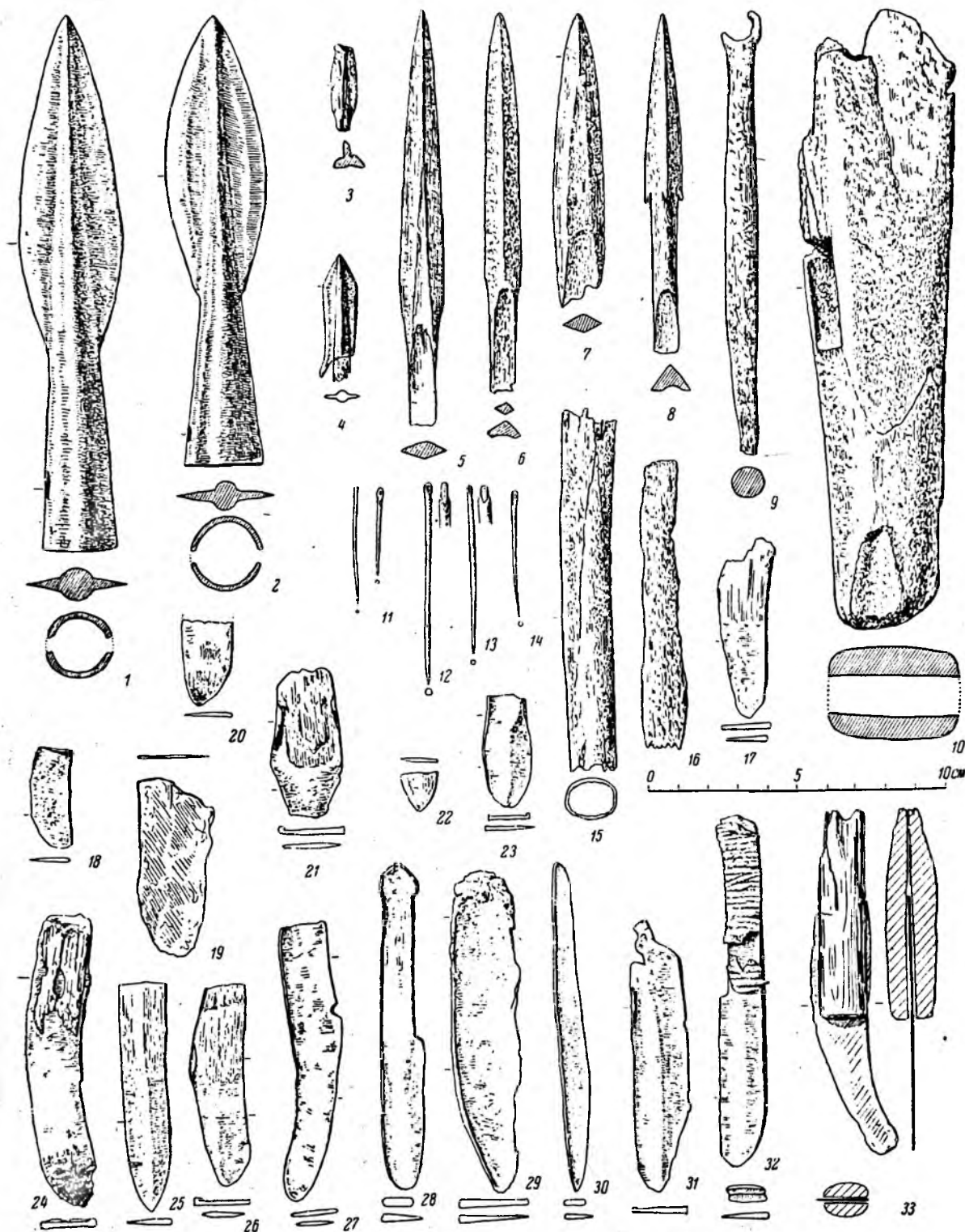

Табл. XVIII. Вещи из могильника большереченского этапа в пункте БЕ VII.

1, 32 — мог. 10; 2, 4, 31 — мог. 61; 3 — мог. 22; 5—10, 24 — мог. 5; 11 — мог. 2; 12 — мог. 76; 13 — мог. 87; 14—16 — мог. 66; 17 — мог. 82; 18 — мог. 17; 19 — мог. 92; 20 — мог. 72; 21 — мог. 64; 22 — мог. 7; 23 — мог. 75; 25 — мог. 19; 26 — мог. 28; 27 — мог. 81; 28 — мог. 24; 29 — мог. 14; 30 — мог. 93; 33 — мог. 63. (5—10, 15—16 — кость; остальные — бронза).

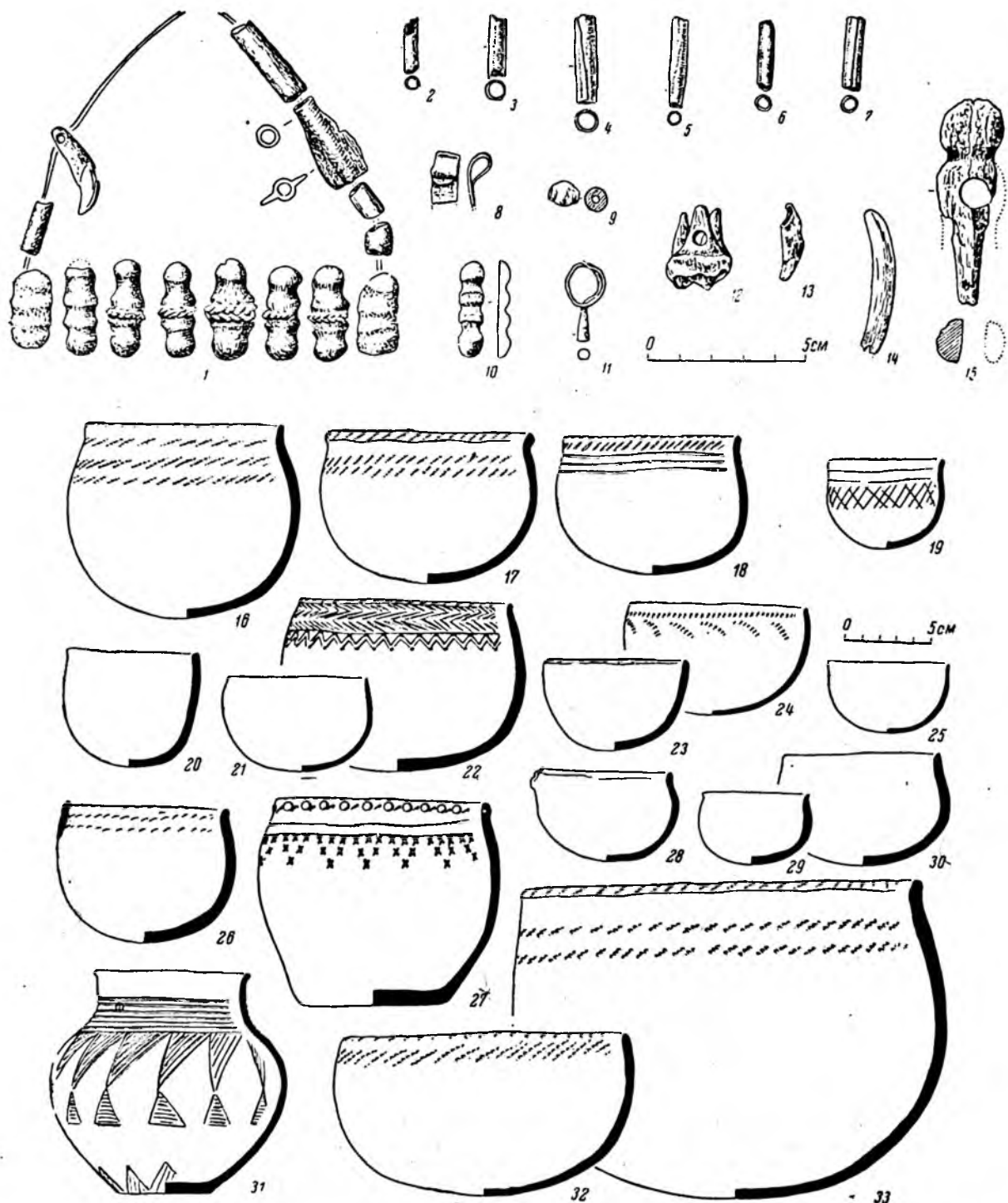

Табл. XIX. Вещи и глиняная посуда из могильника большереченского этапа в пункте БЕ VII и из могил в пунктах БЕ XII (25) и БЕ XIV (19).

Пункт БЕ VII: 1, 4—6, 11 — мог. 22; 2, 9 — мог. 2; 3 — мог. 17; 7, 14 21 — мог. 66; 8 — мог. 21; 10 — мог. 10; 12, 13 — мог. 5; 15 — мог. 88; 16, 31—33 — почвенный слой могильника; 17 — мог. 69; 18 — мог. 95; 20 — мог. 13; 22, 24, 27 — находки на поверхности; 23 — мог. 87; 26 — мог. 7; 28 — мог. 90; 29 — мог. 27; 30 — мог. 93. Пункт БЕ XIV: 19 — мог. 4. Пункт БЕ XII: 25 — мог. 16. (1 — бронза, камень и кость; 2—8, 10, 11 — бронза; 9 — стекло; 12—15 — кость; 16—33 — глина).

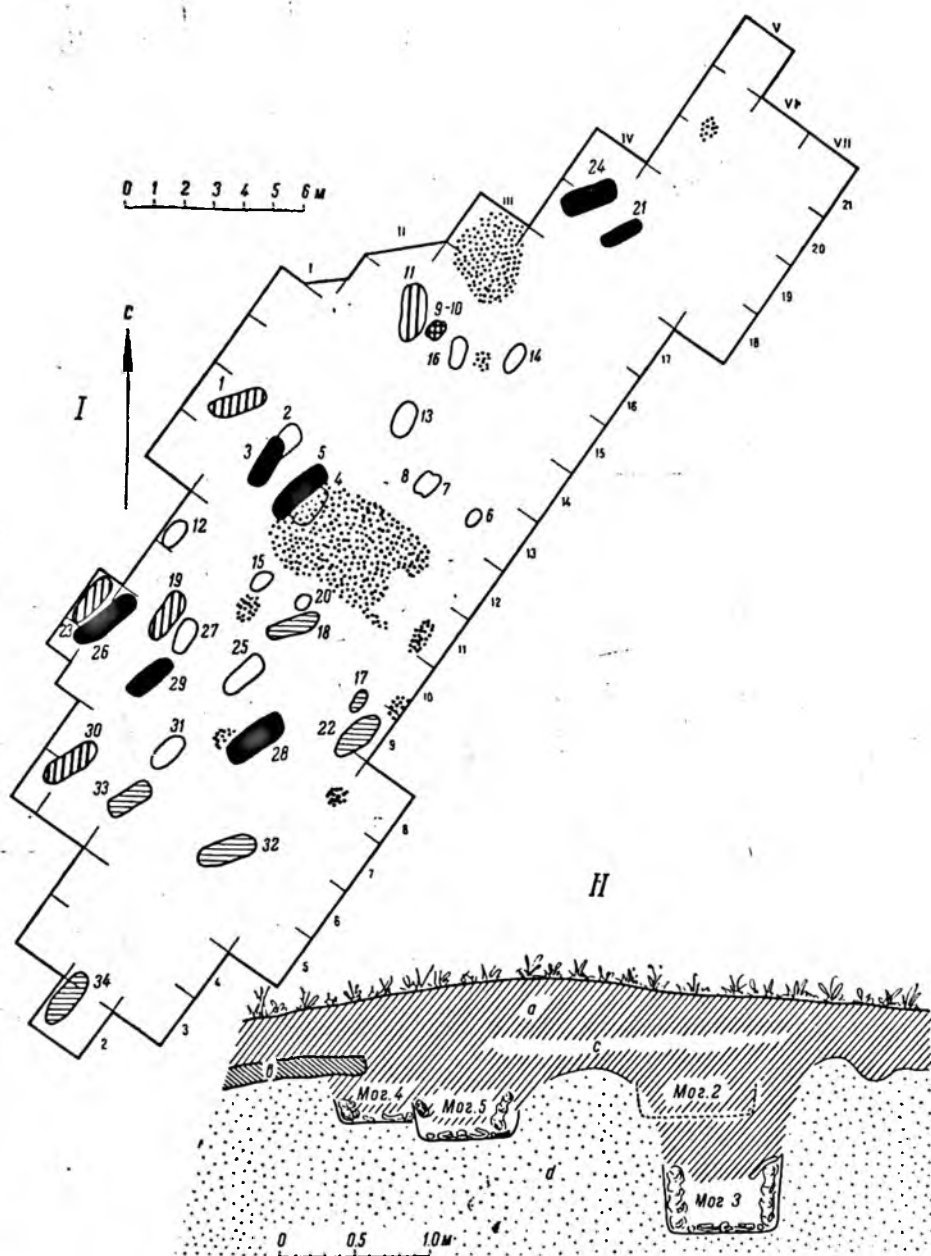

Табл. XX. План (I) могильника в пункте БЕ XII (могилы большевеченского этапа белые, березовского — черные, одинцовского этапа отмечены тонкой штриховкой, переходного — жирной штриховкой; жирными точками отмечены остатки кострищ) и разрез (II) дюны через могилы 2—5.

a — почвенный слой и гумусированный песок; b — слой кострища; c — светлая песчаная прослойка; d — материк.

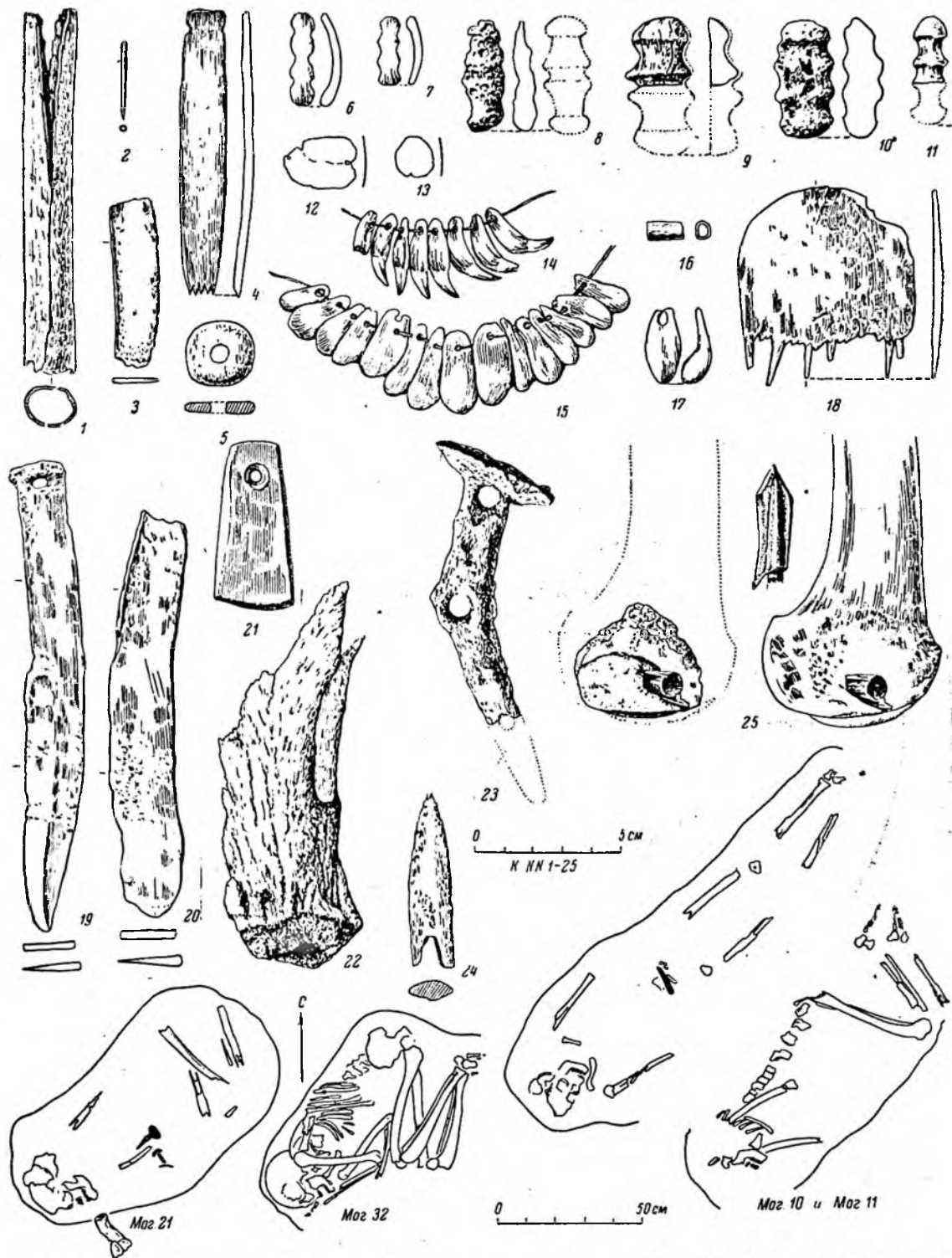

Табл. XXI. Планы погребений и вещи из могильников в пункте БЕ XII (1—18) и БЕ XIV (19—25).

1, 10 — мог. 14; 2, 6—8, 12—16 — мог. 4; 3 — мог. 7; 4, 9, 17 — мог. 2; 11 — культурный слой; 18 — мог. 13; 19 — мог. 10; 20, 25 — мог. 11; 21, 24 — мог. 36; 22, 23 — мог. 21. (1, 3—7, 14—18; 22—24 — кость; 2, 12, 13, 19, 20 — бронза; 8—11, 21 — камень; 25 — бронзовая стрела в кости).

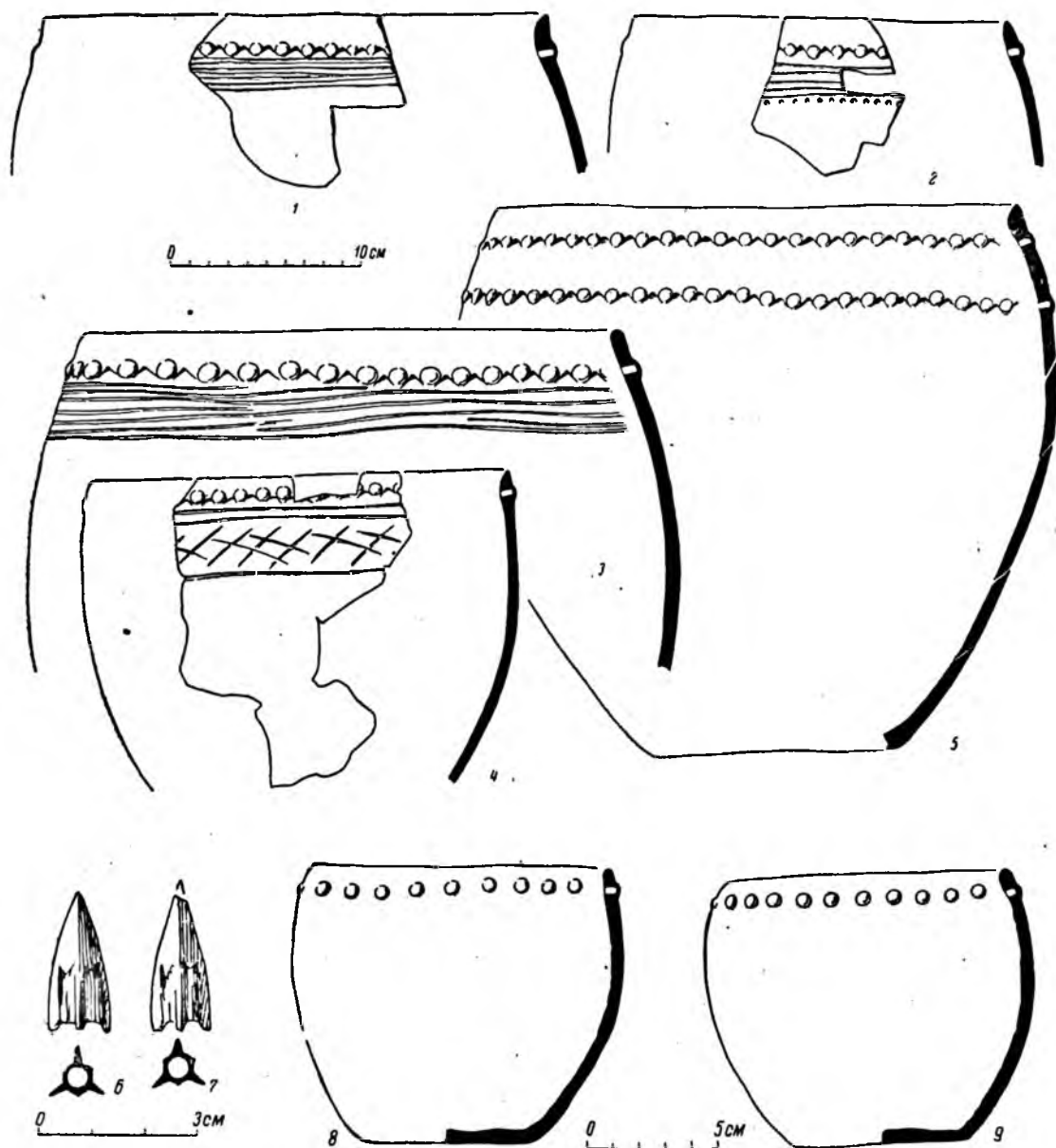

Табл. XXII. Глиняная посуда и бронзовые наконечники стрел бийского этапа, найденные в пунктах БЕ II (1, 2), БЕ V (3—5), БЕ XII (8, 9) и БЕ XV (6, 7).

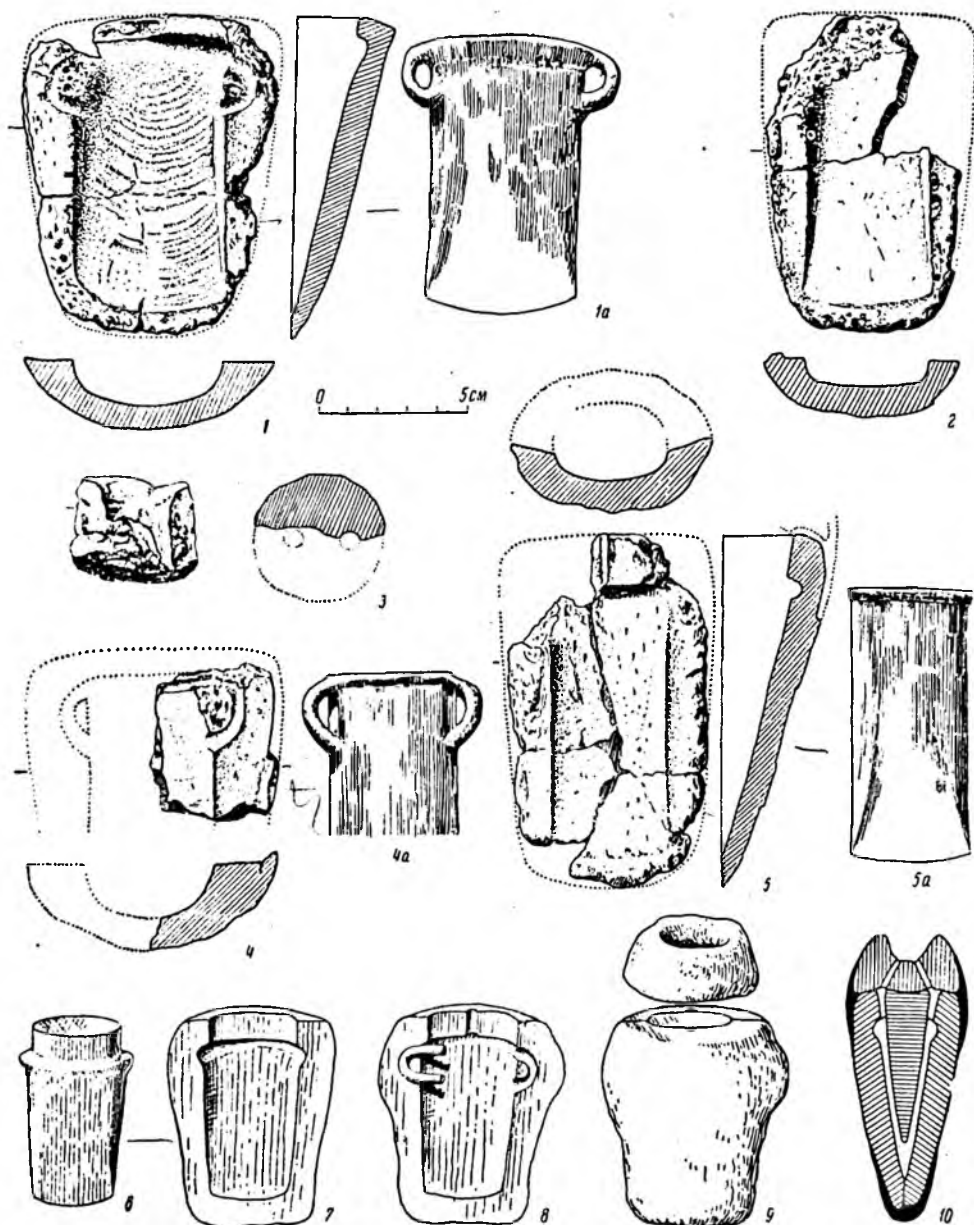

Табл. XXIII. Обломки литейных форм из литейной мастерской бийского этапа в пункте БЕ XII (1—5), реконструкции отливавшихся в них кельтов (1а, 4а, 5а) и реконструкция последовательности изготовления литейной формы (6—10).

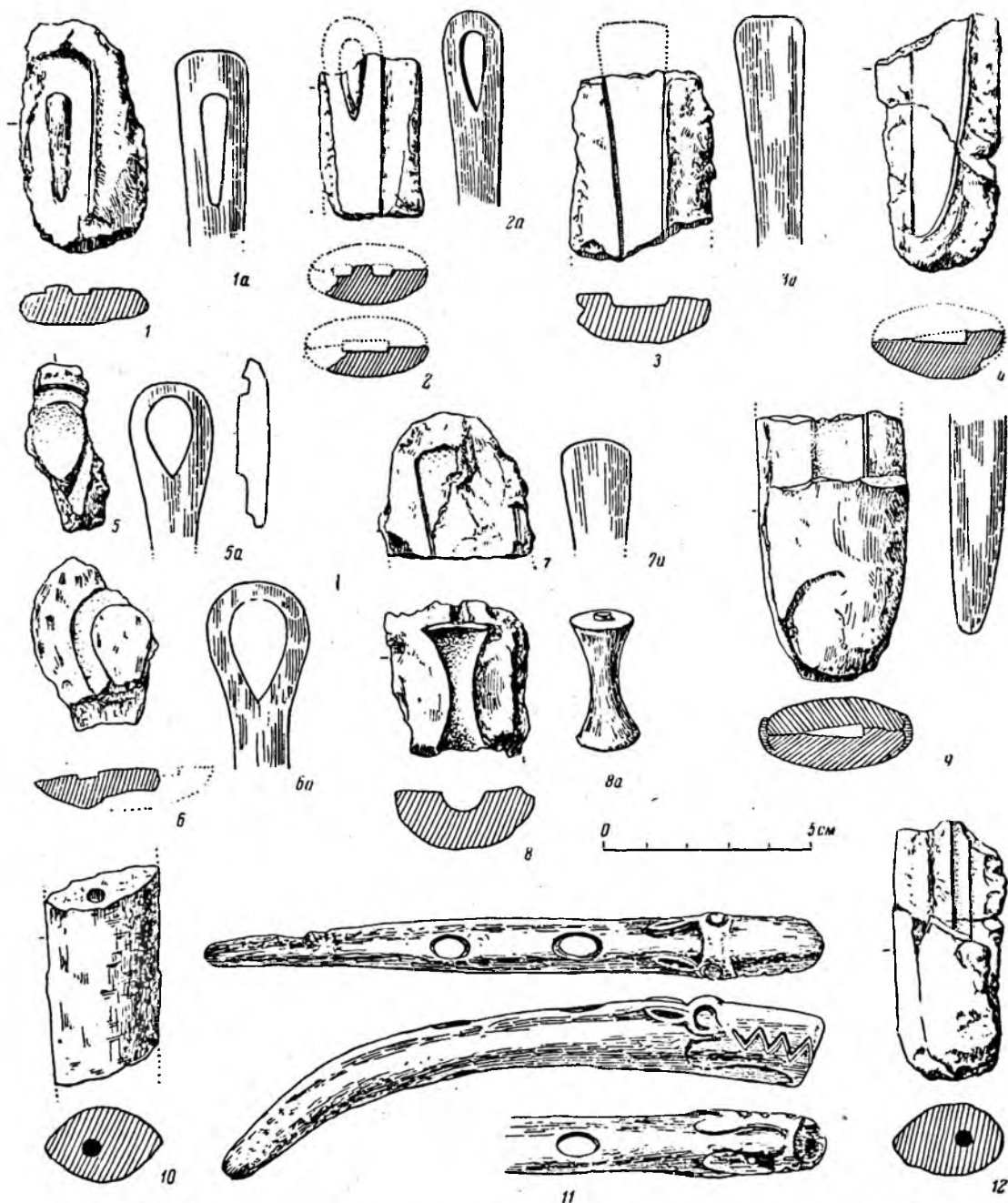

Табл. XXIV. Обломки литейных форм из литейной мастерской бийского этапа в пункте БЕ XII (1—10, 12) и реконструкции отливавшихся по ним предметов (помечены литерой *a*). Роговой псалии оттуда же (11).

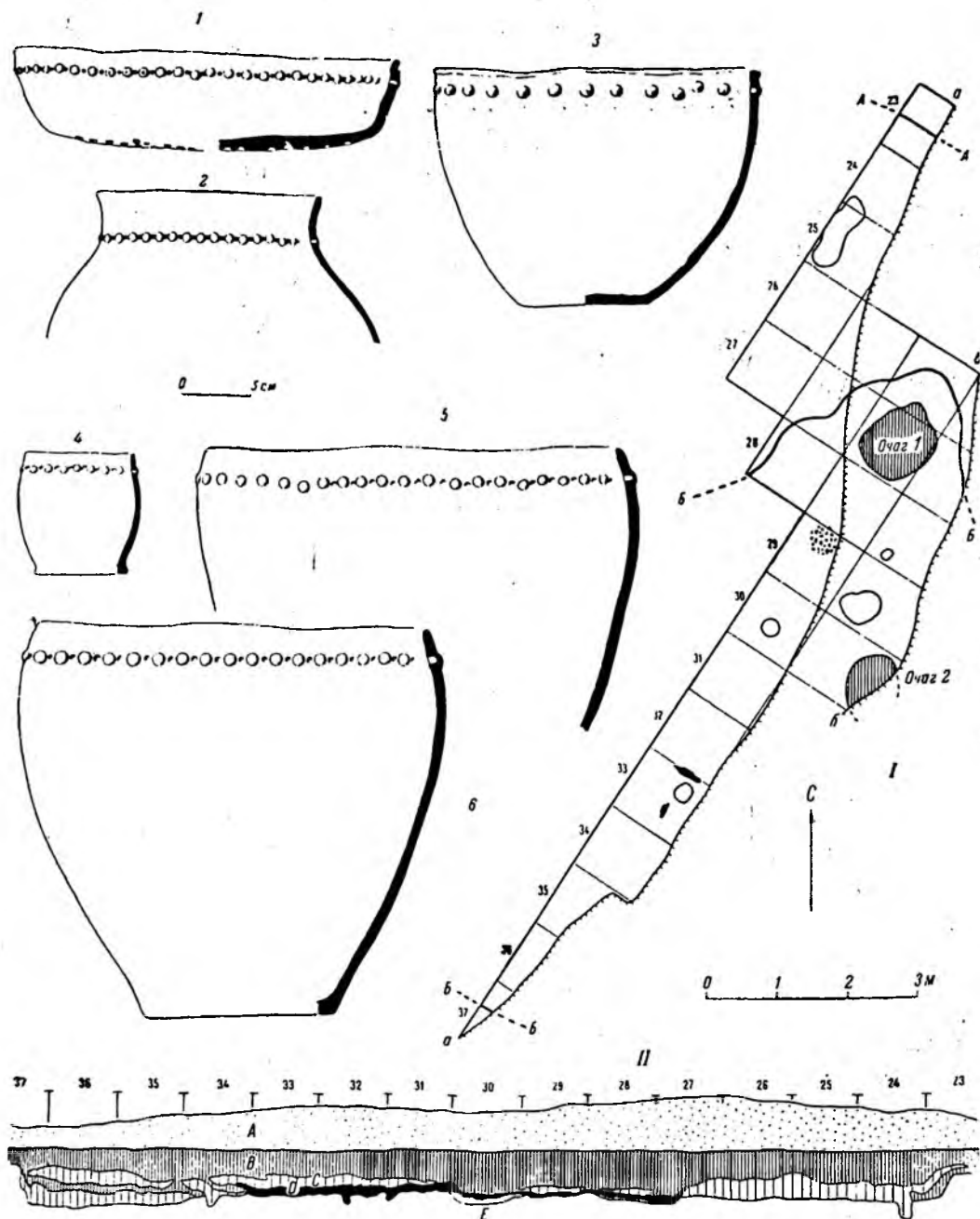

Табл. XXV. Глиняная посуда березовского этапа из поселения в пункте BE I и план и разрез землянки 5.

I — землянка 2 и почвенный слой в пункте BE VII; 2, 3 — землянка 2; 4 — находка на поверхности; 5 — землянка 5; 6 — землянка 1. I — план землянки 5; A — граница землянки большереченского этапа, Б—Б — граница землянки березовского этапа, а—а — край выдува по поверхности почвы, б—б — то же, по полу землянки; II — разрез землянки 5: A — слой навелного песка, B — почвенный слой и темный песок, C — серый песок, D — интенсивно темный песок, E — золистый песок.

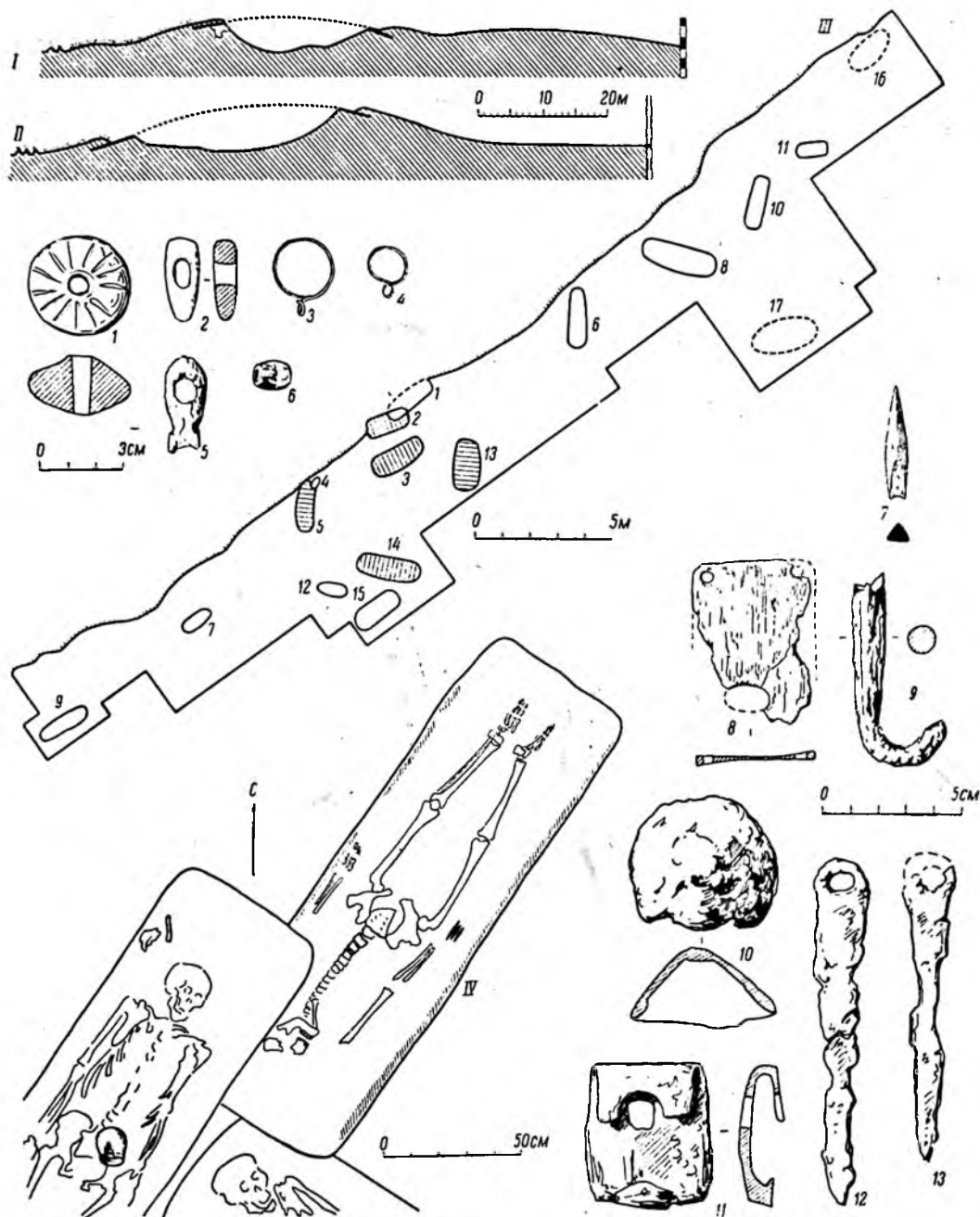

Табл. XXVI. План (III) и разрезы (I, II) могильника в пункте БЕ III (заштрихованы могилы березовского этапа, остальные — переходного этапа); вещи из погребений этого могильника (1—13); план могилы 3 в пункте БЕ VII (IV).

1 — глина; 2, 5, 7, 8 — кость; 3, 4 — бронза; 6 — камень; 9—13 — железо.

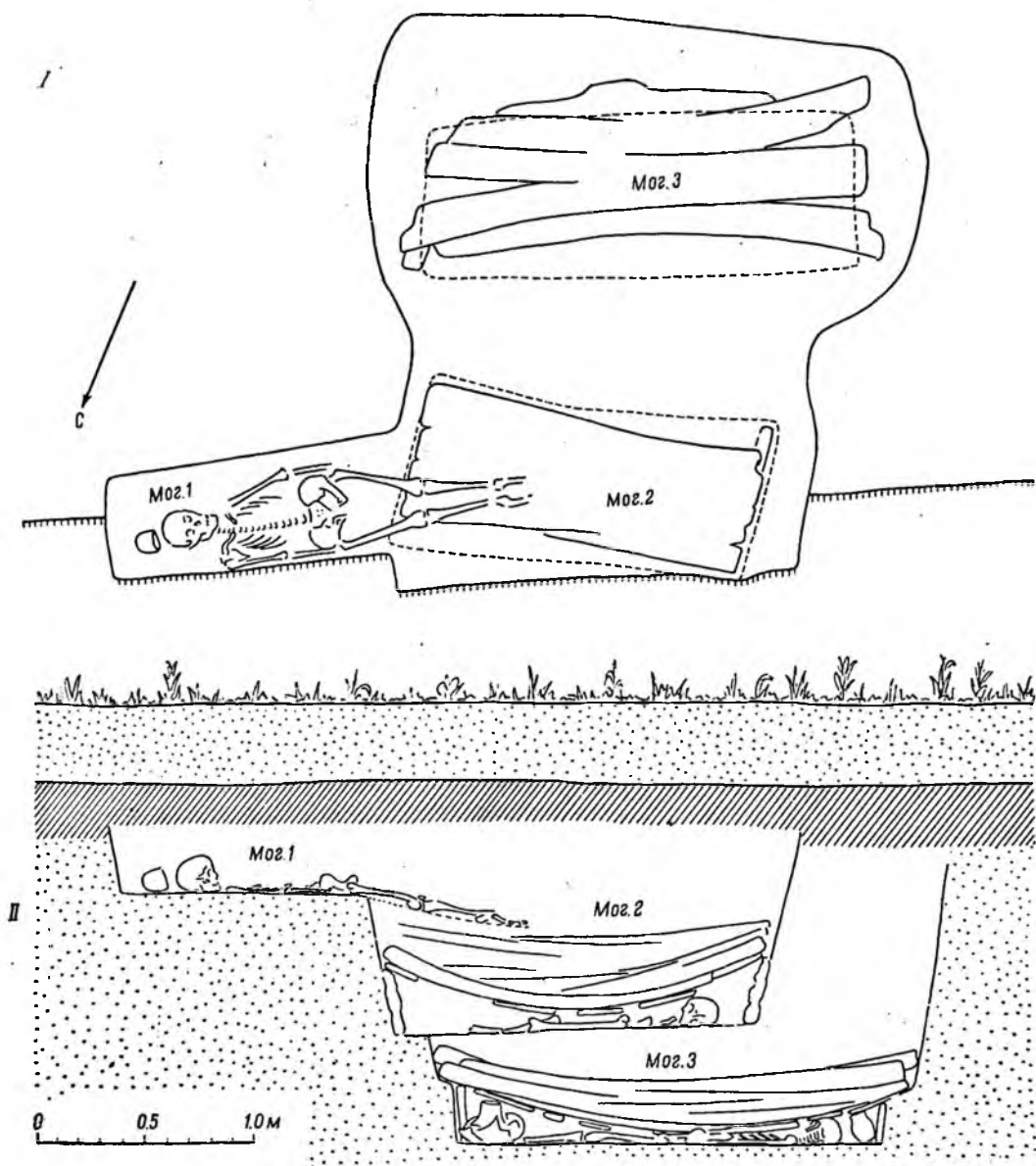

Табл. XXVII. План (I) и разрез (II) трех погребений в пункте БЕ III.

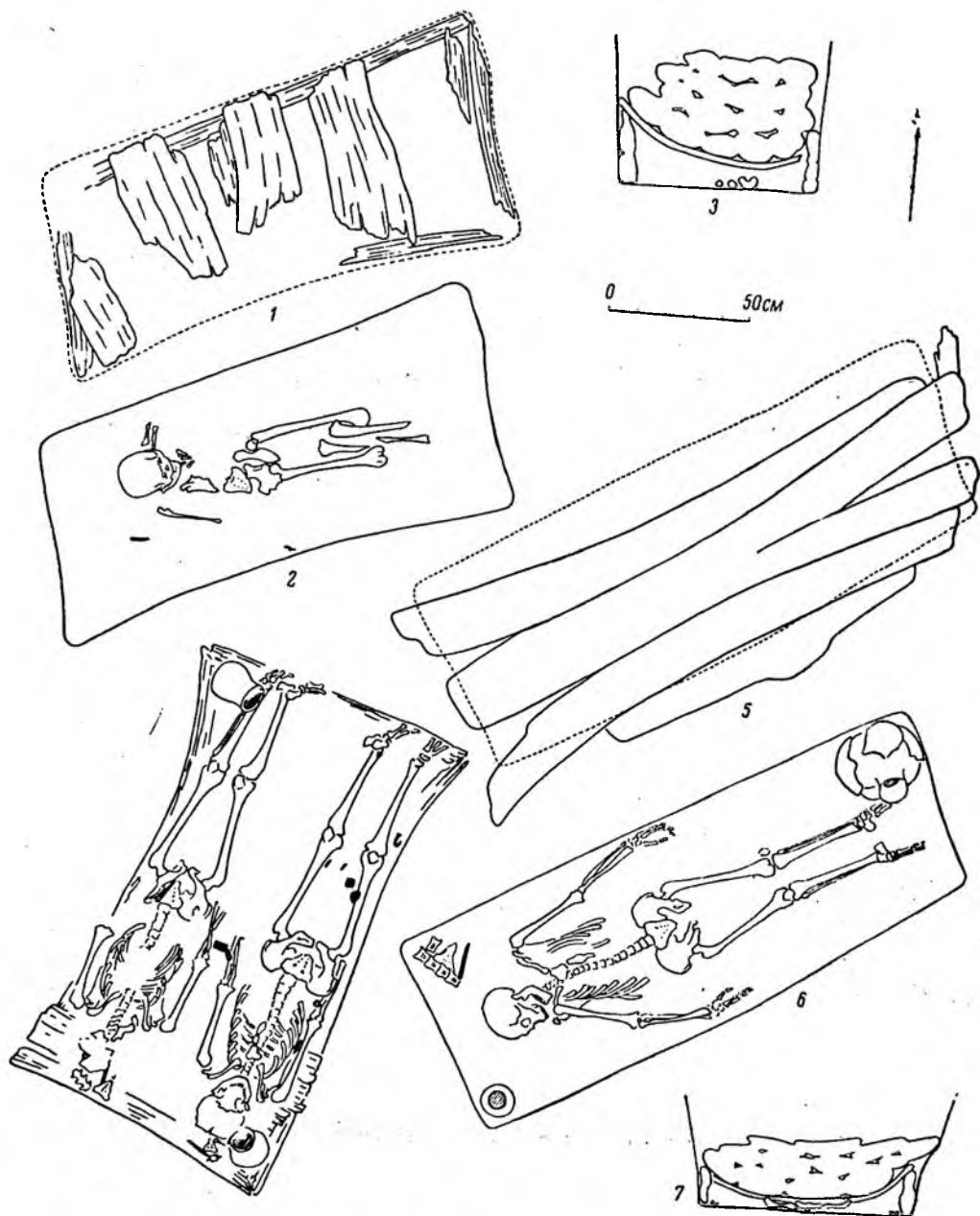

Табл. XXVIII. Планы и разрезы погребений березовского этапа в пункте БЕ III.

1—3 — мог. 2; 4 — мог. 13; 5—7 — мог. 3; 8 — мог. 13. (1, 5 — планы погребений на уровне покрытия могил; 2, 4, 6 — планы погребений на уровне дна; 3, 7 — поперечные разрезы могил).

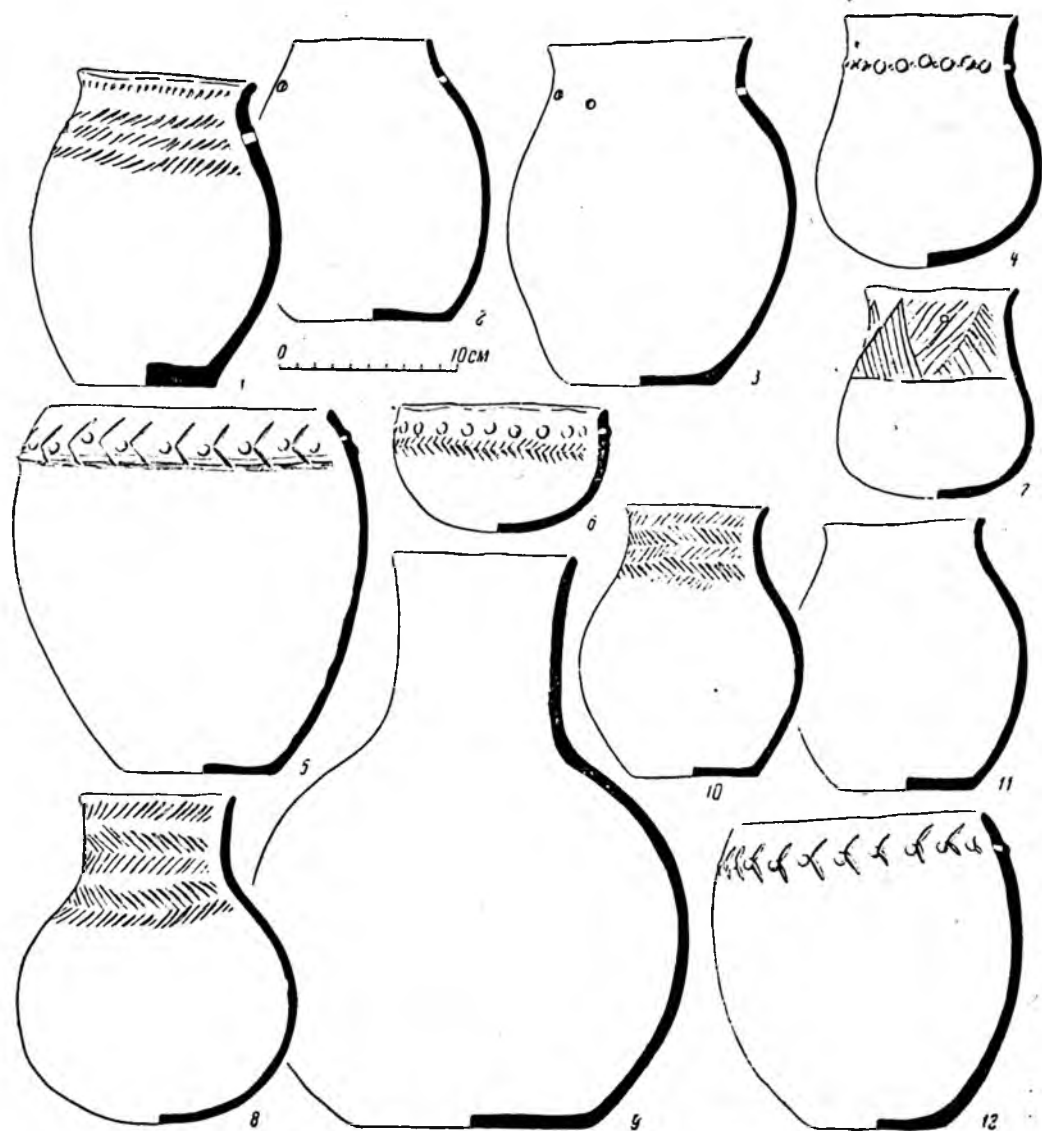

Табл. XXIX. Глиняная посуда из могильников березовского этапа в пунктах БЕ XII, БЕ VII и БЕ III.

Пункт БЕ XII: 1 — мог. 24; 5 — мог. 3; 11 — мог. 29. Пункт БЕ VII: 4 — мог. 3. Пункт БЕ III: 2, 6 — мог. 14; 3, 8 — мог. 13; 7, 12 — находки на поверхности; 9, 10 — мог. 3.

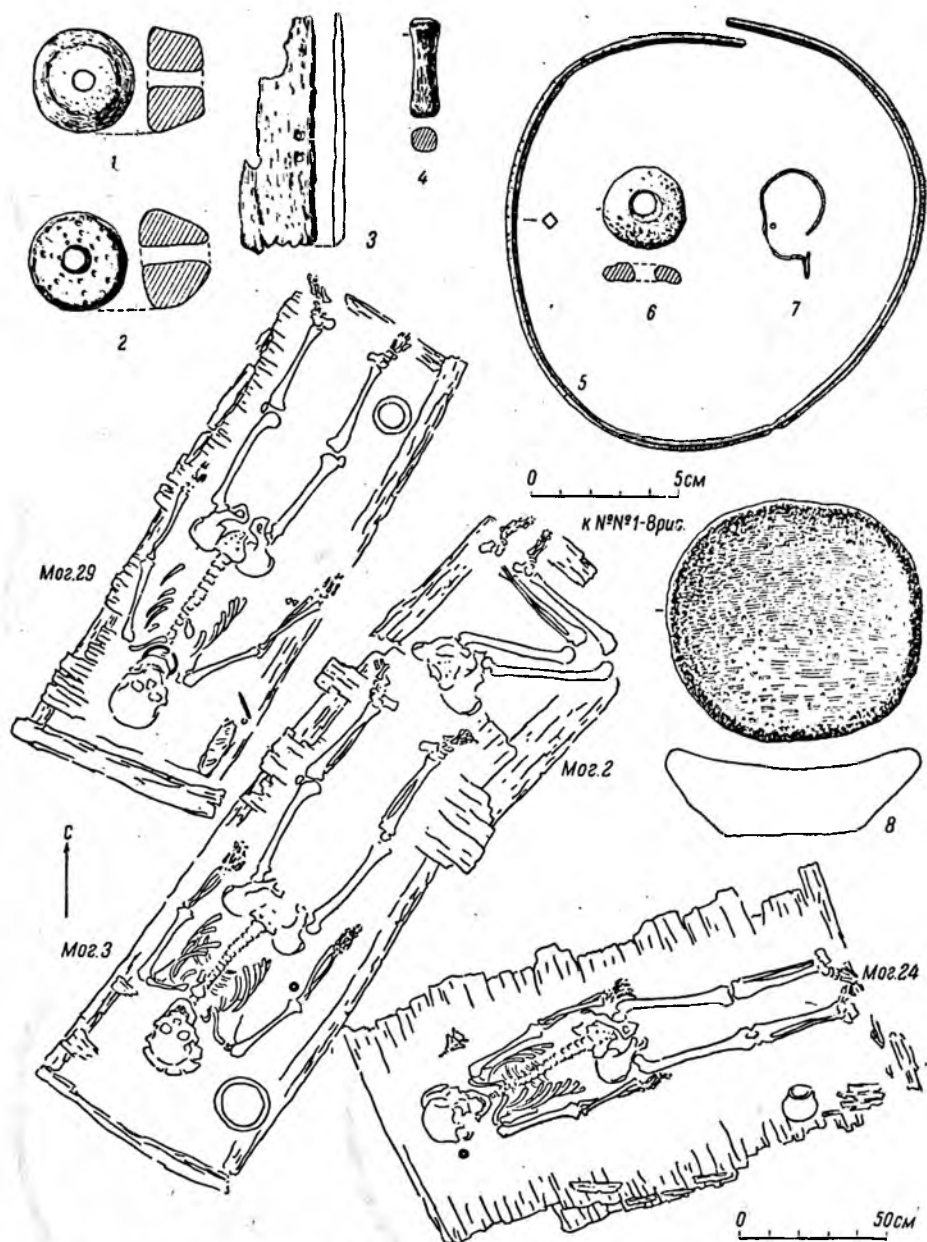

Табл. XXX. Планы погребений и вещи из могильника березовского этапа в пункте БЕ XII.

1, 8 — мог. 5; 2, 7 — мог. 24; 3, 4, 6 — мог. 3; 5 — мог. 29. (1, 2 — глина; 3, 4 — кость; 5, 7 — бронза; 6, 8 — камень).

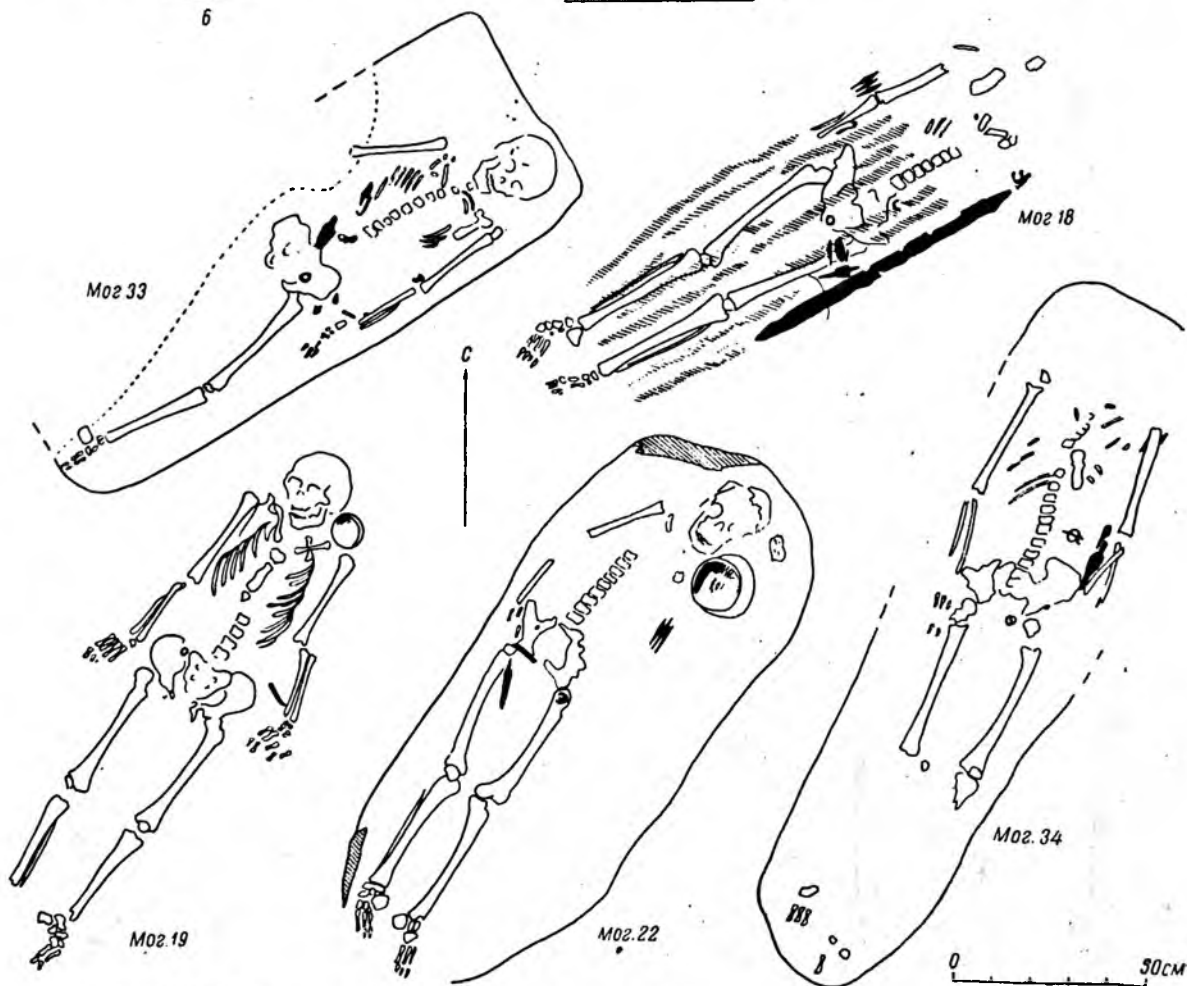
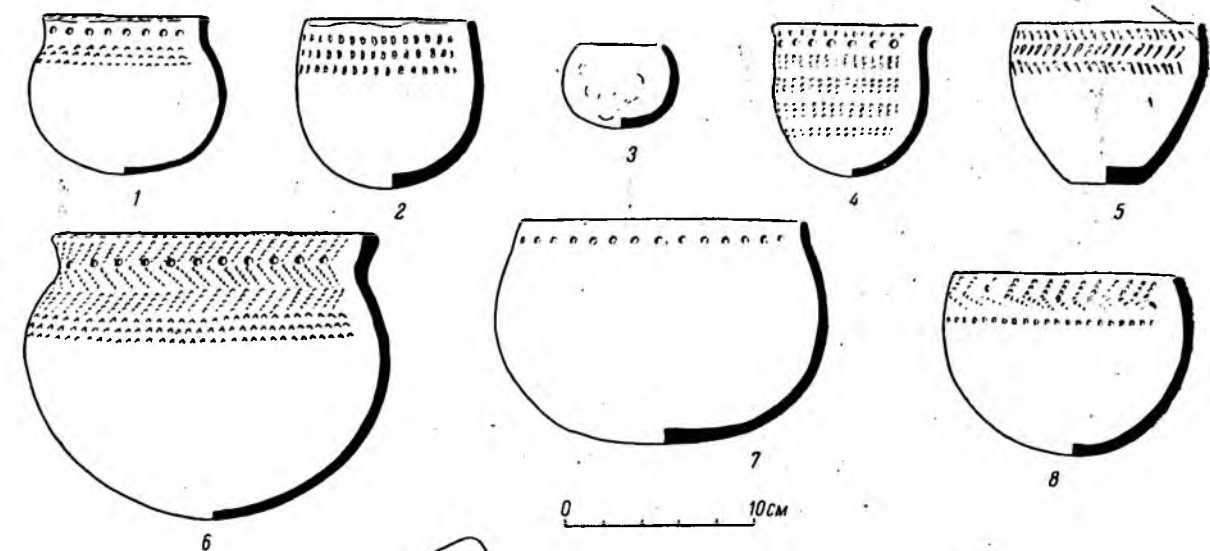

Табл. XXXI. Глиняная посуда и планы погребений единцовского этапа в пункте БЕ XII.
 1 — мог. 17; 2 — мог. 19; 3, 5, 7 — почвенный слой могильника; 6 — мог. 22; 8 — мог. 32.

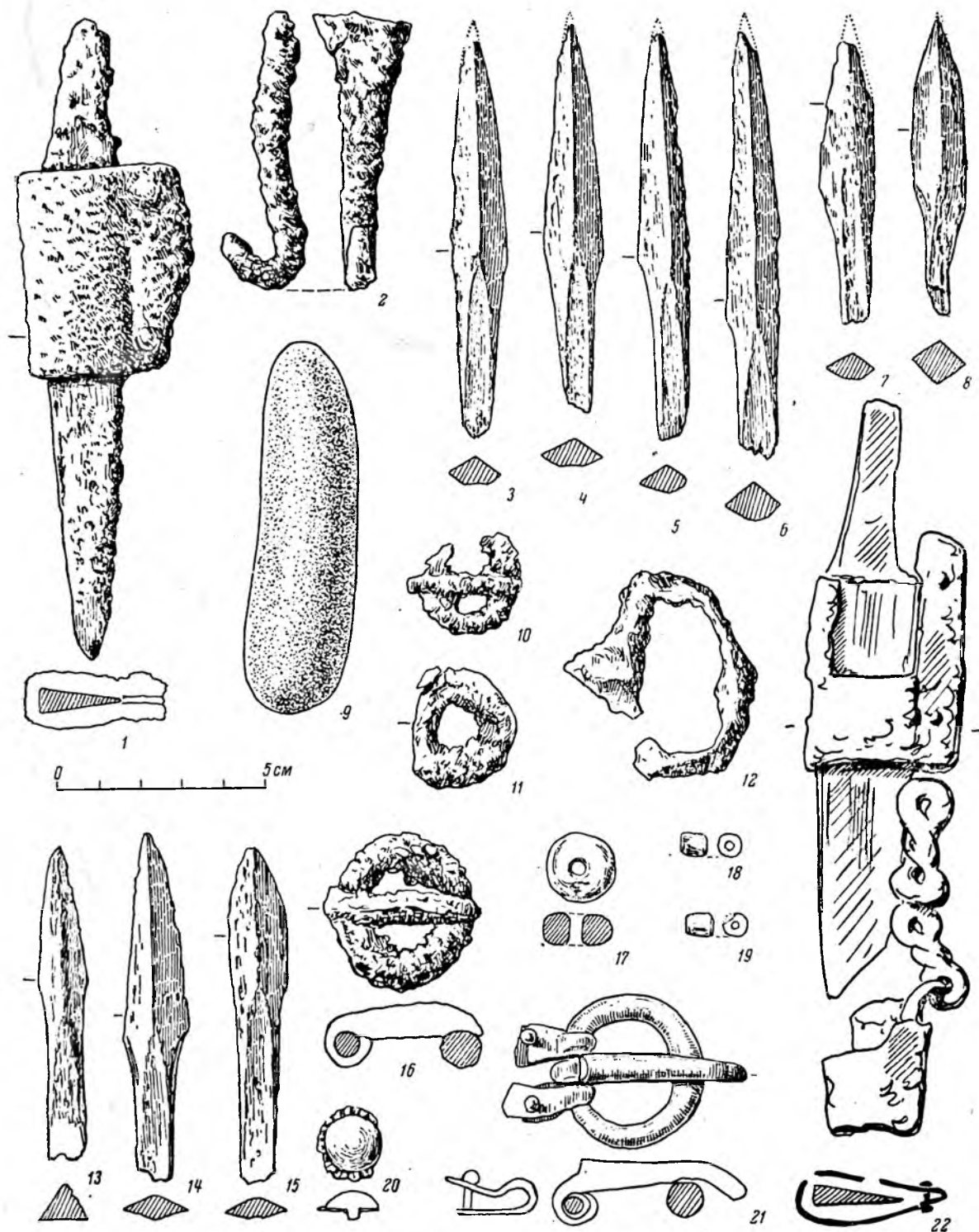

Табл. XXXII. Вещи из могильника одищовского этана в пункте БЕ XII.

1-12 — мог. 18; 13-22 — мог. 34; (1, 2, 10-12, 16, 22 — железо; 3-8, 13-15 — кость; 9 — камень; 17 — иштарь; 18, 19 — стекло; 20, 21 — бронза).

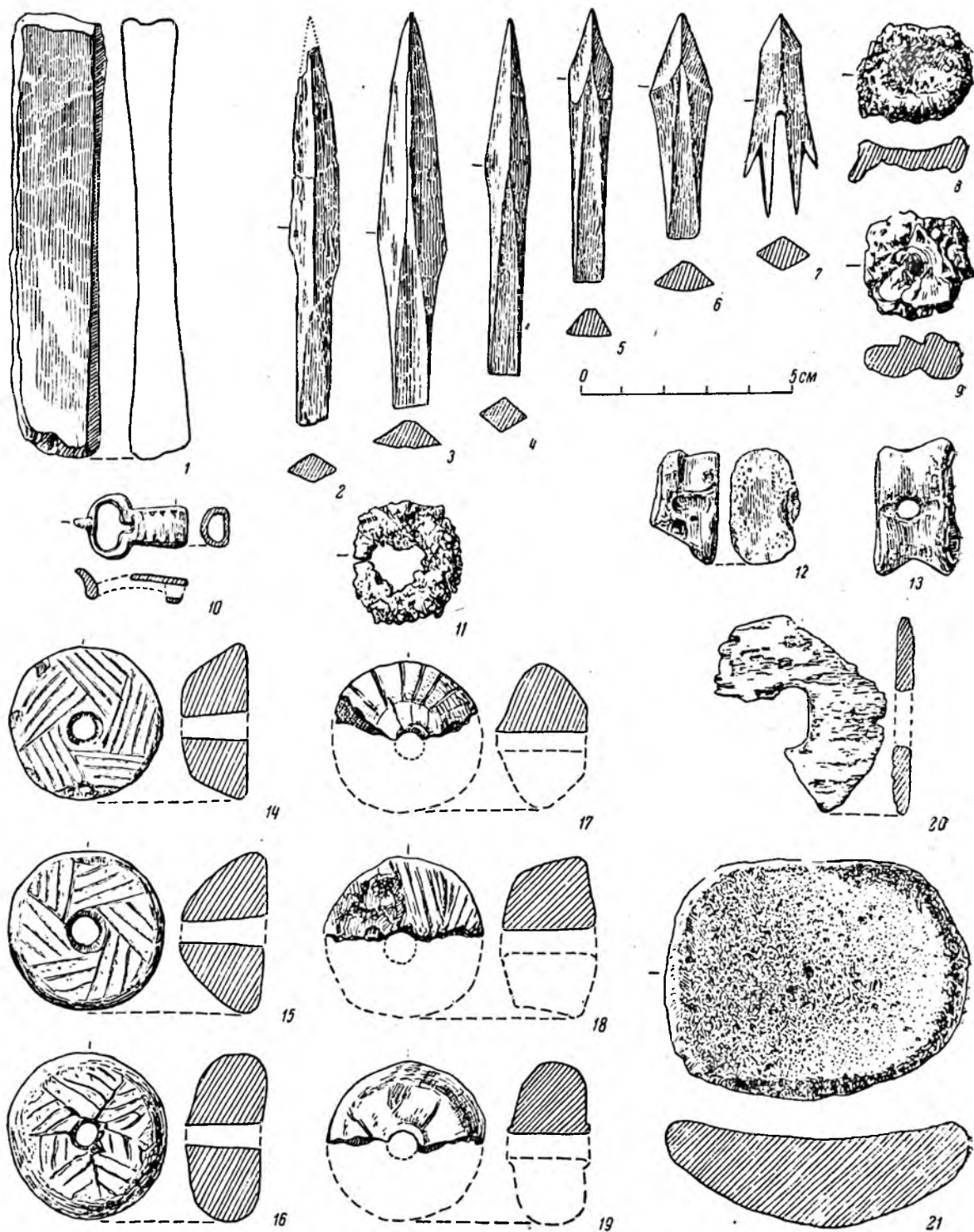

Табл. XXXIII. Вещи из могильника одинцовского этапа в пункте БЕ XII.

1 — мог. 22; 2—9 — мог. 33; 10—21 — почвенный слой могильника. (1, 21 — камень; 2—7, 12, 13, 20 — кость; 8, 9, 11 — железо; 10 — бронза; 14—19 — глина).

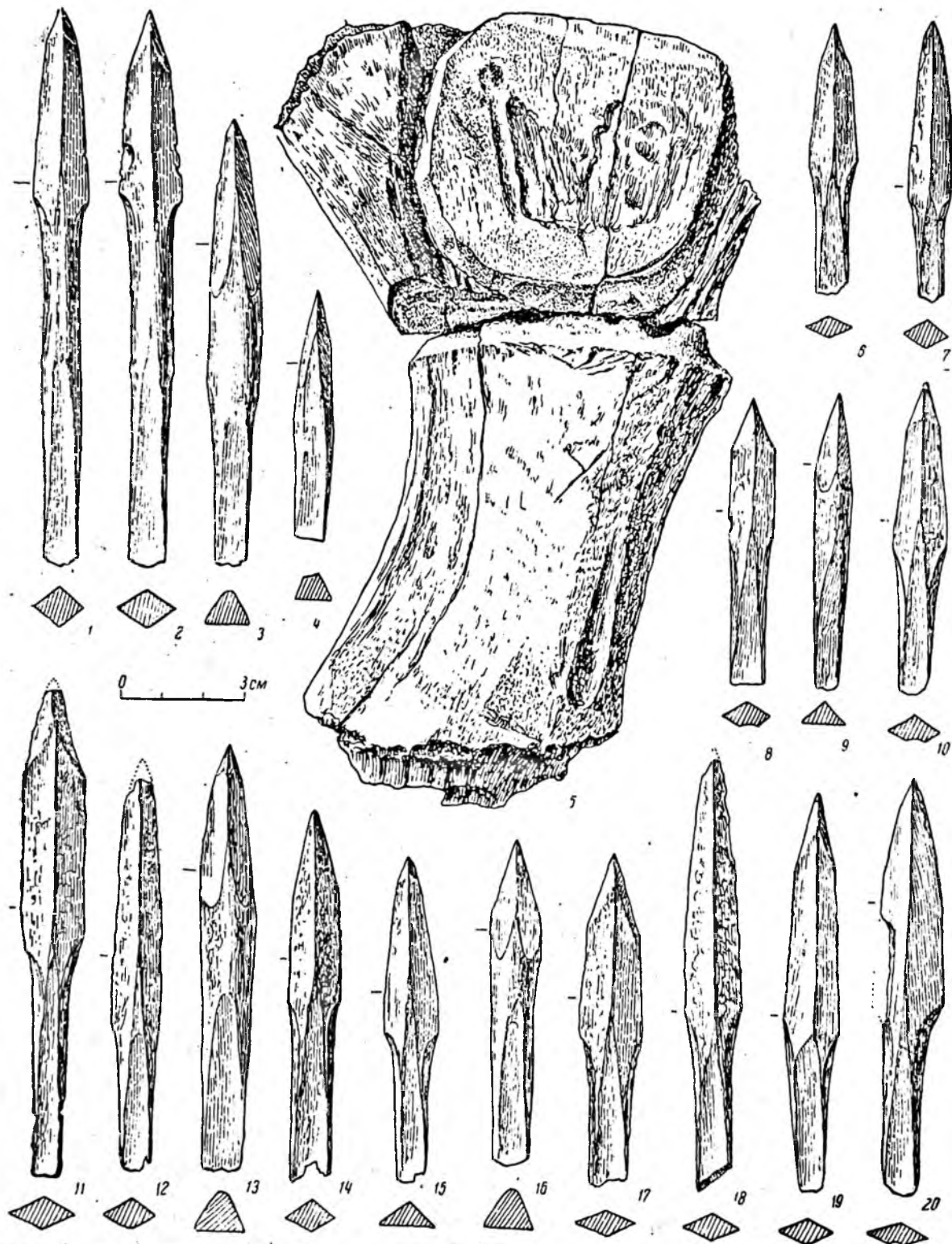

Табл. XXXIV. Вещи из почвенного слоя могильника одиновского этапа в пункте БЕ XII. Кость

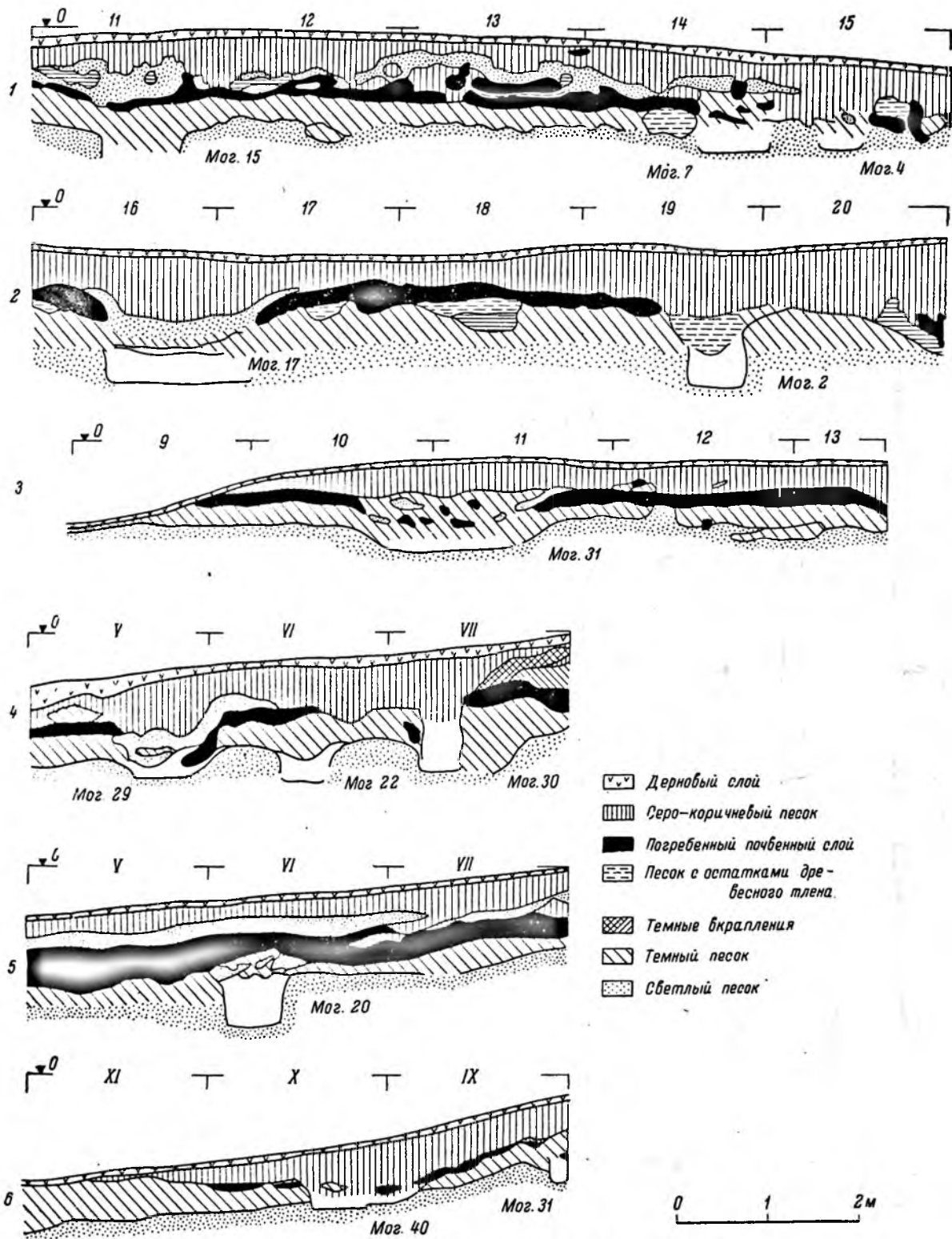

Табл. XXXVII. Разрезы могильника в пункте БЕ XIV.

1, 2 — по границе VII и VIII рядов квадратов; 3 — по границе VIII и IX рядов; 4 — по границе 13 и 14 рядов; 5 — по границе 12 и 13 рядов; 6 — по границе 10 и 11 рядов.

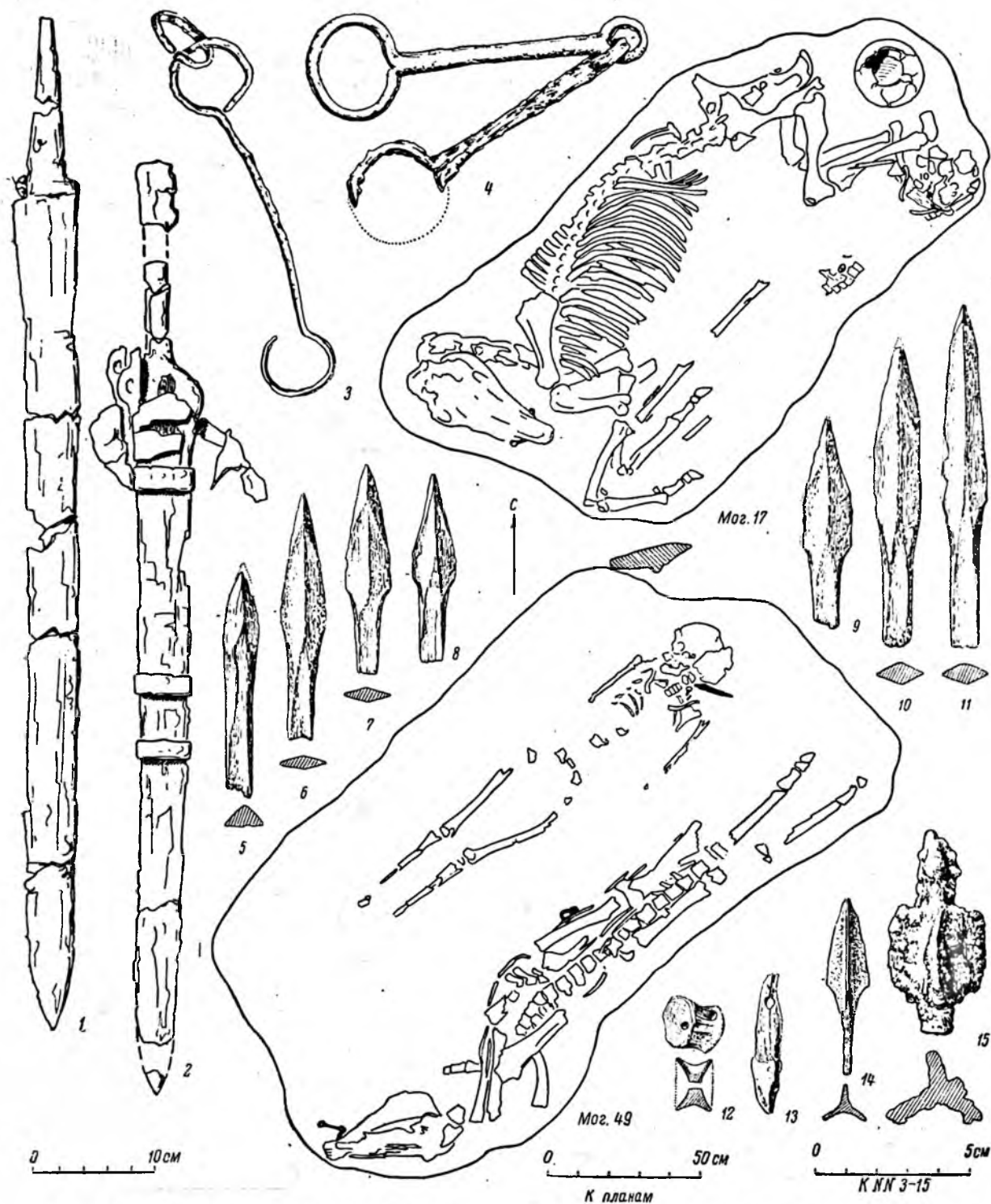

Табл. XXXVIII. Планы погребений и вещи одинцовского этапа из могильников БЕ XII и БЕ XIV.
Пункт БЕ XII: 1 — мог. 18. Пункт БЕ XIV: 2 — мог. 29; 3—15 — почвенный слой могильника (1—4, 14, 15 — железо; 5—13 — кость).

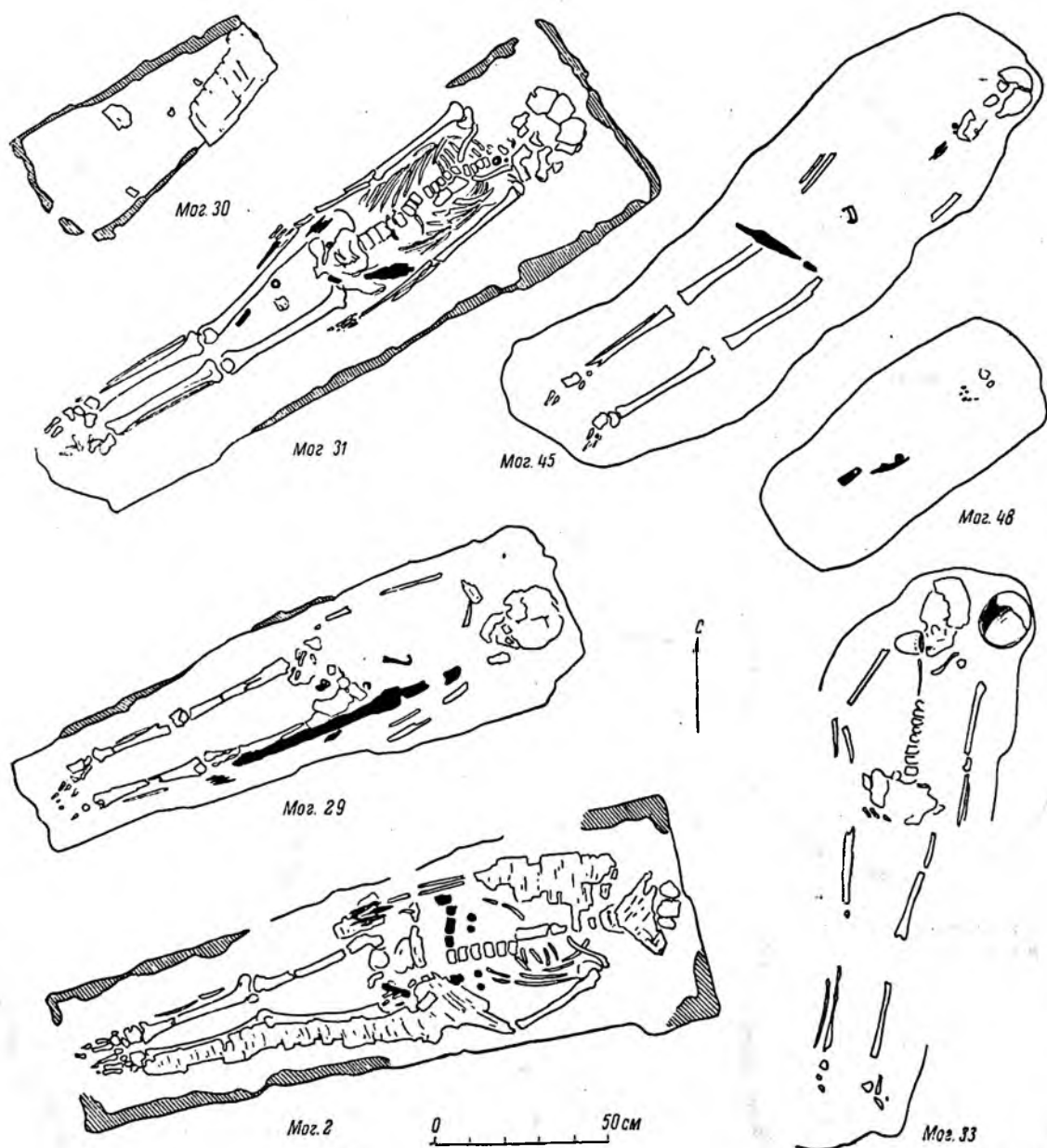

Табл. XXXIX. Планы погребений одиновского этапа в пункте БЕ XIV.

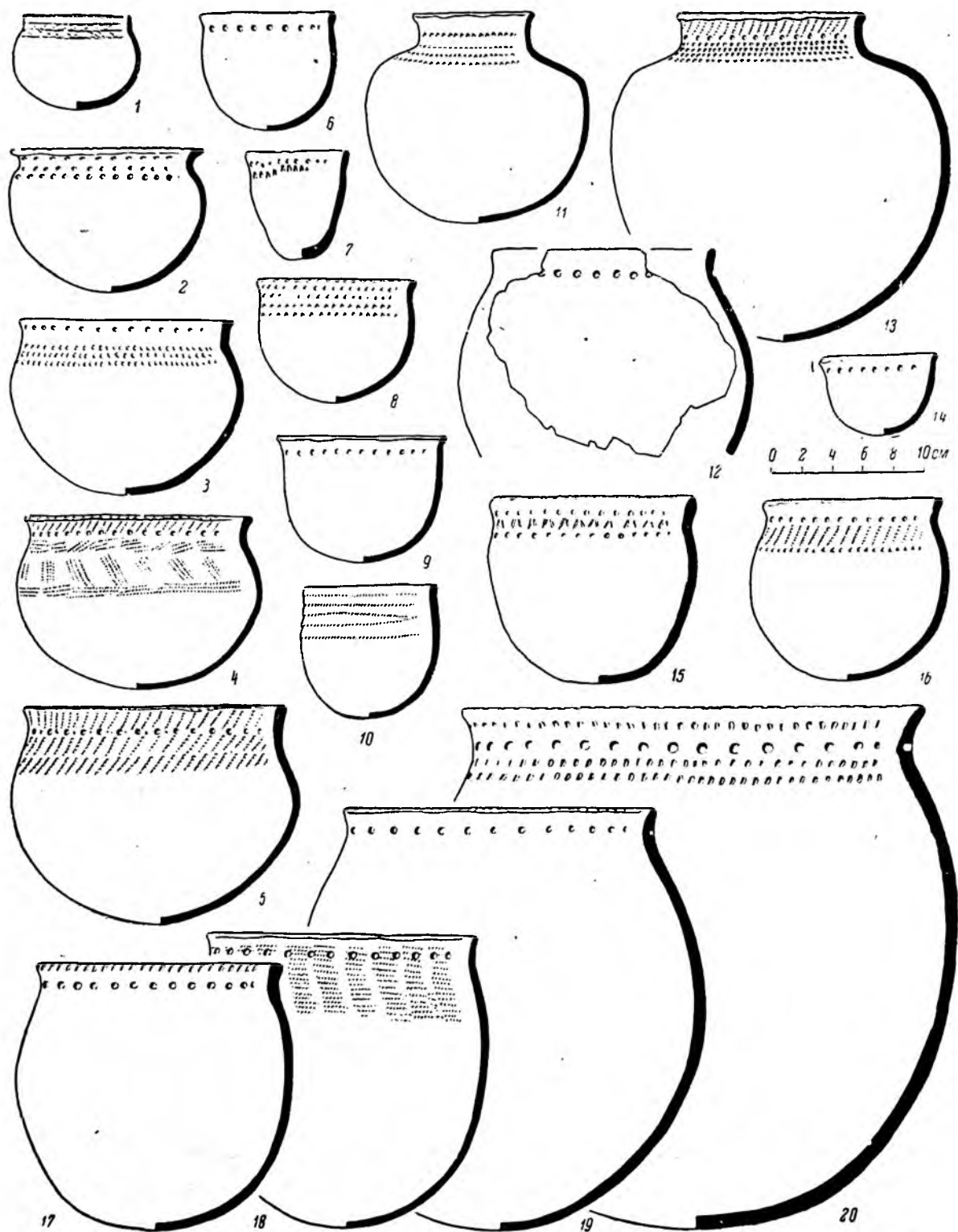

Табл. XL. Глиняная посуда одинцовского этапа из могильника в пункте БЕ XIV.

3 — мог. 40; 7, 16 — мог. 33; 9 — мог. 47; 10 — мог. 24; 13 — мог. 17; 18 — мог. 38; остальные — из почвенного слоя могильника.

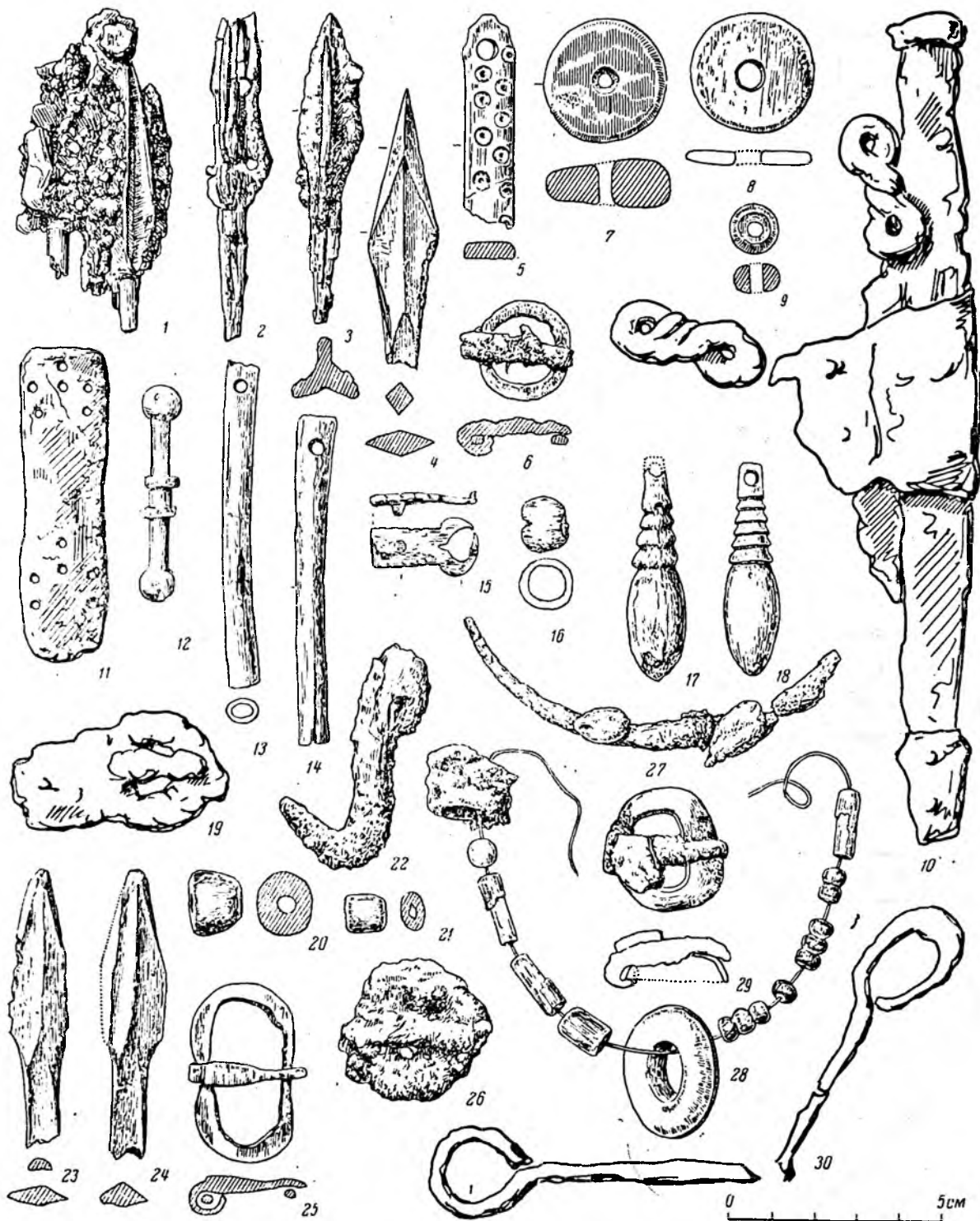

Табл. ХLI. Вещи из погребений одинцовского этапа в пункте БЕ XIV.

1 — мог. 2; 2—10 — мог. 31; 11, 12 — мог. 37; 13—16 — мог. 7; 17 — мог. 30; 18 — мог. 34; 19—21, 26 — мог. 45; 22—25 — мог. 12; 27—30 — мог. 17. (1—3, 10, 11, 19, 22, 26, 30 — железо; 4, 5, 8, 12—14, 16—18, 23, 24 — кость; 7 — янтарь; 6 — бронза и железо; 15, 25, 29 — бронза; 9, 20, 31 — стекло; 27 — медь и раковины каури; 28 — стекло, железо, мрамор).

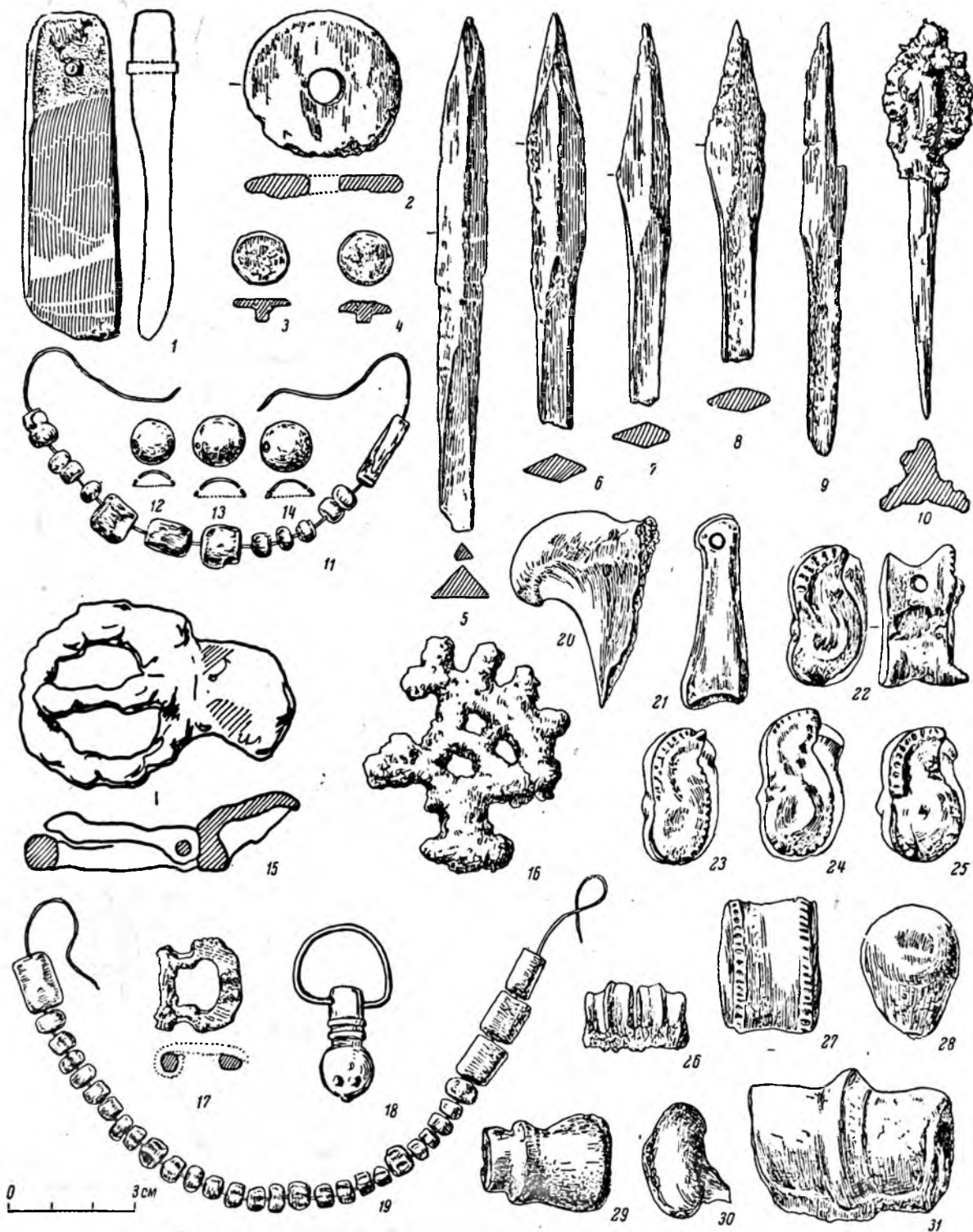
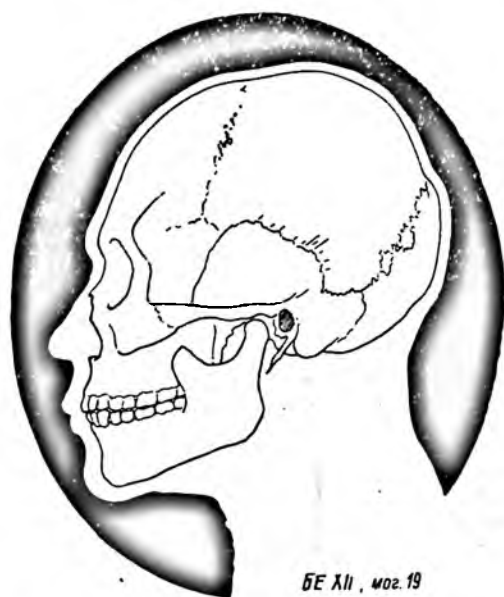
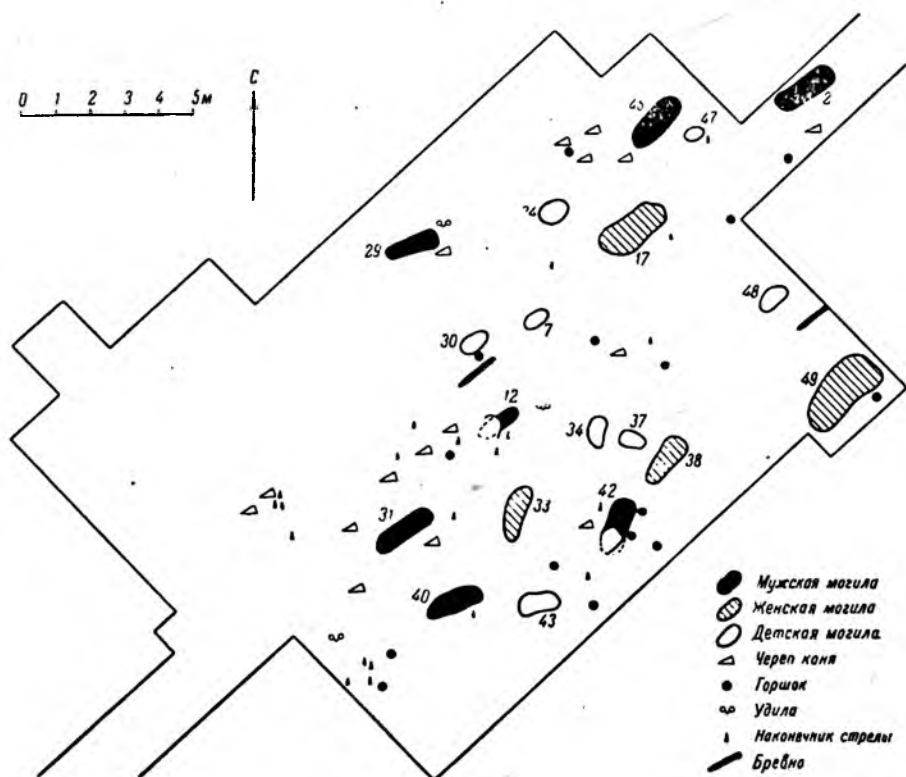
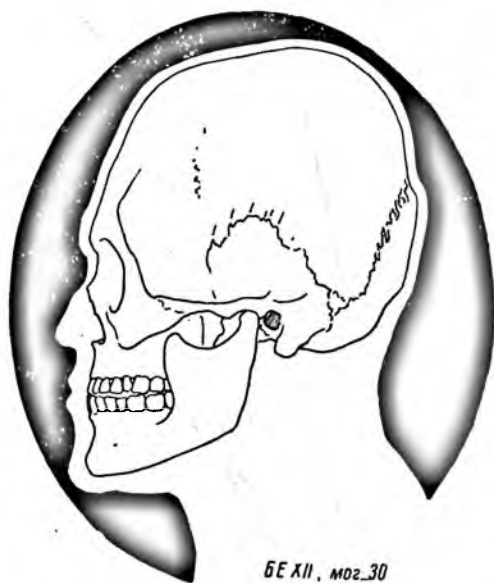

Табл. XLII. Вещи из могильника одинцовского этапа в пункте БЕ XIV.

1 — мог. 48; 2—10 — мог. 40; 11—14, 16 — мог. 42; 15, 17—19 — мог. 49; 20—31 — набор костей, найденный в ямке.
(1 — камень; 2, 5—9, 20—31 — кость; 3, 4, 12—14, 18 — бронза; 10, 15—17 — железо; 11, 19 — стекло).

BE XII, мог. 19

BE XII, мог. 30

Табл. XLIII. План могильника одиновского этапа в пункте BE XIV и деформированные черепа из пункта BE XII.

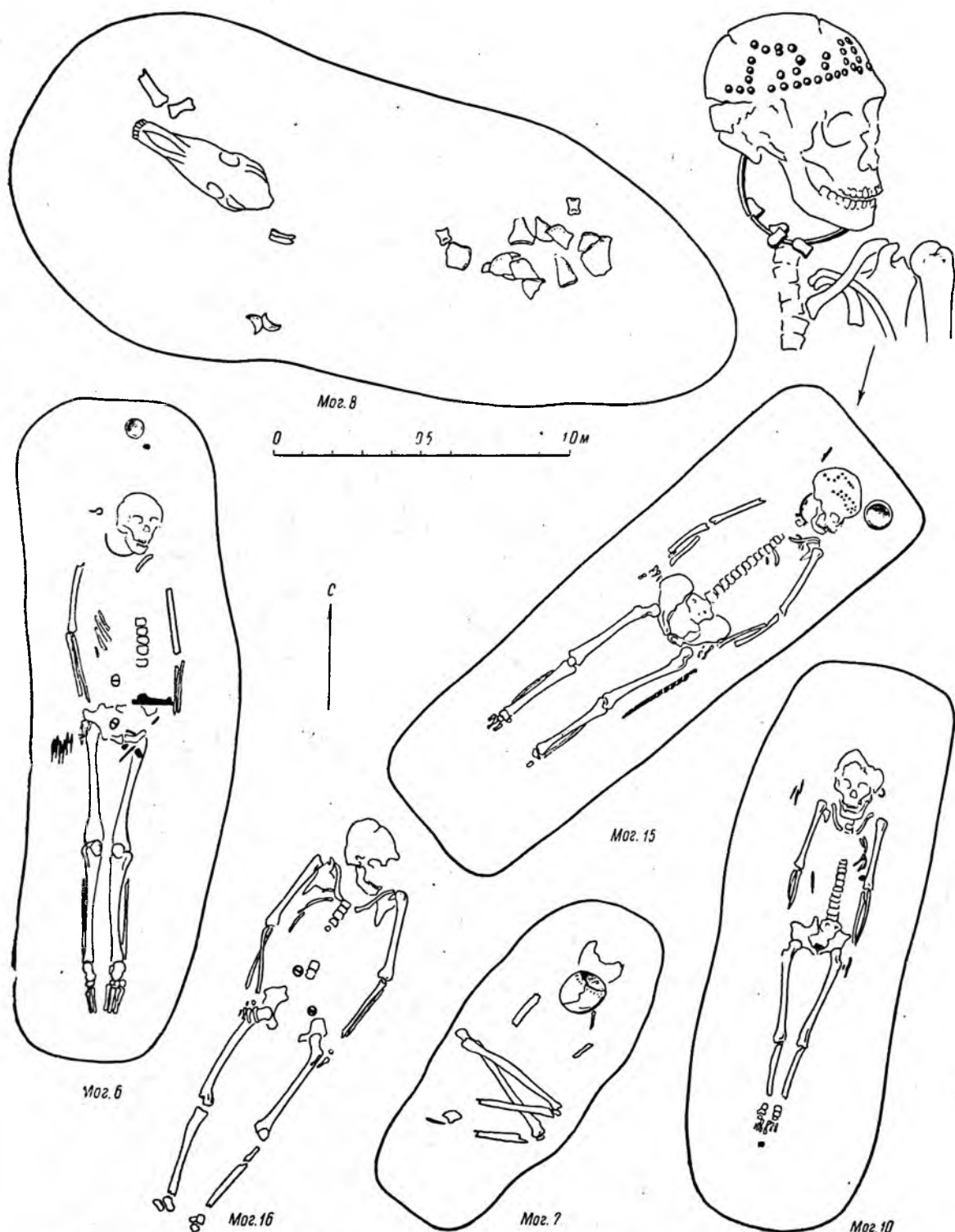

Табл. XLIV. Планы погребений переходного этапа в пункте БЕ III и деталь из мог. 15.

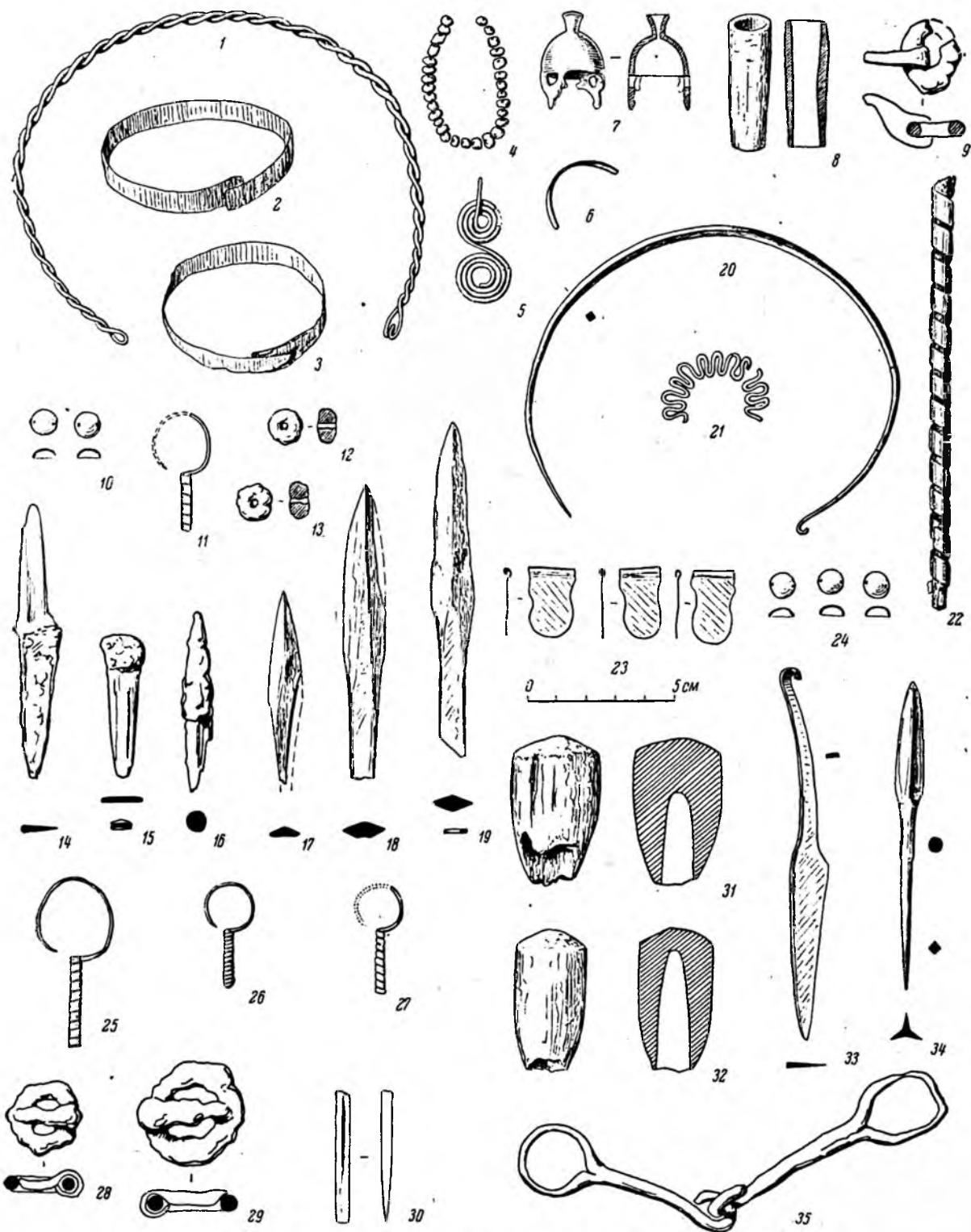

Табл. XLV. Вещи из могильника переходного этапа в пункте БЕ III.

1, 10-19 — мог. 6; 2-9 — мог. 1; 20-24 — мог. 15; 25 — мог. 9; 26 — мог. 10; 27, 30-35 — почвенный слой могильника; 28, 29 — мог. 16. (4 — стекло; 8, 17-19, 31, 32 — кость; 9, 12-16, 28, 29, 33-35 — железо; остальные — бронза).

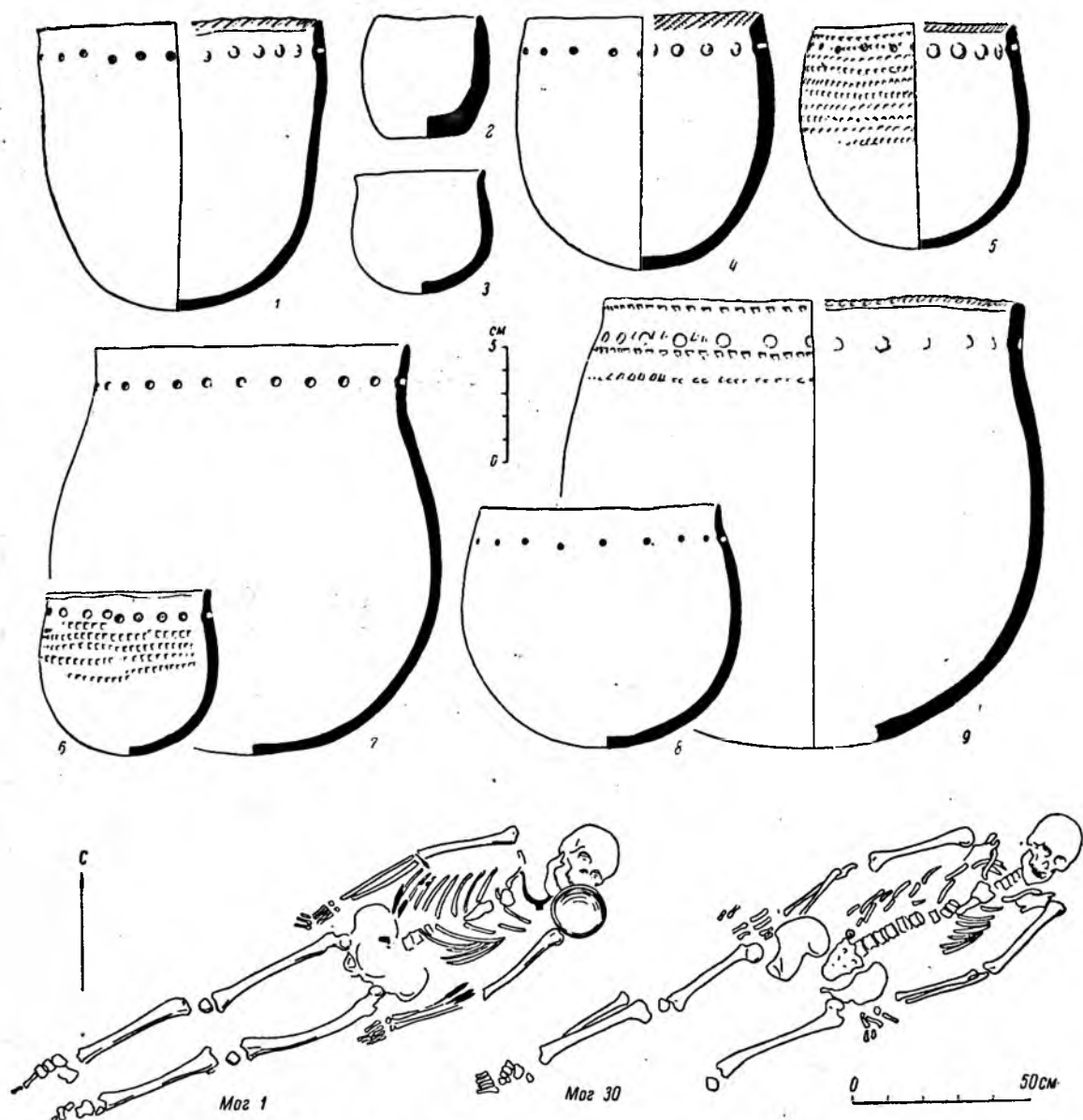

Табл. XLVI. Глиняная посуда из могильника переходного этапа в пункте БЕ IШ и планы погребений переходного этапа в пункте БЕ XII.

1 — мог. 7; 2 — мог. 12; 3 — мог. 6; 4 — мог. 1; 5 — мог. 15; 6 — мог. 17; 7, 8 — мог. 8; 9 — мог. 9.

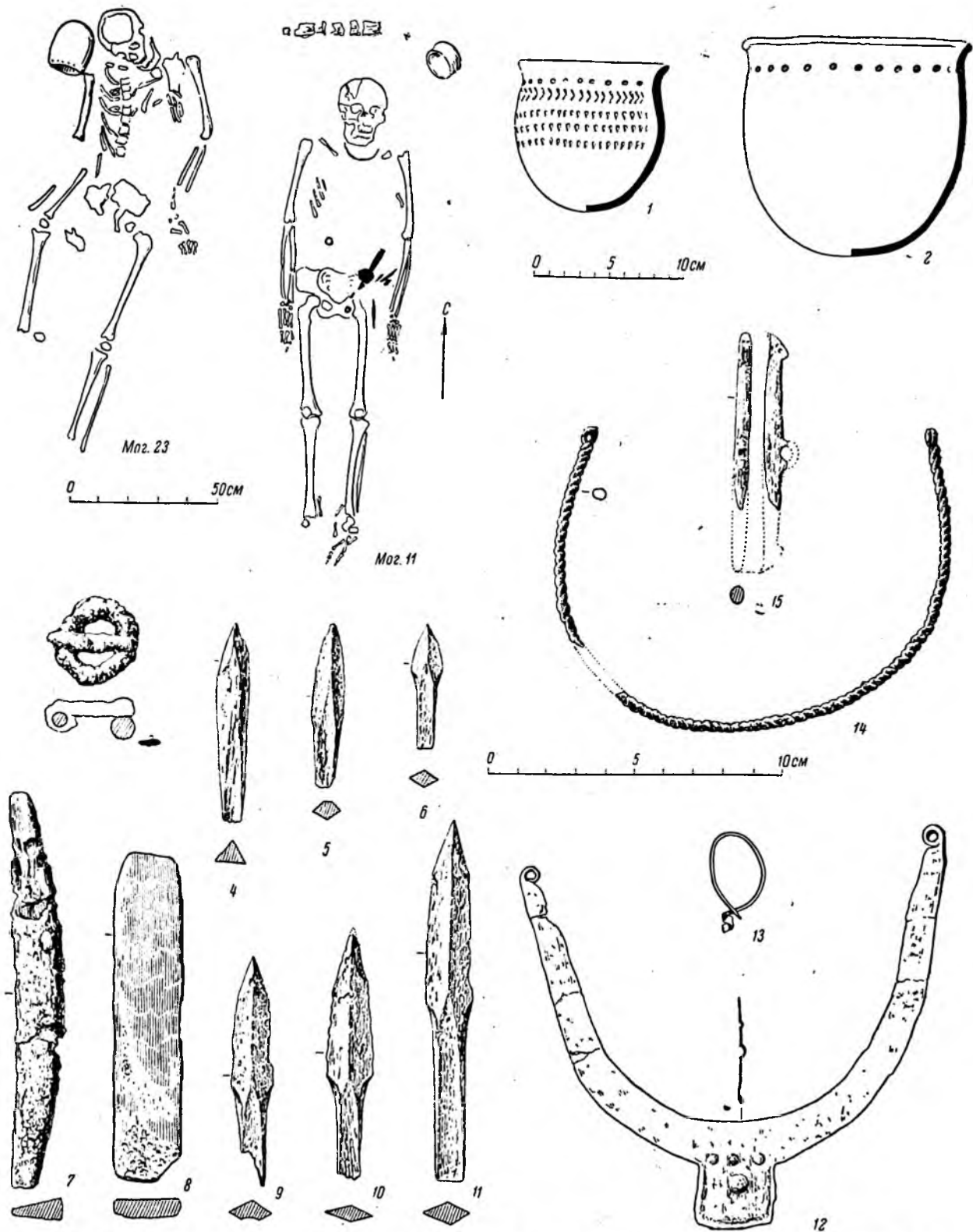

Табл. XLVII. Планы погребений, глиняная посуда и вещи из могил переходного этапа в пунктах БЕ XII и БЕ VII.

Пункт БЕ XII: 1, 4-6, 14, 15 — мог. 11; 2, 7-12 — мог. 1; 3 — мог. 30. Пункт БЕ VII: 13 — мог. 15. (1, 2 — глина; 3, 7 — железо; 4-6, 9-11, 15 — кость; 8 — камень; 12-14 — бронза).

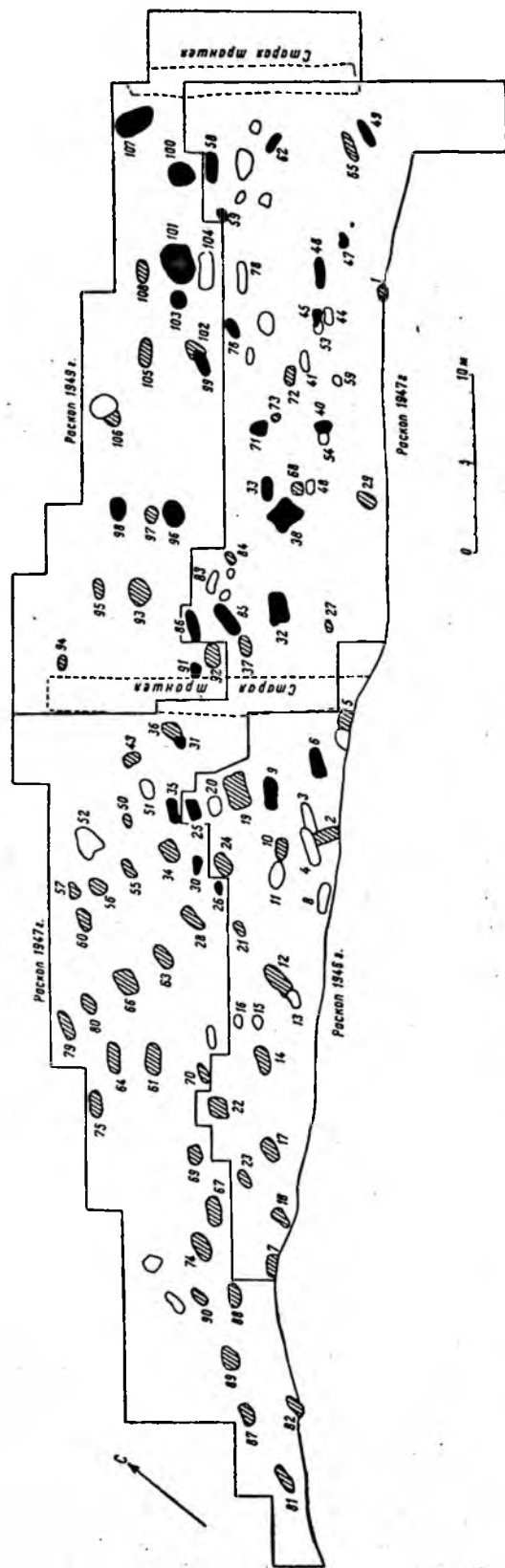

Табл. XLVIII. План могильника в пункте BE VII.

Могилы большереченского этапа заптрихованы, фоминского этапа — черные, других периодов и не датированные — белые.

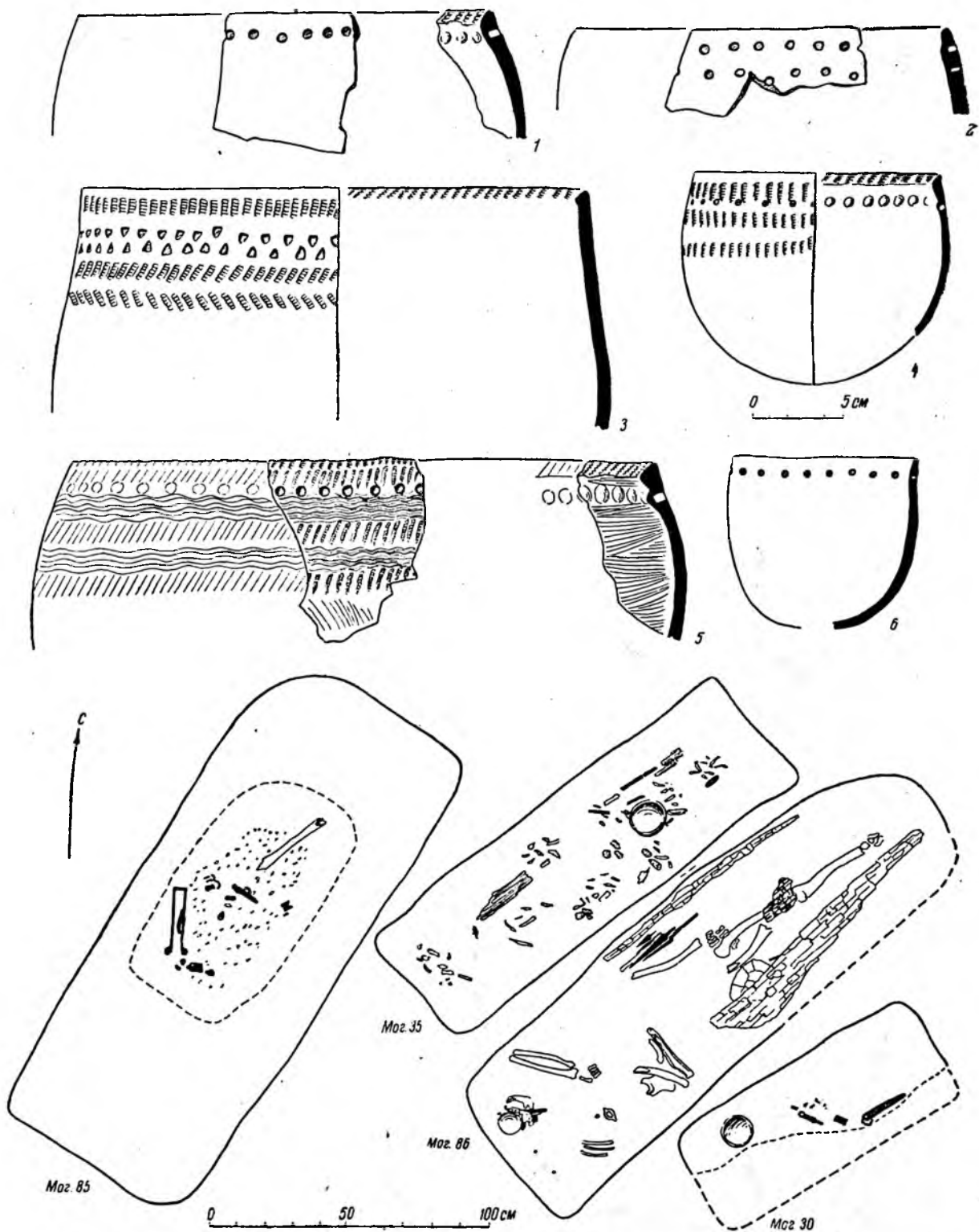

Табл. XLIX. Глиняная посуда из поселения фоминского этапа в пункте БЕ IV (1—5), из могилы 15 в пункте БЕ VII (6) и планы погребений с трупосожжением в пункте БЕ VII.

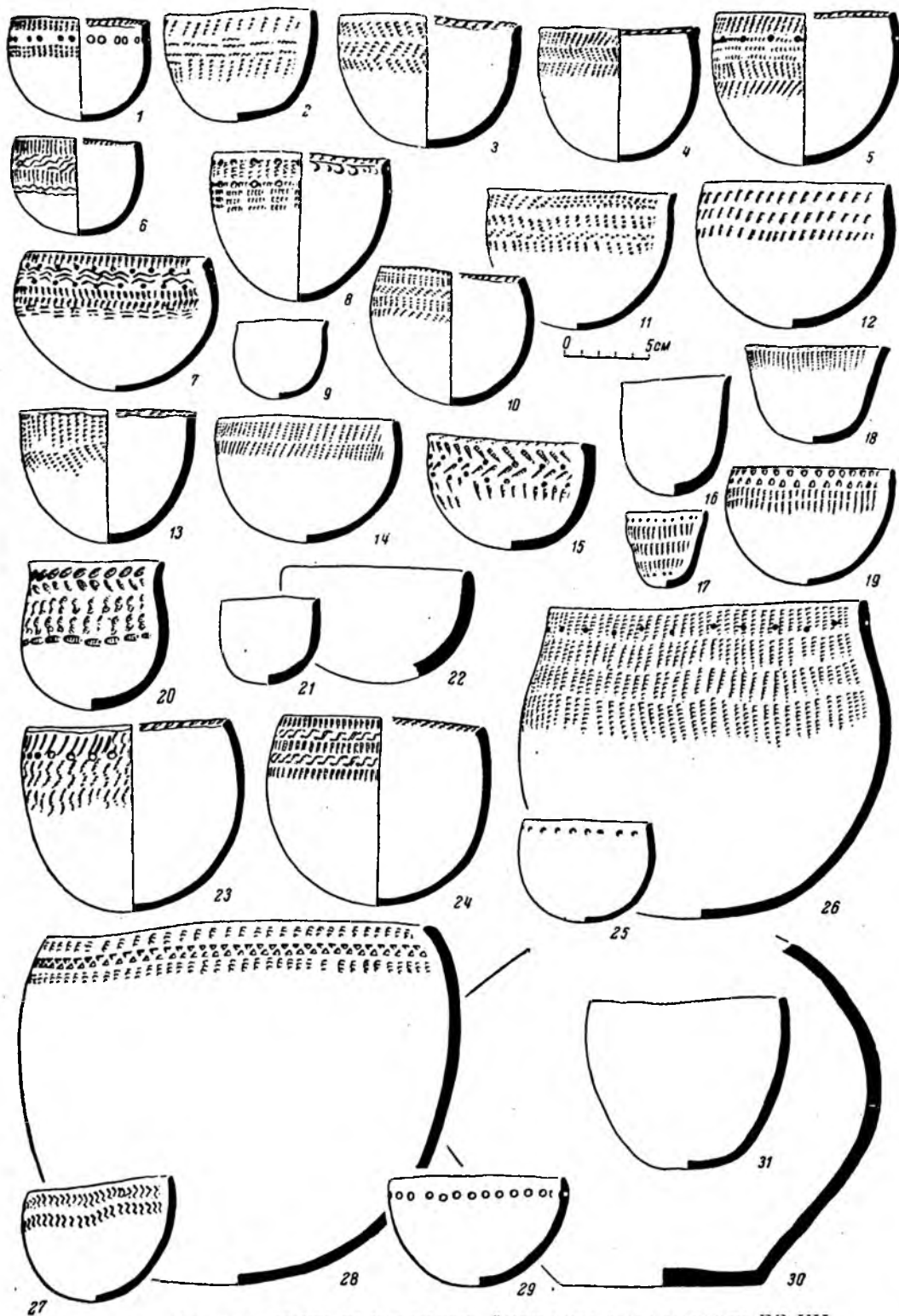

Табл. L. Глиняная посуда из могильника фоминского этапа в пункте BE VII.

1 — мог. 40; 2 — мог. 85; 3, 24 — мог. 98; 4 — мог. 31; 5 — мог. 58; 6, 18 — мог. 38; 7, 15 — мог. 35; 8 — мог. 35; 9, 21 — мог. 48; 10 — мог. 96; 11 — мог. 32; 12 — мог. 26; 13 — мог. 20; 14 — мог. 86; 16 — мог. 62; 17, 19, 29 — почвенный слой могильника; 20 — мог. 107; 22 — мог. 47; 23, 26, 27, — мог. 49; 25 — мог. 9; 28, 30 — мог. 33; 31 — мог. 30.

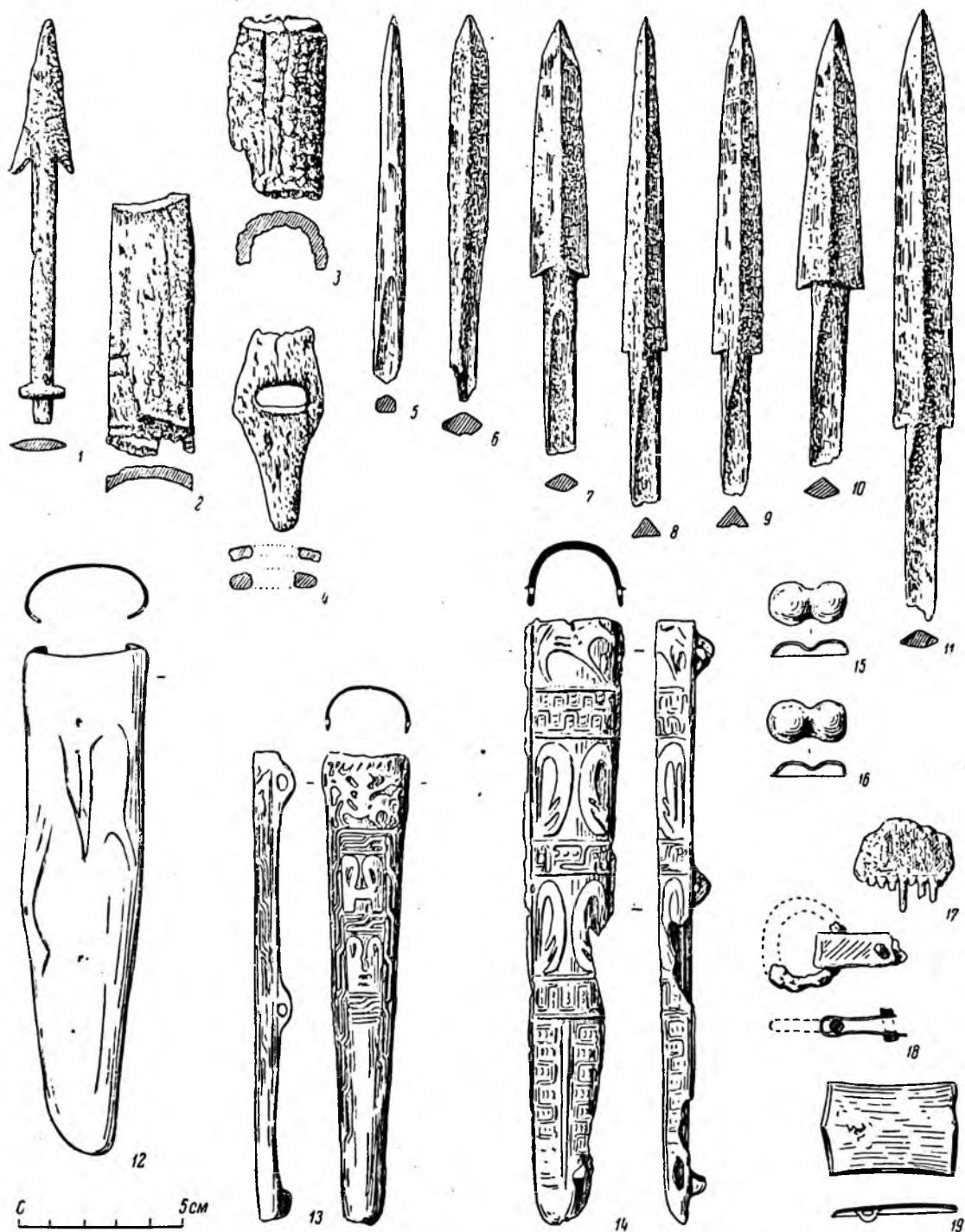

Табл. LI. Венцы из могильника фоминского этапа в пункте БЕ VII.

1—11 — мог. 6; 12 — мог. 58; 13 — мог. 96; 14—19 — мог. 30. (1—11, 17 — кость; 12—16, 19 — бронза; 18 — бронза и железо).

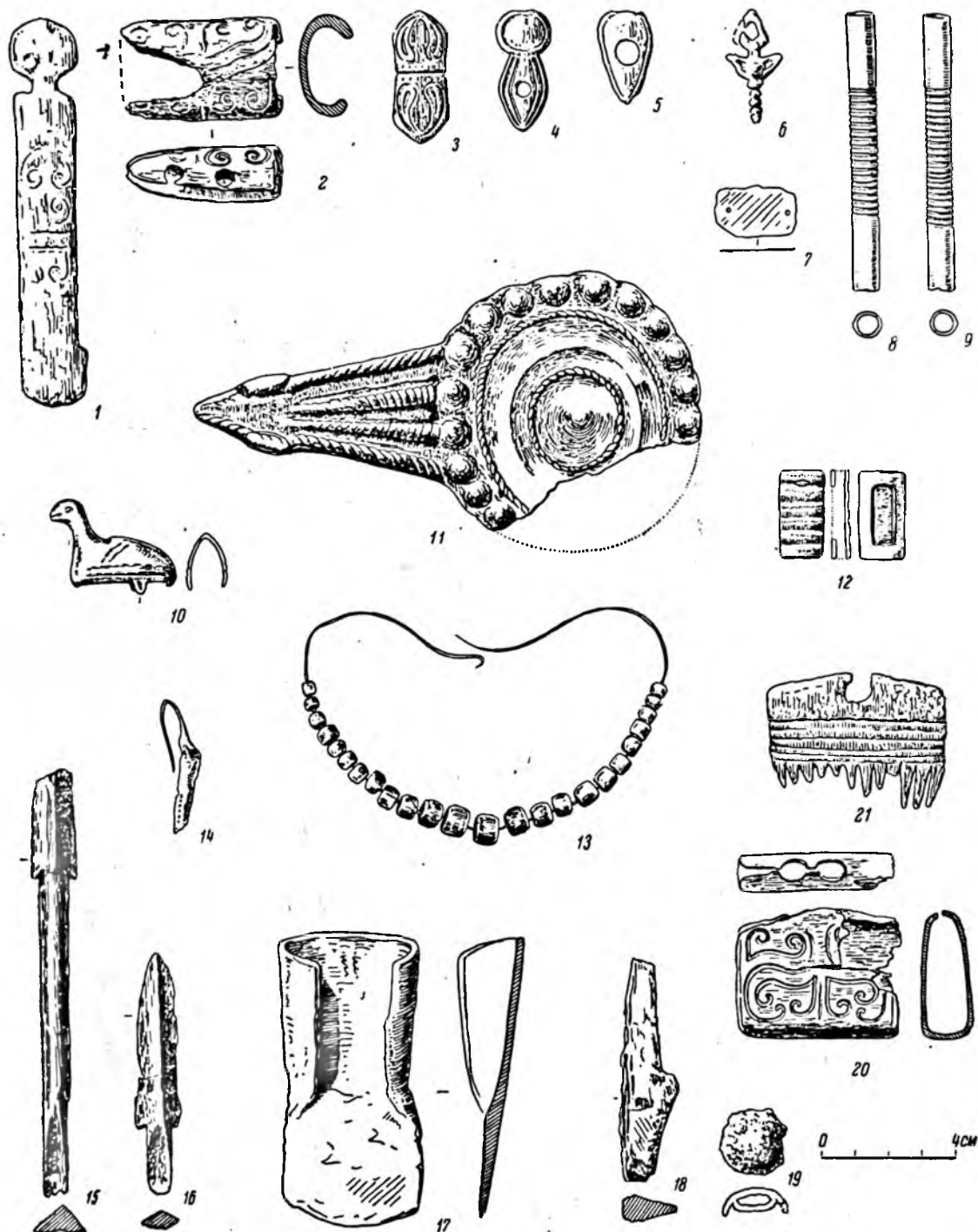

Табл. LII. Вещи из могильника фоминского этапа в пункте БЕ VII.

1—6 — мог. 85; 6—9 — мог. 35; 10—13 — мог. 32; 14 — мог. 38; 15, 16 — мог. 26; 17 — мог. 71; 18, 19 — мог. 31; 20, 21 — мог. 20. (6—12, 14 — бронза; 17—19 — железо; 13 — стекло; остальные — кость).

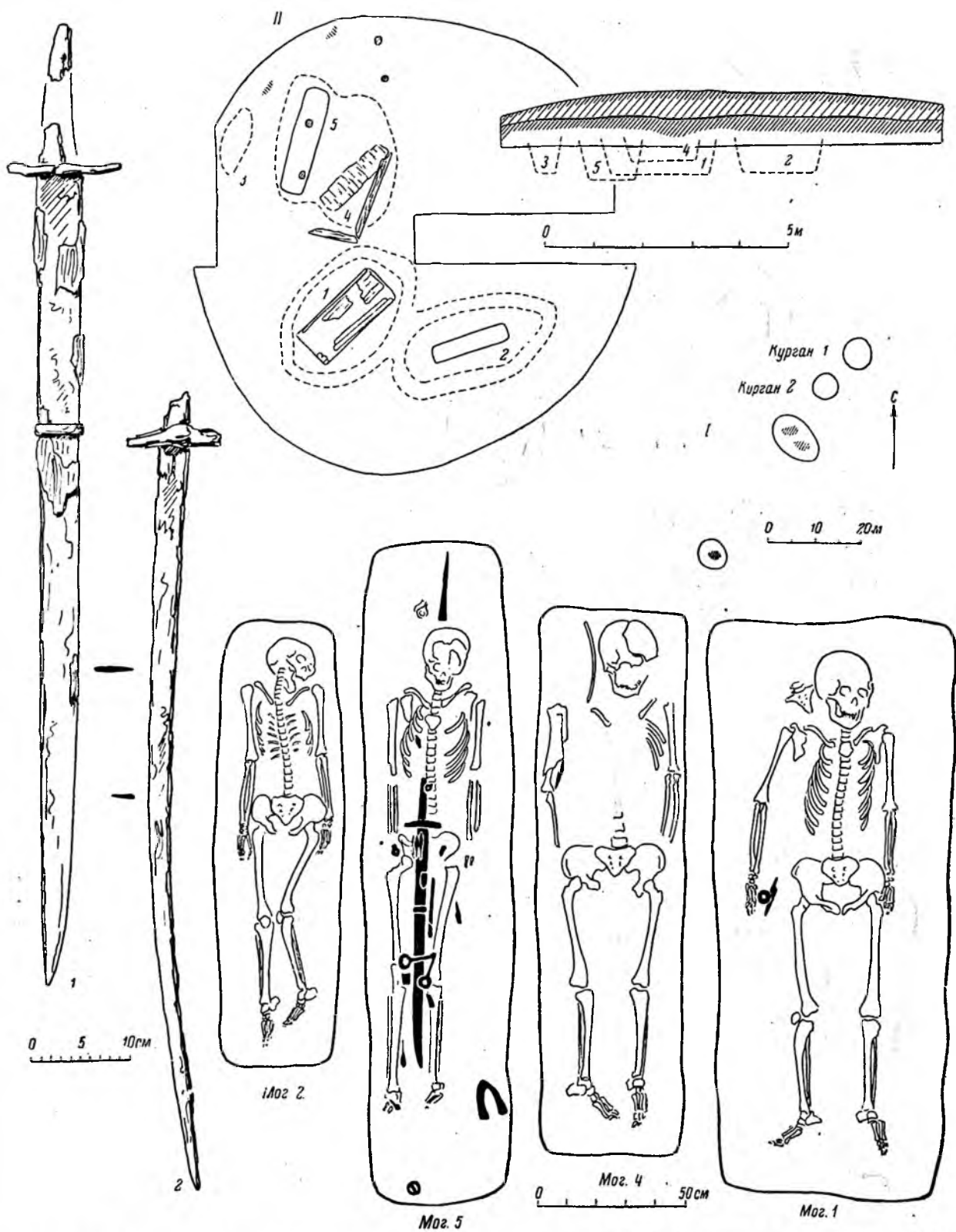

Табл. LIII. План могильника сrostкинской культуры в пункте BE VIII (I); план и разрез кургана 1(II); планы погребений в кургане 1 (могилы 1, 2, 4, 5). (Ориентировка могил в планах погребений не соблюдена).
1, 2 — железные мечи.

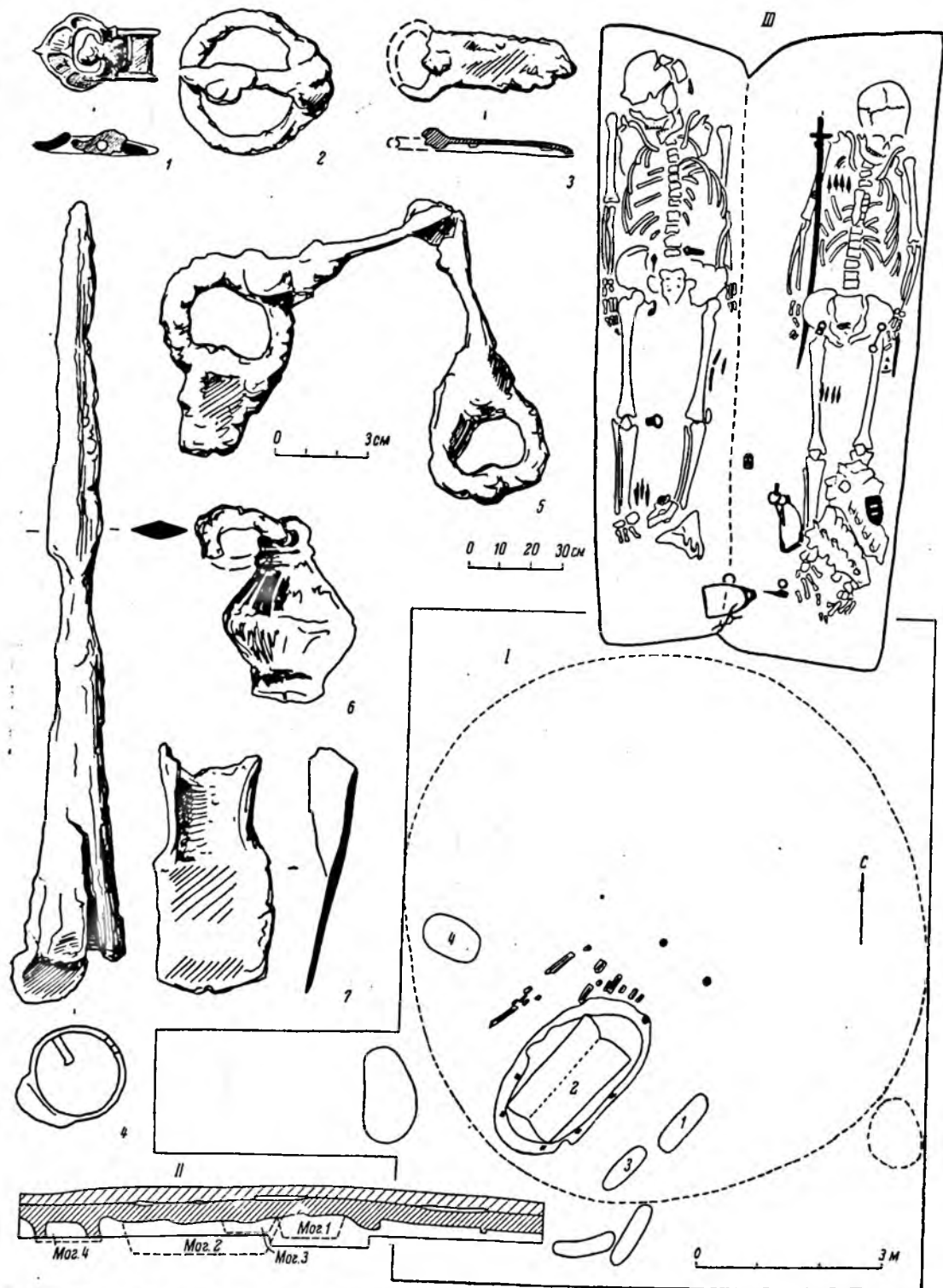

Табл. LIV. Могильник сродкинской культуры в пункте БЕ VIII. План и разрез кургана 2 (I, II) и план могилы 2 в этом кургане (III). (Ориентировка могил в планах погребений не соблюдена). Вещи из могил.

I—6 — кург. 1, мог. 5; 6, 7 — кург. 2, мог. 2. (1 — бронза и железо; 2—7 — железо).

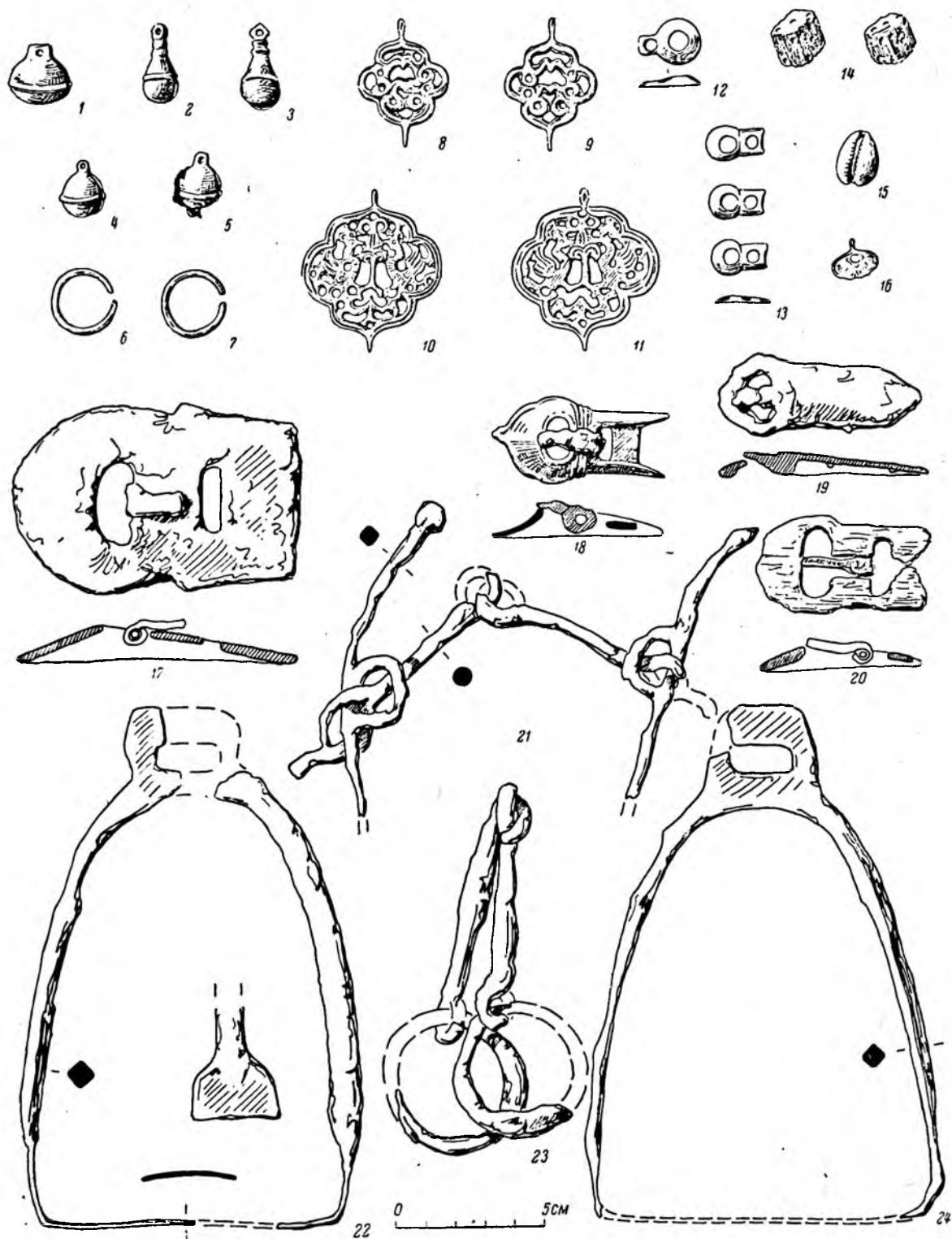

Табл. LV. Могильник сrostкинской культуры в пункте БЕ VIII. Вещи из кургана 2.

1—16 — мог. 3; 17—24 — мог. 2. (1—13, 16 — бронза; 18 — бронза и железо; 14 — кость; 20 — кость и железо; 15 — раковина каури; 17, 19, 21—24 — железо).

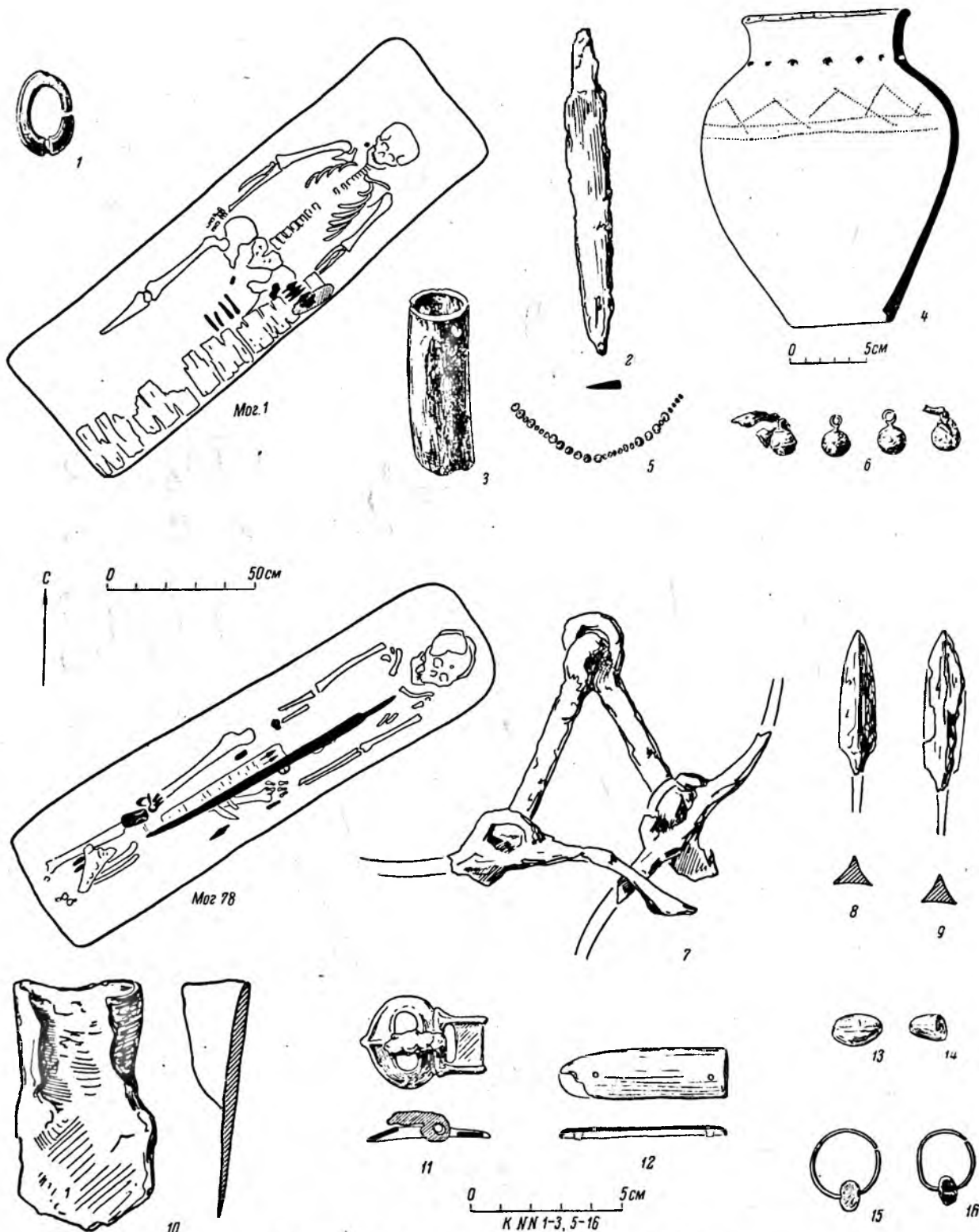

Табл. LVI. Погребения сrostкинской культуры.

Курганы в пункте BE VI: 1, 2, 3 — мог. 5; 4 — мог. 6; 5, 6 — мог. 4. Могилы в пункте BE VII: 7—12 — мог. 78; 13—16 — мог. 41. (1, 6, 12 — бронза; 4 — глина; 11 — бронза и железо; 2, 7—10 — железо; 8, 13, 14 — стекло; 15, 16 — бронза и стекло; 3 — кость).

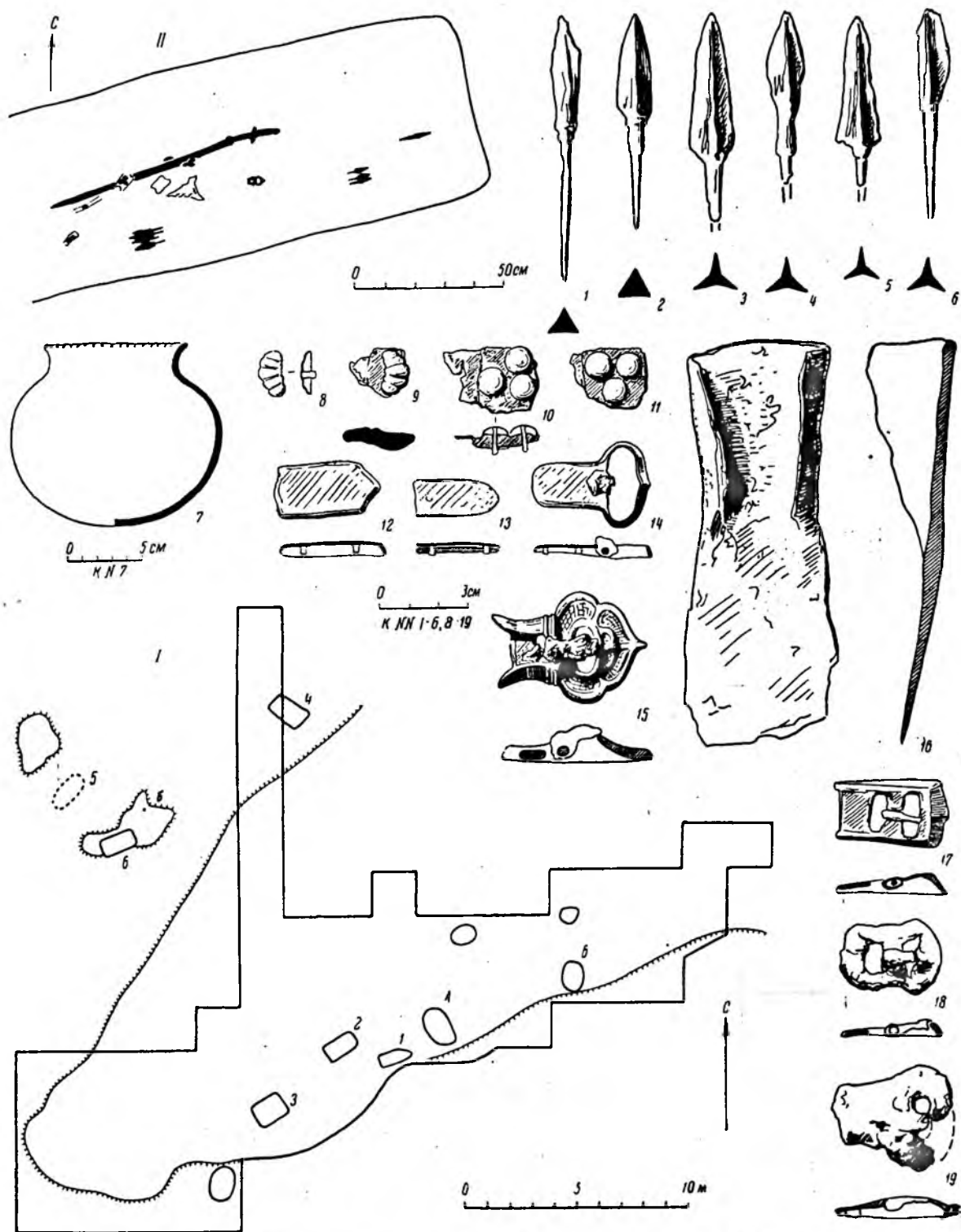

Табл. LVII. Могильник сrostкинской культуры в пункте БЕ V.

I — план могильника; II — план могилы 6; 1—15 — вещи из могилы 6; 16—19 — находки на поверхности. Остальные пояснения в тексте. (1—6, 16, 18, 19—железо; 8—13, 17—бронза; 14, 15 — бронза и железо; 7 — глина).

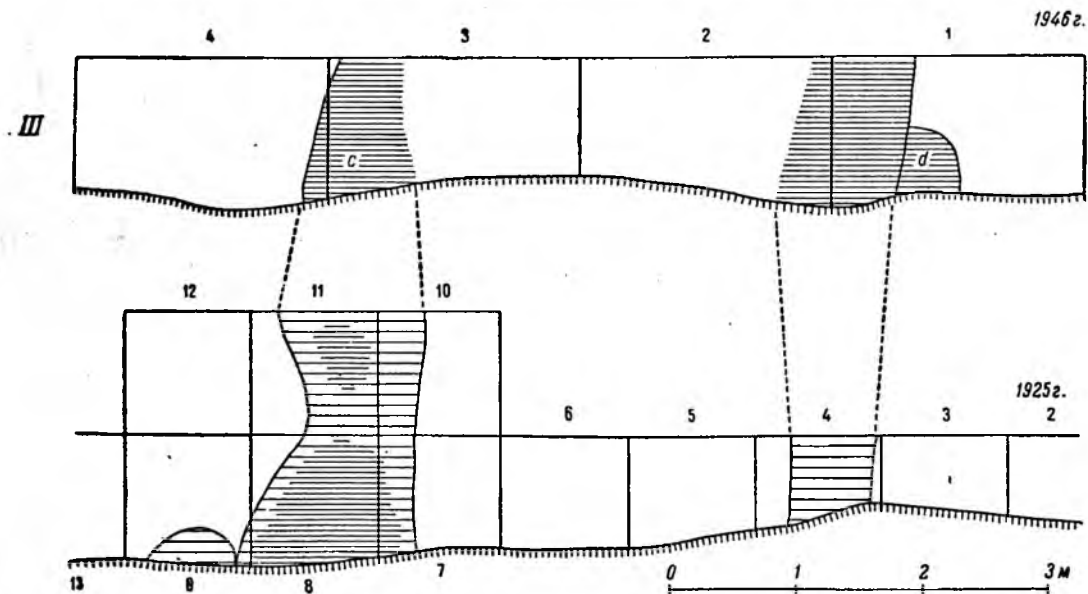
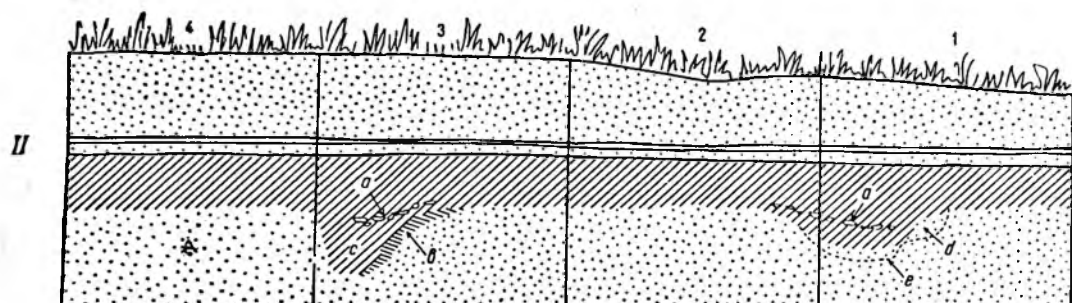
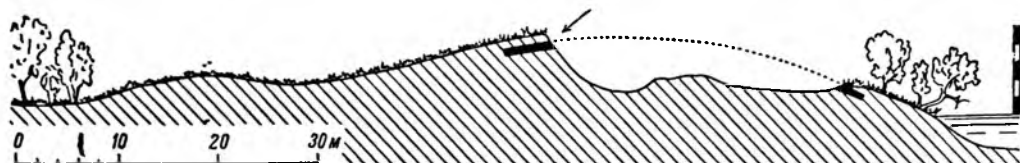

Табл. LXIII. Поселение первой половины II тысячелетия н. э. в пункте БЕ II.

I — разрез дна; II — разрез культурного слоя; III — план остатков жилища. а — кости животных; е — кости и чешуя рыб; с — западная канава; е — восточная канава; d — яма.

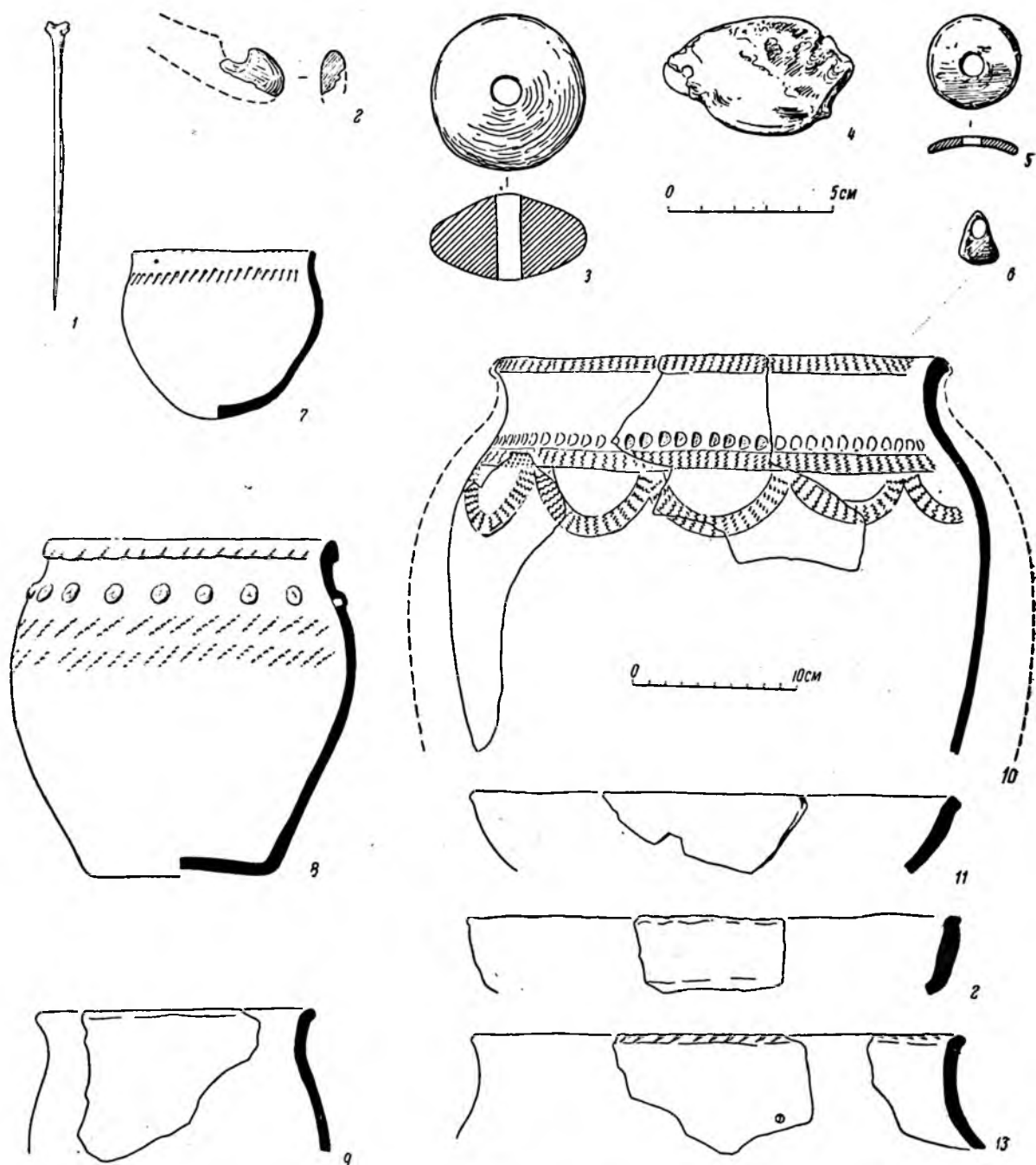

Табл. LIX. Вещи и глиняная посуда из поселения, могильника и кургана первой половины II тысячелетия н. э.

1—3, 9—13 — поселение в пункте БЕ II; 4—7 — мог. 4 в пункте БЕ VII; 8 — курган 1 в пункте БЕ IX.
(1—2 — кость; 3, 7—13 — глина; 4 — раковина; 5, 6 — стекло).

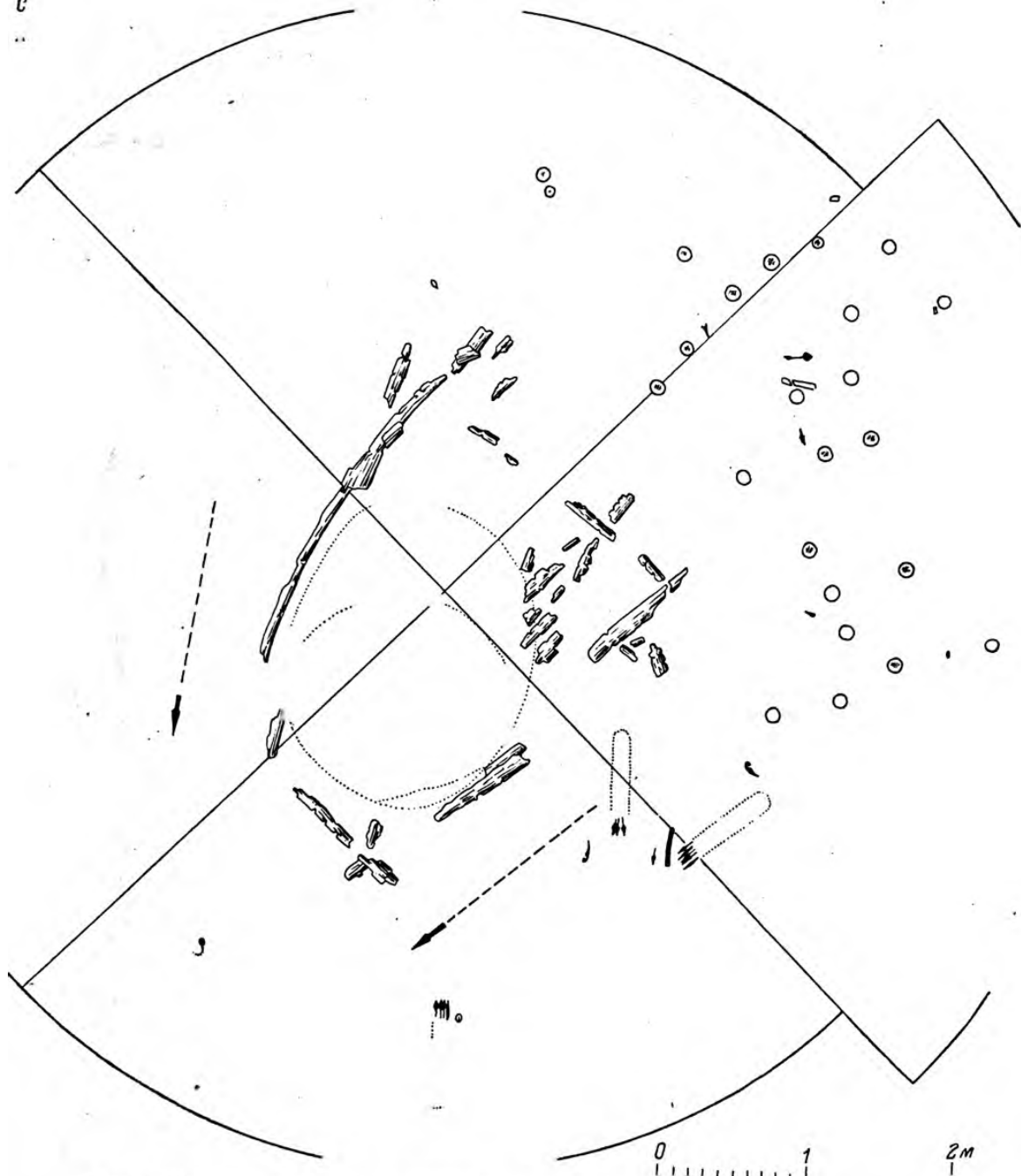

Табл. LX. План кургана 1 в могильнике первой половины II тысячелетия н. э. в пункте БЕ IX.

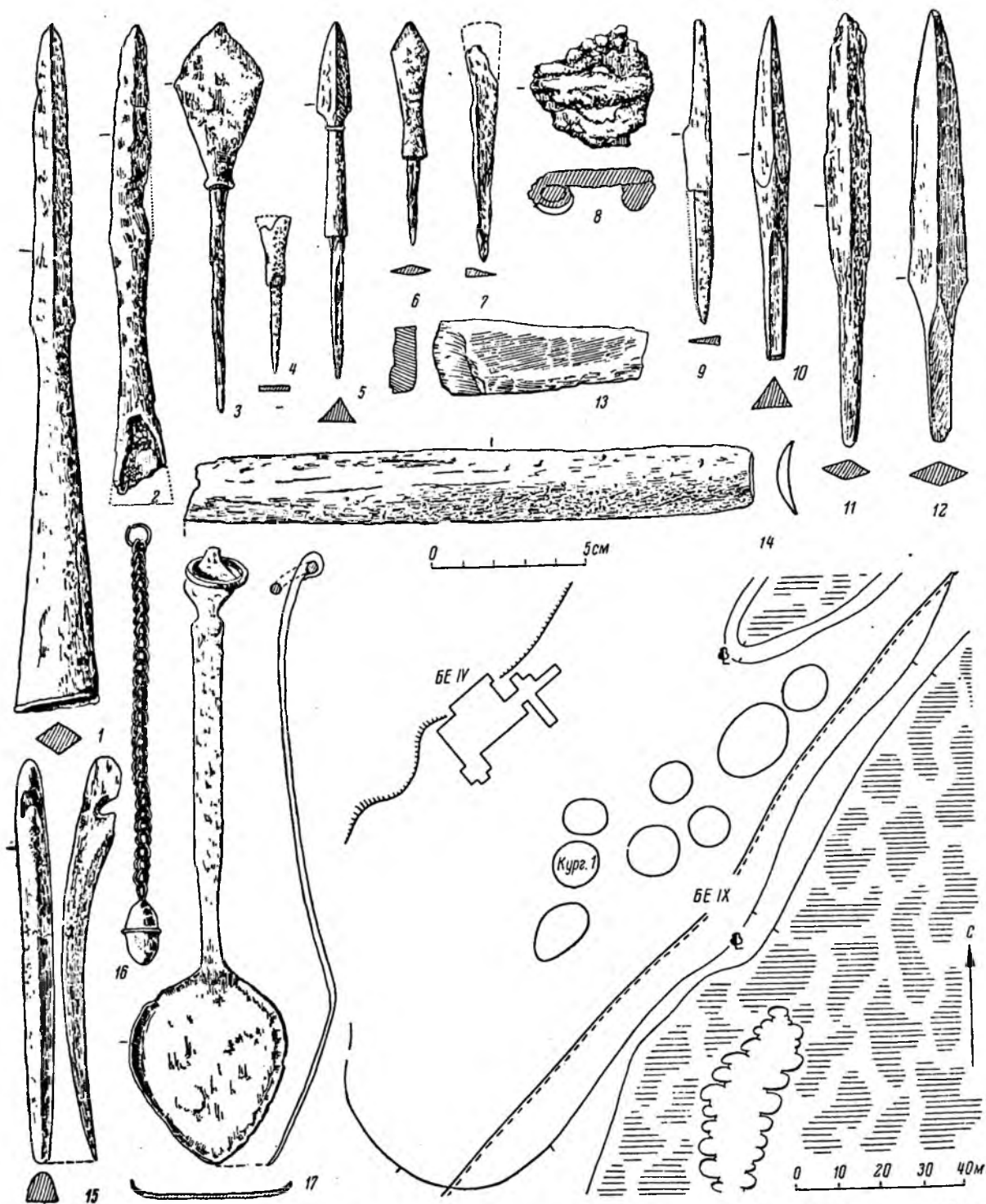

Табл. LXI. План могильника первой половины II тысячелетия н. э. в пункте БЕ IX (курганы изображены в масштабе белыми кругами и овалами) и вещи из кургана 1. (1-9, 17 — железо; 10-12, 14, 15 — кость; 13 — камень; 16 — серебро).

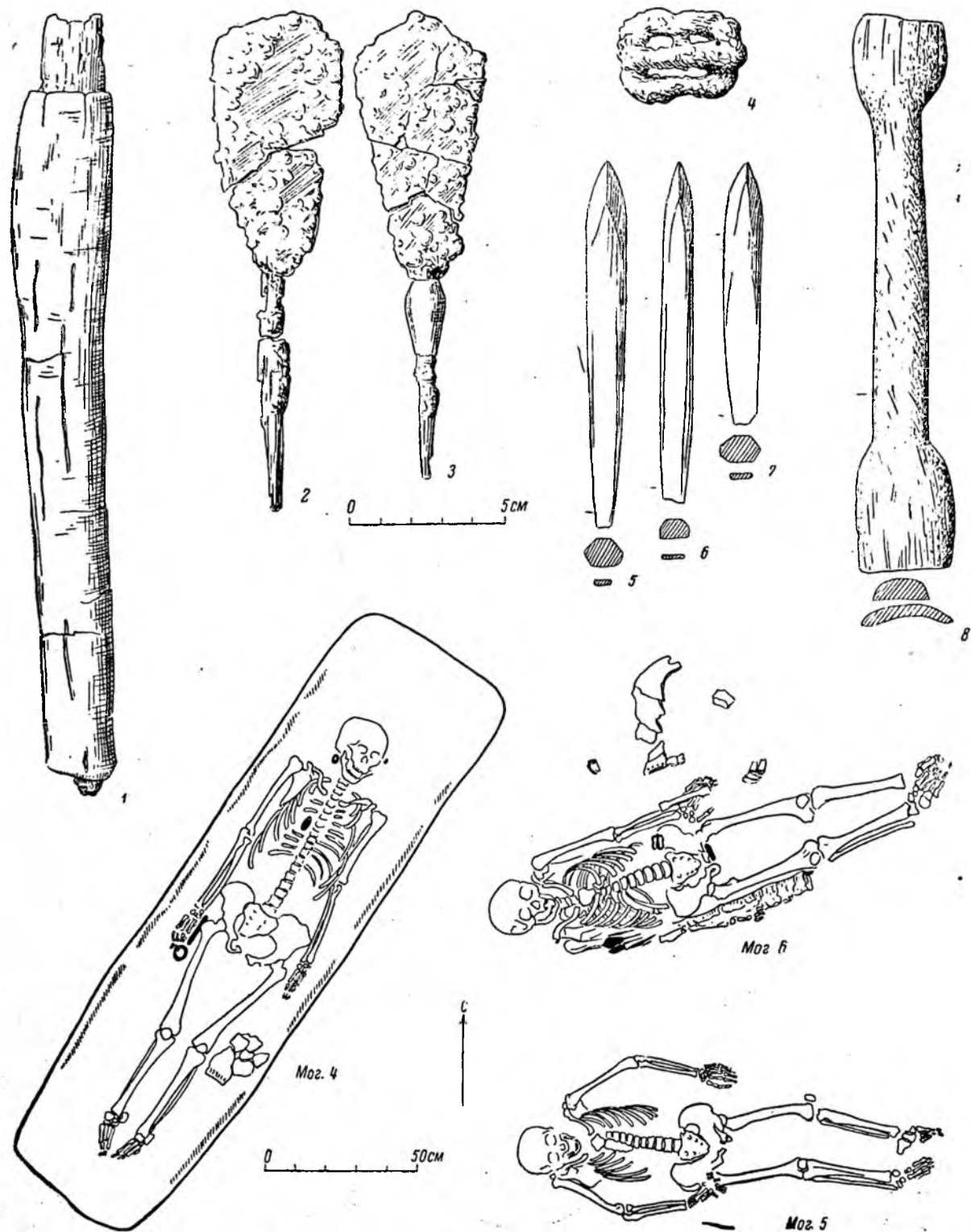

Табл. LXII. Планы погребений первой половины II тысячелетия н. э. в пункте БЕ VII (мог. 4) и БЕ XIV и вещи из могил.

1 — мог. 8; 2—8 — мог. 6. (1 — береста, железо, дерево; 2—4 — железо; 5—8 — кость).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Местонахождение исследованных памятников	9
Глава II. Андроновская культура	14
Памятники	—
Датировка	17
Культура	20
Глава III. Карасукская эпоха	26
Памятники	—
Датировка	31
Культура	41
Глава IV. Большереченская культура	44
Большереченский этап	—
Памятники	45
Датировка	67
Культура	72
Бийский этап	85
Памятники	—
Датировка	89
Культура	90
Березовский этап	92
Памятники	—
Датировка	96
Культура	97
Глава V. Верхнеобская культура	99
Одинцовский этап	100
Памятники	—
Датировка	109
Культура	114
Переходный этап	117
Памятники	—
Датировка	121
Культура	124
Фоминский этап	126
Памятники	127
Датировка	133
Культура	140
Глава VI. Сросткинская культура	145
Памятники	—
Датировка	150
Культура	151
Глава VII. Второе тысячелетие н. э. (первая половина)	153
Памятники и их датировка	—
Культура	156
Литература	158
Принятые сокращения	161
Приложение. Таблицы рисунков и чертежей археологических памятников, исследованных на Ближних Елбанах близ с. Большая Речка	163

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР*

•

Редактор Издательства *Л. М. Питкин*
Технический редактор *А. А. Кирнарская*
Корректоры *А. И. Бартулева* и *Н. И. Тарноградская*

•

РИСО АН СССР № 114—82В. Подписано к печати 7/V 1956 г. М-09212. Бумага 84×108/16.
Бум. л. 7¹/₈. Печ. л. 23.37. Уч.-изд. л. 23.22.
Тираж 1600. Зак. № 517. Цена 16 р. 45 к.

1-я тип. Изд. АН СССР. Ленинград, В. О.,
9 линия, дом 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Должно быть
21	Левая	3 снизу	костных	костяных
25	Правая	3 сверху	1781,	1786,
29	Левая	23 »	1951,	1952,
31	Правая	Подпись к рис. 8	4,5 — кость;	3 — камень; 5,6 — кость;
50	Левая	3—4 сверху	пола и землянки.	пола землянки.
58	»	14 »	ССВ.	СЗ.
65	Правая	4 »	стен.	стои.
75	Левая	12 снизу	(землянка 3),	(землянка 2),
76	Правая	15 »	стенка	спинка
92	Левая	13 сверху	С. М. Смирнова,	С. М. Сергеева,
108	»	12 »	жертвенно	жертвенной
140	»	14 снизу	ножи,	ножны,
Табл. XLII	»	1 »	10, 15—17 — железо;	10, 15, 16 — же- лезо; 17—бронза;
Табл. LV	»	2 »	1—13, 16—бронза;	1—5, 12—серебро; 6—11, 13, 16 — бронза